

Василий Каталкин

МАЛЕЦ

Annotation

Перенос сознания из века нынешнего в век семнадцатый. Все остальное как обычно, неумное прогрессорство и всезнайство.

Каталкин Василий
Малец (СИ)

Аннотация

Перенос сознания из века нынешнего в век семнадцатый в тело умственно неполноценного подростка. Россия. Сибирь. Все остальное как обычно, неумное прогрессорство и всезнайство.

Мне снился странный сон — ночь, бушующее пламя вокруг, куда-то бегут люди и изредка мимо проносятся конные с пиками в руках. Вроде бы сон он и есть сон, чего здесь странного? Но не скажите, странно то, что я чувствую сильный жар от пламени, настолько сильный, что еще немного и кожа на лице начнет покрываться волдырями. Чувствуется какой-то дискомфорт, будто тело никак не может найти устойчивого положение, только восстановишь равновесие, как снова теряешь его и снова прилагаешь усилие, чтобы найти устойчивое положение. И гул в голове, который иногда прерывался каким-то скрежещущим звуком. Уточним — раздражающим звуком. Что б его..., какой-то неправильный сон, нехороший, надо проснуться. Хм..., а как это сделать? Тут тело снова вышло из равновесия, картинка перед глазами резко рванула вниз, и я ощутил, как моя голова, словно мячик отпрыгнула от твердой земли. К черту, а вот это уже на сон совсем не похоже.

Бодание с твердой почвой пошло на пользу, не скажу, что в голове сразу просветлело, но вместе с осознанием реальной опасности прорезался еще и звук. Не то, чтобы я раньше ничего не слышал — слышал, но не воспринимал, а теперь он приобрел вдруг объем:

— Васька, дурень, пошли скорее, сгорим ведь!

— А? Что? — Я повернул голову на звук.

Чумазая, зареванная девчонка дергала меня за руку:

— Мамка тебя зовет, давай быстрее! Сгорим!

— Да...

Первая попытка подняться оказалась неудачной, стоило только оторвать руки от земли, как меня снова качнуло, и на сей раз первой с земной твердью познакомилась моя физиономия. Рядом раздался рев бессилия девчушки.

— Не реви! — Рывкнул я ей, отплевываясь от песка, попавшего в рот. Ну, сколько можно? Нервы-то не железные, и так ничего не получается, а тут еще такой раздражающий фактор. — Помоги лучше.

Видимо мое требование достигло ушей девочки, и она мгновенно прекратила выть, вцепившись в меня словно клещ. Уж не знаю, с ее ли помощью или координация немного улучшилась, но мне удалось воздвигнуть себя в нечто близкое к вертикальному положению. Не могу сказать, что дальнейшее передвижение далось легко, меня бросало из стороны в сторону как... сами знаете что в проруби, но общее направление совместными усилиями мы выдерживали. Идти пришлось долго, или мне так показалось, по пути пришлось форсировать несколько мелких кустов кавалерийским наскоком, ибо обойти их никак не получалось, главное дошли. Только вот куда дошли я так и не понял, но как только позволили, тело рухнуло на землю и сознание снова поплыло, как после хорошей попойки.

Воеводе Афанасию Савелову не спалось — вчера опять приехал посыльный из Якутска,

мол, бывший благодетель, Гагарин Иван Петрович, напоминал про то, что хорошо бы было отблагодарить за должность высокую. С одной стороны вроде как и в самом деле надо, не за красивые глаза его воеводой оставили, а с другой... Где там теперь будет этот Гагарин? Не приведи Господи, не сумеет оправдаться и в опалу великую попадет, а дальше ниточка и к нему, нынешнему воеводе потянется. Что тогда? И промолчать не получится, Гагарин не один здесь, в сибирской земле проживает, у него везде свои глаза и уши, если не близкий родственник, то дрУги точно, и не простые там отношения — на деньгУ немалую завязаны.

Афанасий и так и сяк прикидывал, как бы не токмо благодетеля своего задобрить, но и самому по миру не пойти. Ничего не получалось. Оставалось только опять купцов трясти, да содержание служивых в доход изъять, а это опасно. За купчишек можно не волноваться, никто за них не вступится, наоборот радоваться будут, что прищучили, а вот с казачками может получиться худо, вон, в нижней Ангаре, вроде как опять бунт учиняют. В Нерчинске еще при Гагарине недовольство вызрело, уже троих выборных требовать выплаты долгов в Иркутск казачки послали, последнего за малым не пришлось в поруб садить, уж сильно на язык дерзок оказался. И хорошо, что не посадил, потом, как благодаря этому удалось сделать вид, что нанесли ему казачки через своего выборного обиду большую, а раз так, то и не станет он им сразу долги отдавать. Впрочем, все эти уловки ненадолго, вот придет караван из Нерчинска за припасами, все и откроется... или не откроется, и тогда еще год можно будет служивых за нос водить, а там... А что будет там воевода примерно догадывался. Ну и ладно, все равно с такими поборами долго тут не усидишь.

Эх, грехи наши тяжкие. Савелов сел на лавке, и потянулся к кубку стоящим на поставце — в горле сушь, но как только живительная влага погасила разгорающийся в животе пожар, прошиб пот — жарко в избе, надо выйти наружу глотнуть ночной прохлады. Накинув на плечи кожанку, Афанасий толкнул дверь. Да, действительно полегчало. Где-то в темноте во дворе заворочался кобель, звякнув цепью: — Спит себе спокойно зараза, только дорожкой цепью звенит, — незлобно позавидовал воевода животине, — а тут ночь не спишь, думы тяжкие одолевают. Хм, а куда это сторож запропастился?

И тут же, легок на помине, расслышал осторожные шаги на лестнице:

— Доброй ночи, Афанасий Тимофеевич, — тихо поприветствовал воеводу сторож, и тут же огорошил, — беда у нас в Лисьем, горит село-то. Отряд Михайло уже час как туда отбыл, скоро должен гонца прислать.

'Беда? Да какая же это беда' — мелькнула мысль у властителя иркутской земли, — 'не велика потеря — Лисье это и так как бельмо на глазу, хлопот с ним больше, нежели пользы. А теперь еще и денег на отстрой придут просить. А вот хрен им, без них расходов хватает'. — Но в слух он, конечно, сказал совсем другое:

— Как гонец прибудет, пусть дьяку доложит.

Через полчаса сон, наконец, сморил полководца, и проблемы горящего села его совсем не беспокоили.

В это время Степан Тропин пытался справиться с молодым конем — ну не привыкла еще животина к виду ревущего пламени, все рвалась куда угодно, но совсем не туда, куда направлял ее хозяин. Казак в очередной раз сильно потянул за поводья, пытаясь осадить паникующего коня. Не получилось, боевой друг резко отпрянул к краю дороги и из-под копыт на обочину покатился местный паренек.

— Зашиб! — Мелькнула мысль, но кинуться на помощь он не мог, надо было убираться подальше от пожара, иначе он коня не удержит. Уже уходя дальше по улочке, Степан

обернулся, паренек возился на земле и пытался подняться. — Нет, вроде живой, — успокоился казак.

Утром воеводу подняли как только рассвело:

— Афанасий Тимофеевич, вставай, беда у нас, — легонько толкнули его в плечо.

— Что? Чего случилось? — Тряхнул головой воевода, прогоняя сон. — Я же сказал, пусть гонец дьяку доложит.

— Да тут другое дело, — возразил сторож, — выходит Лисье-то не просто так сгорело, подпалили его, чтобы казаков отвлечь.

— Отвлечь? — Подскочил Афанасий, — зачем?

— Оказывается Петрушка Иванов с ясачными бурятами, вчера вверх по Иркуту табун угнал. В Тунку прорваться хочет, а дальше в Монголию уйдет.

— 'Ага', - думал воевода, — 'теперь все стало на свои места, этот поверстанный из бурят казак давно на смуту здесь подбивал, сначала-то на должность метил, а как не получилось, решил к монголам переметнуться. А для того чтобы кисло не жилось, решил с собой табун острожный и ясачных бурят увести. А вот хрен ему. И плевать что он из знатного рода, на воротах места хватит, пусть повисит, тать, в назидание другим пару дней у северных ворот. Ишь, измену удумал'.

— Вот что, кликни Демида, — распорядился Афанасий, — пусть казаков собирает вдогон. Может, весь табун и не вернем, но Петрушку вернуть надо.

Казаки нагнали табун к концу второго дня уже на выходе в тункинскую долину, понимая, что сбежать не удастся, Петрушка принял последний бой. Беглецы оборонялись отчаянно, но преследователи, пользуясь своим преимуществом в численности, продавили строй более опытных воинов, а дальше все сражение свелось к погоне за сыпанувшими в разные стороны бурятами и сбору распавшегося табуна. К сожалению, вся схватка произошла уже под вечер, поэтому многим ясачным удалось уйти, и вместе с ними ушла половина угнанных коней. Преследовать их казаки не стали, во-первых: трофеи с общественного табуна не возьмешь, все придется отдать за так; а во-вторых: свою основную задачу они выполнили, а гнать по Тунке остатки до самой Монголии, ввязываясь в стычки с местными, сил не осталось — все-таки два дня спешки лесными тропами сказались.

Блиин, холодно-то как, и мочевого пузырь переполнен, еще немного и все потечет прямо в штаны, надо срочно отлить. Так, уже начинается утро, это хорошо, а то ведь в темноте отлить можно и не туда, куда действительно можно. Кое-как поднялся, координация ни к черту, все еще покачивает, но все же лучше чем было.

— Васька, ты куда?

— А? Туда. — Я махнул рукой в сторону ближайших кустиков.

— Ты смотри, — раздалось откуда-то сбоку, — а дурак и всамделе поумнел. Крепко ему по голове влетело.

Что? Дурак? Поумнел? Это про меня что ли? Ладно, все потом, сейчас у меня есть цель и достичь ее надо в самое ближайшее время.

Да что б его, как эта хрень снимается? Тупо смотрю на грубые домотканые штаны подвязанные веревкой без намека на пуговицы и ширинку. Ладно, 'терпеть, уж нету больше сил', кое-как выворачиваю верхнюю часть штанов под веревку и делаю свое дело, 'очень важное и нужное' дело, которое никак нельзя кому-то передоверить. Через пару минут жизнь показалась прекрасной, и мир преобразился, не скажу, что расцвел новыми красками — все-таки утро только начинается и вокруг серо, импрессионизм во всей красе, но подробности можно рассмотреть. Быстро сканирую окрестности и себя заодно. И кто там меня дураком обозвал? М-да, а ведь точно дурак, причем и в прямом и в переносном смысле. Во-первых: на нормального человека такое не оденут; во-вторых: нормальный человек не будет... Хм... Ладно, не будем о грустном. Ну и третье, на закуску, судя по всему, я подросток, и заметил это только сейчас. Такс, получается 'копыта' я все-таки откинул, вот и верь после этого врачам. Хотя, чего это я, ведь знал же, что шансов мало, но надеялся. А врачи, что им оставалось — надежда умирает последней, вот и дарили мне надежду, какие к ним претензии? С одной стороны: избавиться от постоянной изматывающей боли — дорогого стоит, а с другой: далеко не факт, что второй шанс окажется таким уж безоблачным, свое отношение ко всему этому определим позднее. Ну, в кого я теперь попал примерно догадываюсь, осталось узнать 'в куда' и 'в когда'.

Судя по тому, что за кустами виднеется широкая быстрая река, а на другой ее стороне наблюдается характерный изгиб холмов заросших лесом вопрос куда отпадает. Получается, перенос сознания произошел по временным координатам, а не по географическим.

Теперь надо определиться — 'в когда'. Если опять же судить, по тому, что вчера кто-то там, на лошадях, с пиками рассекал — век никак не двадцатый, и даже может быть не девятнадцатый, хотя вроде бы, из истории, пиками и в двадцатом веке казаки вооружались. По этой причине Вопрос 'в когда' откладывается, и лучше задаться осмыслением оперативной обстановки. Приглядываемся к происходящему на полянке. Да..., что тут сказать? Ничего не скажешь, судный день во всем своем проявлении. Погорельцы, и этим все сказано, в одночасье их жизнь изменилась навсегда. Это только мы, жители двадцать первого века можем во всем искать светлые стороны, мол, остались живы и то радость, а все остальное приложится, не пропадем. А здесь и сейчас не приложится, в эти времена недостаток копился многими годами, если не поколениями, и потеря всего почти неизбежно означала многие беды. Ну не просто выжить в Сибири даже имея все необходимое, а вот так, остаться без всего накануне осени, считай верная смерть. Хорошо если родственники где-то поблизости есть, может и получится пережить зиму. А если нет? Ладно, раз мне выпала такая судьба, оказаться в теле местного дурачка, то придется выживать, даже в таких условиях еще не все потеряно. Вот и первая серьезная проблемка нарисовалась. Надеюсь, я сам к пожару отношения не имею, а то ведь в эти времена с поджигателями суд был скорый. Ладно, нечего стоять столбом и на всех пялиться, хоть и дурак, а тоже должен быть с понятием, иначе это понятие начнут вбивать силой все кому не лень.

— Васька, ты чего там? Подь сюда.

Все та же чумазая девчушка пыталась привлечь мое внимание, махая рукой.

— 'Ага, это меня, ну пойдем, раз зовут. Так, стоп, это еще что за дела?' — Внутри вдруг вспыхнула непонятная радость, а глупая улыбка, которая сейчас была совсем не к месту, стала наползать на лицо. — 'Ешкин-кошкин, так это ж тот Васька проявился, увидел родных, и горя ему нет, радости полные штаны. Кстати, надо будет эти штаны, все-таки, срочно

простигнуть, даже сам чувствую, что несет от них..., скажем так, совсем не духами'.

Говорят, в эти времена женщины быстро старились, тяжелые условия жизни и постоянные роды не способствовали сохранению здоровья, и в отношении матери Васьки это было вполне справедливо. Хотя здесь и сейчас все выглядели не лучше, наверное, потом в других условиях, люди вернут хоть часть своей жизненной силы и внешне помолодеют. Васькину улыбку мне удалось подавить, хотя с некоторым усилием, ну не понимал он всю глубину той пропасти, где сегодня оказалась его семья.

— Сядь Вася, здесь посиди, — сказала его мать, мерно раскачиваясь, глядя куда-то вдаль, — не надо отходить. Сейчас солнышко поднимется, пригреет, пойдем место под шалаш поищем, а то вдруг дождь.

Но то говорила она уже не мне, вокруг к ней жались, мал мала меньше, и говорила она так, что до дрожи продирало от безысходности в интонации. Вот ведь засада, не хочу я на такое смотреть, да и просто так сидеть не смогу, срочно надо куда-нибудь временно слинять, и дать им еще времени, чтобы в себя прийти. Да и мне самому с собой и с Васькиным наследством надо разобраться, пока держусь, но как бы отката как вчера не случилось. Ну а так как я дурак, особого удивления это вызвать не должно:

— Нет, мне надо к реке, — выдавил я в ответ.

Хм, я что, опять что-то не то сделал? Все вдруг открыли рты от удивления и уставились на меня. Но в непонятках пребывать долго не пришлось потому, что уже знакомый голос сзади запричитал:

— От беда, прости меня грешную, даже Дурак заговорил.

Так, это что, Васька даже говорить не мог? А вчера? И тут до меня дошло, что ступор у девчонки тоже вчера приключился. Ну и дела. Да хрен с ними, пусть будет такое чудо, а мне надо к реке, поэтому больше не слушая возражений, просто двинулся в сторону прибрежных кустов, обходя группки людей сидящих на узлах и мешках. Потянуло слабеньким ветерком, и мой нос учуял запах реки. Один мой друг убеждал, что вода пахнуть не может, и даже демонстрировал мне это, набирая в чашку воды из-под крана. Я тогда расхохотался — вот как раз из под крана она очень даже пахнет, и совсем не рекой. А река пахнет рыбой, ну или рыба пахнет рекой, что мне, по большому счету, все равно. Продравшись сквозь прибрежные кусты тальника, вышел на берег. Угу, вот она Ангара — огромная масса воды быстро катилась мимо меня на северо-запад.

Присел у самой кромки берега и опустил обе руки в воду. Ну, здравствуй, артерия жизни восточной Сибири, пройдут сотни лет и ты изменишься, немного приоденешь свои берега бетоном в черте города, пополнишь выше и ниже по течению, и обеднеешь, естественно, рыбы в тебе станет мало, да и не всяк есть ее будет. Еще раз оглядел представшую передо мной дикую, необустроенную реку, непривычно она выглядела без плотины, хоть все-таки и узнаваемо, потом легкой трусцой направился к видневшейся вдалеке небольшой протоке заросшей рогозом, надеюсь, там не просто так заросло, и протока преобразовалась в старицу. В самой реке плескаться не собирался, Ангара река холодная, а вот где стоячая вода должно быть теплее, да и пока бегу немного разогреюсь. Действительно старица и вода в ней относительно Ангары теплая, все же в эти времена люди к холоду были более привычны, поэтому, несмотря на то, что в прежней жизни ни за что добровольно не полез бы в такую 'холодную' воду, здесь и сейчас показалось вполне комфортным. Уф, кайф. Первым делом постирался, без мыла, конечно, с глинистым песочком, который добыл с подмытого бережка реки, хоть так. Отжимал со всей предосторожностью, остаться совсем без одежды не

хотелось, тем более в данное время, когда все сгорело. Долго рассматривал в отражении воды свою физиономию, не то чтобы совсем все плохо, но и хорошего мало, дурак-то дурак, а ряху наел — дай бог каждому. А вот возраст определить так и не смог, надо будет Васькину мать расспросить, да и вообще к ней и других вопросов много. Волосы при первой возможности придется полностью состричь, такие дремучие заросли на голове мне не нужны, еще неизвестно какая там живность водится. Отмывался тоже с песочком, иначе никак, а потом, давая одежде лучше подсохнуть, пошел бродить вдоль Ангары и даже попытался выбросить на берег гальянов, которых обнаружил на мелководье, но естественно ничего не получилось. Да я и не надеялся, так, на всякий случай. Одежда, пока я плескался, полностью высохнуть не успела, но дальше затягивать время смысла не имело — и так сойдет, солнышко уже поднялось прилично, день обещал быть теплым. Пора возвращаться назад, без меня Васькиной семье будет совсем плохо, насколько я понял из его неясных воспоминаний, отца у них уже года два как нет.

На поляне людей осталось мало, только те, кто на страже вынесенного в последний момент из горящих домов самого необходимого, остальные возились в ближайшем лесочке, сооружая нечто вроде шалашей. Правильно, вторая половина августа, а судя по природе сейчас именно это время, не самое сухое время скажем, а дожди в Сибири теплыми бывают редко.

— Васька, ты где был? — Опять эта пигалица на меня голос поднимает. — Мамка обещала тебе за это вихры оборвать. Сказала, когда придешь, чтоб здесь сидел.

— Нет. — Я упрямо мотнул головой. — Где она? Пойду помогать.

Видимо моя решимость и неожиданно прорезавшийся голос сильно подействовал на Васькину сестру и та, как-то нерешительно вытянула руку, показывая направление, куда надо идти. Долго разыскивать мать не пришлось, в лесочке на краю поляны все погорельцы дружно ладили шалаша. Место у нас, получилось хоть и в центре, но 'с гнильцой', в смысле здесь начинались мелкие заросли шиповника, кто хоть раз встречался с этой заразой на пикниках, поймет, а если учесть, что обуви у детишек нет, то сами можете представить, как оно. Что ж, будем считать, что это получилось случайно, а не по принципу — 'бери Боже, что нам негоже'. Спорить не стал, вооружился сломанной наискось палкой, острым концом за полчаса расчистил жизненное пространство, старательно прощупывая траву на предмет колкости, вот теперь можно приступить к постройке. Три мужика, у кого при себе оказались в наличие топоры, рубили тонкие деревца вдоль дороги, даже не очищая от веток, остальные перетаскивали их к своим строящимся шалашам. Не слушая материнского ворчания, я сходу включился в работу. А ведь имидж дурака тоже имеет свои преимущества, если другие подростки были вынуждены организовывать хоть какую-то очередность, я тупо пер напролом и хватал, не то что было, а что нужно, и при этом мне никто слова поперек сказать не мог. Так как сооружать навесы все начали намного раньше меня и рабочих рук у них больше, то и поступить иначе я просто не имел права, нельзя оставлять малышню без крыши над головой. Это только кажется, что шалаш дело нехитрое, на самом деле хитрое, очень даже хитрое. Сначала выбрал срубленное деревце, побольше размером, как смог ободрал дубинкой ветки и положил получившееся на толстые ветви между двумя деревцами. На эту жердь с каждой стороны навалил по несколько притащенных деревьев комлем к низу, ободрал так же дубинкой все ветки, которые могли помешаться внутри шалаша. Ветки с наружи обломил так, чтобы они торчали от ствола сантиметров на десять-пятнадцать, дабы потом было за что цеплять еловый лапник, который надежно прикроет от дождя. После

этого оставшееся пространство заполнил деревьями комлем вверх. Ну вот, основа уже есть, дальше занялись перетаскиванием спасенного скарба в шалаш, хотя чего там перетаскивать? С лапником провозился весь день, понадобилось его неожиданно много, но зато и шалаш полностью закрыл и внутри наиболее мягкие веточки накидал, чтобы от земли детям сильно не мерзнуть. Места в шалаше было достаточно для размещения всех, однако рогожки, которой можно было укрыться, едва хватало на малышню, а мерзнуть всю ночь снова не хотелось, необходимо было озаботиться костром на всю ночь. Сначала сделал небольшой навес перед будущим костром, с которым провозился тоже немало времени, натаскал хвороста и даже нашел две сухих лесины, без них у костра сильно не подремлешь, слишком уж быстро мелочь прогорает. Так что когда сумерки спустились на лес, я уже пристроился рядом с весело потрескивающим костерком, единственно, в чем остро ощущался дискомфорт, так это в наличии полчищ комаров и отсутствии маковой росинки... в желудке. Комары, будь они неладны, все так же, как и спустя века, с радостью накинудись на все открытые части тела, а этих открытых частей у меня было более чем достаточно. А с едой у нас вышла серьезная промашка, пока Васькина мать возилась с детьми и хватала, все, что можно вынести, о еде позаботиться было некому. Мелких, худо-бедно, подкормили соседи, хотя им самим явно не хватало. А о дураках в таких условиях вряд ли кто будет задумываться, поэтому завтра мне предстоит озаботиться добыванием пропитания, и не только для себя.

К моему большому сожалению, к работе Васькины руки были непривычны, совсем непривычны, к концу дня мышцы на руках ныли, а кое-где на ладонях набухали мозоли, хотя вроде ничего такого тяжелого не делал. И пусть его, из опыта знаю, втягиваться в работу тяжело первую пару недель, а потом все будет нормально, главное лени не давать собой завладеть. И инструментом как-то надо разжиться, не дело все голыми руками, навещу ка я завтра пепелище, угли на месте домов уже частью прогорели, может и найду чего.

Ночью Васькина мать, перебралась к костру, ей тоже нечем было укрыться, потому и замерзла, а ближе к утру, под мой бок перебрался и кто-то из мелких, ну да, раньше-то от меня несло так, что хоть нос зажимай, а теперь чего не погреться? Утром обнаружил и еще одно бездомное существо — найдя свободное место, у нашего костра пристроился чей-то пес.

— Это Никешиных, — пояснила мать, когда я внимательно рассматривал животное, — весной старшего на охоте кабан сильно подрал, вот он и сгорел от огневицы. Вчера они к родичам речкой ушли, а пса оставили. Станет голодно, съедят.

Это зря, пес вроде не такой уж и старый, можно сказать в самом расцвете сил, а если еще и охоте обучен, то цены ему нет. Ладно, пора мне о моем желудке подумать, жирок-то Васька накопил, но долго он на нем все равно не протянет. И так, с чего начать? Пойти на охоту сегодня не получится, вокруг города дичь охотники давно повыбили, уходить далеко сейчас нельзя, значит остается река, то есть рыба. Насколько я знаю, в эти времена рыбы в Ангаре много, вопрос только в том, как ее взять? Никаких снастей у меня нет, поэтому вопрос самостоятельной добычи не актуален, нужно идти ближе к острогу, или как он там сейчас называется и проситься, к какому-нибудь рыбаку в помощники. А там посмотрим, куда дальше кривая вывезет.

— Пойду к Острогу, — сообщил я матери о своем решении, — посмотрю, как к рыбакам наняться.

— Да кто ж тебя возьмет? — Охнула она. — Ты ж там пропадешь.

— Пропаду, значит так на роду писано, а если нет, будет чем кормиться. Сидеть здесь и ждать незнамо чего, тоже не дело. Первое время, конечно, помогут люди добрые, но всю жизнь так не проживешь, нужно самому жить учиться.

— Да что ж, с тобой случилось Вася? — В голосе матери слышалось не малое удивление. — Как тебя казацкой лошадью сшибло, так заговорил сразу, да вроде и поумному заговорил.

— До умного мне еще далеко, — изрек я, протянув руку к псу. Тот не отстранился и не выказал агрессии, только глянул на меня грустными глазами и даже позволил себя почесать за ухом, но особой радости не показал. — И пса с собой возьму, нечего ему пока здесь под ногами путаться, не ровен час, действительно съедят.

— Подожди, — мать тяжело поднялась и шагнула в шалаш разбирать узлы, — порты отцовские одень, а то ведь стыдно так на людях. Здесь-то к тебе привыкли, а в слободе погонят взащей.

Штаны, как и следовало ожидать, мне оказались великоваты, но вопрос решился просто, это у одежды моего времени пояс пришит там, где должна быть талия, а в этом времени натянул верх безразмерных портков почти до груди, а на талии перехватил веревкой, и готово, и не так уж бросается в глаза. На ноги ничего нет, но такое уж время, здесь осколков стекла и всяких ржавых гвоздей на тропинках не встретишь, от того и ходят летом босиком, обувь берегут, в холодное время она еще ой как понадобится.

Ладно, тянуть время не стоит, думаю, за многие века расписание рыбаков вряд ли сильно изменилось, то есть, рыбу добывают с утра и до полудня, а потом реализуют свой улов, если есть что. Перед уходом взглянул на пса, тот пользуясь тем, что у костра освободилось больше места, полностью вытянулся, впитывая животом остатки тепла и, запорокинув голову, назад лениво наблюдал за сборами.

— Что, так и будешь лежать? — Обратился я к нему. — Может, прогуляемся до слободы? Нет? Ну ты и лентяй. О! — Поднял я палец вверх, — нарекаю тебя Лентяем. Лентяй! За мной!

Я легонько хлопнул себя по бедру и мотнул головой в сторону реки. Пес мгновенно вскочил и замер, впившись в меня взглядом.

— Пошли, пошли, — махнул ему рукой и двинулся в направлении тропинки, которая вилась по берегу реки. Можно было бы выйти и на дорогу, но мне кажется, так будет лучше, ни к чему мне пока встречи с местным населением, вот обживемся маленько, тогда и подумаем.

Все-таки как мало нужно братьям нашим меньшим, Лентяй уже радостно покручивал хвостом и, забегая вперед, постоянно оглядывался, пытаюсь заглянуть в мои глаза. Мне же только оставалось слегка улыбаться и кивать в сторону виляющей между стволами деревьев тропинки, мол, не на меня смотри, а дело делай. Спустя полчаса пес успокоился и как только мы проходили очередную полянку, опустив нос к самой земле, начинал бегать по ней кругами. Сначала я не понял что это такое он делает, но когда его челюсти резко выхватили что-то из травы догадался, он так мышкует. Это в наше время домашние питомцы, ну может быть кроме кошек, не смогут выжить на вольных хлебах, а здесь и сейчас собак никто не кормит. Хочет выжить, пусть вертится. Ну что ж, одной заботой меньше. По пути пришлось 'форсировать' вброд две приличные по размерам речки, что-то раньше я в Иркутске о таких не слышал, скорее всего, они к моему времени либо исчезли, либо их загнали в бетонные коллекторы под землей. Как бы то ни было, часа через полтора перед глазами предстал

Иркутский острог. Да уж, избалован я масштабами строительства своего времени, так себе крепостишка, сойдет для музея, хотя, если смотреть на объемы ручного труда, по земляным работам, можно и преисполниться уважением. Вот и определились со временем, конец семнадцатого — начало восемнадцатого века, точнее у людей спросим. Сам острог был мне не интересен, за стенами живет только знать, ну и те, кто ей прислуживает, делать там, таким как я, нечего, да и не пустят, основная же жизнь кипит за стенами Кремля. Вот туда и направляемся, естественно поближе к реке. Моста через Ангару естественно нет. Да какой там мост, даже нормальной паромной переправы не видно, нужно переправиться — пожалуйста на лодку. Из истории мне известно, что вроде первый паром был запущен какими-то купцами, и двигался он не по канату, протянутому поперек русла, как все нормальные паромы, а был привязан к этому самому канату, другой конец которого закрепили на каком-то островке посередине реки, и паром как маятник двигался от берега к берегу. К черту все эти размышления, второй день без крошки во рту, желудок все настойчивей требовал своего наполнения. Конечно, можно и руку протянуть, народ с понятием, не даст с голоду помереть, но насколько я помнил по книгам, уважение вмиг потеряешь, с таким потом никто дел иметь не будет. Самым последним считалось пойти по миру.

Лодки на берегу, напротив слободы были, у нескольких уже возились рыбаки, готовясь к отплытию, и помощники им явно не требовались. Однако больше меня расстроила группка подростков примерно моего возраста, которая сидела на небольшом возвышении чуть поодаль. Конкуренты. Отношение ко мне с их стороны, судя по неприязненным взглядам, было враждебным, если они еще могли терпеть друг друга, то пришедшим, скорее всего, будет от ворот поворот. Нарываться не хотелось, поэтому пришлось сделать озабоченный вид и быстренько продефилировать мимо, метров на сто подальше. Скрывшись из вида местных, сел в 'засаду'. Первая группка рыбаков, появившаяся у своей большой лодки, мою помощь отвергла, это и понятно, зачем им малец? Два следующих тоже, а вот четвертый... М-да... Я к нему даже и не просился, уж больно у него лодочка была мала да неказиста, на такой даже страшно было на стремнину выходить, опрокинет еще.

— Малец, со мной пойдешь? — Дед махнул мне рукой, — Из пяти одна твоя будет.

Я неспешно поднялся и подошел к нему, демонстративно подозрительно покосился на лодочку:

— А делать чего надо будет?

— Дык чего делать? — Удивился тот, — воду черпать, на веслах сидеть, да в случае чего подсобить.

— Одна из пяти мало, давай одна из трех.

— Ну, давай одна из трех, — легко согласился он, — только черпать не забывай, лодку давно не смолил.

— Да ее не только смолить надо, — хмыкнул я.

— Цыть, малявка, поучи еще, — беззлобно шикнул на меня рыбак.

Лодку перевернули и легко стащили на воду. Приделали весла, накинув кожаные ремешки, загрузили нечто похожее на остроги, но на длинных тонких палках и слегка приплюснутый тубус без дна из березовой коры сантиметров двадцать в диаметре. Дедок сразу перебрался на корму, давая понять, что пора отправлять. Пес заскулил, видимо испугался, что только что приобретенный хозяин тоже сбегает.

— Жди, — подбодрил я его, — никуда от тебя не денусь.

Уж не знаю, понял ли он меня, но скулить перестал. С веслами я разобрался быстро, глубоко в воду не погружал, по поверхности не скользил и больших усилий не прилагал, все-таки опыт прошлой жизни сказался. Судя по тому, что дедок нечасто делал мне замечания, все делалось правильно, он лишь корректировал направление и крутил головой, отыскивая 'правильные' ориентиры.

— Вот здесь, видишь, вода закручивает, — указал он мне на поверхность воды, где течение сбилось, и вода как бы пузырилась, поднимаясь со дна, — поднимись чуть повыше и бросай камень, потом на веревке ниже опустимся, к этой ямке. Тут и будем бить.

Поднявшись на лодке по течению чуть выше, сбросил с носа камень, с привязанной веревкой и дальше нас стащило как раз на ямку. Рыбак взял тубус, опустил его одним концом в воду и заглянул в него с другой.

— Ага, — обрадовался он, — есть рыба. Чуть на солнце возьми.

Я начал потихоньку подруливать веслом, дед в это время взял одну острогу и погрузил в воду. Выцеливал он долго, но когда резко ударил, то крикнул с досады:

— Вот же пень безглазый, ушел. В другую сторону подгребай, — рывкнул он мне.

Спустя минут десять ситуация повторилась. Нет 'такой хоккей нам не нужен', этак он меня сегодня без обеда оставит. Но указывать рыбаку с опытом не решился, сгоряча может и на берег ссадить, тут нужно помалкивать да водичку не забывать из лодки черпать, все-таки лодку смолить надо. Часа не прошло, как рыбак умаялся, все же долго над водой не повисишь:

— Не идет чего-то сегодня рыбалка, — сообщил он мне, — сейчас отдохну да еще попытаюсь.

— А можно мне попробовать?

На положительный ответ надеяться не приходилось, но от чего не попроситься?

— А попробуй, — снова неожиданно согласился дедок, — только с бережливостью, острогу не сломай.

Кое-как поменялись местами, перетекли, так сказать, встречными курсами. Хм, хорошее изобретение, этот тубус, рыбу внизу прекрасно видно, темные спинки на фоне дна выделялись достаточно хорошо. Так, за мелочью гоняться не будем, а вот ту, что в двух метрах слева, стоит попробовать нацепить.

— Левее! — Скомандовал я рыбаку.

— Чегось?

Вот зараза, он же не знает про право и лево:

— Туда, — махнул рукой, показывая направление.

Острогу примерил почти до самой спинки, рыба сильнее шевельнула хвостом и плавно сместилась чуть дальше, несколько неудобно, но не критично, снова примерившись, нанес резкий удар. Есть, резкая отдача чуть не вырвала острогу из рук, но попал удачно, так как после пары рывков добыча перестала сопротивляться. Теперь надо сильнее наколоть ее, прижав ко дну, чтобы не сорвалась, а потом потихоньку вытаскивать вверх.

— Забил? — Радостно спросил дедок, и когда я подтвердил, нетерпеливо стал поучать, — накалывай ее посильней, да не тащи сразу, пусть сомлеет, иначе сорвется.

Ну, это и так знаю, а если не знаю, так догадываюсь. Минуты через три добычу подняли на лодку:

— Это что? — Вытаращился я на забитую акулу, что-то в истории упоминалось про Ангарского осетра, но там речь вроде велась о Селенге.

— Дык, знамо че, рыба и есть.

Хм. А неплохо так, до пуда улов явно не дотягивает, но кило десять — двенадцать в нем есть. Любоваться долго не стал, моей добычи еще нет, надо поспешать.

До полдня, удалось забить еще четырех осетров, трех мелких килограмм по пять- семь и одного красавца килограмм на пятнадцать, чуть лодку не перевернули когда вытаскивали.

— Все, хватит на сегодня, — объявил дед, поглядывая на солнце, — полдень уже.

— Давай еще одного забьем, — уперся я, — погорельцам есть что-то надо.

— Постой, — вскинулся рыбак, — так ты из Лисьего? Это у вас там все село погорело?

— Сгорело, — подтвердил я, — сейчас в шалашах бедуем.

— Эх, ты ж, — покачал он головой, — Ну что ж тогда давай забьем, только как потащишь-то, это ж почитай под пуд будет.

— Ничего, унесу как-нибудь.

Еще одну рыбину мы забили быстро, большую, но это был не осетр, конечно, дед ее опознал, вот только ее название ничего мне не говорило, видимо что-то из местного фольклора. Лентяй встретил нас на берегу радостным лаем, вот никогда бы не подумал, что пес будет так радоваться, его хвост крутился как пропеллер, а сам он постоянно припадал к земле.

— Ты ж смотри как тварь радуется, — удивился рыбак, а потом протянул с уважением, — с понятием.

Когда я попытался подтащить лодку на берег, дедок меня остановил:

— Погодь малец, как звать то тебя?

— Васькой кличут.

— А отца?

— Нету отца, и где сгинул не знаю.

— Вот что малец, — вздохнул дед, — сегодня был удачный день, я столько рыбы лет десять как не набивал. Поэтому давай мне вон ту под полпуда, а остальное пусть погорельцам пойдет.

О как! Я, конечно, благодарен, слов нет как, но мне и половины на себе не утащить, а телегой никто со мной не поделится:

— Да как же я это все утащу?

— Дык на лодке все и увезешь, — ухмыльнулся рыбак, — а к заутренней сюда воротишься, смолить лодчонку будем.

Вот так, можно сказать первому встречному отдал свою кормилицу. Вот скажите, сможет кто в наше время отдать свою моторную лодку в руки незнакомца? Очень сомневаюсь, а здесь пожалуйста. Что-то надо менять в своих мозгах. Нет, доверять всем тоже не следует, но разбираться в людях придется научиться, иначе здесь и сейчас не выжить. Дедка поблагодарил от всего общества, естественно он махнул рукой, вроде того что не стоит благодарностей, но значимостью своей преисполнился. Кстати, хорошо он мне про заутреннюю напомнил, в эти времена без религии никуда. Раньше с меня, дурака, какой спрос, а сейчас я уже не дурак, а Васька — многого с меня никто не требуют, но основы будь добр знать. И еще, раз церковь здесь рулит, то почему погорельцев бросили на произвол судьбы? Непорядок, надо будет ненавязчиво напомнить кое-кому о своих обязанностях, мне, пока еще дураку можно, а то совсем мышей не ловят.

Не скажу, что обратный путь по воде был легким, добирался часа три, где на веслах, а где течение слишком сильное было, на веревке лодку тянул, ноги по камням бил. Когда сил

не оставалось, делал небольшой 'перекур'.

Это надо было видеть — на удачливого дурака пришло смотреть все оставшееся население, даже неприятно стало, Васька внутри запаниковал, так и хотел спрятаться от всех куда подальше, только большими усилиями удалось подавить панику. Себе забрали двух маленьких осетров, остальное раздали по соседям, быстренько сбегал за хворостом, благо тут пока не далеко, и чтобы не исходить слюной, пока рыбка будет жариться на углях, забрал Дашку и двинулся на пепелище.

Да, поторопился. Угли потухли еще не везде, то здесь, то там над строениями вился дымок, босиком тут сильно не полазишь. И все-таки мне повезло, удалось добраться до топора, который видимо во время пожара оказался во дворе, а ценность его здесь и сейчас очень даже немаленькая, где-то читал, что в восемнадцатом веке семья имеющая топор считалась чуть ли не зажиточной. Сперва боялся, что под действием жара, закалка топора пропала, тем более ручка выгорела, но оказалось нет, закалка как раз сохранилась, это было слышно по характерному тонкому звону металла. Покопаться на месте самого дома не получилось, жар все еще чувствовался, надо ждать еще сутки.

Эх, хорошо — на сытый желудок, сидя у костра, я потихоньку выстругивал топорщице. Смешно, но сейчас топор выполнял у нас роль универсально инструмента, по крайней мере, вместо ножа его активно использовали. Лентяй уже полностью освоился и воспринимал семью как нечто единое, он уже каким-то образом определился с территорией и ревностно ее охранял, периодически отлучаясь на кормежку. Надо как-нибудь на днях в лес наведаться, рыба это конечно хорошо, но мясо лучше. А вообще, что народ делать собирается, понятно, что ждут когда можно будет на пепелище покопаться, а потом? Зима на носу, надо срочно определяться, до холодов месяц остался. Те, кому есть куда уйти ушли, здесь остались кому некуда, отстроиться никто не успеет, да и без запасов на зиму тоже не выживешь. Рожь конечно в полях есть, но ведь ее надо еще убрать, а убирать нечем, да даже если и есть чем, где потом хранить? Да и прожить на ней зиму не получится, христарadniчать придется, но не здесь, нужно перебираться поближе к острогу, а там опять возникнет проблема с жильем.

Васькина мать, теперь уже на меня не ворчала, как же, добытчик, только все сокрушалась, что в доме соли монгольской фунта четыре хранилось, может еще можно найти. Может и можно, только я не особо обольщался, во время сильного пожара возникает огненное торнадо, а оно все перемешивает, так что соль почти наверняка пропала. Железо еще туда-сюда, или где еще керамика уцелела, а в остальном рассчитывать не на что. Уходить отсюда надо как можно скорей. Попросил мать рассказать об отце, да и вообще мне про семью все знать надо, а то ведь как без роду, без племени. Оказалась та еще 'Санта Барбара'. Отец-то был из служивых, жил где-то в районе Тобольска, так вот, во время очередного похода казаки прихватили банду местного князька, оказывается были там еще такие. Банда была не сама по себе, а охраняла русских, взятых в полон, вот этот полон они и освободили. На обратном пути молоденькая пленница приглянулась удалому казаку, так что слово за слово и дело дошло до благословения. Однако благословения отца казака они не получили, потому как решил тот, что раз девка была в полоне, значит порченная. Вот только казак удался в папашу не только ликом, но и характером, даже спорить не стал, забрал свою зазнобу, да и укатил как можно дальше в Сибирь. Так и оказались они в Иркутске, в слободе селиться не стали, какие там трудности случились матери было не ведомо, а осели здесь, в Лисьем. В первый год чуть не случилось несчастье, в результате долгого пути подхватила мать лихоманку, еле выходили ее тогда, и все было бы хорошо, да была она на сносях. Бабка,

что ее выхаживала, сразу предложила от ребенка избавиться потому как предположила, что убогим он станет. Не поверили, да и после родов тоже первый год не верили, только потом стало ясно, что ребенок действительно умом скорбен. А потом другие дети пошли, и вроде бы все стало как у людей, и дом отстроили добрый, правда хозяйство не завели, некогда отцу было, все по походам мотался. Жили на деньги от службы, считались довольно зажиточными, но счастье продлилось недолго, два года назад призвали в очередной поход, из которого казак не вернулся. Естественно ни о каких пенсиях в это время не слышали и семья, потерявшая кормильца, выживала сама как могла. Так и экономили эти два года, поначалу был еще запасец, а вот теперь относительно благополучию пришел окончательный конец.

Тайна, тайна, тайна. Семен по приказу воеводы формировал обоз в Нерчинск, кормилец обещал, что если он сумеет все сохранить в секрете, то деньгой не обидит. А это для казака было очень важно, он же недавно из новиков, месяц как прибыл в Иркутск, ни родственников, ни семьи, одна служба, да и той пока не было, на местных содержания не хватало. А тут такие перспективы, почитай доверенное лицо воеводы, такое доверие терять нельзя, никак нельзя, поэтому Семен отнесся к поручению очень серьезно. С казаками сразу не заладилось, служивые в воеводский обоз наниматься не захотели, половину оплаты найма требовали сразу, мотивируя это тем, что Савелов не раз обманывал людей, следовательно, совести не имел, а потому доверия к нему больше не будет. Так прямо и говорили Семену:

— Ты здесь человек новый, а мы Афанасия давно знаем, он и раньше слово не держал, а воеводой стал, остатки совести потерял. И тебя обманет, а то и под петлю подведет.

В итоге в обозе оказались люди весьма сомнительного прошлого, из бывших стрельцов, но воевода на них дал согласие легко:

— Это как раз и хорошо, такие меньше языком по кабакам трепать будут, а если все же попробуют, так его и укоротить легко.

Сначала молодой казак недоумевал, зачем все хранить в глубокой тайне, если обозы в Нерчинск отправляются постоянно, но когда узнал, что везет он порох и оружие и вовсе не в забайкальский острог, стало понятно. Товар уходил тайными тропами в Китай, и за него должны были заплатить очень хорошо, а если учесть, что в Китай направлялся и еще один караван с мягкой рухлядью, можно было делать выводы о том, какими денежными объемами распоряжался иркутский воевода.

— Не бойся, — усмехался Савелов на опасения Семена, — тут не нашего ума дело, от Гагарина, благодетеля нашего, указ пришел. Война в Монголии — три князька дуг друга режут, так почему бы не помочь им в этом, пусть себе воюют, к нам меньше лезть будут. Наших бурят на смуту подбивают, так пусть и на себе ту смуту испытают.

Вроде бы и правильно все воевода говорит, а сердце у казака не на месте — а вдруг измена?

Обратно нужно было провести караван с товаром, так что к рождеству должны были успеть. К концу августа погрузили подготовленный товар на дощаники и отправились вверх по реке на Байкал, потом надо будет добраться до устья Селенги и уже там обозом до тайного места. И откуда было знать молодому казаку, что это был его первый и последний самостоятельный путь по земле сибирской. Обоз благополучно дойдет до места, вот только никакого каравана на этом месте не окажется, а встретившие их монголы вырежут всю охрану и обозников. Нападавшие, конечно, тоже понесли немалые потери, но их это волновало мало, людей там не жалели. Так что единственно, в чем не ошибся иркутский воевода, так это в том, что присланное оружие и порох еще долго способствовали продолжению войны в Монголии.

Караван же с мехами и драгоценными камнями дошел до Нерчинска без задержек и зимой вернулся с китайскими товарами, но в Иркутске он не остановился, а отправился дальше и на следующий год все товары оказались в торговых домах Голландии, принесся боярину Гагарину огромные прибыли.

Утро красит нежным цветом...

Да уж, кремль-то есть, только он совсем не древний, местами даже дерево потемнеть не успело, да и солнце уже светит вовсю. Лодку привел на место пораньше, очень не хотелось, чтобы дед меня ждал, поднапрягшись, вытащил ее подальше на берег, подложил на песок две коряги, на них и перевернул. Ну что сказать? Правильней было бы лодку не смолить, а ремонтировать, вон, с левого бока, две драни совсем сгнили, видимо уже пытались их шить еловыми корнями, но там уже цепляться не за что, да и борт надставить совсем не мешало. Дед не заставил себя ждать, пришел с небольшим широким горшком, мотком пакли и притащил две длинных драни. Вот, а то 'цыть... поучи еще...'. Но ерничать не стал, схлопотать подзатыльник от старшего сейчас легче легкого. На замену прогнившей драни понадобилось часа полтора, оказывается делается это удивительно легко, больше времени потратили выковыривая смолу из переднего и заднего замка куда заправлялись торцы новых досок. А смоление вообще много времени не заняло, провести острой кромкой разогретого на костре камня по старым стыкам, да основательно просмолить новые — полчаса, больше готовиться.

— Эх у нас хорошо пошло, — дед шурился от удовольствия, рассматривая лодку, потом оглянулся на реку, — хоть и поздновато, а опробовать надо.

На этот раз с рыбалкой получилось хуже, по количеству набили столько же, но по весу вдвое меньше, так что обратно мне пришлось отправиться пешком. Дошел на остатках силы воли, все-таки пуд веса для меня пока многовато. Отдохнуть не довелось, все более или менее свободное население копалось на пепелище, поэтому срочно пришлось отправиться туда же. Далее все просто, Васькина мать вспоминала где, что могло находиться, а я разгребал пепел и искал. Найдено было не так уж и много, в основном всякие железки, предназначение которых объяснить удавалось не всегда, нашлась и пара горшков, которые выдержали жар и не треснули, это потому, что завалились в самом начале на землю, все остальное..., в общем-то, ожидаемо. Долго осматривал конструкцию печи, сначала подумал, что труба завалилась, когда все рушиться началось, но нет, у других картина точно такая же, оказывается, в эти времена многие строили печи без трубы, дым выходил из дома в специальное окошко. Представляете себе: в Сибири, дым в окошко... Да и печь сложена из камня, причем щели между камнями такие, что мама не горюй. Не, с таким я решительно не согласен, если делать печь, так делать надо по уму, с нормальным дымоходом, теперь неудивительно, что пожары здесь довольно частое явление. Кстати, соль мы нашли, не всю конечно, но фунта два смеси соли и пепла наскребли, оказывается соль из Монголии не рассыпчатая, к которой мы привыкли в наше время, а небольшими твердыми кусками, которые перед употреблением требовалось еще размолоть или растворить. Вот и выбирал эти камешки из пепла.

И еще, пора мне все-таки что-то из обуви на ноги ладить, по тропинкам и дороге еще туда-сюда, а вот в лес с голыми ногами не сунешься, и с лаптями, если таковые здесь тоже имеются, хотя я за все время их не видел, тоже. Наше копошение было прервано

прибежавшей Дашкой:

— Миньку змея укусила, — сходу выкрикнула она, — он ногой на нее наступил.

Вот черт, не было печали, этому Миньке года четыре, для него укус гадюки сто процентов смертелен, хотя тут все зависит от размеров пресмыкающейся твари и того как скоро оказана помощь. Все это я уже додумывал на бегу, а дальше не обращая на рев и сопротивление мелкого, нашел место укуса и стал высасывать яд из ранки. И тут мне крепко прилетело по голове, аж искры из глаз:

— Что ж ты делаешь, ирод поганый? — Кричала какая-то старуха, размахивая палкой, — Раньше хоть спокойный был, а теперь на детей стал кидаться.

— Дашка, держи эту полоумную, — кричу сестре, подоспевшей следом, — пока яд высасываю. Надо это быстро делать или Минька помрет.

Надо сказать, соображает Дашка быстро, она сходу вцепилась в старуху и, не смотря на разницу в весовых категориях, не допустила очередной встречи старушечьей палки с моей головой.

— Да что же за нелюди такие, — продолжала разоряться бабка, не обращая внимания на увещевания, — все бы над детьми изгаляться.

— 'О, а это уже на помощь спешит тяжелая артиллерия', - отметил я здорового бугая, набравшего скорость на помощь ругающейся фурии, — 'если и такой решит приложить чем-нибудь по моей бестолковке, дурачку Ваське придется снова вступить в свои права'.

На мое счастье вовремя подоспела мать и, как в анекдоте с лесником, всех в одно мгновение разогнала.

Ну, вот вроде и все, больше ничего в таких условиях сделать невозможно, дальше покой и обильное питье, жаль, ничего сладкого нет. Это я озвучил вслух, но оказывается есть, мать быстро отправила Дашку к соседям попросить чуток меда, получается, что этот сосед по случаю вчера притащил от сродственника мед диких пчел. Ждать дальше не стал, надобность во мне отпала, поэтому вооружившись дубинкой, пошел отлавливать виновницу случившегося переполоха. Не то, что в этом была необходимость, но уж сильно неприятно прилетело по голове, а если учесть, что при этом попали по уху, и оно распухло, то мое желание поквитаться стало непреодолимым. Следопыт, естественно, из меня оказался никакой и если бы не помощь Лентяя, вряд ли бы отыскал эту гадюку. Конечно, пес не искал змею целенаправленно, но бегая вокруг меня, случайно наткнулся на беглянку. Ну что же, я вздохнул свободней, гадюка оказалось небольшой, следовательно, шансы на благополучный исход резко возросли. Уж не знаю, насколько здесь народ употребляет змей, а я попробую ее запечь на углях, хоть так потешу свою месть. Минька уже успокоился и жаловался матери на своего старшего брата, который укусил его за ногу, а про змею он вообще не упоминал, и насколько я могу судить, он даже не понял, что был на волосок от смерти. Да и не кончилось еще ничего, сейчас отек начнет и от того насколько сильным он будет, зависит его жизнь.

До самого вечера возился с ножами, откопанными на пепелище, пытался вырезать из березы ручки, не получилось, сверлить нечем, поэтому бросил это дело. К сожалению, использовать ножи по назначению пока было нельзя, в результате пожара они потеряли закалку. Самому закалить мне их вряд ли удастся — до нужной температуры не смогу костер раскочегарить, да и сталь в это время была другая и, следовательно, калий ее надо тоже по-другому. Завтра пойду в кузницу, денег у меня нет, но может быть трудом возьмет. Как я и подозревал, Миньку спустя полтора часа начало лихорадить, сначала он хныкал, а потом впал в какое-то полусонное состояние, мать забеспокоилась и отправила меня за помощью к

Дыбе, мол, он в этих вещах разбирается. Ну, нашел я этого Дыбу, хотя и побегать пришлось, толку-то, разбирается он, как же, в лошадиных болезнях может он и разбирается, обязан разбираться, а вот в человеческих сомневаюсь. Этот идиот, осмотрев маленького и узнав, что его укусила гадюка, вообще заявил, что до утра пострадавший не дотянет:

— Помрет, как есть помрет.

Пришлось потом полчаса мать успокаивать и объяснять ей, что змея в полную силу еще не вошла, а потому есть шанс обойтись без 'помрет'. Змею, не смотря на протесты, ближе к вечеру все-таки запек и с удовольствием употребил, но ожидал, честно говоря, большего. Зато потом долго смеялся над Дашкой, которая смотрела на меня как на самоубийцу, даже анекдот ей рассказал, тот, где одна змея спрашивает у другой:

— Слушай, а наш укус смертельный?

— Да, — подтверждает другая.

— Тогда я сейчас помру, я себе язык прикусила.

Вроде бы смешно, а Дашка в слезы, пришлось тоже долго успокаивать и проводить ликбез по поводу опасности укуса змеи и оказания первой помощи. Подозреваю, не сильно мне поверили, кто ж дурачку поверит, но хоть в чем-то успокоил народ.

Утром погода резко сменилась, небо налилось свинцовыми тучами, а ветер стал налетать порывами. Дождя еще не было, но то, что он скоро будет, никто не сомневался. По-хорошему, надо было бы отсидеться в шалаше, но дело, прежде всего, поэтому, несмотря на предстоящий дождь, рванул по прежнему маршруту.

Кузницу отыскал довольно быстро, да и трудно ее было не отыскать, дым пережигаемых на угли дров и звон железа не дал промахнуться. Да..., опять ломка стереотипов, в моем понимании кузница это некая мастерская, в которой, прежде всего, есть огромный горн с мехами для нагнетания воздуха и немалых размеров наковальня с неременным наличием мускулистого молотобойца. Здесь же все выглядело не так, вернее не совсем так — горн отсутствовал, его функцию исполняла некая конструкция из камней чем-то похожая на алтарь, причем прямо на этом алтаре был разложен обычный костер. Чтобы получить требуемую температуру, сбоку от костра стоял подросток и нагнетал крылом какой-то большой птицы воздух на раскалившиеся угли. Дрова пережигались тут же, рядом и видимо, чтобы не терять время, там же набирал температуру прут железа. Наковальни я не увидел, зато отыскал глазами нечто похожее на лапу для ремонта обуви вбитую в крученную сучковатую колоду. Особо требуется сказать о кузнеце, опять же в нашем представлении, кузнец должен быть, если не пышущем здоровьем могучим мужиком, то уж крепким телом и мускулистым точно. Ничего подобного, мужичонка был худеньким и суетливым, да и характер у него был не очень, он постоянно покрикивал на своего помощника, а при случае доставал того палкой и судя по недавним следам не только по спине:

— Куда машешь, дурья башка? — Рычал он при этом, — с краев в середину поддувай, видишь, жар по сторонам уходит. И дерево сдвинь, чтоб через него тоже поддувало.

Хреново, с таким кузнецом мне договориться явно не получится, может здесь еще где-нибудь кузня есть?

— Кто таков? Чего надо? — Это кузнец соизволил меня заметить.

Надо сказать, несмотря на грозный вид, недовольство его показалось мне не таким уж серьезным, да и в чем проблема, не укусит же. Хотя, я покосился на побитого подмастерье, этот может.

— С Лисьего я, — и, чтобы не выглядеть слишком наглым, шмыгнул, — дом наш

погорел, вот ножи из пепелища забрали. Только пользоваться ими нельзя, закалка сошла. Закалить бы.

Мужичок забыл о помощнике и отложил палку:

— Эх, ты. Говорили у вас все село по миру пошло.

— Знамо дело, — пришлось поддакнуть, — до зимы не отстроишься, придется землянки ладить.

— Дык, к сородичам пока пристройтесь.

Дальше начинаем давить на жалость и не забывать, что актерское мастерство не терпит фальши. Описываем текущую жизнь погорельцев, не сгущая краски, вздыхаем по поводу беспросветного будущего и как бы невзначай поминаем о тяжелой сиротской доле.

— От жжешь, — протянул кузнец, — дык как зиму-то бедовать будете?

— Не знаю, — пожал я плечами, — как землянки наладим, охотой пробиться попробуем. Да и рыбу зимой бить можно.

Кузнец вновь хмыкнул:

— Охотой оно, конечно. Только не охотники вы там, да и зимой в лес просто так не сунешься, когда морозы пойдут волки в стаи собьются, а там и опытный охотник отбиться не сможет. Нет, в зиму у нас охотой не прокормишься. Ладно, давай свои ножи, откалим да кромку отобьем, что б остроту держали.

Работал сей индивид на удивление ловко, сначала прогрел железо на костре, потом сунул на угли, и когда железо налилось малиновым светом, сунул его в мокрый песок. Калил не в масле или воде, как я предполагал, а в мокром песке. Следом маленьким молоточком отбил кромку на той самой пятке, которая была вбита в колоду, и в конце перешел к заточке.

— Ручку из чего делать будешь? — Спросил он, когда уже правил лезвие на наждачном камне.

— Из березовой коры, думал сделать, набором.

— Ага, пойдет, — при этом кузнец, внимательно осмотрел самый конец штыря рукоятки, — зашип остался?

Зашип это железка с вырубленной щелью, которая одевается на самый кончик штыря, дабы рукоять с него не слезала.

— Ага, — подтвердил я, радуясь, что мужичок не заикнулся об оплате.

— Вот, бери, — кузнец сунул мне заново закаленные лезвия, — окалину сам собьешь и песочком сотрешь. Чего еще надо будет?

Мог бы и не спрашивать, различного мелкого железа у меня много, получается, зря я решил не наглеть, но и не факт, что увидев мои хотелки, кузнец проявил бы такую благотворительность. Хотя:

— Пару бы крючков мне для рыбалки на большую рыбу, железо на днях принесу.

— Эт что ж за крючки такие — для рыбалки? — Почесал остатки своей растительности на голове мужичок.

Объяснить? Это мы запросто. Разравнил песок, в котором он калил ножи, и прутиком нарисовал крючок в натуральную величину, а потом укрупненно прорисовал бородку, который не даст пойманной рыбе соскользнуть.

— Ага, видел такие, — обрадовался кузнец, — только здесь железо с углем томить надо будет, чтоб не гнулось.

Это он про цементацию что ли? Вот тебе и кустарь, оказывается эту технологию уже давно знали, а я то думал...

— К завтраму сделаю, вечером приходи, или к пятому дню до полдня и железо свое приноси, посмотрим что с ним сделать можно. И другим там скажи, что ненужное железо выкуплю за работу, поди, не у одного тебя что-то на пепелище остались.

На вопрос где мне найти здешнего батюшку, мужичок принял задумчивый вид:

— Так это, батюшка-то у нас есть, только он в кремле, в Спасской церкви, но туда тебя не пропустят. Здесь церковь пока не отстроили, а так в приказной избе только дьяк. Если что важное, то только через две седмицы батюшка будет. Хотя... Можно и в новую церковь Знаменскую, за Идой, год как отстроили, но там батюшка не сильно с воеводой в ладах, да и при женском монастыре она.

Ну что? Дьяк так дьяк, это у жителя двадцатого века сформировался отрицательный образ дьяка, а здесь и сейчас это очень уважаемый человек, можно сказать второй после первого. К кому обращаться, если не к нему? К приказной избе пришлось добираться довольно долго, и проблема образовалась вовсе не из-за расстояния, а из-за того, что улочки в слободе были какими угодно, но только не прямыми. Короче засада, причем полная, никогда бы не подумал, что в округ острога столько болот, тот Иркутск, который я знал, болот совсем не имел, а здесь... раза три приходилось возвращаться до ближайшего проулка потому, что улочка упиралась в очередное озерцо. Хоть дьяк был на месте и к моей радости желающих с ним 'поговорить' было не так много.

— Чего тебе, малец? — Наконец обратился ко мне представитель власти, при этом никакого особого недовольства я не заметил.

Рассказ о бедах в Лисьем много времени не занял, но, к сожалению, все мои потуги канули в лету, выслушали меня внимательно и даже пару раз переспросили, демонстрируя внимание к моим стараниям, однако на этом все. Мол, молодец мальчик, складно умеешь излагать, спасибо. Это что, получается, от меня пытаются отмахнуться? Не, так дело не пойдет, нужно срочно перевести все это в другой статус, и в какой-то мере этого дьяка заинтересовать. А заинтересовать можно по-разному, можно чем-то материальным, но то не мой случай, а можно и иначе — неполучением звиздюлей от батюшки, тоже своего рода благодать, вот к этому и будем подводить.

— Погоди малец, — встрепнулся дьяк, когда осознал, что решение вопроса требует привлечение более высокого сана, — зачем же отца Игнатия беспокоить?

Недоуменно пожимаю плечами и отвечаю в том духе, что люди до отчаяния доведены и некоторые уже готовы на себя руки наложить — не верят, что общество и вера помогут их семьям пережить суровую зиму, а видеть, как родные один за другим покинут этот мир, хуже смерти.

— Если человек слаб в вере, так бог ему не сможет помочь.

Вот ведь скользкий тип, вывернуться пытается, ты мил человек в наше время хоть немного бы пожил тогда и ввязывался в спор:

— В том-то и дело, что люди один на один со своим горем брошены, от того и послабление в вере, — рассуждаю я, как бы сам с собой, — а ежели б всем миром помочь, 'с миру по нитке — голому рубаха', да батюшка погорельцев бы навестил, укрепились бы в вере пуще прежнего.

Эк, нашего дьяка перекосило, пусть теперь попробует отказать, и долго с ним рассусоливать некогда, по своим делам пора, дождь уже не хило так накрапывает, к вечеру разойдется, а у ребятни с одеждой не слишком хорошо. Появилась тут у меня по ходу небольшая идея — попробую этому самому обществу на жалость давить, а для этого надо на

уважаемых людей выйти. Просить у них ничего конкретного, конечно, нельзя, а вот пригласить на погорельцев глянуть стоит, оно ведь на уровне разговоров не так страшно представляется, зато, когда своими глазами, совсем по-другому получается. К тому времени, когда мне удалось добраться до торга, он уже с началом дождя завершился и все причастные к сему благородному действию в данный момент споро упаковывали свой товар на телеги, поглядывая на небо. Засада, пролетел. Нет, чтобы с самого начала подумать своей 'бестолковкой', теперь делать заявления бесполезно, люди просто не обратят внимания на крики мальчика, а если и обратят, то сделают вид, что не расслышали. Все, здесь больше делать нечего, осталось еще в Знаменку заглянуть.

М-да. Пройти в Знаменскую церковь оказалось не просто, я-то по старой памяти рванул прямо к устью, где в двадцатом веке был построен мост, и пролетел, пришлось подниматься гораздо выше по течению, туда, где Иду можно было перейти вброд. Да и бродом это можно было назвать только условно, на самом глубоком месте мне было выше пояса, хорошо, что предварительно одежду снял. Батюшки на месте не оказалось, он по делам в кремль отправился, зато судьба столкнула с игуменьей.

— Так сколько, говоришь, домов погорело? — Устроила мне допрос настоятельница.

— Дык шестнадцать дворов, — я намеренно не стал говорить про дома, потому как дом двору совсем не равен, если судить по площади, то дворовые постройки были всяко больше дома.

— И что дьяк обещал?

— Ничего он не обещал, сказал, что это наказание божье за слабость веры.

Лицо настоятельницы враз потемнело, и рука сама наложила крест:

— Что, прямо так и сказал?

— Ага, — подтвердил я, стараясь сделать незаинтересованное лицо, — я б к нему и не пошел, да мамка с малыми в шалаше одна, даже укрыться нечем. Как бы не случилась лихоманка с кем.

— Хм, — игуменья бросила взгляд на монастырские постройки, — пойдём ка со мной.

Через часа полтора я, бодро перебирая босыми ногами по начинающей раскисать узкой дороге бежал к броду, таща на себе приличный узел с одеждой. Обратный путь до шалаша проделал споро, еще бы, холодный дождь, знаете ли, способствует. Несмотря на то, что от быстрой ходьбы да еще с грузом в целом замерзнуть мне не грозило, чувствовалось, что босым ногам очень не комфортно, не подхватить бы какую простуду, в эти времена это более чем чревато. Порадовало, что шалаш у нас получился качественным, дождь был не страшен, нигде не подтекало, да и ребятня, оказалась в относительном тепле, кто-то из селян, проезжавших мимо нас, поделился с матерью старой облезлой медвежьей шкурой, видимо она использовалась предыдущим хозяином при ночевке в лесу. Теперь пригревшись, малышня затеяла возню, и изредка жаловались друг на друга мамке, однако одежда и кошма, которую я принес, лишней не оказалась. Хорошо, еще один груз с плеч долой, но мне сейчас не до отдыха, поэтому подхватил топор и айда в лес за дровами, без костра не обсохнешь.

За часа два натащил большую кучу толстых сучьев, чтобы хватило на всю ночь, а заодно надрал березовой коры, вот никогда не думал, что снимать кору не так просто, надо бы у знающих людей спросить, а возможно, сезон тоже играет свою роль. Вареная рыба, которую мать приготовила в горшке на углях, мне не шибко понравилась, все-таки вкус у запеченной намного лучше. О жареной рыбе можно только мечтать, и проблема не только в отсутствии нужной посуды, здесь вообще не принято так готовить. Вскоре дождь еще усилился,

пришлось увеличить расход дров, если к ночи он не стихнет, будет мне 'на орехи'. Дабы не сильно мерзнуть, проложил сзади пласты мха, который еще вчера содрал в лесу и сушил на навесе, но видимо мох не успел просохнуть, так как тепло почти не держал. В конце концов, решил подсунуть застывшие ноги под Лентяя, пес хоть и выразил свое недовольство, но был вынужден терпеть. Ничего, зато у него своя шуба есть, а у меня ноги голые, определенно надо как-то решать вопрос обуви, а то еще одно такое ненастье и слягу. Оставшееся до темноты время провозился с ножами — из коры нарезал квадратиков, нанизал их на ручку, укрепил защипом, а потом, потихоньку срезая кору вдоль ножа, стал формировать ручку. Прямо скажем, получилось не очень красиво, но функционально ножи стали полноценными. Слава Всевышнему к ночи дождь прекратился, порывы ветра, задувающие иногда дым от костра под навес, тоже иссякли, и я с удовольствием одел хорошо просохшую рубаху, вот теперь можно и ночь коротать.

Утром никуда не пошел, погода так и не наладилась, по-прежнему низко быстро плыли свинцовые тучи и, так же как и вчера, изредка пробрасывала холодная морось, вот тебе и Август месяц. Решил заняться изготовлением колодки для обуви, шкуры пока нет, но озаботиться заранее приспособлением и инструментом надо. Еще надо где-то дратвы достать, можно и самому ее сделать, но тут есть сложность, вручную ее скручивать долго, да и смолить без скипидара те еще канитель, лучше приобрести готовую, тем более говорят, продают ее 'задаром'. Впрочем, у меня и для 'задаром' ничего нет. Пока возился с колодкой ко мне под навес, с подачи матери, которая хотела сходить в ближайшее село, перебралась малышня, ну как же, интересно чего это дур..., то есть, старший брат мастерит. Им даже шкуру перетасили, чтобы теплей было, и естественно моя работа резко застопорилась, это они к взрослым лезть боялись, а меня равными себе считали, поэтому постоянно приходилось следить за всякими колюще-режущими предметами. Даже Дашка, вроде бы уже соображающая девица, и та своими 'зачем', 'почто', 'а откуда ты знаешь' достала, вот чего теперь делать? Думаю, использовать меня в качестве няньки не производительно, тем более, когда у нас такая засада, но сбежать нельзя, оставили всех на мое попечение. Кстати, прогресс. О! Придумал. Детки этого времени сказками не избалованы, если им чего-нибудь рассказать, то они все забудут и будут сидеть и слушать. Только вот чего им рассказать? Насколько я помню, у людей этого времени фантазия отсутствует напрочь. Нет, не так, не отсутствует, а просто не развита, поэтому сказка вроде колобка будет ими не понята и начинать надо с 'Репки'.

— Даш, хочешь сказку услышать? — отбирая в очередной раз нож у Лисаветы, спросил я сестру.

Девчонка мгновенно заинтересовалась, про то, что сказки существуют, она слышала, но что они из себя представляют, нет:

— Хочу.

— Ну, слушай. Давно это было...

Простенькую сказку я умудрился растянуть на добрый час. Потому как рассказывал неспешно, отвлекаясь на крестьянский быт и диалоги персонажей, которых в оригинале не было и в помине. Так, бабка сначала отказала деду в помощи по вытягиванию овоща, по той причине, что он уже месяц как не может сделать новое корыто, и тому пришлось взять на себя повышенные обязательства. А внучка не могла помочь, так как заблудилась в трех соснах, и пришлось прибегать к помощи Жучки, в моем случае Лентяя, чтобы ее разыскать. Кошка долго договаривалась с псом о разграничении территории, а мышка поставила

условие сохранности своей шкурки. А в конце мудрый ворон (и чего я его сюда приплел?), выступил гарантом выполнения договоренностей. В общем-то, получилось то, чего я и добивался, малышня, забыв обо всем, сидела, не шелохнувшись, только рты разинула, и моя работа успешно продвигалась к концу. Немного мешала соседка, которая пробегала мимо и 'зацепилась ушами' за мой неспешный сказ, она все время неопределенно хмыкала и этим сбивала меня с мысли. Вторую сказку, про вершки и корешки, которую запланировал, рассказывать не стал — много хорошо, тоже не хорошо, пусть у 'мелких' в голове первая уложится, тогда и о второй подумаем. Тем более, что теперь они были заняты обсуждая действия дедки и бабки, потешаясь над внучкой. По поводу рассуждающих зверей ни гу-гу, как будто это обычное дело. Кто сказал, что у детей восемнадцатого века отсутствует фантазия?

К обеду появились разрывы в облаках. Ура, ура, ура, погода восстанавливается. Как только солнышко немного подсушит, пробегусь недалеко по лесу надеру коры — надоело, понимаете ли, без элементарной посуды, даже чтобы водички попить приходится у ручья в позу атакующего крокодила становиться. Как мне тут по секрету сказали, березовую кору действительно драть уже поздновато, обычно дерут ее в июне, но если сильно приспичит, можно и под осень, только обдирать ее несколько труднее и сушить много сложнее.

Наконец, вернулась Васькина мать, принесла немного сухарей, ржаной муки, два куса грубой ткани и выдавшие виды кожаные тапочки непонятной формы. Я так понимаю это мне, тапочки из кожи — поршни, приходилось слышать о такой обуви на Руси, теперь вот довелось увидеть воочию, а куски ткани, скорее всего онучи, вроде портянок до колена, их еще веревкой крест-накрест подвязывают. Странно, но за эти три дня, что я здесь нахожусь ни у кого такого не видел, или сапоги или вообще босиком. Однако мать легко разрешила мои сомнения:

— Одевай, — усмехнулась она, — лето чай кончается, пока снег не ляжет, все в кожанцах ходить будут.

О, как! Ну и ладно, тем более веревочка для подвязки тоже в наличии оказалась. Прямо скажем не лучшая обувь, слишком тонкая кожа на ступне, но по сравнению с босой ногой более чем прогресс. Раз такое дело решил двинуться на разведку в лес, посмотрю как здесь с дичью, если пушного зверя охотники в первую очередь выбивают, прочей живности должно быть еще достаточно. Сборы были недолгими: сунул за пазуху пару сухарей, завернутых в тряпицу, топор за пояс и нож в руку, звать Лентя не понадобилось, тот каким-то чутьем все понял правильно и нетерпеливо нарезал круги. Несмотря на нехватку времени торопиться не стал, потеть охотнику в тайге не желательно, от человека и так запахов хватает, а когда весь взопревший будешь по лесу шарахаться, какой зверь тебя не учует? Ну что сказать, Лентяй был в основном натаскан на мелкую живность, это было видно по тому, как он тщательно обследовал пространство вокруг, подсовывая свой нос под все коряги. Часика через два возле какого-то ручейка наткнулись на звериную тропу, судя по отпечатанным копытцам, здесь проходили косули, местность вокруг была болотистой вот и набили они тропу. Поглядел на Лентя, тот беспокойства не проявлял, следовательно, ничего достойного внимания по близости нет. Поэтому смело повернул вверх по ручью, против ветра. Метров через двести Лентяй сделал первую 'стойку' — пес вытянул морду вперед и застыл, нервно поводя ушами, так, впереди что-то или кто-то есть, так как ветер на нас, то он учуял первым. Хорошо, конечно, что Лентяй обучен охоте, но его умение мне пока без надобности, дистанционно достать добычу я просто не в состоянии, даже если бы у меня был лук и я хорошо стрелял,

взять косулю стрелой с расстояния больше двадцати метров нереально, а она меня и на пятьдесят не подпустит. Только если засада... Стоп! Так почему не попробовать? Стараясь не шуметь, я под удивленным взглядом пса повернул назад. Место для засады выбирать долго не пришлось, в одном месте тропинка пробивалась через довольно таки густой кустарник, но видно через него было хорошо, поэтому убегающие животные не должны были здесь снижать скорость. Дальше я топором вырубил тонкую длинную палку и заострил ее с одного края, другой конец воткнул прямо в землю тропинки под углом так, чтобы острие поднималось на метр. Но животные дуростью не страдают и бросаться грудью на заостренный кол не будут, поэтому пригнул палку к самой земле, заблокировал конец веткой, которую в свою очередь прижал колышком с выступающим сучком. Теперь достаточно лишь чуть-чуть тронуть веточку, как она выскакивала из-под сучка колышка и отпускала острие палки. Все это я проделал с предельной осторожностью, чтобы не оставить заметных следов, косули животные осторожные почуяв опасность они сразу свернут с тропы, ищи их потом по всему лесу. Обход стороной занял примерно около часа, а потом вместе с Лентяем ломанулись на то место где, по моему мнению, кормились животные. Странно, но с первого же раза мне сопутствовал успех, хотя больше я так делать не хочу, ловушка сработала, но сработала она несколько не так, как задумал. Ветка, сбита передним копытом косули, распрямилась не сразу, поэтому острие вошло не в грудь, а в нижнюю часть живота и сразу добыча убита не была, пришлось добивать, а если учесть, что при этом смертельно раненое животное пыталось рваться в разные стороны, сами можете представить — приятного мало.

Вот теперь настало время на проливание пота, хорошо хоть день пока еще относительно прохладный. О том чтобы тащить тушу около тридцати килограмм на плечах при моих сорока, не может быть и речи, поэтому быстренько соорудил волокушу, впрягся в нее и вперед. До шалаша добирался часа три, и лило с меня в три ручья, да уж, не привычно мое тело к труду, хотя вроде сил должно быть достаточно. Разделять тушу помогали соседи, и помощь их понадобилась не потому, что сам бы не смог, смог бы, опыта прошлой жизни вполне достаточно, а потому, что никакой посуды у меня нет. Мясом все равно с соседями делиться, а шкура и требуха и так наши будут, так что помощь их вполне своевременная и нужная.

— А скажи, мне Митрофан, что там в Лисьем случилось? — Отец Игнатий требовательно уставился на дьяка.

— 'Добрался-таки малец до батюшки', - пронеслось в голове у служащего, — 'И кто его только в кремль пустил? И чего теперь делать?'

Воевода на счет помощи строго предупредил, погорельцам никаких поблажек, если задумают строиться, пусть лес на корню выкупают. Насчет леса это Афанасий Тимофеевич загнул, где ж это видано, что б в Сибири за лес на корню платить? Чай не Москва, и то токмо в самой столице. А вот бревна заготовленные на ремонт стен и башен отдавать действительно нельзя, сухие они, а работ много запланировано, на башни сырой лес никак нельзя ставить.

— Дык, погорели они, — ответил Игнатию дьяк и, пытаясь оправдать свое безделье, продолжил, — пока к воеводе выбранные не приходили, помощи не просили.

— А придут просить, чем помочь сможете? — продолжал напирать служитель церкви.

— Дык пусть придут, тогда и посмотрим, что Афанасий Тимофеевич решит.

— Ах, ты крапивное семя! — Возмутился отец Игнатий. — Люд уже пять дён там без крыши над головой, дети малые голодать начинают, а ты тут чьего-то решения ждать решил? По уложению должен для погорельцев запас отдельный храниться, где он?

— Нет отдельного запаса, — начал оправдываться Митрофан, — все должно быть в общем амбаре, а на сегодня там пусто, через неделю только первый закуп ржи объявим. Да и казакам задолжали, под них тот закуп, шибко они недовольны, наш предыдущий воевода Иван Петрович Гагарин, уже год как им содержание не давал.

— Подожди, — служитель, остановил поток словоизвержения дьяка, — ты хочешь сказать, что сегодня в хлебном амбаре совсем ничего нет?

— Нет ничего, — подтвердил Митрофан, — да и быть не может, в прошлую неделю, на купце оставшиеся триста двадцать пудов в Братск отправили, а в самом амбаре плотники работают, там еще и лестницу подправить надо.

Вот так, отца Игнатия такое откровение как обухом по голове — получается, был один вор, воевода Гагарин, божьей милостью избавились, так теперь на его место другой вор сел, еще хлеще первого. В закуп верилось слабо, в казне денег нет, и это было известно совершенно точно. А то, что возьмут мытари — слезы, даже для кремлевских впритык, а уж на оплату казакам совсем ничего не останется. И провидцем не надо быть, чтобы понять, что произойдет дальше. Ох, недалекого ума нынешний воевода, неужели так своей жизнью не дорожит?

Как бы то ни было, а нынешняя зима из-за воровского племени будет сложной, а потому хлебный амбар при церкви отец Игнатий решил не заполнять, пусть все уйдет в Вознесенский монастырь. Да и денег под закуп ссужать нынешнему воеводе тоже не станет, и так долг к тысяче рублей подходит, лучше через монахов помощь организовать. А еще надо будет и настоятелям хвост прищепить, потому, как под видом помощи они страждущих в кабалу на свои земли загоняют, а это совсем не по-людски. Кстати, выводы о том, что все плохо, можно было сделать и по купцам, раньше при прохождении караванов, торговое сословие с удовольствием останавливалось в Иркутске, расторгивая часть товаров и

организуя набор новой команды, а теперь стараются обойти город стороной. Да все ночью или по туману норовят проскочить, сильно рискуя своими жизнями и товаром. Видимо еще Гагарин достал их всех своими поборами, не понимая из-за своей непомерной жадности, что тем самым своими же руками ограничивает доход от торговли. Свежи еще воспоминания от разграбления караванов казаками на Селенге и бурятами в Тункинской долине, последний караванный путь совсем прекратил свое существование, казакам в Тункинском остроге осталось только локти кусать.

А что будет теперь? Не будет у воеводы казны — не будет и мягкой рухляди, все меха мимо казны либо в Китай уйдут, либо контрабандными тропами на Енисей, лови их потом в заморье.

— Тогда вот что, — отец Игнатий принялся раздавать указание таким тоном, будто не сомневался в своем праве, — раз не можете хлебную помощь погорельцам сорганизовать, лес для строительства выделишь на отстрой сколько потребуется. И попробуй хоть копейку с них взять... Афанасий здесь может надолго не задержаться, а о себе подумать тебе бы не мешало. Кто захочет к слободе переселиться, место выдели, да хорошее дай, не абы чего. А я с игуменьей в Знаменском поговорю, даст бог с нашей помощью переживут они зиму.

Проводив служителя церкви, Митрофан серьезно задумался. Не то, что он и раньше не думал о своем будущем, но в свете пожелания подумать о себе... Это что же получается, потонет предыдущий благодетель Гагарин, а вместе с ним и нынешний воевода Савелов ко дну пойдет? Значит, следствие будет, и ему, дьяку, придется очень постараться, чтобы доказать, что к разворовыванию казны он отношения не имеет. Надо бы книги амбарные в порядок привести, да список расходов казны переписать, правда последнюю Афанасий при себе держит, но да время все равно найти можно, главное приказчика чем-нибудь занять. И самое важное, надо бы с казачками переговорить, зреет среди них недовольство, так вот, чтобы не оказаться крайним, следовало быть с ними повежливей, да поприветливей, а то ведь под горячую руку попасть можно. А так пусть воевода с приказчиком перед служивым людом ответ держат.

Про намек Савелова на обложение погорельцев дополнительными поборами пришлось сразу забыть, Игнатий не тот человек, который забудет свои указания, а потому надо будет все делать по закону и совести, а воеводе найдется чем ответить, ну какие могут быть у погорельцев деньги? А земля в Сибири нынче вовсе не забота, бери, сколько нужно, только работай на ней. Вот с выделением леса беда, тут надобно бы с приказчиком серьезно все обсудить, ведь что не так Афанасий сильно разобидится, что копейка мимо его носа проскочила.

Хм... Дьяк в задумчивости посмотрел на свою соболью шапку, висевшую на роге лося, надо бы в простую обрядиться, а то ходить летом в соболе слишком вызывающе. И тут в его памяти мелькнул образ того мальчика, который приходил два дня назад — с виду вроде как и обычный деревенский постреленок, а как разговор повернул, даже ему, немало поднаторевшему в казуистике, по душе кошки заскребли. И как босоногому удалось добраться до Игнатия?

Митрофан глянул в оконце на улицу, ага, по устроенным на улице солнечным часам уже полдень, пора к себе в дом на обед отправляться, а то потом до самого вечера пойдут дела.

Утро красит... Тьфу, привязалось же, ничего оно не красит, скорее скрывает за легким туманом, как я говорил раньше — импрессионизм. День обещает опять быть насыщенным, общество прознало о решении кузнеца и теперь горело желанием отправиться в путь на груженной телеге, потому как всякого железа это общество набрало много и надеялось его успешно переработать. На носу сбор урожая, а у людей даже серпов нет, не говоря уже о косах..., кстати, по поводу кос..., их здесь вообще нет, то есть о них никто ничего не знает. Надо взять на заметку. Но самое главное, как я понял из разговоров, общество, наконец созрело заняться решением вопросов своего будущего существования, поэтому в острог отбудут и наши наиболее уважаемые граждане, которые будут кланяться и заискивать. А вы как думали? Узурпирование властью решения всех вопросов, которые с наибольшим успехом можно решить без нее, не вчера родилось, несмотря на то, что места на сибирских землях в эти времена больше, чем может обозреть чиновник, разрешение все равно получить нужно. А уж, о рубке леса для отстройки погоревших домов вообще молчу, хорошо если облеченный властью человек — ЧЕЛОВЕК, а то ведь может попасться и чиновник, как в 21 веке в России. А тут уже все, если у него карман оттопыриваться не будет, тушите свет, выделит делянку где-нибудь у черта на рогах и сидит себе счастливый с чувством собственной значимости. Слава Всевышнему, что мне все их потуги до одного места — свое будущее существование с Лисым не связываю просто потому, что в более или менее работоспособное состояние войду к годам восемнадцати. А что эти четыре года прикажете делать? Нет, граждане селяне, хоть и хорошие вы, отзывчивые люди, но уж извините, а мне с вами не по пути. Нам бы эту зиму пережить, а там решим что дальше делать.

Пока у шалашей такой маленький локальный дурдом, по выбору наиболее достойных, или тех кто отбрехаться не сможет, беру внутренности косули и отправляюсь на речку, надо заняться изготовлением жил, а то ведь ни лески для рыбалки, ни струны для ловчих петель. С леской из жил, это я только пробовать буду, размокают они в воде, но вроде их как-то в масле льняном вымачивают..., но уж для петель они точно подойдут. Мда-а, вонючее это дело, однако, но ничего не поделаешь — надо. Потом еще шкуру надо выделывать, коры наготовить, а то даже элементарных ложек нет, щепочками из горшка приходится кашу добывать, мы ж не китайцы чтобы как они рис веточками доставать. Что-то я не туда, тут вонь такая, а я о еде.

День действительно оказался суматошным, с утра успел до кузнеца сбегать, он мне не только два крючка изготовил, но и ссудил метров двадцать просмоленного пенькового шпагата, раза в три толще дратвы. Вот ведь..., он что решил надо мной шефство взять? Вон как весело глазками сверкает, ладно, чтобы доставить ему удовольствие изображая щенячий восторг и обещаю, что первая добыча его. Если будет, конечно, что-то я не сильно уверен в своих умениях рыбака, одна надежда, что рыбы в эти времена..., как только в реке умещается. Не удержался, сбегал на речку Иду (ныне Ушаковку), она в эти времена не то что в мои, гораздо полноводней и заковыристей, это я о том, что берега вокруг нее топкие, а сама речка сплошь в протоках и в излучинах. Отобрал у Лентя мышь, которую он успел отыскать пока мы шли к реке, кстати, надо было видеть удивленные глаза пса, нацепил на крючок, привязанный к шпагату и на долгое время, примерно полчаса, стал старательно

прикидываться рыбаком. Сразу, естественно, не получилось, только на третьем месте удалось соблазнить щуку, рывок последовал такой, что я испугался за шпагат, но обошлось, на берег вытянул щуку килограмма на четыре. А если бы больше? Прощай крючок? Нет, нам такого не надобно, поэтому сложим-ка мы шпагат пока вдвое, всяко прочнее будет, хоть и короче.

— Ты смотри, всамделе поймал, — удивился кузнец, когда я притащил ему свой первый улов, — а я думал баловство все это.

— Так оно и есть баловство, — согласился я, — но лодку-то, никто ж мне не доверит.

— Лодку-то? Да, ее никто просто так не даст, — согласился мужичок, подкидывая березовые поленца в костер, — сам сделай, дело не мудреное.

Не понял, это он что, так меня подкалывает? Точно подкалывает, улыбку в усы прячет, вот ведь черт плешивый, а давай вместе в эту игру играть:

— Это можно, — делаю вид, что соглашаюсь, — только маленькую лодочку нам не надо, а для доброй широкой драни надо заготовить, а таких деревьев, какие нужны, поблизости нет.

— Это ж какие нужны? — Вскинулся кузнец

— Ну, в сажень-то вряд ли найдем, а так хотя бы в пару локтей.

— Хех, — мужичок сразу просек, мое зубоскальство, — да, в пару локтей найдем, только драть потом чем, никак клинья железные по локтю длинной ковать прикажешь?

— Так мы не клиньями будем, пилами распустим.

— Пилами долго, это ж почитай целый день в четыре руки пилить доску придется.

— Так-то одной пилой, — возражаю я, — а если сразу десяток пил им вручить?

— Как это сразу десять пил? — Удивился кузнец.

На песке рисую схему пильной рамы с боковыми ручками для ручной работы.

— Это да, — согласился он, — только где нам таких богатырей взять, чтобы столько пил тянуть?

Пририсовываю сверху блок с перекинутой через него веревкой, привязанную к пилам, рядом большое водяное колесо со вторым малым колесом на одной оси за опорой, еще один блок и 'привязываю' веревку к ручке, торчащей с боку второго колеса.

— Погодь, это чё? — Прищурился мужичок, разглядываю схему. — Колесо от мельницы, что ли? А это, веревка будет за пилы тянуть?

— Ага!

— Хех! Ну, ты и выдумщик. Не будет так никто делать.

Ну, не будет, так не будет, не доказывать же — старшие всегда правы, даже когда не правы. Пора соскакивать с неудобного разговора:

— Дядька кузнец, все спросить хотел, а почто мехов у тебя нет?

— Мехов? Да на что они мне? — Сразу насторожился кузнец. — Зачем спрашиваешь?

— Да слышал я, что мехи нужны, чтобы железо быстрее грелось.

Мужичок настороженно оглянулся на помощника:

— Михей, поди воды принеси в малой бадейке. Да не из озерца бери, из ручья набирай.

Когда парень выскочил наружу за водой, кузнец обернулся ко мне:

— Ты вот что малец, неведомо мне, откуда ты все это знаешь, но про мехи лучше молчи. С мехами уроки из кремля требуют, а у меня не те годы, чтобы тягло такое тянуть. Поэтому и работаю на дровяном пригреве.

— Все понял, дядька кузнец, — кивнул я, — про мехи молчать даже под плетью буду.

— Вот и молчи, покуда, а то ведь услышит кто, да и разнесет молва, а в кремле разбираться долго не любят.

Вот ведь..., блин горелый, здесь же везде натуральный обмен, налог просто так не возьмешь, а вот работой этот налог брать вполне возможно, и попробуй не отдать. Хотя и не крепостное право в Сибири, а все же полной свободы тоже не давали. Интересно, а с рыбаков тоже работой берут. Нет, не получится, наверное, мытари на торге свое получают. Интересно, а если лесопилку поставить, будут досками брать, или сразу лапу на все наложат? Отберут, как есть отберут.

К обеду успел прибежать обратно к шалашу, схватил топор и в лес за березовой корой, видел я одно место, где березки как на подбор — гладкие, чистые. Красоту я эту конечно подпорчу, но выбора у меня нет, надо. Как и в первый раз, поначалу получалось не очень, а потом вроде ничего пошло, видимо опыт появился, так что за пару часов нужным количеством загрузился. Ровного места для сушки коры, естественно не нашел, пришлось сушить на жердях, будет не совсем то, чего надо, но за неимением лучшего и так сойдет, не на продажу. В лесу вырубил от поваленной сосны кусок ствола поровнее, очистил от коры и притащил получившееся бревешко к шалашу, это чтобы шкуру выделывать. Так и занимался ей до самого вечера, пока не вернулись ходоки. Объявили сбор, слушать новости пошел с матерью, на хозяйстве оставили Дашку.

Вообще интересно было наблюдать за проведением схода. Сначала выступил старейший, кстати, выглядел он действительно как древнерусский старец, хоть картину с него пиши, и кратко обрисовал ситуацию, которую естественно все знали, так сказать из первых рук. Потом описал наше будущее, не пожалев темных красок, если резюмировать, то все свелось к тому, что лучше сразу помереть, чем потом мучиться. Ну и в конце своего сочиненного триллера, передал слово уважаемому члену общества, которому было поручено 'клянчить и заискивать'. На уважаемого, сей уважаемый явно не тянул, потому как общество по мере излагаемого им негласного протокола результатов встречи с представителями власти все больше начало выражать недовольство. Естественно никакой помощи власть предлагать не спешила, мол, сами виноваты в своих бедах. Лес для отстройки разрешили валить вокруг бывшего села, это единственное послабление, на использование запасов леса заготовленного на вырубках для строительных нужд кремля разрешения не дали. Что и следовало ожидать, о том, что при строительстве под зиму придется использовать сырой лес, естественно ни слова, и о том, как выживать таким семьям как наша, в таких условиях, тоже не упоминалось. Все, вопрос закрыт, завтра пойду искать место под строительство землянки, времени до начала холодов осталось не так много, возле слободки видел подходящее место. Что мне нужно я услышал, дальнейшее обсуждение и препирательства без надобности, имею жизненный опыт, поэтому пошел заниматься своими делами. Шкуру выскоблил хорошо, но вымачивать ее не стал, лучше пусть этим профессионалы займутся, просто свернул, чтобы не пересохла, и отложил пока. Ближе к сумеркам вернулась мать, я уже с малыми сидел у костра и, возясь с корой, рассказывал им очередную сказку, как и планировал про вершки и корешки. Малышня, как и ожидалось, потешалась над незадачливым медведем, но сказка опять обросла неожиданными персонажами, медведь оказался у меня не таким уж и глупым, в качестве консультантов при заключения договоров он сначала привлёк лису, а затем волка. Когда первый раз промахнулась лиса, медведь заставил ее съесть все вершки, то есть ботву, ну а волку, который тоже насоветовал, досталось и того хуже — два воза соломы. Кстати, насчет волка, в свой срок расскажу им про трех поросят, очень поучительная сказка, как раз

для нашего случая. Когда окончил сказку, сзади загомонили, оказывается вместе с матерью к нам пришли соседи и пока я тут старался для малышни взрослые тихо стояли за навесом и тоже грели уши. Нет, ну совсем обнаглели, нашли бесплатный театр.

— Дюже складно сказ выводишь, Васька, — похвалил меня дед Голеня, — где ж так научился?

— В слободе слышал, — мгновенно извернулся я, — есть там рыбак один, до сказа охочий.

Дед подкатил бревно чуть поближе к костру и по-хозяйски на него взгромоздился:

— Слышали мы, ты мать уговаривал к слободе переселиться, землянку копать. А хорошо подумал, землянка не дом, зимой осыпаться может, да и без печи, без тепла тоже не мед, может лучше под монастырский залог пойти?

Это чего, общество планы местного дурачка пришло обсуждать? Вот не было печали, ладно пообсуждаем:

— Землянки разные бывают, — пожал я плечами, — та которую хотел, от дома мало отличаться будет. Там и крыша добрая сделается и печь с трубой можно сложить. А монастырь не просто так помощь оказывает, он за это пожизненный налог требует, потом с его земли не уйдешь.

— С трубой? — Хмыкнул Голеня, игнорируя мои измышления по монастырю, — Ну с трубой, так с трубой. Так если землянка от дома отличаться не будет, зачем тогда в землю закапываться?

— Так, стены не из бревен будут, а из жердей, чтобы земля со стен не осыпалась, их и за день нарубить можно, малые бревна на костяк крыши пустить, и так же жердями закрыть, потом сверху кору и закрыть болотным дерном для тепла.

Болотным дерном здесь называли торф, и было его не то чтобы много, а очень много, вот только в строительстве в качестве утепляющего материала не использовался, потому как, во-первых: мыши; а во-вторых: почему-то считали его виновником всех пожаров. Оно и правильно, торф это такая зараза, тлеть под землей после костра может месяцами, а после того как дунет хороший ветер пламя из-под земли выходит наружу. Но для землянки это не страшно, так что тут особых ограничений нет.

— Хм, — задумался дед, соседи вокруг тоже загалдели.

— А что ты там про печь говорил? — Очнулся он после небольшого раздумья.

— А что печь? — Не понял я глубины проблемы. — Печь можно каменную сложить, но всю зиму она не сдюжит, хорошего камня в округе нет, один песчаник, перекладывать придется. А можно из глины кирпич сделать, на костре чуть подкалить и из него сложить. Работы больше, но зато потом не рассыплется и мягче тепло держать будет.

— Печника придется нанимать, а он деньги стребует, — возразил кто-то из соседей.

Из этой реплики я сделал вывод, что печник здесь очень уважаемая профессия:

— Не знаю, — снова пожал я плечами, — ничего в печи сложного не вижу, зачем печника за деньги звать?

— Дык ты ж про трубу говорил, а тогда печник нужен, — снова раздался тот же голос.

— Без трубы печь делать нельзя, — твердо, как обрубил, возразил я, — от того верно и село погорело. А труба не только дым отведет, но и искры погасит, и не даст в доме угару набраться.

— Село не от искры погорело, тати его подожгли. Ну а как не получится, что тогда? — Голеня смотрел на меня жестким взглядом.

Ага, нашел дурака, сейчас рассыплюсь в уверениях и ответственность на себя возьму, хотя я для них действительно дурак, но такой наезд надо давить сразу, а то потом сядут на шею, найдут виноватого:

— Чегой-то не пойму, общество что, пришло у дурака совета спрашивать? Так не от большого ума могу много чего насоветовать, только уши подставляйте.

Недоуменный гул мгновенно возник вокруг. О как еще народец подвалил, чего им не спится, время позднее.

— Да какой ты дурак? — Махнул дед рукой, — был дурак да весь вышел, вон как завертелся, будто муравейник в штаны попал. А так дело говоришь, до заморозков добрые дома поставить не получится, надо землянки ладить, да поближе к обществу перебираться, здесь нам зверье житья не даст.

— Так вроде же тут кто-то собрался отстраиваться?

— Головня, Касим и Валеха с сыновьями, пять дворов под одним загородом, — слышалось со стороны, — рабочих рук у них хватает, да еще артельных наймут, и то не все до холодов поставят. Так им податься все-равно некуда, почти вся рожь здесь ихняя.

Голенья тяжело поднялся с бревна, поворачиваясь к селянам:

— Ну вот, на том и порешим, поутру отправимся место присмотреть, а потом к голове идти надо.

Наконец-то, а то устроили здесь вече на ночь глядя. Хорошо хоть успел ножны доделать, жаль кружку не успел, сноровки еще нет, но заготовки уже наметил, завтра с утрачка пока собираться будут доделаю. Интересно, думал Батюшка сегодня приедет, ан нет, значит завтра будет, надо б на него посмотреть, надеюсь, он не из тех кто 'сигаретами торгует'.

Глубокой ночью в полудреме у костра вдруг всплыло в памяти:

'Тили-бом! Тили-бом!

Загорелся кошкин дом!

Загорелся кошкин дом,

Идет дым столбом!'

Хм, полностью сказку 'Кошкин дом' в стихотворной форме мне вряд ли удастся вспомнить, да и рифмы в это время другие, но сам сюжет хорош. Более чем хорош, народ должен будет сказку встретить на ура, или я чего-нибудь не понимаю. А вообще стоит померить свой пыл, вон как общество на меня сегодня вечером смотрело, советоваться пришли. Это же надо, с малым дураком совет держать. Бред! Понимаю, любому мальцу лестно такое будет, а мне вот нет, и сегодня Голенья явно продемонстрировал что за этим последует, тут даже не советовал, а только мысли свои высказал и уже к ответу пытались призвать. Нет уж, у меня своих забот хватает, а везти еще и такой воз не по силам, сам с удовольствием на ком-нибудь проедусь.

'И только небо засветилось,

Всё шумно вдруг зашевелилось'

Ничего не зашевелилось, сонное царство! Ох люди, вы ж раньше по темну вставали, ну и что, что погорельцы, это совсем не повод для расслабухи, наоборот именно сейчас и надо шевелиться, к зиме готовиться. Работы непочатый край. Ладно, я им не пастух. Бегу на берег Ангары, ищу местечко поглубже закидываю свой перемет с наживкой, умываюсь и обратно к костру, надо успеть из коры кружки доделать и полосок для берестяных корзинок нарезать, сам плести не буду, покажу Дашке как делать, пусть она руку набивает. Многого от нее

требовать не надо, потому как она важным делом занята, за малыми приглядывает. Пока народ раскачивался, успел доделать кружку, примерно на литр объемом, нарезал полос и показал сестре, как надо лущить кору. Где бы еще постного маслица найти, чтобы кору смазать, без него плести короба сущее мучение. Потом сбегал на берег проверил перемет. Есть — таймень, не таймень, но что-то похожее килограмма на три, обновил наживку и закинул снова. К обеду еще что-нибудь на крючок сядет. Наконец народ собрался и, недолго рассусоливая, двинулся в сторону острога. С ними не пошел, невместно мне вмешиваться своими советами, не по статусу да и пусть своим умом живут. Сам опять метнулся на заготовку коры, без тары совсем плохо, даже грибов не наберешь. Кстати, о грибах, отношение к ним здесь не то чтобы негативное, но безразличное, никто за пищу их не считает, скорее баловством считают. Оно возможно и правильно, когда-то читал, что, не смотря на уверения в питательности грибов, мол, чуть ли не мясо по составу, усваивается от них едва ли процентов пять питательных веществ. Так это или нет, но в случае полной бескормицы, уверен, на грибах долго не протянешь. А грибы здесь сейчас — ух, не ковер конечно, но много. Выбирал только белые грибы, жаль поздние они, отходят уже, а то, что рыжики призывно торчат, тут только вздыхать приходится, толку их без соли брать, хоть и говорят, что они тоже в жарке ничего, но на любителя.

По приходу снова проверил перемет на реке, да-а, не все коту масленица, ну и что, эта вещь такая, есть пить не просит, времени не отнимает, закинул снова и назад. Грибы немного 'расчленили', нанизали на палочки и развесили сушиться, потом показывал Дашке как плести коробА, немного льняного масла выделили соседи, потихоньку у нее стало получаться. Конечно, коробА из лыка и прочнее и долговечнее, но да где в Сибири липы сыскать, можно попробовать с осины драть, но это уже весной попробуем, если время будет. Малышня тоже захотела приобщиться к процессу, знаю, что ничего нормального они не сделают, только перепортят гору коры, но все это необходимые издержки, отлучи их от дела, работать не дадут.

После полудня к нам на поляну заехали селяне из Дальнего, это те кто живет в лесной глухомани, там в основном охотники селятся, летом в острог шкуры возят, зимой меха. Путь от них не близкий, пешком-то по тайге еще можно ходить, а вот с телегой пробраться, тот еще геморрой. Но как-то пробираются и где-то возле Лисьего на основную дорогу выезжают. Вот они после продажи шкур к нам и заехали поделиться с погорельцами чем могут. У них у самих не очень-то с вещами, ведь здесь какая засада, вроде бы меха основа существования восточной Сибири, на охотников основная надежда, а к ним отношение хуже некуда. Не ценится их труд, от слова совсем, а все потому, что закупка мехов здесь и сейчас монополизирована, сколь цену назначат, столько и будет. Мол, если не нравится, можешь зверя не бить, других желающих сдать рухлядь за бесценок хватает. Голодать они, конечно не голодают, мяса в качестве побочного продукта у них предостаточно, вот только жить на одном мясе тоже как-то не очень комфортно, а они нам помогать. Вот ведь как в жизни бывает, зажиточный кремль помогать не спешит, даже строевого леса пожалел, а вот такие же нищие, как и мы, готовы последнюю рубашку отдать. Мать одарили туесом с кедровым маслом и половинкой медвежьей шкуры, это как раз в тему, наконец-то будет чем нам всем укрыться, а то надоело все ночи напролет у костра вполглаза дремать. Отдарился свежей рыбкой — еще одна добыча на крючок села. Когда солнце хорошо так пригрело, погнал всех к старице на купание.

— Я в воду не полезу, — заявила Дашка, — здесь камыши растут, значит, болотный черт

водится.

— Кто тебе такую глупость сказал? — Вытаращился я на нее — просто давить бесполезно, поверье в эти времена стойкие, а люди упертые, не верят даже своим глазам. — Во-первых: это не камыш, а рогоз и у него корневища съедобные, потом парочку выдерем, попробуем на углях запечь, а во-вторых: болотный черт только в болотных озерах водится, а это неглубокая речная старица, вода чистая и в ней черту негде сидеть.

В глазах Дашки сомнение, уже хорошо, пора личным примером показать, что 'не так страшен черт, как его малюют'. Купались, стирались и обсыхали гольшом, в эти времена все было много проще, одежда предназначена не для того, чтобы стыд прикрывать, а для того, чтобы теплее было. Вернулись к шалашу когда солнце было готово нырнуть за гору на противоположной стороне реки, все-таки одежда сохнет не так быстро как хотелось. Оказывается за время нашего отсутствия нашу стоянку навестило духовное лицо, на все про все у него ушло около часа, это если судить по рассказу матери. Так как в основном взрослое мужское население было в 'командировке', осматривали места для землянок, отцу Игнатию ничего не оставалось как совершить скоростной вояж по шалашам и утешить всех присутствующих добрым словом. Ничего не имею против, вон как люди приободрились, поняли, что не забыли о них, не дадут сгинуть в холодную пору. Ходоки вернулись значительно позже 'явления духовного лица народу', и теперь бурно обсуждали в широком кругу присмотренные места, и так и сяк сравнивая достоинства и недостатки каждого. Греть уши не стал, дело это долгое, можно сказать бесконечное, и еще не раз и не два переиграют, нам важен конечный результат, так что для наблюдения хватит одной матери. А мы снова занялись своими делами, я за дровами, Дашка за плетение, малышня ей 'в помощь'. Потом сбегал на пожарище поискал в огородах овощей, к удивлению нашел, так как ботва от пожара погорела отыскать что-либо в огороде было не так уж и просто, репы штук шесть корнеплодов из под пепла оголилось, луковиц набрал, правда мелких, но и то хорошо и морковки три штуки отыскал. Морковь, конечно сильно от современной отличается, корень некрупный да еще на конце раздвоенный, мда-а, где вы российские селекционеры. Была еще капуста, но там ловить нечего, вилки рыхлые, осклизлые, да еще со стороны пожарища обугленные. Когда собирался уходить, наткнулся на мышиную 'нычку' — воровка горох туда стаскивала. Было его немного, горсточка всего, но нам сейчас все в пользу, замечательный суп сегодня сварим.

Как и предполагал, общество зацепилось разговорами основательно, уже глубокий вечер, а они все еще чего-то там обсуждают, поэтому ждать мать не стал, отделил рыбное филе от костей, нарезал кусочками, покрошил очищенные овощи и закинул это все в горшок. Соль добавлял с осторожностью, ориентируясь на вкус, черт его знает, какая она, в свое время привык к соли вываренной, а здесь каменная и даже не молотая. Поговорка: 'Недосол на столе, а пересол на спине' она не просто так родилась, за перевод дорогой соли в эти времена можно было запросто по спине отхватить. Варено получилось что надо — ложка стоит, Дашка и малышня уплетали за обе щеки, мне тоже понравилось, сытно, единственно, что пряностей нет, а приправ для полного счастья не хватает.

— Что это? — Недовольно спросила мать, зачерпывая из горшка деревянной ложкой мой кулинарный шедевр.

— Как что? Уха с овощами, рыбаки показали, вкусно. — Включил я дурака, что было, в общем-то, нетрудно.

— Да? А люди так для свиней готовят.

Это она к тому, что не принято здесь все мешать в одно варево, да и вообще понятия супа здесь еще как такового нет, есть похлебка, но там, как правило, что-то одно в горшке, а уха здесь просто бульон из разваренной рыбы. Причем предпочтение отдается бульону из рыбьих голов, как более наваристому, кстати, мясной бульон тоже уха. Так что мое 'Уха с овощами' для людей этого времени ничего не говорит. А что касается свиней, то здесь их действительно откармливают, но не из-за мяса, коего и так хватает, а из-за сала, которое много где используется: от консервирования до смазки. Поэтому пятачковых здесь кормят очень даже сытно, кому нужны спортивные хрюшки. Но это, я так понимаю, у матери ворчание из вредности, здесь считается, что при наличии хозяйки мужик не должен горшками заведовать. Ну, а какой я сейчас мужик? Так, намек на будущее, а на попытку наезда пожимаю плечами:

— Ботвинью тоже для свиней запаривают, однако ж, все ее едят и нахваливают.

— Так там другая ботва, — возразила она, что впрочем, не помешало ей в пять минут расправиться с остатками ухи.

— Вась, ты обещал рогоз на углях запечь, — встрепенулась Дашка.

На сытый желудок, да еще у костра, шевелиться не хотелось:

— Может, завтра запечем? — Попытался отбояриться от настырной сестренки. — На сыто, даже мед в тягость.

— Нет, давай сейчас, — почувствовав, что может сорваться проба, затребовала Дашка.

— Ну давай, парочку корней запечем, — пришлось согласиться иначе в ее глазах буду выглядеть обманщиком, — только вкус после ухи ты не оценишь. Рогоз-то с большой голодухи едят.

Так и получилось, запеченное корневище опробовали и пришли к выводу, что употреблять в пищу его можно действительно только с большой голодухи. Про сельский сход, мать выразилась в том духе, что надо меньше умничать и просто дело делать, слишком много споров вокруг очевидного решения. Ну, как я и думал, и даже предполагаю, о каком месте разговор ведется, только там поблизости к слободе можно землянки ладить. Чего тогда спорить и щеки надувать?

В эту ночь костер не поддерживал, просто завалился спать в шалаш, единственно кто пострадал это Лентяй, ночного подогрева от огня он лишился, попытку подлезть ко мне под бочок пришлось жестко пресечь, не хватало мне еще от его шерсти чесаться. Да и как он собрался зиму на улице переживать, если сейчас со своей шубой жметяся, в тепло его никто не пустит, это не двадцать первый век.

Утром народ пошел смотреть утвержденные нам места — 'Цыгане шумною толпой'. Я понимаю, те кто работать будет место смотреть идет, планы составлять, а остальные зачем? Фон базарный создавать? Что-то я сегодня с утра злой, вроде бы и не с чего, а поди ж ты, все раздражает. Прислушался к себе, ведь есть какая-то причина? Пришел к выводу, что причина в острейшем дефиците времени, саму землянку я сделаю без проблем, тут ума многого не надо, а вот кирпичей наделать, высушить, обжечь и печь сложить..., тут придется постараться. Работы в этом направлении придется резко форсировать, да еще про текущую кормежку и заготовку осенних даров забывать нельзя, где мы вдвоем с матерью все это вытянем? Если соседи попробуют на мне проехаться, пошлю их... далеко — некогда

отвлекаться. В этот раз, долгого обсуждения не последовало, видимо вчера до хрипоты наобсуждались, поэтому выделение конкретных мест прошло быстро и без споров. Сначала место нам выделили в серединке предполагаемого поселения, по мнению участников дележа — лучшее из того, что имелось, но мне оно шибко не понравилось, слишком мал был наклон холма здесь, куда я потом буду кубометры земли девать? Выпросил ближе к краю, где после небольшой площадки холм круто обрывался вниз, вот, будет куда землю сбрасывать. Речка получилась далековато, метров двести через чахлый подтопляемый лесок с завалами, впрочем, это не критично, все равно воду из ручья поблизости брать, это еще один плюс, а завалы на дрова пойдут. Такс, все определилось, осталось руки приложить, так как кроме меня с матерью работников нет, придется нам ближе к строительству перебираться, а потому сегодня снова займусь шалашом, и сегодня же к вечеру переселимся. Рядом еще расположится семья Болота и чуть дальше Голени, дед уже вовсю командовал великовозрастным сыном, заодно покрикивая на внука примерно моего возраста.

Новый шалаш поднял относительно быстро, то есть к полдню почти все основные работы проделал, мать на поляну отправил чуть раньше, пусть малышня собирает, ну и как натаскал достаточное количество еловых лап, сам следом отправился.

Вот скажите мне, откуда что берется? Вроде и вещей-то всего ничего, погорельцы все же, а пришлось два раза тропинку ногами бить и это если учесть, что малышня тоже внесла свой посильный вклад в дело грузовых перевозок. Но ничего, к заходу солнца кое-как обустроились. Закидывал перемет уже в темноте, переселение переселением, а о хлебе насущном забывать нельзя. Кстати, неожиданно для себя обнаружил, что в темноте вижу значительно лучше других, раньше-то я этого не замечал, на молодость Васьки списывал, а тут пришлось убедиться. Пока перемет забрасывал, на берегу столкнулся с соседями, насколько я понял они решили подсмотреть, как это удастся дураку столько рыбы из реки натаскивать. Естественно ничего они не увидели, хотя я это 'ничего' и не скрывал, а вот обратный путь для них оказался очень неприятным, если бы не моя помощь пришлось бы им долго в буреломах на ощупь пробираться, да еще и без потерь бы не обошлось — торчащих сучков в лесу много.

По зорьке на речку, умывание и проверка перемета..., вот как эта рыба называется: Кета? Лосось? Семга? Ну, не различаю я их, только знаю, что мясо красное. Короче, что-то из лососевых кило на пять, мать радуется, эту рыбу ценит высоко, а по мне осетр гораздо вкуснее. Так как копать предстоит очень много, озабочился поиском инструмента землекопа, то есть нужно кайло, для рыхления земли и лопата. О лопате можно забыть, не те времена, чтобы железо на такой инструмент тратить, а из дерева сделать мучение одно. Так что после недолгих поисков вырубил подходящие развилки крупных сучьев — один сук, по замыслу, должен был использоваться в качестве ручки кайла, а торчащий к нему почти под прямым углом будет использоваться как рабочая кромка. После вдумчивой обработки топором получилось нечто типа грубой, массивной мотыги, как раз то, что надо. Половину дня потратил на тачку, сам делать не стал, хотя и мог, но зачем, в слободе этих тачек много, я имею ввиду в нерабочем состоянии, поэтому мне их отдали без сожалений, мол, бери от щедрот наших. Выбрал две, из двух одну собрать всяко проще, не совсем так получилось, как задумывал, но и то, что вышло в работу вписалось. Ну а дальше... кубометры земли и литры пота:

— Снять дерн кусками, аккуратно отложить его в сторону — потом пойдет для выкладывания косой бровки выше по склону, дабы сильный дождь и талая вода с холма не

залили землянку;

— Нарубить суглинка, загрузить его в тачку и прокатить шагов двадцать до крутого склона. Это уже в бесконечном цикле. Десять — пятнадцать тачек в час;

— В качестве отдыха сбегать в лесок на заготовку березовых жердей, которыми нужно укреплять стенки землянки от осыпания.

День у меня теперь начинался монотонной работой и ей же заканчивался. Работал не спеша, не прилагая больших усилий, но монотонно. Дабы быстро не набить мозоли ручки своего инструмента обернул куском шкуры. Помогло, конечно, но от волдырей не избавило, я ж говорил: к работе привыкать надо. Береза в качестве строительного материала дерево не из лучших и форму не держит и гниет быстро, но для меня в самый раз, прочность мне как раз не нужна, на облицовку земляных стен пойдет, и долговечность не нужна тоже, долго в землянке жить не собираюсь. Зато стволы у березок белые, а при планируемом недостатке света это очень важно. Дашку с малышкой к работе не допускал, толку от них все равно не много, а риск травму получить большой, у них сейчас другая задача, пусть из коры короба плетут, тем более у сестренки получается все лучше и лучше. С 'котлованом' провозился целых три недели, ну еще бы, размахнулся на такие размеры, что соседи только в удивлении головами мотали, мол, чего с дурака взять. Да и сам потом пожалел, около сорока кубометров земли со склона спустить, это я вам скажу подростку далеко не просто. Но как бы то ни было, дело сделано, получилась огромная прямоугольная выемка в склоне холма, размером четыре на семь, облицованная березовыми жердями. Дальше, при помощи соседей, поставил из бревен конек на три опоры, одна получилась посередине, и уже к нему с частотой в метр приладил опорные бревнышки, на которые наложил жердей. Потом требуется наложить пласты торфа, закрыть корой, от осадков и сверху все это заложить дерном.

С торфом небольшая заморочка, за нужным утеплителем надо идти на речку Ушаковку, а вот привезти его сюда можно только на телеге, и перевозить его, несмотря на малый вес, придется минимум в три ходки. То есть лошадь нужна на весь день, и кто будет таким добрым, чтобы поделиться своим средством передвижения с сиротой? Эх, делать нечего, придется искать добрых людей. Мать мне попеняла, мол, вечно я чего-то выдумываю, вон соседи накат из бревешек мхом заделали и хорошо получилось. Вот не надо — соседи мне не указ, посмотрим, как у них по весне будет, когда снег начнет стаивать, да и осенние дожди тоже не сахар, хоть бы скат покруче сделали. Придется им потом сверху нечто вроде шалаша городить, вон Голенья с семейством сразу наклон нужный сделали, вот только землянка у них мне кажется слишком мала.

— Нет у меня сейчас ни денег, ни хлеба, ни овса, — рыкнул воевода обозникам, — закуп только на следующей неделе будет.

— Так позволь, кормилец, — тут же возразил казак, назначенный за старшего, — жить-то как прикажешь? Весной и так жалование не платили, говорили: по осени расплатятся, а теперь и хлеба нет. Ты уж, Афанасий Тимофеевич, совсем казаков решил извести.

— Нет у меня ничего, из Братска на ваше содержание ничего не прислали, можете сами туда отправиться.

Недовольный гул прокатился по обозникам:

— Нет, ты уж объясни обществу, — набычился казак, — как людям тогда жить, если ни денег, ни хлеба? Может, скажешь и соли тоже нет?

— И соли тоже нет, — подтвердил Афанасий опасение обозников, — и вообще без вас дел у меня много, так что ступайте себе подобию-поздорову.

На этом воевода развернулся и шустро скрылся за дверьми.

Обозникам только и осталось недоуменно переглядываться:

— Это что же такое творится? — Возмутился один из обозников. — Один кровопийца на нашей шее сидел, теперь другой на его место пытается сесть. При Гагарине хоть хлеб отдавали, и соль была, а этот совсем нас голодом морить собрался!

— А ну братцы, тащи воеводу на правеж!

Казаки подхватились с подвод и ринулись вслед за Афанасием, однако все их усилия пошли прахом, когда они вломились в комнаты воеводы того там уже не было — сбежал через вторые двери. Дьяка тоже не обнаружили, тот раньше своего начальника обеспокоился своей безопасностью. А вот подьячий не успел, за что и поплатился парой выбитых зубов:

— А ну, ведем в амбар, если жизнь дорога.

В результате полной очистки амбара, казакам удалось загрузить лишь три подводы из двадцати двух и чтобы их действие не расценили как грабеж, заставили приказчика все забранное записать в амбарные книги как выдачу хлеба в счет задолженности. На этом стихийные действия не закончились, казаки толпой двинулись искать воеводу, потому как полученное не могло даже в малой степени удовлетворить служивых. Однако сибирский правитель вдруг вспомнил о каком-то срочном, важном деле и отбыл в неизвестном направлении, так и пришлось казакам отправиться назад пустым обозом.

— Все, казаки, — озвучил на привале решение старший обоза, — пора отправлять в Тобольск гонца, а заодно челобитную в Москву писать. А не будет ответа, Афанасия на воротах весить, хватит, попили казацкой кровушки.

— Погодь, Тимофей, — возразил старый казак, — то, что ты по воеводе предлагаешь — бунт, нельзя воеводу жизни лишать.

— А нас по миру пускать можно? — Подвысил голос служивый.

— Тоже нельзя, — согласился старый, — тут всем миром думать надо, а не то горячие головы быстро полетят. Вот гонец из Тобольска вернется, тогда и думать надо будет. А вообще казаки, здесь не только в воеводе дело.

— Как это не в воеводе? — Встрял еще один служивый, — он наши денежки на себя извел.

— Извел? — Снова согласился станичник, — только сами вспомните, когда мы последний раз замирать ходили?

— Эк ты куда повернул, так ведь потому и не бузят, что казаков боятся.

— Вот и я про это, а говорю затем, что пора на землю казакам садиться, теперь походов больших не будет, надобность в казаках небольшая. Так, больше для пугала.

Последние слова вызвали недовольное ворчание служивых:

— А если монголы, да буряты как в восемьдесят шестом году? Чего тогда воевода делать будет?

— А вот если монголы, да буряты..., - старый казак хитро улыбнулся, — тогда да, тогда о нас сразу вспомнят.

— Ага, — вскинулся старший, и тоже сделал хитрое лицо, — а ведь видели мы как-то монгольский отряд, только догнать не смогли, лошади-то больные, почитай всю прошлую зиму без овса.

— Вот и я о том, — уже откровенно заржал старый, — как бы они на караван не напали.

Митрофан наблюдал за бузой служивых со стороны и хвалил себя за предусмотрительность. Он когда еще только казаки показались на дороге, быстренько покинул приказную избу, потому как знал, чем это дело закончится: Афанасий это не Гагарин, тот все-таки из боярского рода и без своей своры нигде не появлялся, а этот... Тьфу, ты, прости Господи, еще не раз через свою безмерную жадность и зазнайство пострадает. Дьяк подождал, когда последняя подвода затеряется на улочках слободы и отправился в церковь к отцу Игнатию — пришла пора стелить соломку, казаки показали, что падение может быть очень жестким.

Служитель принял Митрофана хоть и не ласково, но видимого неудовольствия не продемонстрировал, уже прогресс. Дьяк отчитался о визите казаков и предупредил Игнатия о том, чем это в будущем может быть чревато:

— В нынешнюю зиму казаки не только без денег входят, но и прочего им ничего не выдали, а если их сильно припечет, то грабить зимние караваны пойдут, — вещал Митрофан, — а уж простой люд резать без счета начнут.

При этих словах дьяка служитель потемнел лицом, он прекрасно знал, что будет происходить по селам, когда вольница выплеснется в походы по своей земле.

— Ты вот что, Митрофан, — остановил дьяка Игнатий, — про то молчи, нечего людей зря будоражить. Отпишусь я Tobольск по своей почте, а чтобы это не замолчали, как это у нас делается, в Москву тоже весть переправлю — даст Бог, найдем припасов на иркутских казаков. Вот с забайкальскими ничего не получится, в Нерчинске бунт зреет. Воеводе ничего не говори, если узнает, последнее утащит.

— Так и тащить-то уже нечего, намерен он приказал купцов к нему слать, стращать их будет, деньги силой имать.

— Вот до чего опустился, — перекрестился служитель, — совсем Бога не боится. Ладно, иди пока, не ровен час, спохватится тебя воевода, а нам пока этого не надобно.

Когда дьяк уже намерился юркнуть в дверь, вслед донеслось:

— И погорельцев не забудь навестить, списки составь, обществом помогать будем.

— 'Да, какие там погорельцы?' — Думал по пути в приказную избу Митрофан, — 'Здесь такие дела творятся — истинно Армагеддон, а еще с погорельцами возись'.

Но перечить батюшке было решительно невозможно, пока он был единственной надеждой на будущее, должность при новом воеводе сохранить никак не получится, зато от

Кузнец недолго слушал мои прожекты, да и я не стремился ему популярно объяснять, чего хочу, но суть моих стараний уловил:

— Так чего говоришь, болотным дерном сверху для тепла закрыть крышу хочешь? — принялся он теребить свою спутанную бороденку, будь у него густая растительность на голове, ее бы чесал, а так..., - а не осыплется?

— Ну дерн болотный разный бывает, вот, я тут для просмотра принес, — протянул я ему пласт молодого торфа.

Пласт этот действительно был качественный, корешки растений переплелись настолько плотно, что разорвать его поперек было очень трудно, только на слои более или менее хорошо делился.

— Ты смотри, действительно хорош, — мял в руках кузнец, принесенный мной образец, — а ведь должен тепло удерживать, прям как пенька.

— Хорош-то он хорош, да для того чтобы его нужной толщины нарезать полотно пильное надо.

— Ну, допустим, полотно я тебе дам, — согласился он и тут же сверкнул глазами, — только мне на избу, тоже такого два воза надо. Завалинку поправить и верх заложить.

У, вымогатель, и ведь знает, что мне некуда деваться:

— Хорошо, — соглашаюсь, демонстрируя неуверенность своего решения, — только телегу тогда будет на пару дней нужно.

— Будет тебе телега, и Михея в помощь дам, — кивнул кузнец, — а потом и сам подойду посмотреть, чего у тебя получилось. Где, говоришь, землянку копал?

Нет, определенно этот мужик относится ко мне не так, как должен — другие даже разговаривать со мной не станут, чего-то я его не понимаю. Да и черт с ним, у меня сегодня другие заботы, погода начинает портиться, в сентябре дожди еще холоднее, чем в августе, нужно скорее крышу ладить, тут любые странности придется по боку. Вчера вот навес для сушки кирпича соорудил и пару форм со снимаемыми бортиками сладил, малышня будет набивать длинные ящики глиной, а когда утрамбуем, уберем боковины и нарежем жилкой кирпич в размер. Механизация смех один, но всяко быстрее, чем по мелким формам лепить. Жалко только мать Дашку с соседскими девчонками за ягодой в лес каждый день отправляет, тут уж деться некуда, осенние заготовки никто не отменял. Конечно, там не одни девчонки, для присмотра с ними и мужики обязательно ходят. А что поделаешь, оказывается, через наши места каторжан гонят, а они потом с этой каторги назад бегут. Хорошо если кандальники попадутся из нормальных людей, бывает такое, а то ведь основная масса из всякого разбойного люда с рваными ноздрями, те рассуждать не любят.

Михей оказался парнем работающим, в четыре руки работа спорилась, так что в два дня управились, за работой я и узнал все о кузнеце. Оказывается, Асата, а именно так звали мужичка, бездетный вдовец, а в слободе прижился у своего брата, соответственно Михей

приходится ему племянником. На вопрос, почему дядька так к нему относится, парень усмехнулся и поведал, как однажды он неудачно махнул крылом, раздувая угли, и один уголек попал Асате в штаны. Но кузнец этого не заметил и обеспокоился только тогда, когда нижнюю часть тела стало нещадно припекать. Что было потом понятно — ожог на одном неприятном месте, большая дыра и мокрые штаны, потому как во время метаний по кузнице Асата опрокинул бадью с водой, и ему пришлось выдавать рекорды скорости, несясь с дымным следом до ближайшей лужи. С этого дня кузнец терпеть не мог своего племянша, но по негласному договору с братом учить Михея был обязан.

Успел — снаружи льет приличный дождь, а у нас в землянке 'великая сушь', работы еще много, надо торец землянки бревнами закрыть, навесить прочные двери, крышу дополнительно дерном укрыть поверх коры, но уже сейчас видно, что тесно не будет. Особенно много пространства видится, пока нет печки, кстати, вон фундамент из камней уже выложен, но даже когда сумею поставить русскую печь, места останется еще более чем достаточно. Сегодня ленюсь, пора устроить себе выходной, за почти месяц каторжного труда мои руки превратились в сплошную мозоль, и спина чего-то стала побаливать, явно перетрудились. Вчера приходил Асата, все ахал, рассматривая мое творение:

— Дык зачем хоромы такие сладил, это ж куда столько места? — При этом теребил свою бороду так, будто стремился ее оторвать. — Ну, Васька, ну совсем без ума.

— Ага, — усмехнулся я, — ума, то у меня с рождения не было.

— Это ты брось, твоего ума на десятерых хватит.

Ничего, когда с соседями разговоры вести будет, они ему поведают, кто такой Васька и с чем его едят. Потом обсуждали с Асатой, каким образом оконца делать, чтобы света побольше было:

— Я там у кожевников пузырей подранных набрал, — пояснял я ему, — сошью их жилкой, и в два слоя между косыми штапиками полученное из пузырей полотно проложу. И красиво будет и оконце большое.

— Так в морозы шугой зарастет, — возражал Асата.

— Зарастет, — соглашался я, — но несильно, потому как два слоя, воздух между ними не сильно промерзнуть будет.

— Как это 'не сильно'? — Горячился кузнец. — Сильно зарастет, через него свет и в день не пробьется.

Я сначала думал, что Асата, просто упертый, а потом сообразил, он просто не знает ничего ни о влажности, ни о том, что воздух сам по себе плохо передает тепло, пришлось резко сдать назад:

— Да и промерзнет, — сделал вид что согласился, — а делать то все одно нечего.

— Это да, — вынужден был согласиться со мной оппонент, — днем при лучине придется сидеть.

При лучине? Еще чего! Пусть стеарина сейчас у меня нет, свечи делать, но кто мешает из сала жира натопить, горит чуть похуже, но нам ли жаловаться, главное фитиль нормальный подобрать и слюды хорошей найти. Тут мать появилась и кузнецу, как полагается, ягодный квас преподнесла. Мужичок сразу приободрился, засверкал глазками и степенно пригладил бороду. Ах, вот оно что, а я-то все время гадал, чего это кузнец мальчика обихаживает, а оказывается, он сразу прикинул, раз есть вдова, то почему бы не поглядеть, может и сладится чего. Через меня смотрины устроил, жучара. А я что? А я ничего, Асата мужик нормальный, загадывать не буду, но по моему они сразу друг другу приглянулись, да

и то сказать, Васькина мать за последнее время стала приходить в относительную норму. Это сразу после пожара, она думала, что жизнь кончилась, а после того как начала оформляться землянка и появился кормилец, в моем лице, снова обрела вкус к жизни. Даже ворчать перестала, во-первых: поняла, что это бесполезно; а во-вторых: все мои прожекты вовсе не блажь, а необходимость. Под конец своего визита, Асата похвалил меня за правильно проделанную работу, и даже предложил сделать железные петли на дверь. Железные петли это, конечно, нужное дело, потому как кожаные ремни, на которых двери подвешивались, приходилось менять довольно часто, но следует и учитывать, что это же еще и статусная вещь, а нам пока такого не надобно. Глупо выглядеть будем, в землянке, но с красивыми железными петлями как на домах в кремле. Ну его, проще надо быть, ну или выглядеть.

О, никак наш дьяк нарисовался, с чего бы это? Видимо от батюшки знатного пинка получил, раз в такой дождь приперся, знаю я его — ёж птица гордая... После посещения соседей явился перед наши очи, слегка покосился на меня, думал я виноватым себя почувствую. Ага, щас, только штаны подтяну, кстати, они у меня новые, ну как новые, помощь от общества погорельцы получили, вот мне и перепало. Делаю вид, что мне визит представителя власти совсем не интересен, но уши естественно наострил, потому как важно знать, чего он матери заливать будет. Ничего такого он ей не сказал, дежурная речь, мол, строго соблюдать..., помнить..., преодолевать.... Не интересно. Чиновник — он и в Африке чиновник, хоть и мелкий. Моей лени хватило ненадолго, решил заняться сапогами, поршни, что месяц назад по случаю достала мне мать, уже пришли в негодность, хоть сделать такие же не сложно, но скоро начнет снег пробрасывать, поэтому нужна нормальная обувь. Нарезал из кожи своей первой добычи заготовки и, примеряя на колодку, принялся за шитье. На модельную обувь я, конечно, не рассчитывал — все-таки навыка шитья у меня нет, но в сравнении с другими местными изделиями, думаю, получится не хуже. Работа продвигалась медленно, уродовать дратвой и без того набитые мозолями руки не стал, все делал с помощью 'инструмента'. К ночи основную работу проделал, завтра надо будет сработать каблуки, да дополнительно пришить к подметке, ближе к носку, кусок изрезанной толстой кожи, дабы меньше скользить по грязи и снегу.

Следующая неделя ушла на достройку землянки и выкладывания основания печи. Соседи от нас не выводились, да и вообще одного не оставляли, все им было интересно, как и сколько сушить кирпич, как долго и при какой силе огня делать обжиг. Вообще-то, должен сказать, что открытый огонь кирпич почти не обжигает, но крепости достаточной для постройки печи он вполне набирает. Самый большой шок у всех возник, когда я стал расщеплять бревна вдоль и укладывать получившиеся половинки в качестве пола. Люди просто не понимали, зачем в землянке пол, это же ЗЕМЛЯНКА.

Первый снег упал во второй половине Октября, через пару дней он, естественно, сойдет. И второй снег с большой вероятностью тоже сойдет, но уже можно твердо сказать, что в иркутских землях тепла больше не будет. Печь получилась на удивление удачной, если в других землянках для большой русской печи места не хватало и там пришлось ладить 'голландки', то у нас... Лучшее всех выразился Голень, появившийся после сушки печи на малой тяге, которой уже было достаточно, чтобы в землянке стало по домашнему тепло:

— Когда ты, Васька, про печи с трубами говорил, сомнение нас взяло, когда стал в земле хоромы ладить, думали, ум снова его покинул. А сегодня посмотрим, ладно все вышло, куда как ладно. Вроде и мал ты еще, а нас всех за пояс заткнул.

Смотрю, матери эти речи Голени сильно по душе пришлись, а мне нет — зависть людская может в будущем сильно жизнь попортить, поэтому и предложил Голени новую землянку отрыть:

— Времени пока земля промерзнет, еще месяц, — заявил я ему, — работников у вас много, за это время можно и лучше отстроиться. Зачем вам в одиннадцать душ в малой землянке ютиться?

Уговорил, буквально на следующий день они всей толпой на заготовки жердей отправились, пусть лучше им будут завидовать. А к нам зачастил Асата, мать уже не первый раз разговор со мной заводит, что плохо в семье без мужика. Это она меня так убеждать начинает, думает, что делает это деликатно и незаметно. Да я-то совсем не против, даже 'За', все заботы будет меньше, просто с высоты моего жизненного опыта старания матери выглядят ну очень наивно.

Два раза, в октябре устроил воскресные чтения для малышни, сказки им рассказывал, поучительные, в собственной редакции применительно к настоящему времени. В первый раз действительно вокруг обустроенного мной кострища на полу-брёвнях расселась малышня, а во второй раз подвалила часть взрослого населения нашего околотка. Ну уж нет, мы так не договаривались, нашли себе развлечение, сказки для малышей, а не здоровенных лбов, которые самых благодарных слушателей оттерли на задворки, да и голос напрягать на такую толпу совсем неохота. Поэтому объявил, что стало холодно, а посему посиделки прекращаем, не хватало еще, чтобы кто-нибудь от простуды сгорел. Когда окончательно лег снег, пришлось помогать соседям в кладке печи, землянку они отгрохали такую же как наша, причем всю конструкцию повторили точь в точь, даже окошко из пузырей с косыми штапиками сделали по типу нашего. Обезьянки. Как потом разоткровенничался Голень, сын предлагал ему немного 'улучшить' конструкцию, но старый уперся, он по опыту знал, что 'лучше' далеко не всегда действительно лучше. Что-то мне такое помнится из нашей истории, были у нас тоже такие товарищи, которые, по меткому выражению одного косноязычного политика, 'хотели сделать как лучше, а получалось как всегда'. Печку я им сложил не абы как, а красиво, потом еще побелил и раскрасил отдельные кирпичи охрой, от того она стала выглядеть нарядно. Да еще Дашку подбил, чтобы она им из бересты сплела маленькие лапти, их подарили при новоселье как оберег, да еще с присказкой, что эта обувь домовенка, который будет жить за печкой и охранять землянку и его обитателей от всех бед. А лапти свои, он велел повесить на видное место, что бы все видели, что он никуда отсюда уходить не собирается. Спустя много лет с моей легкой руки это вошло в традицию и всем новоселам в слободе стали дарить маленькие лапти из бересты для домовенка. Смех смехом, но в многочисленной семье Голени, ни в эту зиму, ни в следующую, никто не умер. Да и сам старый прокоптил потом еще много лет, оттого пошли слухи, что все благодаря обуви домовенка.

Сразу после соседского новоселья нарисовался Асата, зачем он пришел весь из себя такой принаряженный, я догадался, но вот дальнейшего от него не ожидал, вроде бы решительный мужик, а сидит и от чего-то молчит, а если на что и отвечает, то все невпопад. Да еще на Дашку косится, которая вокруг крутится.

— Даш, не в службу, а в дружбу, — остановил я сестру, — сбегай до ручья, принеси свежей водички, и остальных тоже прогуляй, не дело целый день в подземелье сидеть.

— Да какое же у нас подземелье? — Удивилась сестренка. — Уж всяко лучше, чем у

многих.

— Даш, я уже тебе объяснял, — принялся увещевать мелкую, — из земли дух тяжелый идет, поэтому надо чаще на улице бывать.

На самом деле проблема вовсе не из-за тяжелого 'земляного духа', коим в двадцать первом веке считается газ радон, потому как печь все из землянки вытягивает со свистом, а в солнечном свете. Вот нужен солнечный свет людям и особенно детям, очень нужен, как я успел заметить рахит здесь не такое уж и редкое явление.

— Ладно, — скривилась Дашка, — сходим до ручья.

Не, никак не получается у меня приструнить сестру, привыкла прежним Васькой командовать, а отвыкать гораздо сложнее. Но наработывать авторитет надо, поэтому, если я ей чего-то поручил, давлею до исполнения, чтобы у нее не возникло даже тени надежды, что меня можно хоть как-то проигнорировать.

Ребяшня, услышав согласие сестры, с ликованием кинулась одеваться — сработал им недавно легкие 'дубленки' из зайки, а побегать на улице и заодно похвастаться обновкой они любили, это старшей с ними нянькой быть не хотелось. Когда установились морозы, и река у берега встала, с рыбалкой на перемет пришлось завязать, зато появилась возможность ставить петли на зайцев. Здесь зайчатину почему-то не уважали, не то, чтобы ее совсем не употребляли, просто считали мясо зайца сорным. С чего бы это? Это медвежатина, которую постоянно на торгу продавали, сорная, инвазия она ведь не в двадцать первом веке родилась, она всю жизнь была. Откуда и когда возникло такое предубеждение, я так и не узнал, но факт остается фактом, заячью шкурку меняли охотно, а вот на тушку смотрели с отвращением. Ну и ладно, мне что ли отчаиваться, семья и соседи, и даже Лентяй этим не заморачивались, кстати, заячьи шкурки я тоже перестал продавать, самим надобны, уж больно трескучие в Сибири морозы.

— Дядька кузнец, говори уж. — Поторопился я Асату, когда детский гомон снаружи затих.

— Тут..., вот..., дело такое..., - затянул мужичок, и снова замолк.

Да что же такое? Ладно будем надеяться, что это просто от смущения:

— Дядька кузнец, — тихонько вздохнул я, откладывая в сторону недошитый Дашкин сапожок, — я же не слепой и все вижу, если ты хотел узнать мое мнение, то я не против. Вот только главное слово в нашей семье не мне принадлежит, а хозяйке. Потому, прежде всего ее согласие надобно.

Асата с надеждой посмотрел на Васькину мать, но опять молча, та смутилась и отвела взгляд. Ешкин кошкин, ведь взрослые люди, никогда не думал, что в эти времена столько условностей, придется брать инициативу в свои детские руки:

— Дядька Асата, я правильно понимаю, что ты хочешь взять мою мать в жены?

— Да, — выдавил он.

— А ты, Алевтина, согласна стать женой кузнеца Асаты? — Обратился я к матери.

— В доме муж должен быть. — Ответила та, после некоторого раздумья.

— Нет, — решительно замотал головой, — что должен быть муж, это правильно, но я не о том спрашиваю, что должно быть — мы и так теперь не пропадем, а о том, готова ли ты только с этим человеком соединить свою судьбу?

Во выдал! У 'жениха' глаза по пятаку стали.

Ответ матери прозвучал очень тихо, но в 'доме' стояла мертвая тишина, поэтому

согласие мы расслышали хорошо. Кузнец шумно выдохнул и приободрился:

— Дык, тогда можно и к свадьбе начинать готовиться.

Мысленно хохотнул, совсем от радости мозги у мужика перестали работать:

— Свадьбу-то отпразднуем, только вот готовить ее нам не придется, — остудил я его.

— А..., да! — Сообразил ошалевший Асата, большую свадьбу, когда брали в жены вдову, не играли, и венчание проходило более чем скромно, хотя потом посидеть близким родственникам за столом не возбранялось, но вот еще гостей не приглашали. — Дык, я тогда мигом до дьяка?

Вот ведь черт торопливый, будто шило в задницу воткнули, нет, так не пойдет:

— Не торопись дядька Асата, — пришлось мне снова осаживать мужика, — ты же свататься пришел, а дело это излишней суеты не любит. Давай лучше пива попьем, нас послушаешь, о себе расскажешь...

Пиво специально для такого случая на торгу выменял, оно у меня в маленьком, литров на десять, бочонке своего часа ждало, к тому же у меня там еще ягодное собственного производства на подходе, но то должно к рождеству поспеть. Мне пиво не очень показалось, так себе, немного пустоватое, зато Васькина мать и кузнец были в восторге. Косноязычность Асаты мгновенно пропала, и за столом сидел уже веселый, уверенный в себе мужик. Дабы было еще веселей рассказал анекдот про то, как муж объяснял жене что она должна делать в зависимости от того как у него шапка на голове сидит, и как жена ему ответила: 'А если у меня руки вот так, то иди к лешему со своей шапкой'. Хохотали до слез, никогда Васькину мать такой еще не видел, и надо же было в этот момент заявиться возмущенной Дашке. Она и так была на взводе из-за проказ малышни, а тут такое веселье, да еще без нее. Бадья громко бухнулась об пол, а пигалица воткнула руки в боки и картинно насупилась, Асата тут же машинально двинул рукой проверить шапку. Это было нечто, от хохота мы не могли вымолвить и слова. Потом я, конечно, рассказал Дашке тот анекдот и почему когда она, таким образом выразила недовольство, мы покатались со смеху, но в силу отсутствия житейского опыта, мелкая мало что поняла, хотя и перестала дуться.

Торжественное событие отметили на следующую субботу, почему нельзя было в воскресенье, так и не понял. Как и положено, со стороны кузнеца был его брат со своей женой, а я сошел за старшего со стороны 'невесты'. Ничего так посидели, душевно. Но самое интересное, что в качестве подарка Асата притащил мне самый настоящий лук и несколько стрел к нему:

— Вот, бери и учись, ты же охотник, — торжественно произнес кузнец, передавая завернутое в рогожу изогнутое и расписанное произведение искусства, — стрелы правда от времени немного покривели, но поправить их не долго — немного смочить да под гнет положить.

В моем случае подарок оказался царским, сам-то я частенько задумывался о том, чтобы сделать боевой лук, но опыта у меня в этом деле ноль, а лук только выглядит просто, а на самом деле, что скрипку Страдивари создать — опыт поколений нужен. Осталось еще учителя хорошего найти, самоучкой здесь тоже хорошего результата не достигнешь, придется идти на поклон к бывшим служивым. А пока будем ставить руку. Как? Да очень просто, вот тут и подойдет моя задумка, связываем в пучок несколько сухих палок от прибрежного тальника, а за концы натягиваем пеньковый канатик, потолще, чтобы пальцы не сбить. А дальше качаем мускулы, имитируя стрельбу из лука, как накачаю, чтобы держать усилие килограмм под сорок, так можно учителя подбирать. А в целом, доставшееся мне

тело за два месяца изрядно окрепло, то, что было отложено в жирок сейчас перешло в силу, да и много чего еще необычного стал замечать за собой. Про ночное зрение я уже говорил, там, где другие двигались только на ощупь, я вполне нормально мог различать детали, и еще неожиданно прорезался слух. Нет, я вовсе не был раньше туг на ухо, просто слух стал на порядок острее. Вот вы, например, можете слышать, как в траве шуршит мышь? Нет? А я вот слышу, и слышу еще, как сова тихо срывается с ветки и планирует на этот звук, как при ее полете изменяется шелест воздуха, это она хвостовым оперением корректирует свое направление. Заодно попытался проверить обоняние, вдруг оно тоже стало не хуже чем у собаки, но нет, никаких видимых отличий от человеческого не обнаружил. Ну, может чуточку острее, потому как юность, обоняние еще не загублено резкими запахами.

Кстати, насчет запахов, должен сказать, что запахи в слободе еще те, про отхожие места здесь видимо совсем не знают, гадят везде где могут, и даже там где нагадить весьма и весьма проблематично, можно сказать — виртуозы своего дела. Поэтому с самого начала задачу удержания в чистоте окружающего пространства решил кардинально — построил туалет, причем сделал его как в наши старые (а сейчас и здесь будущие) добрые времена по различию пола. Правда с буквой 'М' и 'Ж' вышел облом, во-первых: грамотных здесь не было, а во-вторых: женщин тоже не было — бабы были, пришлось рисовать пиктограмму, зато потом никто не путал.

Родственнику кузнеца наше временное пристанище понравилось, но как я и подозревал, у него случился разрыв шаблона:

— Странная землянка, — высказал свое мнение брат Асаты, — иной добрый дом размером меньше будет. И печь какая-то чуднАя..., с трубой. И тепло, хотя и не топили. Кто печку сложил?

Ну да, это он по своему разумению, если печь топили, то почитай час от дыма чихать приходится, а вот так, совсем без дыма, это только для кремлевских.

— Так вон печник, — кивнул на меня кузнец, — печь соседям сложил, какие только в палатах ставят.

Гости удивленно уставились на меня. Помалкиваю, в эти времена мальцы во взрослых разговорах не участвуют, только если спросят чего.

— Хм. Так если он такой мастер, может и нам сложит по-родственному, — попытался провести разведку, родственничек.

Надо дать должное Асате, давать обещаний от моего имени не стал:

— Дык, вот с ним и сговаривайся, я-то ему не указ.

Продолжаю молчать, интересно стало, насколько у брата кузнеца сильнО традиционное воспитание. Традиционное, это совсем не то, о чем сейчас не принято спорить в около демократических кругах, я имел ввиду силу старых традиций, когда вести серьезный разговор с мальцом — себя не уважать. С одной стороны это плохо, такому ох как трудно будет развернуть хоть какое-то свое дело, а с другой..., вот как сейчас. По-родственному, это значит, серьезную работу проделать задарма. Да, да, вот такой я меркантильный, когда два месяца не разгибая спины, и лишь только концы с концами сводить удается, начинаешь по-другому смотреть на жизнь. Традиции пересилили, родственничек быстренько перевел разговор на другую тему, вот и ладненько, тем более, что разговор о печи надо вести летом, но никак уж не зимой.

Ангара окончательно стала, лед нарос толщиной, и люди прорубили в торосах дорогу на другой берег. Пора снова браться за рыбалку, для этого сработал две пешни и железную острогу в виде трезубца, а чего — отчим-то теперь у меня не абы кто, а кузнец, как бы то ни было, но железа на сироту нашел. Одному зимой рыбу бить дело сложное, если вообще возможное, но выхода не было потому, как мое предложение сходить на пару все отвергли, оно и понятно, зима, холод собачий, а получится чего у дурака или нет — бабка надвое сказала. Места, где может быть рыба, я еще по осени приметил, и потихоньку прорубал туда тропинки, нечего по торосам ноги бить, в это время любой перелом ноги фатален. Так же заранее расчистил пятачок, где собирался прорубать лунку и как только настал солнечный день, отправился на реку. Лунку прорубил быстро, очистил ее от ледяного крошева и с помощью небольшой бадейки окатил водой вырубленный пятачок. Зачем? А как вы будете высматривать рыбу на дне реки в полной темноте, ведь мало того, что лед, так еще и снегом прикрыт? Вот для того, чтобы хоть немного подсветить, и приходится снег водой смачивать, чтобы он сверху прозрачным стал. Сразу ничего не получилось, орудовать острогОй в полутьме, даже при моем ночном зрении оказалось очень сложно. Только когда лунку расширил втрое относительно прежнего размера и еще немного очистил пятачок, удалось добыть первую рыбину. Ну а дальше, то ли приспособился, толи солнце выше поднялось и лучше подсвечивать стало, но пуда на три рыбин набил. Только одной лункой не обошлось, еще две рубить пришлось. С тяжестью разобрался просто, чтобы 'мелкая' могла воду с ручья без больших усилий доставлять, я ей санки сделал, вот на этих санках я улов и привез. Дальше одну рыбину скинул дома, а остальных сразу на торг, морозить рыбу ни в коем случае нельзя, продать можно только свежую, не мороженную. И слово 'продать' здесь слабо применимо, в основном идет меновая торговля, сложно, громоздко, но кое-как работает. Конечно, деньги тоже были, но не у слободских — кремлевские иногда изволили нас осчастливить своим появлением. Расторговался быстро, но устал жуть. Нет, одному бить рыбу зимой очень тяжело.

День выдался солнечным и морозным. Лукерья еще с ночи напекла пирогов из белой привозной муки, а перед выходом на торг, она, как делала всегда, уложила горшок с углями в деревянный ящик. На некотором расстоянии над горшком установила деревянную решетку, на нее пироги, завернутые в беленую ткань, и уже сверху все это прикрыла толстым слоем не сбитого войлока. Потом, когда минет полдень, сын еще горшок с углями принесет, чтобы пироги не застудить.

Вообще, ее пироги брали охотно, основному конкуренту Фролу косому только и оставалось потихоньку скрипеть зубами. А то — в пирогах все важно, мало тесто из пшеницы замесить, надо еще и начинку вкусную сделать. Вон, домашние постоянно вокруг

вьются, все норовят стащить пару ложек начинки, пока она в пирог не попала, так что пока особенно опасаться конкуренции не приходится, только если заезжие кто. Так с тех какой спрос? На все яркое кидаются, чего у Фрола как раз не отнять — яйцом с тетеревиным маслом поверхность выпечки кроет, а вот когда распробуют, уже только от Лукерьи берут.

— Здравия вам, бабоньки, — поздоровалась она с немногочисленными соседками по бизнесу, затаскивая санки с ящиком на свой торговый пятачок, — и чтобы от покупателей сегодня было не протолкнуться. — Продолжала она притягивать удачу.

А как же, удача в торговом деле как бы не главное, не раз так бывало, и пирогов вдосталь и народу на торге полно, а не берут треклятые, хоть елеем мажь.

— И тебе здоровьишка, хозяйка, — за всех отозвалась Бельчиха, — много сегодня напекла?

Лукерья только хитро улыбнулась, это соседка так шутить изволит, да кто же из торговцев в здравой памяти скажет, сколько у него товара, поэтому и ответ соответствующий:

— Да немного совсем, что от мужа успела отбить, да от детей спрятать.

Немудрена шутка, но торговли заулыбались.

— Эх, — картинно вздохнула Бельчиха, — от маво не отобьешь, все под чистую стрескат, хоть сколь будет. И куда столько в ирода лезет?

Тут уж бабы рассмеялись в голос, да и не только бабы, их поддержали и мужики, коих в ряду было большинство, и вовсе не из-за прожорливости мужа, а как раз наоборот. Все знали, насколько прижимист мужик у торговли, да он скорее с голодухи загнется, чем позволит себе хоть кусочек от покупателя оторвать. В это время он, так же как и его жена, где-то здесь на торгу, только в отличие от нее горячий сбитень всем предлагает, хоть и не часто люди этот напиток берут, но все ж в семью копейка.

— Так в чем задачка-то, — отбила подачу Лукерья, — подрежь ему пояс покороче, что бы потуже затягивал, вот много и не влезет.

Но тут наметившуюся 'перепалку' пришлось прекратить — к их 'калашному' ряду подтянулись покупатели. Торговки сразу включили голосовую рекламу товара, и торговый пятачок потонул в многоголосице, мужикам только и оставалось, что проявлять терпение, потому как их голоса на фоне женских совсем не котировались. Лукерья в 'хор' не включилась, не успела еще разложиться, и тем приятнее было, что около нее остановились сразу два покупателя, ожидая, когда торговка обустроится на месте.

— Эх, везет тебе, — завистливо вздохнула Бельчиха, глядя в спины покупателей, ушедших с торга с пирогами соседки, — так до полдня расторгнешься, а мне тут до конца сидеть, и хоть бы глянули на мои баранки.

— Глянут еще, — усмехнулась Лукерья, — и не только глянут, твои баранки с полдня брать начнут. Сама же знаешь.

Так и проходил всегда день на торге, в основном все разговоры велись о предмете занятия, торговле, но и от новостей никто не отказывался:

— Караван из Нерчинска вчера пришел, дык пограбили его, шибко пограбили. Говорят, тати десяток воинов в охране побили, купец чтобы уйти семь возов бросил.

— Чего вез-то?

— Так знамо чего. Чего из Китая везут? Шелка, фарфор, чай.

— Господи, это же какой убыток купцу? А сколько отбили-то?

— Десятка два подвод будет. И раненых много, почитай все.

— Ох ты ж. А тати?

— А что тати? Караван в великой спешке уходил, сколько там этих татей полегло, кто знает. Только купец думает, что это и не разбойники то вовсе, а казаки напали.

— Казаки? Да как же своих-то резать?

— А вот так, казаки тоже разные бывают, иные очень даже между собой не дружат. А еще говорят Раздольное разорили, но там уже не казаки, а монголы отрядом через Тунку прошли.

— Да как же это, там же острог?

— А так, воевода казакам содержания не дал, так они из Тунки почти все в Нерчинск перебрались.

— Да не... Далеко монголам через Тунку, это скорее из большой Монголии отряд мимо Нерчинска прошел. Главное, чтобы до нас не добрались, а то ведь стены здесь только у кремля.

— Ну а иркутские казаки как?

— Наших отец Игнатий в обиду не дает, помогает монастырскими припасами — не дает по миру пойти.

— А слышали, как воевода по осени погорельцев из Лисьего погнал? Те к нему за помощью, а он их чуть ли не плетями.

— Слышали. Вон они в землянках у Ангара ютятся, и не сказать, чтобы сильно бедовали, на паперти не стоят. Даже вон вдова с малолетними и то как-то умудряется жить.

— Это к которой Асата примаком пошел?

— Да какой он примак, разве ж в землянку примаком идут? А малец у казачки, сначала вроде болен головой был, все в селе его за дурочка считали, а после пожара за ум взялся. Да так взялся, что иному мужику не помешало бы с него пример брать. Да знаете вы его, зайчатиной здесь торговал.

— Погоди, так это Васька, что ли?

— Он, у него еще сестра такая бойкая, тоже иногда берестянками здесь торгует.

— Ага, знаем, берестянки у нее лепые, сама два туеска взяла. Хм. А по ней не скажешь, что из погорельцев, и одета ладно, и сапожки на каблучке.

— Да вон он, Васька, санки тащит — легок на помине. Чего-то торговать принес.

Торговки затихли, наблюдая как взопревший от тяжелой работы малец, затащил санки в рыбный ряд.

— Только лед стал, а он уже рыбы набил, — хмыкнула Лукерья.

— Возьмешь? — Кивнула Бельчиха в сторону рыбака.

— Нет, — с сожалением ответила торговка, — он на мои пироги не зарится, ему денег нужна.

— Так за чем дело встало, деньги-то у тебя есть? — Усмехнулась подруга, — а ему твои пшеничные пироги никак не потянуть — не купец.

Лукерья кивнула, а и правда, чего она еще от погорельца хочет? Да и про кузнеца она знала, Асата хоть и кузнец, но статью не вышел, поэтому и зарабатывать трудом много не может. Тут и покупатель подошел, последние пироги забрал, осталось только упаковать сани.

— Почем продаешь? — Спросила она мальчика, тыкая пальцем в не крупного осетра.

— Этот три копейки, — кивнул он на выбранный улов, — большой пять.

— Три? — Усмехнулась торговка, — маловат он для трех-то.

Рыбак пожал плечами:

— Сейчас по морозам, мало рыбу бьют, тяжело, потом, когда потеплеет и ловля сетью пойдет, цены пониже станут. А пока дешевле трех опустить цену не могу, лучше тогда совсем не продавать.

— Ишь ты, — подивилась Лукерья рассуждением мальчика, и ведь прав стервец, на пятак сейчас свежей рыбой никто не торговал, соленая, копченая, вяленая, а свежей нет. А тут сразу видно, что рыба только что из реки, у парочки еще жабры шевелились, можно было, конечно и подождать с месяц, но рыбки хотелось сегодня, да и рыбный пирог, даст Бог, хорошо разойдется. В общем, 'дорога ложка к обеду', - хорошо, давай которую за пять, — решила она, доставая из складок платья тощий кошель.

Видимо, покупка рыбины у мальчика послужила сигналом для остальных покупателей и они сразу обступили рыбака пытаясь хоть немного сбить и без того невеликую цену. Торговка прислушалась — может рыбак не скинул цену только ей, однако нет, тот цену не снижал, мотивируя тем, что дешевле просто некуда. Довольная Лукерья потянула санки домой, прикидывая сколько опары придется заводить под завтрашние рыбные пироги и сколько дополнительных копеек она займет в случае удачной торговли.

— Васька, зачем в дом елку притащил? — Это меня так мелкая встретила, хорошо, что как всегда дураком не назвала, и мать с дядькой Асатой на меня тоже недоуменно смотрят.

А я знал, что они на меня опять как на идиота смотреть будут, поэтому и елку выбрал уже да помельче:

— Завтра же рождество, — пояснил семейству, не обращая внимания на попытку наезда, — дедушка Мороз будет объезжать народ на небесных санях и дарить подарки послушным детям.

Мать на эту мою сентенцию по-доброму улыбнулась, она знала, что я заранее накупил медовых пряников для маленьких и бисер для Дашки. Бисер по здешним меркам был очень дорогой, и возили его купцы откуда-то из Европы, мать даже покачала головой, когда узнала, сколько я за него 'отвалил'. Ну и что? Зато пусть сестренка порадует, придет время, сами делать будем, и не только бисер.

Вообще-то мои сентенции по поводу деда Мороза воспринимались именно как выдумка и уж к рождеству они никак не подходили, но... 'Мы рождены, чтоб сказу сделать былью'. Мне-то прекрасно было известно каким станет новый год в будущем, а так как указа Петра о праздновании нового года исчо нет, да и когда он еще будет, остается идею новогодних чудес перенести на рождество. Украшали елку все, малышня потому, что пригрозил, если деду Морозу елка не понравится, подарков не будет, а взрослые поддались общему веселью. На ветки сверху положили клочки кудели, для имитации снега снизу подвесили всякие безделушки для красоты, а на самую верхушку прицепили вырезанную накануне из дерева звезду.

В этот день стояла изумительная погода, с неба сыпали крупные снежинки, а ветер к вечеру окончательно стих, как только темнота вступила в свои права, я зажег снаружи два

больших факела на шестах и выгнал семейство посмотреть на зимнее волшебство.

— Вот так выглядит настоящая рождественская ночь, — объявил я всем. А они стояли и смотрели большими от удивления глазами на переливающийся блесками снег. Спустя минуту из своих землянок высыпали и соседи, интересно им, видите ли, стало, чего это Васька там факелы на ночь глядя жжет? Наша улочка вдруг заполнилась детским визгом, это детвора кинулась собирать зимнее серебро. В общем, весело получилось, но закончилось это веселье быстро, факелы не прогорели и пятнадцати минут, и волшебная ночь снова погрузилась во тьму. Если получится, следующее рождество нужно будет отметить ярче и в прямом и в переносном смысле.

Январская стужа резко ограничила меня в заячьей охоте. Нет, зайцы в округе не вывелись, а вот появившиеся волчьи следы дали понять, что моя лафа закончилась, а сидеть на одной рыбе можно, но сложно. Пока волки не сбились в стаи, я еще хоть как-то мог ставить петли вдоль Ангары, чуть что, отпрыгиваешь в торосы, и волк туда лапы ломать не лезет. А теперь такая моя тактика не спасет, стая шансов мне не даст, перекроет обратный путь, а на морозе много ли высидишь. Нужно ждать глубокого снега, а пока готовил лыжи и специальное сооружение, на случай встречи с волчьей стаей. Сооружение по конструкции было простым, соединенные шарнирными штифтами накрест палки с острыми деревянными шипами сантиметров по двадцать. Шипов пришлось делать много, около двухсот штук, от того конструкция получилась довольно таки тяжелой, но выхода не было. Отбиться от волчьей стаи одному невозможно, но если обезопасить себя сзади и боков, то проблем нет, ни один волк не бросится спереди на человека вооруженного сулицей — получить даже небольшую травму зимой верная смерть. Все приспособление крепилось на спине ремнями, в случае опасности скидывалась петля державшая конструкцию в свернутом виде, и я оказывался внутри решетчатой крепости, оцетинившейся во все стороны острыми шипами. Несколько наивно, но другого ничего придумать не смог, в сочетании со стрелами должно, все-таки неплохо получиться. Кстати, учителя для обучения меня стрельбе из лука нашел, старый казак взялся за мое воспитание. Но именно за воспитание, потому как то, ради чего я с ним заключил соглашение, составляло едва третью часть, остальное — общая воинская подготовка. Не скажу, что это мне вообще не надо, но не на данном жизненном этапе, только вот ему не объяснишь, шибко упертый товарищ. Эх, вот и сейчас отложил все дела и пошел на экзекуцию.

— Как копьё держишь? — Вжик, удар плеткой по бедру довольно чувствительный, хотя и не сильный, это фишка учителя, обучение через боль.

Перехватываю копьё как учили и прыгаю на следующее бревно, пытаюсь сходу поразить центр мишени. Вжик, снова отжигает чуть пониже спины:

— Сколько раз говорить про твердость в ногах, если бы не попал, свалился. Не спи, дальше давай. — И снова, вжик!

Да, хрен старый, издеватель. За свои средства да по заднице, я что мазохист, может ну её эту учебу к хренам? Базу по луку получил, а дальше сам как-нибудь.

— Быстрее ногами перебирай, таракан беременный. — Вжик!

Блиин! На этот раз больнее, как бы след потом не остался, а ведь еще на лошади кульбиты выделывать. Я застонал, нет, это точно в последний раз, хватит издевательств над собой. Вечером едва живой добрался до дома, долго кряхтел, устраиваясь за столом, вместо матери еду на стол выставяла Дашка:

— Мы сегодня в нижнюю слободку с мамкой ходили, смотрели кузню дядьки Асаты, —

начала вываливать она на меня новости, — потом на торг зашли, муки и соли на подделки поменяли. Хорошо сторговались. Сейчас на торгу охотников нет, две волчьи стаи вокруг рыщут, только купцы караваном пройти могут. Может, шкурки начнем продавать, цену хорошую дают.

Плетение и вообще работа с берестой у сестры основная статья дохода, не то, что бы так уж значимо для семьи, но на мелочь хватает. Зато вещи из ее рук выходят все лучше и лучше, надо будет показать ей как делать тиснение по бересте и возможности аппликации, пусть мастерицей становится. А шкурки:

— Если цену хорошую дают, продавайте, — ответил я ей, — меня-то чего спрашивать?

— А как не спрашивать? Ты же их добыл. — Удивленно вскинулась сестра.

— Ну и что, — усмехнулся я, — для семьи же старался. Для себя мне пока ничего не надо.

— Мамка говорит, что копить на дом надо.

— Правильно говорит, — согласился я, вытаскивая из котелка пареную репу. Мерзкий вкус у нее, скажу вам, да и запах не лучше, но делать нечего, растительная пища необходима, на одном мясе с хлебом долго не проживешь, какую-нибудь болячку потом заработаешь. Давно просил, чтобы квашенной капусты прикупили, но мать считает капусту пустой, и никак ей не объяснишь про пользу клетчатки, не те времена. — И не только на дом, но и на прочие постройки, дай Бог через год корову прикупим.

— Корову, — протянула Дашка и стрельнула глазами в сторону удивленной матери, — да где ж мы такие деньжищи возьмем?

Я хмыкнул:

— На дом копить собираемся, а на корову немногим больше надо.

Да, да корова у нас сейчас здесь стоит больше стоимости всего материала на дом, хороший дом, но если для строительства нанять артель, тогда дом будет много дороже. Но к помощи артельных пока прибегали редко, в основном строились сами, ну или нанимали парочку помощников и думаю это все из-того, что в наличных деньгах ощущался острый дефицит.

— Так, то на дом, — встрепелась мать, — а для коровы надо стайку делать, сеновал, выпас нужен.

— И что из этого мы не сможем сделать? — Оторвался я от поглощения овоща. — Корова сразу от половины наших забот избавит. По-хорошему надо бы ее в первую очередь приобрести, а дом можно и потом отстроить, нам сейчас есть где жить.

Мать задумалась, корова действительно нужна, и дом тоже нужен, но тут голос подал Асата:

— Дык чего жилы лишний раз тянуть? Сговориться с соседями и купить на две семьи, а на следующий год через приплод еще коровенка будет.

Молодец мужик, сразу суть ухватил, однако на этом пути есть подводные камни и самый первый камень в том, что телочек может и не получиться, а бычки нам не нужны, растить на мясо только лишняя забота, в лесу пока дичи хватает. А вторая заморочка в том, что даже среди родственников дележ идет, а уж с соседями тем паче терки возникнут, о чем и выложил домашним.

— Это да, — согласился кузнец, — тут даже родная кровь не всегда помогает. Так что, самим в тягло впрягаться?

— Ну не совсем, — пожал я плечами, — надо договориться обо всем заранее, включая

падеж, чтобы потом непоняток не случилось. Только непросто тут, это как в общине, а жить в ней многие не захотят.

На этом разговор был закончен, вернее не закончен, а отложен до лучших времен, что денежку надо копить согласились все, а вот на что, вопрос остался открытым. Спать ложился за полночь, ну или почти за полночь, часов здесь нет, время определить невозможно, потому полагаемся на свои 'объективные' ощущения.

Утром чуть свет началась возня — сегодня чистый четверг, массовые постирушки и помывки, это я так называю банный день. До полдня нужно все перестирать со щелоком, прополоскать в ледяном ручье и вывесить сушиться на веревках, натянутых почти под самый конек крыши. Причем в процессе сушки надо постоянно контролировать, дабы некоторые вещи не пересохли, иначе их потом не прогладить. Гладить это не утюгом, таких не существует, даже чугунных с раздуваемыми внутри углями, для этого имеется гладилка — деревянный цилиндр диаметром до десяти сантиметров с ручками как у скалки. Одежда наматывается на эту гладилку и прокатывается несколько раз по ребристой поверхности, если она не сильно пересушена получается достаточно хорошо. И еще, гладят в это время не для того, чтобы не было видно помятостей, а для того, чтобы компенсировать усадку и перекосы одежды после стирки, так как все, извините домотканое и сильно перекашивается после воздействия щелока.

После обеда сам процесс мытья, для этого имеется несколько бадеек, мочало и щелок. Вода греется в печке в горшках и добавляется в бадью из которой берется ковшом для ополаскивания. Само место мытья отгородил сборными перегородками, образующих из себя нечто типа большого ящика, так и значительно теплее и сырость по землянке меньше распространяется. Использованная вода так же сливается в бадью, поставленную под пол, которую планировал потом выносить и выливать вниз по склону. Однако бадья оказалась старой и разошедшейся, и вода из неё потихоньку просачивалась наружу, впитываясь в суглинок, так что от излишней возни меня сие избавило. Хотя в будущем, когда песочек заилится, выносить слив придется, но это потом. Как-то попытался мыло сварить, ничего не получилось, подозреваю, что концентрация щелока слишком мала, но серьезно этим вряд ли потом займусь, времени нет, проще сделать заказ на мыловарню и немного подправить технологию путем доочистки и переплавки.

В конце дня мать заставила всех заняться наведением порядка, от дьяка человек с предупреждением приходил, на следующий день, нас должна посетить инокиня Александра. Кто такая, откуда и за что никто не знает, или делают вид, что не знают. А мне, честно говоря, все равно, они там, в столицах сейчас друг дружку на раз целыми семьями в Сибирь шлют, борьба за власть в самом разгаре. И я так понимаю, скучно в ссылке монахине изводить себя молитвами в женском монастыре, тем более, что построен он на другом берегу Ушаковки, считай на отшибе по нынешним временам, вот и выпросилась у настоятельницы в мир, оказывать помощь страждущим. А уж погорельцы это самые страждущие из страждущих, только вот как бы она мимо нас на скорости проскочила? А то будет потом забота для галочки, для самих пострадавших такая забота опасна, проворовавшийся чиновник, на что угодно пойдет, что бы концы в воду. А если инспектор при этом окажется упертый в следовании справедливости, или как в нашем случае

религиозности, то все — туши свет. Матери и Асате попытался внушить, что ничего просить у инокини не надо, слишком хлопотно от таких людей помощь принимать, сама она ничем помочь не сможет, а мотаться потом по инстанциям с ее предписанием себе дороже выйдет. Странно, но кузнец меня полностью поддержал:

— Оно и правильно, — выдал он, — от бояр и царя всегда надо подальше держаться, а то в недобрый час на глаза попадешься, их свора из рвения запрет насмерть.

Вот и замечательно.

Александра посетила наш околоток с утра, уж не знаю, видимо хотела таким образом показать, что не погрязла в праздности. В сопровождающих, на всякий случай, с ней были и два кремлевских стрельца, и пока один как привязанный ходил за инокиней, второй быстренько пробежался по землянкам, в каждой сунул к носу главы кулак и предупредил, чтобы никто без особой на то надобности снаружи не шлялся. Веселое начало. К нам в землянку она заглянула спустя полтора часа. Ну, примерно так я ее себе и представлял, закутанная во все черное женщина средних лет, судя по тому, как она кивнула хозяевам, сразу бросилась в глаза привычка повелевать, оно и правильно, простой смертной при охране быть не положено.

Разговор начался вполне дежурными фразами: Бог посылает нам испытания..., но нужно не роптать на судьбу... и продолжать верить, ибо в вере есть наше спасение.... Вот и тебе хозяйка Бог дал мужа и отца детям твоим и не оставит милостью в будущем..., только вера должна быть твердой.

Потом поинтересовалась у Асаты, какую особую нужду испытывает наша семья? Кузнец в соответствии с принятыми нами ранее договоренностями ответил, что никакой сильной нужды мы не испытываем и сами в состоянии себя прокормить, а если есть такая возможность оказать помощь, то лучше обратить взор на соседей справа, потому как у них и землянка худа и с прокормом туго.

Александра хмыкнула:

— О них еще будет время подумать, только сомнение в их вере есть, вон, хозяйка твоя, с малыми детьми такой скрыт построила, что иной дом хуже будет, а у них двое мужиков сил пожалели, с земляными стенами зиму бедуют. Помереть, конечно, не дадим, но за помощь потом крепко спросим.

А, ну понятно, кабальные условия займа не вчера родились, потом поговорю с соседями, чем им эта благотворительность грозит, в Сибири хоть и не холопят, как в центральной России, но тоже ничего хорошего. Лучше мы им сами всем миром поможем, а то будут потом всю жизнь на дядю отрабатывать, и что обидно, мужики вполне работающие, но не умеют они ничего кроме как на земле работать, от того и попав в непривычные условия не могут нормально прокормить свои семьи. А обратиться за помощью к соседям гордость не позволяет, я вон поначалу к ним заячьи тушки таскал, так Фома меня так обматерил, что я после этого к ним ни ногой, уговорил Голеню, чтобы за мой счет хотя бы детей подкармливал.

— Говорят твой сын хороший печник, — между тем продолжила инокиня, — видела я, какую лепую печь он у соседей сложил. А у себя чего ж не стал?

Асата пожал плечами:

— Какой он печник? Делу его никто не учил, а печь у соседей красивей, потому как вторую он у них сложил. Второй раз-то, оно всяко лучше получается.

— Так не бывает, — Александра в отрицании чуть мотнула головой. — Все равно

должен был кто-то хоть бы раз показать. Но да ладно, мне говорили, что до пожара он умом ущербен был, так это, хозяйка?

— Был, — подтвердила мать, — с самого рождения, так и до прошлого лета. Даже говорить не умел, а при пожаре он на пути казацкого коня оказался, и ушибся головой сильно, так с этого дня в ум и вошел.

Интересно, как долго они обо мне в третьем лице судачить будут? Оказалось недолго:

— Этот? — Инокиня взглядом указала на меня, и после согласного кивка хозяев, принялась рассматривать мою физию, ища признаки дебилизма.

И чего я теперь должен делать? Смутиться и плетеным шлепанцем пол ковырять? А может, лучше в носу поковыряться и расплыться в неуместной улыбке? Мне ее внимание вовсе без надобности. Нет, лучше ничего не делать, буду просто стоять и тупо смотреть, вроде как взрослые разговоры меня не касаются.

— Ну а сам-то, чего думаешь? — Наконец не выдержала Александра.

Изображаю полную растерянность, и вопросительно смотрю на мать.

— Не молчи, — кивнула она мне, — отвечай, коли спрашивают.

— Так откуда мне знать чего я думаю? — Начал я обиженным тоном. — Коли б спросили чего, тогда бы и думать начал.

— А ты значит думаешь только тогда, когда тебя спрашивают? — Губы инокини тронула чуть заметная улыбка.

— Ну да, — задумчиво почесал затылок, — а так зазря, к чему лишний труд?

Тут уже улыбнулись все.

— Хорошо? — Согласилась женщина. — К семи прибавить три, сколько будет?

— Так по-разному может получиться, — я снова почесал затылок, — ежели к семи копейкам прибавить три, то получится один... гривенник, а ежели к семи палочкам прибавить три станет десять.

— Правильно, — ободряюще кивнула Александра. — А вот реши такую задачу: добыл ты дюжину шкурок беличьих, треть надо отдать мытарю, остальные в приказе сдать надобно, но там, за две шкурки дают пять копеек, сколько ты всего получишь за шкурки?

Задача левая, любой местный ее за секунду решит, но мне нельзя, поэтому изображаю великое движение мыслительных процессов в своей черепной коробке:

— Если правильно считать, то двадцать копеек, — выдал я результат, — только кто ж мальцу, все деньги по правильному счету даст?

— Растолкуй, — насторожилась инокиня.

— Дык тут все просто. Шкурки-то беличьи разные, одна ровная шелковистая, другая чуть побитая, третья вообще с краю неровна. А мытарь только хорошие возьмет, мне похуже оставит. В приказе приемщик хорошую цену тоже не даст, в шкурках изъян начнет искать и цену снижать, так что будет хорошо хоть десять копеек выгадать.

— Ах ты вон оно про что, — усмехнулась Александра, — тут все правильно, это в любом деле свои заморочки. Ты лучше скажи, кто тебя счету учил?

— Дык на торгу учили, тоже задачки разные задавали.

— И давно на торг ходишь? — Прищурила инокиня глаза.

— Почитай месяца три, раза по два на седмице. Рыбу продаю, зайца, иногда шкурки пошитые.

— А поделки берестяные, тоже.

— Нет, — замотал я головой, — то сестра моя, Дашка. Она у нас по бересте мастерица.

— Пусть так, — кивнула Александра, — будем считать, что Бог в милости своей в тебе разум пробудил, а посему должен ты в труде свой ум держать. — И уже обращаясь к Асате, добавила, — если ума к следующей зиме у него прибавится, помогу в школу при Батюшке пристроить.

Чего? А на черта мне это надо? Закон божий до посинения учить? Грамоте учиться я вроде не против, потому как действительно надо разобраться с этими фитами и ятями, а в остальном...

Еще несколько дежурных вопросов и гостя засобиравлась в обратную дорогу. Вот и замечательно, попутного ветра в... Э-э... спину. Перед уходом она еще раз внимательно на меня глянула, как рентгеном просветила, еле успел святую простоту на харе изобразить.

— Ты чего это тут перед инокиней ваньку ломал? — Тихо спросил меня кузнец. — Прознает, обидится.

— Так надо, дядька Асата, — так же тихо ответил я, — ей это в диковинку, развеяться от дел праведных, а мне хлопоты одни. Вдруг решит меня в самом деле в школу пристроить, а там дети знатные, только что не боярские, каково такому как я среди них будет?

— Это да, — согласился отчим, — жизни барчуки не дадут. Только там дети действительно боярские.

— Вот еще и эта напасть, лучше будем жить как жили, своим умом, ну и чужим тож, если в жилу.

С зайцами стало совсем плохо, прибрежные кусты оказались истоптаны волчьими следами, все понятно, волки от бескормицы ушастых травить стаей взялись, мало того что моя основная добыча теперь неизвестно куда свалила, так еще и волкам на зуб попасть легче легкого. Пришлось собираться в лес, пойду охотиться на косуль. Перед этим долго учил Лентяя в случае опасности прятаться под мою защиту, он так и не понял зачем это нужно, но команду к ноге, хоть и нехотя но стал исполнять. Ладно, пусть будет так, надеюсь стая мне не попадется, тут главное реку быстро пересечь, а по тайге волки стаями не бегают. Собирался основательно, идешь в лес на день бери продуктов на неделю, золотое правило и нарушать его не буду ни при каких обстоятельствах. Лыжи, легкие сани типа нарт, припасы, теплая овчина, сшитая в виде спального мешка, чтобы в случае чего можно было ночь в снегу скоротать и моя фирменная переносная крепость. Из оружия лук с пятью стрелами и сулица, нож за оружие не считается, это обязательный девайс любого охотника. С утречка пробитой во льду тропкой проскочил на другую сторону реки и углубился в лес. Лентяю приходилось туго, снег был глубоким и пробираться ему приходилось скачками. Ничего, выйдем на звериную тропу, станет легче. В распадок со свежими следами косуль вышли часа через три, далековато для охоты, но ближе сейчас из-за волков вряд ли найдешь. Сначала с помощью Лентяя определил где кормятся косули, причем пришлось пробиваться по 'целине' в стороне от набитой животными тропы, иначе козы могут бросить тропу и пробиться стороной прямо по глубокому снегу. Потом вернулся назад и на выходе из распадка на звериной тропе поставил петлю из пеньковой веревки, замаскировав ее под согнутую ветку кустарника, чуть припорошил снежком, чтобы не было сильно заметно. Сам отступил еще дальше и обустроил лежку, т. е. залег в засаду, практически полностью скрывшись под снегом. Подготовившись, дал команду Лентяю, и пес рванул по кругу, заходя животным в тыл, чтобы потом погнать их на меня. Вот что бы я без него делал?

Мда, какой я к черту охотник, все мои ухищрения оказались почти бесполезны. Почти это потому, что, несмотря на мою наивность, козу добыть удалось, но честно говоря, дело случая. Животные не стали сбивать ветку с тропы, они ее просто перепрыгнули, мне оставалось только разочаровано посмотреть им вслед, и если бы не Лентяй, гнавший по тропе запоздавшую козу, хрен бы мне обломилось. В петлю косуля попала на полном скаку передней ногой, скорость у нее была такая, что она резко кувыркнулась через голову, но тут же снова вскочила и попыталась скачками продолжить путь, однако веревка выдержала и первый, и второй рывок, а животное снова повторило свой кувырок. Тут уж я не мешкал и выскочил из своей засады с сулицей наперевес, пытаясь закрепить успех. Вот тут-то я и попал, коза ошалев от неожиданности вместо того чтобы рваться от меня прочь, наоборот прыгнула прямо в мою сторону, даже понять ничего не успел — удар, рывок, перед глазами мелькнула картинка леса, уходящая куда-то в сторону, а в голове зазвенело и сознание немного поплыло.

В себя пришел быстро, еще бы не прийти, когда все лицо запорошило снегом. Первое что увидел, когда протер глаза, так это кусочек синего неба и на его фоне свою ногу без сапога, даже без портянки, голую. Вот блин, горелый, цирк да и только, это же куда с меня сапог слетел? Кряхтя, кое-как принял сидячее положение, что было не просто, потому как

попал спиной в какую-то ямку. Повернулся, посмотреть куда приложился затылком и передернулся в ужасе — сзади лежала старая лесина с торчащими сучками, так вот, моя голова попала как раз между двух острых сучков, чуть правее или левее и чудо исцеление Васьки могло враз стать историей. Ладно, долго переживать по этому поводу не стоит, живой и ладно, чего там с козой?

А с козой было плохо, не выдержала моя веревка, обрывок висел на деревце, к которому ее привязывал, однако где-то чуть дальше, в лесу, Лентяй захлебывался лаем, получается, недалеко сумела удрать животина, а значит не все еще потеряно, надо идти разбираться чего там произошло. Ага, легко сказать идти. Голой ногой по снегу? Нет, это не наш метод, где там моя безразмерная рукавица, буду выглядеть как 'рассеянный с улицы Бассейной'. Свой сапог с портянкой потом я обнаружил в метрах тридцати от места засады, оказывается, когда косуля прыгнула на меня, ослабевшая веревка петлей захлестнула вокруг ноги и рывком стащила с меня обувь. Подхватил с лежки лук со стрелой, сулица куда-то запропастилась, потом поищем, и поспешил на лай Лентяя. Так вот почему коза не сумела убежать, такие кульбиты не прошли для нее даром, заполучила она все-таки перелом нижней части ноги и теперь не могла двигаться дальше. Будь она на тропе, возможно и сумела бы от меня уйти, а вот по глубокому снегу уже нет. Добил с трех метров стрелой в шею, и тут же лишился ее — переломилась, когда косуля рухнула и забилась в снег. И тут неудача, делать хорошие стрелы довольно муторное занятие, пока наколешь из полешка длинных палочек, да обровняешь, да наконечник приделаешь, да оперение вставишь..., а под конец надо еще маслом пропитать, чтобы прямоу держали.

Обратный путь до реки проделывал часа четыре, груженные санки по лесу протаскивать то еще занятие, почитай весь день в дороге. Вот только лес покидать не стал, чего-то пес сильно напрягся. Он стал жаться ближе ко мне, постоянно замирал и усилено принюхивался.

— Чего случилось, Лентяй, — обратился я к нему, — если волков чуешь, то так и скажи.

Пес глянул на меня виноватым взглядом и вновь уставился в направлении реки. Ну что ж, доверимся братьям нашим меньшим, подождем, если не получится днем реку перейти, так я и ночью смогу это легко сделать, вижу-то ничуть не хуже волков. Я уселся на сани, и сунул руку в ситор за сухарем, раз есть время хорошо передохнуть, то почему бы это не сделать. Как это ни странно, но то, что по моему следу идут, я слышал раньше Лентяя, хотя хруст от сухаря мне показался оглушительным. Похоже, идут двое, не торопятся, с грузом, это слышно по дыханию. Наконец и пес обратил внимание на звуки:

— Проверь, — мотнул я головой назад. Лентяй рванул назад по проделанному нами следу. Судя по тому, что он не подал голос, кто-то из знакомых. Так оно и оказалось, за мной к краю леса вышли братья Трушины. Хочу сказать не слишком приятная встреча, братьев в слободе не любили, подозревали, что они при случае промышляют разбоем. Но, не пойман — не вор.

— Здорово малец, — старший из братьев с облегчением сбросил с плеч мешок в снег, — а мы уже версты две по твоим следам идем. Сначала думали Сенька с нижнего, у него тоже пес есть, а потом присмотрелись, след уж больно мал, и сани у него шире будут. Вижу удачно сходил, чего добыл?

— Косулю бил, — ответил ему, — сижу вот теперь сил набираюсь.

— Оно правильно, — Тимофей содрал шапку с головы и стер ей пот со лба, — только один к реке не пройдешь, мы когда от слободы сюда шли на выводок напоролись, насилу отбились. Давай отдохнем да вместе пойдем, втроем много проще отбиться.

Хм, говорит-то он верно, но чувство такое, словно гложет что-то, а что не пойму. А с другой стороны, скоро смеркаться начнет, а нам еще версты три тащиться. Ладно, пойду с ними, действительно толпой отбиться легче, снял с саней свою защиту и под хохотки братьев стал закреплять ее на спине.

Волчья стая накатывала на нас, когда до речки оставалось около полутора сотен шагов.

— В круг, — крикнул Тимофей сбрасывая добычу.

— Не отобьемся, Тимоха, — заорал его брат, изготавливаясь к отпору, — стая большая.

Дальше произошло, то чего я никак не мог ожидать, пока устанавливал сани в качестве прикрытия, Тимофей подскочил сзади, и мое сознание мгновенно померкло.

Черт, перед глазами все плывет, слышится злобное рычание, а в рот лезет какой-то комок шерсти. Сплюнул, попытался приподняться, за ногу дернули и я ткнулся лицом в снег. В голове прояснилось, ага волки уже здесь и делят нашу добычу, а комок шерсти впереди, это Лентяй пытается огрызаться, но его жмут ко мне. Надо же, не бросил хозяина, не сбежал. Тут меня опять сильно дернули за ногу, сапог не прокусили, но зубы я почувствовал. Сулица так и осталась зажата у меня в руке, поэтому среагировал быстро, резко ткнул куда-то назад острием. Попал. Всё, в себя пришел, теперь надо озаботиться своей защитой, скидываю ремешок, крепящий в сложенном виде защитную конструкцию на спине, и одновременно сильно бью сулицей вперед. Опять попал, спасибо казаку за науку, но чуть не лишился своего оружия, острие скользнув меж ребер волка застряло, последовавший рывок чуть опять меня не опрокинул. Удачные попадания позволили мне подняться, полностью развернуть свою колющую защиту и встать в оборону. Из-под шапки потекла струйка крови и проникла за шиворот, приложить бы кудель к ране, остановить кровь, да некогда. Огляделся. Мда, повезло — инстинкт преследования у хищников доминирующий, и часть стаи бросилась не ко мне, а за убегающими братьями, не успели они до речки добраться, вон, в сотне шагов от волков отбиваются. Добыча Тимофея тоже внесла свою лепту в мое спасение, она первой попала на пути хищников, и пока те раздирали мешок, добираясь до кабана, пес сумел отстоять своего хозяина. Такс, укрепился, еще раз осмотрелся, Лентяй под ногами рычит, вот, понял зачем хозяин учил в ногах прятаться, но пора и активные действия предпринять. Один переярок уже бился на снегу, все-таки сулицей в бок я его хорошо достал, второй попал под удар, когда решил проверить на прочность мою крепость. Всё, теперь они близко не походят, выются вокруг в метрах трех — четырех, беремся за лук, жалко стрелы, всего четыре их у меня, но деваться некуда. С трех метров удар стрелы силен, пробивает волка почти насквозь, метил под переднюю лапу, туда, где должно быть сердце, и что удивительно не промахнулся, сразу насмерть, даже без агонии. Следующего так удачно не получилось, но все равно оказалось достаточно, пара минут и хищник сам превратился в недвижимую добычу. Ага, не понравилось, серые тут же отпрыгнули еще дальше и в недоумении бегали теперь в метрах десяти, несколько особей сорвались от кусачей добычи и рванули на помощь тому десятку, который атаковал братьев. Еще раз повезло, как это ни странно самыми опасными для меня были молодые волки, старый и опытный волчара никогда не полезет на острые шипы, а молодежь совсем без башни, вот эта необученная свора и рванула от меня, теперь можно делом заняться. Неудобно, но мне удалось подтянуть санки и вместе с ними добраться до первого убитого из лука волка, стрелы я просто так бросать не собирался, уж слишком много труда пришлось затратить на их выправку. Когда выдирал острие из серого, со стороны братьев раздался первый крик боли — достали их серые, не смогли уйти и брошенная добыча не помогла. Хотя, если бы мне не удалось

вовремя прийти в себя, да и не побежали они сразу, может быть и ушли бы. Мне непонятно, зачем они меня по голове-то? Ну бросили бы мы то, что добыли, для волков этого было вполне достаточно, а в три хари уж как-нибудь отбились бы. Но нет, они и меня волчьей стае хотели скормить. Вот и вторую стрелу вернул, теперь снова вооружен и опасен, крики братьев уже затихли, задавила их стая, сейчас там свара, а мне пора уходить. Куделью промокнул кровь, вроде ничего страшного, чуть свернув защиту, чтобы не мешала ходьбе, собрался двинуть в путь, но взгляд упал на убитых зверей и ту группу волков, которая рвала кабана, оттащив его от меня подальше. А что, собственно говоря, просто так страдал что ли, до темноты еще время есть. Интересно поведение волков, получив один раз отпор, они больше ко мне не лезли, как будто меня для них просто не существует. Иногда правда, то одного, то другого молодого пса выкидывали из свары за проявленную наглость и они по недомыслию пытались меня атаковать, но тут уже хватало одного рыка Лентя, чтобы объяснить молодняку всю степень их заблуждения.

В землянку ввалился уже без сил, моя физия вымазанная в крови и рваный в нескольких местах тулупчик вызвали знатный переполох.

— Господи, — сходу запричитала мать, кидаясь ко мне, — да что же такое произошло, живой ли?

— Живой, живой покуда, — прокряхтел я сбрасывая прямо на пол порченную одежду, — воды теплой дайте, кровь смыть.

Мать опять заохала и запричитала, но тут вмешался Асата:

— Тихо! — Рывкнул он на мать. — Слышала, чего говорит? Воду давай, а я посмотрю чего с ним.

В следующие десять минут я был умыт и осмотрен:

— Ранка небольшая, — сделал экспертное заключение кузнец, — но ушиб сильный, пусть кровь выходит помаленьку, стягивать кожу не будем, так зарастет.

Когда слегка подкрепился и отдохнул, выскочил на улицу помогать Асате снимать шкуру, если с косулей решили завтра заняться, то с волками нужно было разобраться сейчас, иначе потом с задубевших тушек снимать шкуру сложно. Там-то я и поведал кузнецу что и как произошло.

— Ну, как только ты про братьев мне сказал, я сразу понял, чего могло случиться, — высказался отчим, — они уже не первый раз так делали. Года два назад братья с Оршей на зверя ходили, потом они пришли с добычей, а Орша пропал. По весне охотники на кости по берегу наткнулись, по остаткам одежды догадались чьи, так у него череп проломлен был. А смерть они свою заслужили, по деяниям своим, так что не переживай, никто тебе в вину не поставит, но на всякий случай не особо рассказывай, мало ли кто о чем думать станет.

В конце работы кузнец еще раз посмотрел на шкуры и хмыкнул:

— Иному охотнику за всю жизнь ни одного волка добыть не удавалось, а ты за один раз четырех притащил, как только сани такую тяжесть сдюжили.

Вот так, я, по его мнению, конечно молодец, но больше восхищения вызвала крепость саней, а я? Мне-то пришлось эти перегруженные сани по снегу да торосам тащить. Ладно, все равно воспримем это как похвалу, а так меня больше волнует другой вопрос, как-то в прошлой жизни в краеведческом музее я видел чучело волка, там он был значительно больше, а эти, не то что бы мелкие, но до кондиций музея явно не дотягивают. На следующий день на весь наш околоток объявил Лентя героем, еще бы, пес спас хозяина от неминуемой смерти. Специально!!! для него были сварены ребрышки и преподнесены в дар

со всем вежеством при большом стечении народа. Соседи хохотали до слез, наблюдая со стороны такую заботу о собаке, а Лентяю было как-то не до всеобщего внимания, он, помахивая хвостом, просто наслаждался, разгрызая сахарные косточки, и зорко следил, чтобы никто не пытался их у него отнять.

Оказывается зимняя шкура волка, да и внутренности тоже, здесь ценятся очень дорого, за четыре шкуры и прочие волчьи 'ингредиенты' я выручил на торге больше, чем за все предыдущее время. Задумался, может специально открыть на 'серых' сезон охоты?

Но моим великим планам сбыться было не суждено, на следующей неделе раза три пытался выйти на стаю, в последнем выходе даже увидел парочку серых, однако вместо того, чтобы атаковать меня они резво рванули в другую сторону. Это что, они теперь меня бояться стали, или кончился у них период бескормицы?

После охоты хотел подбить семью на изготовление пельменей, но мать меня отговорила:

— Вася, да зачем тебе это надо? Сходи на торг, да купи сколько надо, да и скоро весна наступит цены на 'ушки' торговцы сбросят.

Нет, не понимают меня здесь, ведь тут важен не конечный продукт труда, а сам процесс лепки, он как праздник в семье, когда все от мала до велика принимают участие в работе.

Кстати, прикупил я потом у одного торговца эти пельмени, черт его знает, или от того, что этот пищевой продукт в наше время другим стал, или от того что вкусовые предпочтения у меня сейчас другие, но не понравилось, сильно не понравилось, даже с уксусом.

Весна, в слободе солнышко уже начинает пригревать и тропинки между домами (язык не поворачивается их дорогой назвать), уделанные конским навозом, начинают оттаивать. Запах... специфический, как в коровнике. Но здесь, в тайге, до таяния еще далеко, а воздух чист и свеж. Тишины нет, да и откуда ей взяться, если почти все взрослое мужское население нашего околотка вышло на заготовки паданки. Даже Фома с сыном здесь, Голеня даром что старик, так наcostылял гордецу, что вся его гордость на время улетучилась. Паданка, это кедровые шишки по весне, почему-то считается, что весной шишка с кедрача сама сходит, и ее, когда снег стаивает, прямо с земли собирают. Ага, сейчас, много потом соберешь, либо зверь шишку погрызет, либо гнилью побьет. Поэтому за паданкой ходили чуть раньше, и не ждали, когда шишка сама сойдет, а били, как и осенью, большой деревянной колотушкой, правда усилий требовалось много меньше. Взрослое население определилось в молотобойцы и обработчики — шелушили шишку на месте, нечего бесполезный вес из тайги выносить.

Работа спорилась, я, как и все мальцы, перебирался за 'молотобойцами' от кедра к кедру и, вытаскивая сбитую шишку из снега, складывал в мешок. Потом, когда набирался приличный вес, тащил добычу в табор, там мужики постарше на зачищенных от коры колодах, разминали шишки специально вырубленной дощечкой, и получившуюся смесь ореха и шелухи скидывали на рогожу. Для отделения ореха от всего остального сначала просеивали все через сито, где орех с мелкой шелухой проскальзывал в ячеи, а потом проделывали откидывание, то есть брали смесь и несильно кидали вдоль рогожи, орех как более тяжелый летел дальше, а более легкая мелкая шелуха оставалась рядом. За день табор перемещали на другое место два раза, в итоге получилось около шести мешков чистого ореха, с этого на мою семью пришлось пол мешка, неплохо. Больше всего меня интересовало, каким образом мы будем чистить сам орех, если с шишкой все понятно, то вот как освободить ядрышко от жесткой скорлупы даже не представлял. Но надо отдать должное

Асате, для него эта задачка оказалась совсем не трудной, сначала мы этот орех чуть подсушили печи, не допуская сильной прожарки, потом когда скорлупа стала жесткой и хрупкой, отчим сильно накалил камни, засунул орех в небольшой мешочек из льна, а потом плеснул на камни водой и положил мешочек сверху. Рванувший из камней перегретый пар, буквально разорвал скорлупу орешек, дальше случилось только хорошо потрясти мешочек и высыпать получившуюся смесь ореха и скорлупы на наклонную доску, где ядра ореха в отличие от скорлупы скатывались вниз. Во всей этой технологии было несколько хитрых моментов, которые следовало учитывать. Во-первых: камни для получения перегретого пара подходили далеко не все, а только те, которые могли выдержать плескание холодной воды и не разорваться, ну как для парилки в бане. А во-вторых: ядрышки ореха сами по себе по наклонной поверхности не скатывались, скорлупа мешала, так вот снизу одной из досок этого наклонного щита туго натягивалась веревочка и ее периодически щипали, ну как струну на гитаре. При этом веревка вибрировала и вместе с ней вибрировали доски щита, ядрышки ореха избавляясь от остатков скорлупы шустро скатывались вниз. В двадцатом веке это называлось откатка на струне, ягоду так откатывали, потому как брали ягоду не руками, а с помощью совка, в результате она получалась сильно засоренной и нуждалась в откатке.

Такой прогрессивный способ очистки ореха сильно ускорял работу, но полностью от ручного труда не избавлял, примерно пятая часть ореха таким образом чиститься не желала. В этом случае приходилось действовать по старинке, ночи в Сибири весной холодные, порой температура опускается ниже минус двадцати градусов, орех морозили на улице, а поутру заносили домой и быстренько, пока он не прогрелся давили его скалкой. Тут уж как говорится: против лома нет приема. А дальше милости просим дочищать вручную.

Не знаю, сколько мы с этого масла надавим, но как-то совсем грустно 'пустую' кашу есть.

Приказчик Григорий Лепня выходил от воеводы шибко озадаченный, еще бы, разговор получился сложным, Афанасий Савелов не желал слушать никаких возражений и требовал от приказчика обеспечить любым образом доход с Иркутска. А взято уже все, что возможно. Взять с людей больше просто нельзя, нет у людей денег, совсем нет. Ведь раньше, когда платили казакам, деньга перекачевывала в карманы торговцев и мастерового люда, а оттуда в казну, а теперь откуда деньги возьмутся? Мелочь, конечно, по торгу ходит, но до нее без крови не доберешься, да и торговля после этого окончательно умрет. Так же как умрет, если попробовать взять товаром, купцы и торговцы мгновенно за кредитные обязательства отдадут этот товар на откуп казакам, если уже не отдали, а у тех уже ничего не возьмешь. И что теперь делать? Караваны грабить? Так их тоже нахрапом не возьмешь, каждый караван охраняется немаленьким отрядом казаков — можешь хоть до хрипоты доказывать, что все делается по приказу воеводы, никто и ухом не поведет, потому как знают, воевода вор.

Гришка направился в торговые лавки кремля, необходимо было посмотреть на товар, и для работы полезно и нервы успокаивало. Так, переходя от торговца к торговцу, приказчик посматривал на товары и на скорую руку прикидывал, на что еще можно установить

дополнительный налог. Китайский шелк и фарфор и так имели запредельные цены, и даже в кремле покупались редко, поэтому на лавках практически отсутствовали, но это на лавках, а вот из-под полы потихоньку расходились по всему кремлю. Но с этим сильно не повоюешь, о боярских детей даже воевода зубы обломает. Товары шорников тоже сильно не тронешь, враз уйдут в слободу, а если и там попытаться достать, вообще из торговли исчезнут. Тут нужен такой товар, без которого никак обойтись нельзя, и который можно будет легко контролировать.

Пошарив глазами по лавкам с товарами еще раз, и не найдя ничего достойного внимания Гришка развернулся до дому, однако резко остановился — дома соль заканчивается, надо бы прикупить с пуд. И тут его толкнуло — СОЛЬ! Вот он тот товар, с которого можно взять столько сколько нужно, и никуда народ не денется и никак не сможет обойти мытарей, потому как соль находится на строгом учете казны. Осталось только взять под воеводский контроль обозы с солью и на время прикрыть солеварни, пусть цена при отсутствии ее добычи немного подрастет. Не прошло и полчаса, как приказчик доводил свои соображения Савелову.

— Вот, а говорил денег взять негде, — прохрипел довольный Афанасий, — ты надолго это не откладывай, прямо сейчас отправляй гонца к Ваньке Ушакову, пусть солеварни до лета прикроет, мол залило их грязью. И скажи ему еще, что всю соль с его складов казна выкупает, только пусть помалкивает о том. А потом еще надо будет братских предупредить, чтобы соляные обозы в Иркутск не пускали. И давай пошевеливайся, некогда нам тут рассусоливать, — напоследок воевода даже хохотнул, своей немудренной шутке.

Приказу воеводы Иван Ушаков радоваться не спешил, с одной стороны хорошо, что казна выкупает все его немалые запасы соли, а с другой — выкупает ли. Афанасий Тимофеевич никому еще ни копейки не дал, жаден до безумия, скорее земля рухнет в бездну, чем он на оплату расщедрится. А потому ни о каком выкупе соли в казну речи нет и, следовательно, соль со своих складов в амбары кремля перемещать не следует. Пусть и в убыток, но хранить ее надо у себя, только запрятать подальше, чтобы не пронюхал кто невзначай. И в Усолье надо доверенного человечка отправить пусть солеварни начинают перестраивать, давно уже ремонта требуют, но все некогда было, а теперь в самый раз — и воеводе угодить, и себя не обделить.

Слух, пущенный в тот же день, привел к ожидаемым результатам, остатки соли мгновенно смели с прилавков, а цены на кремлевские запасы были подняты раза в четыре, народ зароптал.

Кстати, у нас кончается соль, вернее кончается не только у нас, а во всей слободе, на торгу продавцы сразу вздули на нее цены, так недалеко и до соляного бунта, что частенько бывало в истории. Насколько мне стало известно, сейчас соль добывается где-то на реке Белой, но в этом году, чего-то там случилось и какие-то ямы, где она добывалась, залило. Восстановят только летом, а пока...

А пока я потихоньку собирал слухи, чтобы вовремя среагировать на народное недовольство, тут главное не зевать, а то затопчут всех без разбора. В конечном итоге благодаря своему острому слуху удалось выяснить, что казаки затеяли в обход казны снарядить соляной караван на Белую и если не выйдет договориться на месте по-хорошему, соль взять силой. Однако сразу идти всей толпой посчитали неправильным, поэтому решили сначала отправить разведку во главе со старым казаком Брагой, брат этого Браги и был тем самым 'старым хреном', который учил меня военному делу плеткой.

В который раз убедился, что имидж дурака имеет неоспоримые преимущества, сунулся бы к казаку нормальный пацан, получил бы плетью поперек мягкого места(потому как на спине армяк и его не пробьешь), а меня даже выслушали, будучи в хорошем расположении духа. Понимаю, что ради прикола, но все же:

— Вот ведь филин болотный, уж в полголоса разговор вели, а все равно расслышал. — Усмехнулся Брага. — Так говоришь ведомо тебе, где на Белой соль рубить можно? А ежели, по-простому, языком мелешь?

Вздыхаю, риск большой — за пустой прогон на десяток верст 'старый' живого места мне на спине не оставит, но уж больно куш велик если все удачно повернется:

— Знаю, дядька казак, только соль там не беленая, и твердая как камень, но в деле ничуть не хуже будет.

Тут нужно пояснить, что добыча соли на территории России, а, следовательно, и Сибири строго лицензировалась. Т. е. просто так соль добывать было нельзя, нужно было получить разрешение, выкупить место добычи, а потом добывать. По существу я подбивал людей на противоправные действия, но платить втридорога тоже, знаете ли... и будем считать, что жаба тут ни причем. И Брага решил рискнуть, как еще там, на солеварнях, получится, а тут хоть какая, но и еще подстраховка есть.

— Ну, ну. — Казак задумался, потом хитро посмотрел на меня. — Ладно, возьмем тебя, на прогон, не велика тяжесть на санях. Да и мальчика в солеварне не заподозрят, но сам понимаешь, всю работу, что накажут, придется прилежно исполнять, скидку на малые годы делать не будем. А будешь норов, да леньость проявлять, вмиг плетей отведаешь.

Вот так я и оказался в разведчиках, напросился, уж не знаю на что, знал я по случаю одно местечко, где пласт соли выходил наружу, и воды там можно было не опасаться, правда соль не совсем чистая, и верхний слой примерно с полметра придется в отвал откинуть.

Соляной караван собрали в глубокой тайне, семь казаков на четырех санях, и я у них был за 'поди, подай, принеси'. На всякий случай заучили легенду, это если мы попадемся власть предержащим, что с солью вообще беда, потому едем на соляной промысел и там попытаемся набрать хотя бы соляной пыли, которая почему-то в государственных раскладах

не учитывалась. Что за соляная пыль, я так и не понял, никогда о такой не слышал, но раз на нее казаки ссылаются, значит такая есть.

Не буду описывать все перипетии путешествия, тем более что трудностей в пути всегда хватало, и не верьте тем, кто твердит, что добираться без шоссейных дорог по рекам зимой можно легко. Не та река Ангара, чтобы на ней лед намерзал так же гладко как на ледовых стадионах двадцать первого века, постоянно приходилось пересекать русло и обходить обширные поля торосов набившихся на стремнине. Теперь мне было понятно, почему, несмотря на наличие реки, купцы предпочитали пробивать зимние дороги по берегу.

На солеварнях ничего не обломилось, сразу стало понятно, что взять тут нечего. То, что никакой грязью ничего не залило, увидел сразу, да и масштабные работы по перестройке ям были начаты без какой бы то ни было подготовки. Даже лес не успели завести в нужном количестве.

— Понятно, — хмыкнул Брага, — сговорился Ушаков с Савеловым, решили с общества деньгу больше взять. Значит, припрятал соль купец. Вот так-то казаки.

— Ничего, проверим склады поганца, — ответили ему, — заставим на торг соль выставить.

— Если ее Савелов все в казну не выкупил.

— Вот. — Старый казак, ткнул в возразившего пальцем. — Если не выкупил. Ну чего делать будем казаки? Вертаемся назад, или попытаем сами соли добыть? Тут нам малец в помощь, бает, что знает, где до соли добраться можно. Далеко до нее? — Повернулся он ко мне.

— Верст с десять будет, — кивнул я, — Белая река спокойная, не должны много петлять.

— Спокойная-то она спокойная, — крикнул Брага, — да вот только снег солнцем прибило, наст острый, надо коням пясти замотать.

Ни одного возражения со стороны казаков не последовало, через пару часов отдыха мы под изумленными взглядами сторожей отправились дальше, вверх по реке Белой. Нужный мне склон невысокого холма недалеко от берега увидел без особых затруднений, да и трудно было бы его не разглядеть, здесь соль выходила почти на поверхность, поэтому растительность на нем была низкорослой и чахлой. Потом все по плану, казаки аккуратно тропили путь дальше, возвращались назад, заводили сани подальше от берега под прикрытия леса, пытались маскировать следы, хотя лишний труд, все равно все видно, и обустроивали стоянку, в расчете пребывания тут на пару дней. Пока обоз обустроивался, я вместе с Брагой сходил на место предполагаемой добычи соли. Поначалу, даже немного струхнул — в мое время здесь было уже раскопано, пласт виделся как бы в разрезе, а сейчас требовалось точно определить, где надо начинать раскопки. Это когда у тебя экскаватор на подхвате сотня кубов грунта в плюс или в минус значения не имеет, а здесь каждый куб мерзлой земли на литр пота. Помог огромный валун внизу у ручья, вот по нему и определился, показал где именно следует зачищать пласт и объяснил как примерно должна выглядеть добытая соль. Казак лишних вопросов задавать не стал, только ковырнул землю, попробовал на язык и как-то подозрительно хмыкнул. Мне стало интересно чего он там напробовав, тоже ковырнул земли на язык. Тьфу, ерунда какая-то, земля, как земля, только отдаленно там можно соль почувствовать.

Ушли на раскопки после того как народ отдохнул и подкрепился, и вообще в это время все делалось без спешки обстоятельно, предваряя всякое серьезное дело молитвой. Меня,

естественно, оставили на хозяйстве, ну и урок конечно задали: лапника на ночевку надрать, костер навесом со стороны реки закрыть, чтобы издали не видно было, кашу сварить... Как раз работы до вечера.

Когда пробил тропинку к ручью, увидел косого, тот объедал кору тальника и не слышал меня из-за журчания воды в ручье подо льдом. Тихонько вернулся за луком, все-таки научился точно класть стрелы, правда только в спокойной обстановке, не торопясь. Помня о том, что мясо зайца в слободе считалось сорным, добавлять его в кашу не стал, решил зажарить на углях отдельно, побрезгуют, мне больше достанется. Ага, как же, размышлялся, как потом оказалось, сорное то оно сорное, да никто не отказался, зажевали косого, только за бородами трещало, и мои надежды хорошенько заправить мясом свой молодой организм, не оправдались.

К вечеру уставшие казаки вернулись, соляной пласт более или менее зачистили и прорубились до хорошей соли, с завтрашнего дня примутся наполнять мешки. Вот тут-то Брага мне и признался:

— До конца не верил, что ты, Васька, нас на соль выведешь. Да и откуда тебе знать-то было, место глухое и соль нигде не оголилась?

Да, никогда Штирлиц не был так близок к провалу. Можно, конечно, сложить мозаику лжи из кусочков правды, но мне просто было лень напрягаться, потому сказал, что знания не мои, а чьи не скажу, наказали помалкивать. Казаков мой ответ вполне удовлетворил, они всегда проповедовали жизненный принцип 'во многих знаниях многие печали', поэтому настаивать не стали. Стемнело быстро, народ потихоньку обустроился на ночь, а я заранее натаскав сучьев побольше, чтобы успеть с утра накормить работников, все никак не мог уснуть. Луна в этот день, хоть и не была полной, но для меня жутко яркой, видел все как днем, вот и пришлось лежать под теплой шкурой, обдумывая дальнейшие планы. Пролежал часа три, а сна ни в одном глазу, уже и казаки на посту сменились, а я все никак не мог даже задремать. Плохо — потом днем буду ходить как вареный. Вдруг возник легкий дискомфорт, показалось, что произошли какие-то изменения вокруг, не пойму что конкретно, но... Хм, точно — на грани слышимости уловил необычные для леса звуки, вроде как тихое металлическое позвякивание. Насторожился и прислушался уже основательней, звук опять повторился и шел он со стороны ручья, посмотрел на коней, однако те не реагировали, а ведь наверняка слышали. Стараясь не шуметь, достал свой лук и натянул тетиву, казак, стоявший в карауле, недоуменно обернулся ко мне. В это время появился новый звук, который был больше похож на поскрипывание. Теперь я уже не сомневался, там кто-то или что-то есть. Подобрался к казаку:

— Дядька Данила, — зашептал я ему в ухо, — у ручья кто-то есть.

— Уверен? — Казак попытался рассмотреть как ведут себя кони, это и понятно, они первыми реагировали на чужаков. Но впотьмах не с его глазами.

— Буди Брагу. — Принял он решение, тихо скользя к тропке, ведущий к ручью.

Брага не то, что сомневаться не стал, вообще приказал без разговоров будить всех. Должен сказать, что служба у казаков на высоте, люди не вдаваясь в подробности брали оружие и пробирались под прикрытие деревьев. Вернулся Данила, он приблизился к вожаку:

— Есть там кто-то, — зашептал он ему на ухо, — Васька, правильно сказал, а сколько, на слух пока определить не смог.

— Васька, — тут же позвал казак, — у тебя слух острый, давай на тропу.

— Не, поздно уже, — отбоярился я от высокой чести, стать жертвенной пешкой, — двое

ближе к нам подошли, шагов с полсотни, вонкони ушами стригут, и у самого ручья еще сколько-то есть.

Вожак поглядел в небо, луна уже склонилась к горизонту:

— Сейчас не нападут, — уверенно заявил он нам, — будут ждать когда луна сойдет.

Хм, а луна закатится за горизонт через полчаса, значит, эти полчаса у нас есть.

— Пусть Никша готовит пищаль с дробом, — сразу отдал мне приказ Брага, — да при нем останься, он на ухо туговат.

Никша, по моему мнению, не только на ухо туговат, он еще и слеповат, это я понял по тому как он без мой помощи не мог и шагу сделать, совсем в темноте ничего не различает, хотя не так уж и темно. А может быть у него куриная слепота, по весне многие страдают от недостатка витаминов. Кое-как с моей помощью ему удалось зарядить свою пищаль и запалить фитиль. Ну и древность, насколько мне известно, везде уже использовались кремневые замки.

— Васька, подь сюда, — тихо позвал меня Брага, — слышишь чего?

— Да, и вижу тоже. Один там же стоит, из-за ели на нас пытается пялиться, но сомневаюсь, что нас видит — шапку снял, ушами как конь стриждёт. Второго нет, у ручья какая-то возня.

— Ага, — пришел к каким-то своим выводам вожак, — Никшу пристрой за возком против тропинки, как заварушка начнется, пусть пальнет. А сам ко мне назад, здесь твой слух и глаз надобен, а то ничего не разобрать.

Казака с пищалью я, как и приказывали, усадил напротив тропинки и четко фиксировал пищаль, чтобы тот понял куда именно надо стрелять.

Атака последовала чуть раньше, чем скрылась луна, оно и понятно совсем по темну можно было вообще мимо бивака проскочить, к этому времени основная масса нападавших сгруппировалась около двух разведчиков, которые с самого начала наблюдали за нами, ну или думали, что наблюдали. Вот они голубчики, прямо толпой ринулись в нашу сторону, на этот раз кони не подвели и достаточно громко всхрапнули, да и шума от толпы было изрядно.

— Сколько? — Только спросил меня Брага.

— Вроде девять, — ответил я, хватаясь за стрелу

Сначала оглушительно бухнула пищаль, в створ тропинки Никша попал, но это единственное видимое его достижение, как бежали на нас в атаку, так и продолжали бежать, никто не упал. Потом я начал работать стрелами, другие и не думали браться за лук — ничего не видели в темноте. До того как основная масса вступила в ближний бой, тремя стрелами успел попасть только в двоих, но как-то неудачно, вроде бы и ранил, а внешне это никак не проявилось. Хотя для меня это достижение, по движущей цели я еще ни разу не стрелял. Двоих особо резвых ударами сабли срезал Брага, с остальными казаки расправились удивительно легко, просто шагнули из-за прикрытия деревьев и приняли тушки на копья. Все действие заняло не более минуты. Э..., нет, я понимаю, что казак это казак, его с детства учат воевать, поэтому перед простым мужиком он имеет подавляющее преимущество, но на что надеялись нападавшие, ведь их как кутят.

— Пали смолянку. — Скомандовал Брага. Смолянка, это нечто типа факела из пропитанной смолой грубой пеньки, горит долго и ярко. — Идем к ручью.

— Стрелой на свет посекут, — высказал кто-то опасение.

— Правильно, — остановился вожак, — тогда двигаем к реке, чтобы уйти не смогли.

При свете смолянки рассмотрели тех, кто имел счастье с нами связаться. Теперь все стало на свои места, видимо это какая-то местная банда, никакие они не вояки, хотя храбрости им не занимать, ведь ни один не кинулся назад после грохота пищаля. Или это не храбрость, а дурость, напасть вот так, ночью, на казаков, у которых служба в крови... Кстати, у одного точно от моей стрелы отравление приключилось, видимо в запарке не заметил смертельного ранения, так и повис на кустах на границе нашего лагеря. Через некоторое время, казаки ушедшие в сторону реки, вернулись к лагерю со стороны ручья и привели двоих разбойников. Привели — это я немного приукрасил, притащили, причем один был явно не в товарном состоянии.

В эту ночь уснуть мне так и не довелось, потому как допрос 'языков' длился до самого утра, а несознательные подследственные боль пыток молча терпеть не умели. Как выяснилось, храбрость разбойников была не естественного происхождения, прежде чем идти на дело, они приняли по чарке настойки. Интересно, чего там в той настойке намешали, что она напрочь мозги отшибает?

Вместо запланированных двух дней у реки мы проторчали четыре, во-первых: после нападения служивый люд решил устроить себе отдых, во-вторых: посетили место дислокации ночных визитеров на предмет материальной компенсации, ну а в-третьих: пришлось заполнять солью еще двое саней из четырех, которые нам любезно предоставила банд группа. Теперь наш обоз состоял из восьми саней, и еще одной навьюченной лошади, ну не могли же казаки не прислушаться к своей жабе, а она у них большая, зеленая, пупырчатая. Даже меня посадили за вожжи. Эксплуататоры.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Добычу делили перед Иркутским острогом, дожидаясь сумерек, негоже было появляться с грузом в слободе днем, и так лишних глаз хватает. По прежнему договору мне полагалась одна двенадцатая с добычи, менять договоренность не стали, вот только от вещей, взятых у бандитов, я отказался. Соли я тоже много брать не хотел, не по соседям же ее раздавать, враз заложат, поэтому порешили, что мне достанется кобыла и три мешка соли, половина одного из них уйдет Никше, за то, что он до лета приютит у себя мое будущее средство производства средств производства. Кстати всю соль тоже пришлось оставить там же, секретность — будь она не ладна. Теперь придется брать соль по мере необходимости 'дабы по недомыслию своему не подвести сродственников', во как, никакого такта у людей, все-таки напомнили мне кто я есть, а если захочу продать, или поделиться с кем, то тоже через Никшу, дабы... Ну, понятно в общем, взяли под жесткий контроль, в будущем двадцать раз подумаю, прежде чем с казаками связываться. Хотя..., ну куда я денусь? Если шире смотреть, то можно сказать, обошлись казаки со мной по-доброму, поделились более чем честно, по их понятиям, естественно, все-таки сирота я... казанская, то есть иркутская. Эх, слезу бы пустил, пожаловался на долю сиротскую, да не стану, потому как пока совсем неплохо получается выруливать.

Вот и дом. Не дом, конечно, но лучше сейчас для меня места нет. Мать как всегда разохалась и пеняла мне, что опоздал на два дня, даже пуд соли, который я притащил из слободы, ее не обрадовали.

— Ну чего ты к сыну пристала, — пришел мне на помощь Асата, — он, поди, с дороги еле ноги волочит. Ему бы помыться да отдохнуть.

— Да, — подтвердил я, — меня надо бы сначала, помыть, накормить, спать уложить, а потом уж и спрашивать.

— Спросишь тебя, спящего, — улыбнулась мать, доставая из печки горшок с парящей водой, и добавляя ее в бадейку, — иди, полью.

Эх, хорошо, с таким удовольствием поел каши, заправленной кедровым маслом, да потом еще похрустел квашеной капустой, м-м-м. Все-таки дошли мои увещевания до матери, обменяли в слободе с пол пуда 'квашенки'. Потом долго рассказывал о нашей поездке, и о том, как казаки шайку разбойников прищучили, и о том, как со мной лошадью поделились...

— Так что, — встрепелась мать, — теперь у нас и кобыла есть?

— Есть, — подтвердил я, — мне сказали, что четырехлетка. С Никшей из слободы сговорились за пол мешка соли, что до лета у него постоит. По мере нужды можно брать, по виду вроде смирная.

— Ох ты ж, — подергал себя за бороду кузнец, — это ж надо, с одной поездки кобылу взять. Ну, Васька, любит тебя Бог.

Ну, да, любит, бессонницей же меня кто-то в ту ночь наградил, а то была бы мне лошадь... на память вечную.

— Как копые держишь? — Вжик, плеткой по бедру, — Не спи, дальше давай. — И снова, вжик! — Быстрее ногами перебирай, таракан беременный. — Вжик!

Ну, зачем я опять пришел к этому мучителю, всё, это последний раз.... Пора по-тихому сваливать. А про таракана он зря. В Сибири тараканы от западных сильно отличаются, и бегают они как реактивные, причем с кладкой они или нет, особой роли не играет. А отношение к ним здесь весьма своеобразное, даже можно сказать благосклонное, потому как наличие тараканьей живности в доме показатель достатка. Нельзя сказать, что с ними совсем не борются, но, по моему мнению, начинают их изводить, когда совсем уж невогмугу, и от топота армии насекомых не заснуть.

Домой опять приплелся еле живой, такие тренировки меня выматывают в хлам, и что обидно, гоняют меня ничуть не больше чем таких же кая я пацанов. Но им как-то не в тягость по бревнам прыгать да, на коне с копьем вертеться, а у меня все с надрывом, через силу и боль. Ох, моя многострадальная задница, и не поймешь от чего больше болит, то ли от плетки, то ли отбил во время многочисленных падений. Хм, а дома 'сюрпризец', встретили как на похоронах:

— Случилось чего? — Спросил мать, стягивая сапоги.

— Случилось, — подтвердила она мои опасения, — от отца Игнатия послушник приходил. Сказано, чтобы завтра после обедни у главных ворот ждал, вроде как в Вознесенский поедешь, по требованию настоятеля.

Во как. Это с чего я им понадобился? В доброту монастырских как-то не верилось, те еще волки, свой интерес блюдут не хуже нынешнего воеводы, дадут на копейку — стребуют на рубль, даже воевода против церковников пикнуть не смеет. Зачем им полоумный малец? Что-то не клеится, о том и домашним сказал.

— Я так понимаю, — высказал свою мысль Асата, — или кто-то решил заботу о погорельце сироте проявить, и приобщить к вере истиной, или решил на тебя посмотреть, не часто с рождения умом скорбные в разум входят.

— Только-то, — хмыкнул я, — Ну и чего? Скатаюсь да посмотрю, как монахи живут. Переживать-то чего.

— Э нет, Васька, — осадил меня отчим, — посмотреть на тебя немного времени потребуется. Тут думаю, станут проверять тебя, не черт ли виной тому, что отрок в ум

вошел?

Да-а, подзабыл я как-то, что здесь хоть и не инквизиция, но тоже нужно себя в тонусе держать, а то могут обойтись ничуть не лучше чем в европах, хоть и не на костер, но епитимью наложат, мама не горюй. Да еще проконтролируют, что бы исполнил все до последней мелочи. Засада, нет, не так, ЗАСАДА, вот так будет правильной.

Солнце припекает, уже начало мая, сижу на пригорке, ловлю спиной тепло и любуюсь окружающим пейзажем. На завтра сговорились пойти в лес всем околотком на заготовку бересты, пример Дашки оказался заразительным. Я не стал убеждать народ, что большое предложение на торге изделий из бересты неизбежно уронит цену, не поверят, подумают, что таким способом пытаюсь избавиться от конкурентов. Сестра уже переживает, мол, потом сложно будет что-либо продать, но я за нее спокоен, пока еще другие научатся делать изделия такого качества, да и про отделку надо не забывать. Вообще она оказалась жутко талантлива, стоило мне показать, как делаются картинки из бересты, как она стала быстро наработывать мастерство. Потом я ей еще показывал различные художественные приемы, учил азам живописи, художник-то из меня не очень, но кое-что все же могу. На торгу Дашкины изделия ценились и шли просто нарасхват, хотя не могу сказать, что у нее совсем не было конкуренции, конкуренция была, только, держите меня четверо, конкурент, который дышал ей в затылок, это родная сестренка Лисавета. Вот так, восьмилетняя сестра, как обезьянка на лету перехватывала секреты мастерицы и злиться на нее Дашка не могла, не потому что это не хорошо, а просто потому, что считала ее своей ученицей. Даже пятилетний Минька пытался тянуться за сестрами, но там глухо, может быть он и станет делать неплохие вещи, но вот нет в нем пока той искры, которая позволяет творить новое.

Поездку в Вознесенский монастырь вспоминаю с содроганием, хоть на всех представителей церкви я зла не затаил, люди там, в большинстве своем, все-таки душевные, но некоторых их представителей удавил бы в помойном ведре, и не поморщился. Это же надо подростка голодом три дня морить, дабы очистить от скверны. Идиоты, причем клинические. Будь в самом деле на моем месте пацан, точно бы эти три дня постился, а так, мне голод противопоказан, пришлось кладовую по тихому вскрывать и не один раз. Григорий, который за эту кладовую отвечал, конечно, чего-то заподозрил, но за руку не поймал, только косился иногда нехорошо. А вот от заучивания молитв и изучения святого писания откосить не удалось, с рассвета и до..., хотел сказать 'заката', но нет до полуночи, при свете свечей с послушниками монастырскими забавлялись, хором, по сто раз, под диктовку. До сих пор как услышу от кого, передергивает, хорошо хоть Зосима вовремя приехал, да вытащил меня, заступился, а то так бы и уморили, за изучением святого писания. Как он там сказал:

— Отрок только свет души обрел, разум его еще слаб, а вы с послушниками его заставляете денно и нощно заучивать.

Кстати, умный мужик этот старец, на раз меня раскусил:

— Ты мне дурака тут из себя не строй, вижу про себя кривду городишь. Не враг я тебе, не хоронись понапрасну.

Ладно, дурака из себя больше изображать не буду, но всей правды тоже не скажу, а то знаю я вас праведников. А за жизнь с ним хорошо поговорили, две недели он меня наставлял, мозги правил, если бы не информационная прививка двадцать первого века, ей-ей в послушники рванул. А так нет, как бы правильно не говорил старец, как бы не убеждал,

извини, у меня есть своя цель, и эта цель хоть и не совсем в другой стороне, но пути наши расходятся. Так что, как только отпустили, рванул до дому так, что пятки засверкали, благо тут всего пять верст... во, вживаюсь, расстояние уже не в километрах, а в верстах представлять начал. Ну а напоследок, за такое 'хлебосольство', информационную диверсию провел, убедил Зосиму, что дерево в строительстве весьма и весьма недолговечно, и не потому, что гниет, а потому, что пожар при таком общежитии неизбежен. И это не пустые слова, только за эту зиму два раза чудом успели предотвратить серьезный пожар. Потому, мол, надо заводик кирпичный делать, сложностей никаких, глина поблизости есть, в дровах тоже недостатка нет, только труд приложить. Конечно, 'убедил' это только звучит просто, однако ж 'яйца курицу не учат', мои советы, будь они действительно советами хотя бы из вредности отмели, а вот исподволь, потихоньку, задавая правильные вопросы, которые уже практически содержали в себе ответы, получилось. Как там: 'И в сердце льстец всегда отыщет уголок', вот и я отыскал у Зосимы уголок, любит он учить или поучать, он и поучал меня, отвечая на вопросы, да так, что сам пришел к нужным мне выводам. Вот и отомстил я братии, будут они теперь этим летом вместо заучивания псалмов тачки с глиной катать, ниче для здоровья жутко полезно, труд на открытом воздухе.

Участок под строительство домов нам выделен, это уже благодаря Батюшке, не смог он отказать инокине Александре, и лес сухой нам из казны тоже продали, правда, не столько, сколько нам было на самом деле нужно, но тут уж чиновничье крапивное семя постаралось. Ничего, обойдемся, я уже сговорился с одной артелью, они зимой лес для мелкого купчишки заготавливали, да у того пока денег не хватило на выкуп. Вот они и решили его мне продать, да заодно подрядиться на плотницкие работы. Но тут уже облом, нечем мне им за работу платить, да если б и было, строить им пришлось бы как я хочу, а не как они привыкли. Самое смешное, купчишка, который лес не смог выкупить, соляную лавку на торгу держит, это ему казаки подкузьмили, когда Ушакова чуть в ножи не взяли, заставили купца соль из закровов доставать. Неожиданный выброс на рынок дешевой соли высокого качества, чуть не разорил торговца, в конечном итоге он выкрутился, но вот не без потерь. А тут еще и наша микро интервенция 'подзольной соли'... Хотя наша соль народу понравилось, до сих пор еще просят, и думаю, если кто-нибудь еще раз попробует провернуть такую же авантюру, казаки не один раз на наш соляной пласт скатаются.

Река вскрылась неделю назад, мои переметы заработали с новой силой, но это так, больше для души, а пока с Асатой, между делом ладим хорошую лодку, узкую, длинную, чтобы хорошую скорость при четверых гребцах выдавала. А то ведь вниз по Ангаре ходить труда много не требуется, а вот обратно шибко потеть приходится. Есть у меня задумка смотаться на малое море с казачками, дом же будем строить, окна я широкие хочу делать, для этого слюды много потребуется, а слюда, благодаря жадности воеводы, в гос. монополии, и дерут за хилый листик, как за полноценное стекло. Точное место, где добывался слюдяной камень, я знаю, побывал в свое время в тех местах. Изнаю я одно местечко, там слюда исключительного качества, правда крюк изрядный придется по горам делать — не думаю, что тамошний приказчик все оставит без присмотра, но обмен пота на денежные средства в данном случае исключительно выгодный. Да и пот тот будет не мой, бывшая соляная команда, правда без руководства старшиИны, тоже загорелась себе широкие двойные окна справить, вот пусть и отрабатывают.

— Васька, тебя мамка кличет! — Это Лисавета, за мной пришла.

Да, пора идти — Фома все-таки допрыгался, в результате жуткого авитаминоза у него

слегла невестка, и сейчас ее пытались выхаживать всем миром. А чего там выхаживать? Рецепт известен, рыбий жир, сосновые почки, пророщенная рожь, мясные бульоны и главное — вытащить ее из той жуткой ямы, которую Фома называет землянкой. Сейчас болящая у нас вместе с детьми, с которыми тоже есть небольшие проблемы, почему-то все решили, что только мы сможем ее вылечить. Это, наверное, потому, что зимой Тимка, младший сын Голени, хотя какой он младший, двадцать лет балбесу, умудрился уронить себе на ногу бревно и заработал открытый перелом голени, для этого времени такая рана сто процентов приводила к инвалидности, если не вообще к смерти. Судьба сложилась так, что я оказался в это время поблизости и, пользуясь тем, что мужик уплыл в беспамятство, вправил ему кость и наложил лубок из коры. Правда, перед этим пришлось долго освобождать болезного от части одежды, а еще извести на него весь свой запас полос льняной ткани, которую с некоторых пор всегда брал с собой, но дело сделал качественно. Честно сказать, Тимофею просто несказанно повезло, кость лопнула наискось без образования осколков, а то, что прорвалась наружу, так это даже в плюс, большой гематомы не образовалось. Крови он, конечно, потерял достаточно много, и выглядел на первых порах хуже покойника, но обошлось. Потом он еще месяц лежал на растяжке, это когда нога на веревку подвешена. Многие подумают, что это для того чтобы кости правильно срослись, и ошибутся. По дурости своей, мужик, как только ему полегчало (ну, боль перестала в дурную голову стучаться), решил, что ему можно хоть и не по хозяйству, но хотя бы до ветру самостоятельно передвигаться. Вот эти поползновения и пришлось пресечь таким способом, а заодно, чтобы жизнь медом не казалась. Как бы то ни было, но уже к концу апреля, Тимка ловко передвигался по нашему околотку с костылем, радуясь, что совсем скоро сможет ходить без дополнительной подпорки.

Потом кто-то ляпнул, что все это от того, что Ваське, дураку, счастье. Естественно, все понимали в чем истинный смысл этого выражения, но по своему переиначили, вроде как был дурак да Бог удачей его одарил и если быть к этому дураку ближе, то часть удачи тоже себе можно урвать. Вот теперь и приходится по несколько часов в день сидеть в землянке и делать вид, что занимаюсь своими делами, между которыми продолжать скармливать болящей ударные дозы витаминов. Ну а так как детишек прибавилось и просто так они сидеть не желают, возобновил 'литературные чтения' в смысле сказки рассказываю поучительные.

Меня ждали, малышня забралась на полати, взрослые расселись по лавкам — партер и галерка, блин. Театр абсурда. Вдохнул, взял в руки шило и, производя ремонт своей обуви, все-таки всю зиму в них топтался, принялся за неспешный сказ про 'Золотую рыбку'. И как всегда приплел многого из того о чем не упоминалось в оригинале, надо же было как-то описать прелести жизни различных сословий. Допустим, построили тебе новую избу, должен соответствовать крепкому хозяину, хозяйство надо тянуть, не лениться, налоги выплачивать. А не выдержал, выклянчил себе дворянский статус, вместе с ним и ответственность, от которой голова кругом идет. Бежал от дворянских обязанностей в цари, тут уж вообще туши свет, только и успевай на все стороны воевать и политес держать...

...

Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Закончил я сказку, завязывая последний узелок.

Народ загомонил, мужики хитро посматривали друг на друга, улыбались и подмигивали, кивая на жен, а женщины в свою очередь тоже бросали им едкие реплики. Луше всех настроение от сказки высказала жена старшего сына Голени:

— Бабка не от большого ума в царицы полезла, но от новой избы и корыта мне плохо бы не стало.

— Так ведь жадность человеческая пределов не имеет, — вздохнул я в ответ, — трудно понять, когда надо остановиться.

В завязавший спор о прелестях коммунистического будущего с золотой рыбкой я не ввязывался, знаю, чем это кончается. Кстати, вот и тема для следующей сказки, будем адаптировать 'По щучьему велению, по моему хотению', только сюжет сильно изменим — не будет Ивану счастья, пока сам не начнет делом его зарабатывать.

В этот момент в землянку ворвался Фома:

— Мужики, там казаки, цельное войско на дощаниках к кремлю идут. Слышал, с воеводы припас требовать будут.

Ага, слышал я про смутные времена, про восстание забайкальских казаков, только не помнил в каком году это произошло, получается в 1696. А потом вроде еще на Иркутск буряты летом нападут, а казаки их в слободу не пустят, так и будут кремль осаждать.

А что нам известно о восстании забайкальцев? А то, что времена были действительно смутные и казаки, уходя от Иркутска лояльностью к местному населению не прониклись, грабили почем зря. Может быть воеводу местные казаки защищать и не будут, но посад и слободу разорять не позволят, а вот тем селам, которые на пути вольницы окажутся завидовать не придется. Пойду-ка я покручусь среди забайкальских, послушаю, о чем народ кричит, тут важно руку на пульсе держать

Первые цветочки (Бунт)

После полудня слободу облетела новость, забайкальские пожаловали к воеводе требовать жалование, доигрался Савелов.

Казаки сразу собрались на сход чтобы решить — оказывать поддержку забайкальским или постоять в стороне, потому как призывы прибывших на дощаниках казаков иначе как подстрекательством к бунту не назовешь.

— Правильно забайкальские говорят, — разорялся долговязый казак, имеющий сродственников среди бунтующих, — совсем обнаглел воевода, пора с ним по-нашему разобраться.

— А 'по-нашему' это как? — тут же встрял Брага.

— Петлю на шею, да на ворота, — рванул армяк выступающий.

— Это, что же, — прищурился старшина, — человека царем назначенного без суда казнить? Так, то бунт против власти.

— Сколько можно челобитных писать? Толку все одно нет. Так что за шею оно вернее будет.

— Казаки, — взял слово Брага, хитро улыбаясь, — я тут вот слушаю этого человека и ничего понять не могу. Вроде бы и говорит чего, и даже слова какие глаголет, а понять никак не получается. Вот вы мне поясните, о чем он сейчас нам сказать хочет? Ежели он против власти чего удумал, то должны мы его на правез в приказ, а коли он байки кажет, то пусть его.

— Точно, — загалдели вокруг люди, посмеиваясь, — никак не разберешь, чего он сказать хочет. То ли ворота с помощью веревки открыть, то ли шею почесать.

Поняв, что казаки не желают вести крамольные речи в кругу, долговязый казак отступился, но тут же вышел другой:

— Подумайте о себе, казаки, много ли вам Савелов нынче платил? В этот год он вам вообще ничего платить не будет, по миру пойдете. А так пойдем всем обществом, побоится на пути встать, всё что положено отдаст.

— Так нечего у него там брать, — крикнули из круга, — давно все либо к братским ушло, либо к красноярским. Теперь красноярские тут всем верховодят, у себя всех ясачных повывели и к нам полезли.

— О том и говорим, братцы. Пора воеводе ответ держать.

— Не о том кричишь, — снова встрял Брага, — дошли до нас слухи, что де Антошка Бельский многих с собой поневоле в письменные крепости взял, а еще он хвалился иркутских побить. Что об этом нам скажешь?

— А то и скажу, что никого из иркутских он не тронет, а сказал то в запальчивости.

— Понятно, погорячился значит, — подвел итог казак, — но на первое не ответил.

— По письменной крепости не ведаю ничего, наветы думаю.

Тут уж все задумались, уж слишком нехорошо смотрелась вся эта буза, если учесть подписку забайкальских казаков. Получается, что многие не своей волей сюда приехали, с чужого голоса вынуждены кричать.

— Ну, вот что, — подвел итог Брага, — воеводу мы пока не слышали, поэтому бунтовать причины нет. А и услышим, при таком деле правды от него не добьешься. И тут еще, пять

дней назад наш гонец из Тобольска прибыл, новый воевода в кремль едет, потому думаю подождать надо, а пока пусть крикливые осадят.

На том круг и порешил.

— Чего тебе, — повернулся старый казак к мальцу, который тихонько дожидался, отираясь позади.

— Я на пристани был, речи забайкальских слышал, беда будет — заторопился пацан, — бают, что если иркутские не присоединятся, ночью слободку зорить пойдут, дубинки сучковатые готовят. А еще хотят казаков, что в переговорщики пойдут, живота лишить, мол, предатели.

— Вот оно как, — потемнел лицом Брага, — что все так хотят?

— Да какое там, — махнул рукой малец, — решает все Березовский да Фык, еще десяток поддакивают, остальные чего им скажут, то и делают. Алемасов с дружками отдельно стоят, спорят с каких дворов в слободке начать. А еще слышал, Фык обмолвился, вроде как надо кровью стрельцов казаков повязать.

— Коли так, то плохо дело, — скрежетнул зубами казак, — и вот что, беги к своим, пусть собирают что ценное и в лес, от греха подальше. Слободу-то дай Бог мы обороним, а вот вас никто охранять не будет.

Посмотрев вслед убегающему мальцу, Брага махнул рукой старому казаку ведшему круг:

— Как гости уйдут, собирай старшин, новости есть.

— Надежные?

— Надежные.

Как только сумерки спустились на землю, слобода тихо зашевелилась — из дворов вытаскивали колья, вязали рогатки и перегораживали улицы, и заборы крайних домов тоже срочно укрепляли, мало или чего.

— Шевелись, казаки, — подгонял своих Брага, — надо встретить ночных татей так, чтобы на всю жизнь отвадить. Тише ты, черт безрукий, — ругнулся он на уронившего рогатку казака.

— Идут, — придавленным голосом известил его казак, вынырнувший из темноты, — хоронятся.

— Все, по местам. Замерли. — Скомандовал старший.

Как ни хоронились забайкальские, а тихо у них все-одно не получалось. Да и как оно получится, в темноте, да по незнакомой дороге? То один споткнется, то другой на соседа налетит, а иной раз и вообще кто на ногах не удержится.

— Стой, служивые! Вертайся назад! Нет дальше ходу! — Крикнул Брага.

— Это кто там глотку дерет? — Раздалось в ответ. — Покажись, коль такой смелый.

— Я с тобой долго говорить не буду, только если кто дальше сунется, пусть сам на себя пеняет — шутить не будем.

Вдруг хлопнула тетива лука и рядом с головой Браги пропела стрела. Что ж выбор сделан, долго ждать ответа нападавшим не пришлось, не залп получился, конечно, пищали рывкнули в разнобой, но и этого хватило с избытком. Переть нахрапом неизвестно на кого забайкальские не стали, просто шустро ретировались, и, судя по стонам, не без потерь. Однако пришлые не успокоились и попытались зайти в слободу по другой дороге, но и там их встретил нетеплый прием, о чем все поняли по вновь раздавшейся стрельбе в ночи. На этом вылазка забайкальских закончилась, дошло, что шарахаться ночью по буеракам, в прямом смысле этого слова, для здоровья очень вредно.

Утром служивые пошарили вокруг слободки и серьезно задумались.

— Ну, чего там такого? — Спросил Брага старшина, придя на вызов посыльного. — Никак забайкальские испугались и назад отправились?

— Не, назад не отправились. А вот, что испугались, то есть, некоторые даже до смерти испугались.

— Не уж-то из пицалей настолько в темноте зацепили? — Удивился казак.

— В том-то и дело что нет, — хмыкнул старшина, — стрелами троих посекали.

— Стрелами? — Брага в удивлении почесал лоб, сдвинув шапку на затылок. — Ночью?

— Ага, причем так просто не бросили, хоть одежду не тронули, но пояса татей почистили вдумчиво, без спешки.

— Так, так, — в глазах казака мелькнул огонек понимания, — а это не из тех, кто к погорельцам двинул?

— Точно, — подтвердил старшина, — если от нас идти той дорожкой, то аккурат на землянки выйдешь.

— Тогда понятно, — хмыкнул Брага и, оглянувшись назад, не подслушивает ли кто, придвинулся к старшине, — ты это..., забудь. Посеченных прикопай по-тихому, мол, не было ничего, привиделось.

— Да ты что? — Вскинулся десятник. — А вдруг монголы?

— Не монголы это, — хохотнул казак, — ладно, тебе по секрету скажу, только ты никому. Васька это, малец из горельцев, только он в темноте на слух из лука бьет. А чего он забайкальских завалил? Так это как раз понятно, озоровать они после нашей дружной встречи в землянки наладились. А были бы монголы или наши казаки, так с татей все до последней нитки бы сняли.

— Это точно, — кивнул старшина, — сняли бы. А Васька чего оплошал?

— Дык брезгует, — тут уж Брага не выдержал и откровенно заржал, — крови ни капли не боится, а одежду с побитых не берет.

— И что? Вот так троих и смог побить?

— А ты на себя прикинь, — приосанился казак, — ночь, вокруг не видно ни зги, и тут откуда-то стрела. Ни кто стрельнул не видно, ни куда бежать.

Десятник зябко повел плечами, до него только сейчас дошло, какое чувство беспомощности испытали побитые:

— А ведь он двоих точно в сердце стрельнул, сразу насмерть, даже не мучились. Не на слух он стрелял, видел, куда стрелу направлял.

— А может быть и видел, — согласился Брага, — но уверен, Васька это. Только Степан, я тебя прошу...

— Понял, сделаю как просил.

Нет, ну что за дурни, ведь сказано же, что ночь проведем в лесу за Идой. И все согласились. И все-таки нашелся один упертый. Догадаетесь кто? Правильно, Фома, так и буду теперь его называть Фома Не верящий. Ведь не хотел я забайкальских убивать, ну

пришли они к землянкам, ну пограбили, хотя чего там грабить, все ценное с собой унесли. Так нет, Фома вернулся обратно. Сначала-то ночные тати начали обход землянок, а потом, никого не найдя, со злости стали крушить все подряд, в нашу землянку они попасть не успели, дверь у меня хорошо сделана и просто так, нахрапом ее взломать не получилось. И надо же в тот момент, когда трое погромщиков с помощью своих хилых топориков пытались пробиться внутрь, сосед решил выглянуть наружу и посмотреть от чего такой шум. Темнота не спасла, заметили. Пришлось казачков валить, сначала хотел у землянки, когда они Фому дубьем начали охаживать, но грешен, уж сильно я на этого идиота злой был, подождал, когда казачки стали из него захоронки выбивать. Самое интересное, что у этого куркуля денежки, прикопанные на черный день, были. И после двух ударов сучковатой древесиной по месту, которое чуть пониже хребта, он их сдал. Вот не подонок ли? Жену и детишек, значит, мы откармливаем, а он денежку в захоронки прикапывает. Ну-ну. Пошли всей толпой откапывать, хорошо, что этот придурок захоронку подальше от нашего околотка сделал. Но видимо денег там оказалось очень немного, потому как казаки вместо удовлетворения распалились еще больше и резко усилили обработку филейной части идиота, добываясь от него информации об остальных жителях околотка. Ждать дальше стало опасно, Фома мог такого массажа не вынести. Испытывал ли я муки совести? Нет, это ведь крысы помоечные, обломилось им со слободой, так ведь они пошли к тем, у кого совсем брать нечего, Фома не в счет. Всегда мечтал пару — тройку таких крыс завалить еще в той жизни, и чтобы перед тем как они отправились в мир иной, осознали всю глубину своего падения. Но рисковать не стал, валил сразу наглухо, а то ведь не прибьешь сразу, потом жалеть уже себя придется. Когда факел окончательно погас, прибитых казачков я хорошенько обшмонал, чтобы те деньги, которые сдал Фома, потратить на его же близких, а то ведь эта, самка собаки, как очухается, обязательно сама шарить полезет. 'Работал' без спешки, прощупывая на одежде потаенные места, и совершенно неожиданно набрал восемь рублей. Вот тебе и бедные забайкальские служивые, которым злой воевода не платит жалования. Всегда знал, что такие горлопаны проблем с деньгами не испытывают, просто под шумок грабят честный народ, это ж сколько честного люда, эти гоп-стопы пограбили. Трупы прятать не стал, вот еще напрягаться не по делу, пусть казаки сами решают чего с ними делать, но все оружие прибрал, 'спички детям не игрушка'. Фома так ничего и не понял, только пялился во тьму и пытался хоть что-нибудь разглядеть. Нет, он все-таки клинический идиот. Дядя, тут надо прикинуться ветошью и не отсвечивать, а ты лезешь чуть не в самое пекло, а если бы моем месте оказался кто-то другой?

Утром буза у приказной избы продолжилась, вот только стены кремля теперь выглядели очень недобро, кое-где можно было разглядеть на стенах жерло пушек и мелькание оружных стрельцов. Я пробежался до землянок и сделал вид крайнего удивления, обнаружив помятого Фому, досталось ему все-таки очень крепко, за всю ночь не смог забраться в свою яму. В душе порадовался стонам..., э..., не знаю даже как назвать придурка, как завзятый фарисей посочувствовал его горю и с чувством 'глубокого удовлетворения' отбыл в слободу. Надо было разведать настроение казаков. В общем-то, разведывать было нечего. Дьяк уговаривал старшин идти на защиту кремля, а казаки требовали полного погашения задолженности, причем в открытую обвиняли воеводу в том, что своими действиями он вынудил забайкальских на бунт.

— Васька! Подь сюда! — Это меня Брага перехватил, будь он неладен, вот с кем бы я сейчас не хотел встречаться, только он знал мои возможности. И точно, тащит меня в

проулок подальше от людей.

— Почто забайкальских положил?

Отпираться не стал и честно рассказал про Фому. Глаза Браги налились кровью:

— Когда этот халдей оклемается, скажи, я ему еще нагайкой пропишу, чтоб забыл, как сидеть можно.

— Только дядька казак, про меня он не знает ничего. Пусть и дальше не знает.

— Буду я еще с ним лясы точить, — вновь вспыхнул Брага, — может и ты зря вмешался?

— Нет, не зря, — почесал я затылок, — тати через него могли нас отыскать, а тогда что делать?

— Тоже верно, — согласился казак, — хотя тебе все едино, как посмотрю. В следующий раз, когда прибьешь кого, и общмонаешь, хотя бы верхнюю одежду сними, а то сразу понятно, чья работа. Себе не возьмешь, так прикопай где, от глаз.

И смотрит так, по-доброму. Ну, да, сгруппил, вот только возится с мертвяками, по-прежнему не хочу. Про добычу ни слова, но намек сделан и умный поймет, что делиться придется, если и дальше на защиту казаков рассчитываю. Ладно, оружие отдам на общее дело, мне с ним светиться себе дороже, а деньги..., а денег не было, откуда у казаков деньги, если им жалование не платили?

— Ну чего там, Вася? — Встретила меня мать, когда я отыскал наш временный лагерь.

— Завтра забайкальские по Ангаре вниз пойдут. Сговорил их воевода до братских скататься, мол, 'там ваши деньги'. — Огласил я результаты разведки. — Так что месяца два у нас будет, пока они назад не вернутся.

— А как вернутся, что тогда? — Это уже Голенья подоспел, и как всегда своим вопросом пытается меня поставить в положение берущего на себя ответственность.

— А тогда, если не успеем в слободе отстроиться опять в лес, но уже, наверное, седмицы на две. Быстро это все не закончится, и как бы красного петуха не пустили.

— Дык нужно ли тогда строиться? — Снова встрял неугомонный старик.

— Так у нас каждый год чего-нибудь происходит, — философски изрек я, — что, не жить теперь что ли? И это, там, у землянок, Фома отлеживается, забайкальские до него ночью добрались, попытали маленько, дубьем.

Услышав про нашего соседа Голенья взвился, он долго вспоминал все ему известные эпитеты и под конец постановил, что терпеть такого 'недалекого' человека больше возле себя не желает. Ладно, своей жизнью не дорожит, но он и других мог под ножи подставить, поэтому, как немного оклемается, пусть забирает свое семейство и идет в батраки к монастырским. Однако не тут-то было, сын Фомы в батраки идти не желал:

— Мы в Лисий вернемся, дом начнем строить.

— Это зря, — вставил я свое слово, — часть забайкальских отсюда летом по дороге пойдут, Лисий как раз на пути будет. Сами понимаете, что просто так они не уйдут. А если учесть, что сами строиться не сможете, а нанять артель не на что, монастырские для вас хоть какой-то выход.

Впрочем, это я уже так, по какому пути пойдет дальше Фома, мне совсем не интересно, главное, чтобы я больше с этим семейством не пересекался. Уж слишком отвратительно выглядел в моих глазах их глава после того как я узнал, что он, не смотря на болезнь невестки, решил сохранить денежки.

Все, пора, кое что из истории бунта мне известно, поэтому решил оказаться в нужном месте в нужное время, только лодку нужно подобрать такую, чтобы с одной стороны

забайкальские на нее не позарились и не отобрали, а с другой достаточно вместительную.

В землянки люди вернулись, как только бунтующие казаки снялись с острова. Мне же еще пришлось потрудиться в качестве грузчика, но то было не в тягость, даже скорее наоборот, моя жаба пела и приплясывала от радости. Только чуть лодчонку не утопил.

— Вась, а к нам даже никто не заходил, — радовалась Дашка, проверяя землянку, — квашенку будешь доедать, а то по теплу скоро испортится?

Вот в этом вся моя сестра, наряду с детской непосредственностью, она оказывается очень даже практичная, и эта черта характера присуща не только сестре, здесь и сейчас все так рассуждают. Если вдруг что-то может скиснуть или пропасть, народ обязательно все съест, пусть даже впрок не пойдет.

— Ты ее лучше вымочи в холодной воде, пока я печку растапливаю, — посоветовал я сестренке, — мы ее с мяском потушим, пока мать с дядькой Асатой с плотниками сговариваются.

С чего это я вдруг? А захотелось! Тут забайкальские в порыве вседозволенности купца пограбили, мешки с товарами к пристани стащили, да не учли, что все с собой не увезешь, так и бросили на берегу то что не влезло в лодки. А тут я вовремя нарисовался, как и планировал, оказался в нужном месте и в нужное время. Жаль, лодка маловата, а то бы все сгрэб. Как потом оказалось, утащил и так немало: рис, чай, специи, даже отрез тончайшей ткани из хлопка. Непонятно почему казаки отрез бросили, уж тогда бы и шелк заодно. Чая оказалось больше всего, два тюка, чуть пупок не развязался, когда я их на лодку корячил, хватал все в спешке, сильно не разбирался, так как конкуренты поджимали, теперь думаю — куда мне столько? Появится возможность, продам, хотя это будет не просто, здесь такой чай не употребляют, надо везти на запад, т. е. продавать придется караванщикам, а те цены настоящей не дадут, хорошо, если за треть возьмут. Есть и еще одна идея, в наше время мы в чай добавляли саган-дайлю, хорошо она вкус чая улучшала, можно и здесь попробовать вдруг тоже вкус улучшится. Зато перцу я обрадовался, давненько хотелось им еду приправить, даже, верите, в снах мне этот перец снился. Вот теперь и потушим капустку с перчиком. М-м-м. А потом еще плов сварганим, правда морковки по весне нет, но да ничего, наскребем чего-нить, а то на днях собрались за черемшой, не делать же плов с такой приправой. Бя-я.

Так как благодаря забайкальским 'спонсорам' у нас неожиданно появились денежные средства в достаточном количестве, решили не жадничать и нанять артель. Строиться надо было споро и так на строительство дома и прочих построек у них ушел почти полный месяц, сами бы вообще года два ковырялись. Как и предполагал с артельщиками общий язык нашли не сразу, Асата охрип, доказывая МОЮ правоту, но, слава Богу, все обошлось, в конечном итоге старшой признал право хозяина на странности:

— Ежели, конечно, экономно лес расходовать, то можно и так делать, — сказал он, окидывая результаты работы своей артели на втором этаже. — Кто же знал, что у вас печка с таким высоким дымоходом будет?

Печка да, огромная, куба три кирпичей на нее ушло, хорошо будет тепло держать. Но

ничего не дается бесплатно, хоть КПД печи и будет запредельным, чистить дымоход зимой придется часто. Тут все очень просто, если температура газов в дымоходе будет относительно низкой, на стенках начнет усилено откладываться сажа. А повысишь температуру, сильно падает КПД печи, это от того, что масса тепла просто выбрасывается наружу. Конечно, меры кое-какие против этого принял, в виде прожига и дополнительной подводки 'забортного' воздуха, но все равно будут проблемы.

Зато банька..., это я вам скажу песня. Наконец-то можно по-человечески попариться и выдавить из себя лишнюю воду, еще плотники махали топорами, а мы с Асатой опробовали парилку. Зная, что телом я все еще малец, долго париться не стал, но какой КАЙФ было опрокинуть на себя шайку холодной водички.

Стоило подымить банной трубой, как сразу появился мытарь и содрал с нас две копейки за сие строение, и предупредил, что на следующий год сдерет с нас уже четыре, оказывается, в Иркутске установлен налог на бани. Вот придурки, со здоровья налог берут, совсем стыд потеряли. Впрочем, на фоне других всевозможных налогов и сборов, это не сумма. М-да в Лисьем такого не было.

А еще я подбил Асату на авантюру — сделать медный самовар. Сначала хотел латунный, но оказывается, здесь такого материала еще не знали, как не знали цинка и мои потуги объяснить отчиму, что такое цинк привели к полному непониманию. С большим трудом удалось выяснить, что цинк здесь называли галмеем, а где вообще он есть и как добывается, понятия не имели. Такой вот компот. Ну а раз нет латуни, пусть будет медь и бронза, какая мне в общем-то разница? Главное олова было завались, есть из чего бронзу делать и чем паять.

— Ладно, Васька, — согласился, наконец, отчим, — то о чем ты говоришь должно получиться, а если хорошо сделаем можно будет и на торг снести, уж с десятков этих самоваров за зиму так и так сделать можно. Но сам-то я с медью дел не имел, придется Люша в работу брать.

Люша, это инородец, думаю из китайцев, каким уж образом он оказался в Иркутске, одному Богу известно, и, не смотря на притеснения, а здесь одиноким инородцам жилось несладко, назад, на родину, не стремился. Почему о нем упомянул Асата, так это потому, что этот Люша умел работать с медью, не в том смысле, что мог ее варить и делать бронзу, таких умельцев и без него хватало, а мог из куска меди начеканить красивую лампадку или еще чего для верующей братии. Причем делал он эти свои шедевры без железного инструмента, используя только какие-то колотые куски камней, труд адский, но мастер был настолько неприхотлив и терпелив, что все только диву давались. Но то совсем не мешало некоторым не совсем человеческим человекам лишний раз походя пнуть инородца, доказывая свое превосходство. Так и прижился этот умелец в слободке, подвизаясь на разные мелкие работы, и изредка выполняя заказы монастырских. М-да, мелко отчим мыслит, хотя, это я по истории знаю, что объемы выделки самоваров превысят самые смелые предположения. Спрос на эти изделия возрастет скачкообразно, с середины 18-го века, сначала самовар станет статусной вещью, и будет закупаться состоятельными людьми, а потом войдет в каждый дом. Впрочем, ни я, ни тем более Асата, до этого светлого будущего не доживут. Но нам и на первое время 'выше крыши'.

— Дядька Асата, — вздохнул я, — тут ведь не один Люша потом потребуется, надо будет мастерскую ставить, да не одну: с печами для отжига и литья, станки выделывать, для прокатки и фальцовки медных листов, выколотки в достаточном количестве сладить. И это

только начало, понимаю, что на все это средств у нас нет, и еще долго не будет, поэтому надо искать купцов, кто в дело будет готов вложиться, и монастырских соблазнять, потому как на сегодня медь только у них можно взять. А купцы пока товар не увидят, рисковать не станут, вот для этого-то нам и нужно будет этот самовар показать.

— Это ж, ты чего задумал-то, — вытаращился на меня кузнец, — деньги возьмем, а ежели не выгорит дело? Как потом возвращать будем?

— Почему не выгорит? — Удивился я. — Должно получиться, сложного ничего нет, работы много, это да, а в остальном, если руки из правильного места растут какие трудности?

— А ежели воевода уроки наложит, да такие, что выгоды никакой? — не сдавался Асата. — Посмотри, как под себя гребет, нынче даже с дров пытался повинный налог взять.

Тут я ухмыльнулся:

— Не будет к осени Савелова, сменят его. А новый воевода первое время притихнет, не станет народ притеснять. Да и купцы, из тех, кто вложится, вряд ли просто так от своей выгоды откажутся, тут ведь мы будем одной веревочкой связаны.

Отчим на минуту задумался, а потом хмыкнул:

— Ну и хитер ты Васька, если купцов к делу привязать, то никакие кремлевские, кроме воеводы не указ. А ежели еще монастырским интерес будет, то и воевода не страшен. Только настоятели те еще крохоборы, свою обитель не обделят.

— А вот и пусть попробуют с купцами потягаться, — пожал плечами на беспокойство Асаты, — они друг друга стоят.

— До этого еще дожить надо, — тяжело вздохнул кузнец.

Правильно говорит, но под лежащий камень вода не течет.

А свою лодку мы доделали, и еще одна авантюра, с добыванием оконной слюды, увенчалась успехом. И тоже, как и в прошлый раз, пришлось мне понервничать, кто ж знал, что в двадцатом столетии настолько изменился ландшафт. Ох и пришлось попрыгать по сопкам, а они на Байкале крутые, и помахать кайлом, чудом плетей от разъяренных казаков не отхватил. Когда первый 'камень' вырубил, такая гора с плеч свалилась, а на будущее зарекся с казаками общие дела иметь, только по найму, в остальных случаях нафиг. Зато теперь в слободе, каждый уважающий себя домовладелец врезал большие двойные слюдяные окна. Дьяк все пытался выведать, откуда у слободских оказался монопольный товар, но вместо знаний, чуть не получил по шапке, слободские на чиновника шибко большой зуб заимели. И пусть его, не хватало еще вора в лице нашего brave воеводы дополнительным доходом обеспечивать.

Как только артельные поставили стайку, мы купили телку, причем покупали не местную, а 'заморскую', подозреваю, что из Голландии. Досталась она нам относительно дешево, потому как это заморское чудо местные брать наотрез отказывались, мол, и болеет часто, и кормов не напасешься — пролетел с доходом купец. Думаю, это все от неграмотности, возиться с теплой стайкой и постоянно следить чтобы животина не испытывала проблем с кормами, народ сейчас не шибко охоч, а коровы голландские в отличие от сибирских короткошерстные, и трескучие морозы им не то чтобы не в радость, а категорически противопоказаны. А если при этом возникнет проблема с кормами, то совсем плохо заморская живность холод переносит, вот и результат — жестокая простуда. А потом корми, не корми, толку-то с больной. Сразу вспомнились описания советских времен, когда

некоторые нерадивые хозяйственники оставляли фермы без кормов и тепла, а потом удивлялись, почему элитные коровки благополучно дали дуба, а местные буренки вполне нормально выживали, благодаря обглаживанию коры со стропил коровника. А до этих стропил метра три, представляете стойку коровы на двух задних, даже не знаю, есть такой номер в цирке?

Поэтому стайку мы делали утепленной и даже небольшую печку на всякий случай поставили, мало ли. Соответственно озадачились заготовкой кормов, сделали первый укос, ближе к августу будет и второй, так что сеновал планируем заполнить полностью. Кстати, помнится, я о косах говорил, о том, что их здесь нет. Так вот о них вроде как слышали, но вот делать не делали, и причина оказалась донельзя банальной — заинтересованность отсутствовала напрочь, мол, есть же горбуши, так чего еще придумывать? А то, что после двух часов махания этой горбушей не только спина отваливается, не в счет. Даже когда я стал объяснять отчиму о том, что косой можно накосить раза в два больше, нежели горбушей он меня просто не понял:

— Так зачем оно надо-то? — С удивлением спросил он меня. — Да много ли там сена потребуется, пару копёшек любая семья и так без всякой косы нарежет.

— Дядька Асата, давай заделаем косу и посмотрим, — продолжал настаивать я, — ей косить всяко удобнее.

— Возни с ней много, — отбивался кузнец, — тут ведь не всякое железо подойдет. Нужно чтобы тонко звенело, да и калить как? Придется на холодную ковать.

Однако удалось Асату уломать, косу он отковал за два дня, правда потом я еще день ее правил и приделывал ручку, но в результат получился отменный. Производительность по сравнению с горбушей выросла не ахти, особенно там, где требовалось обкашивать неудобья, зато на ровном месте коса была вне конкуренции, потому как махать косой можно было много дольше, не хватаясь за перетруженную спину.

Кстати, видел я тут по случаю то убожество, которым здесь ковыряют пашню. Ну, что я могу сказать, у меня опять приключился разрыв шаблона, это от того, что видимо в музее видел более поздний вариант сохи, а она хоть и не плуг, но по производительности ненамного от него отставала. Здесь же соху иначе как палкой-ковырялкой назвать не могу. Оно и понятно, если есть хорошее железо, то оно в первую очередь на оружие идет, ни один кузнец в здравой памяти не станет его на всякие там плуги изводить. Однако лезть со своим прогрессом не стал, уже давно понял, что наши предки нас не глупее и если пользуются именно таким сельскохозяйственным орудием, значит, есть к тому веские причины. Но зарубку на память сделал, придет время, и мы сделаем плуг, и не только с одним лемехом.

От содержания свиней я категорически отказался, ну их в пень, с коровой возни будет — будь здоров, а тут еще и с крикливой живностью возись, да и запах от них...

Ну вот, вроде и все, так сказать базис под семью подвел, мать жизнью довольна, и гордо на соседей поглядывает, у которых работы еще не початый край. Теперь у нее все как у людей, и при муже, и с детьми, и хозяйство очень даже неплохое. Даже занавески на окнах, что по нынешним временам куда как круто. Мещанство? Да если и так, разве должны мы людей за это осуждать.

С покупкой телки получилась еще одна история, которая позже возможно все же позволит мне 'замутить свое дело'. А что, пора начинать, не всю же жизнь мне без дела метаться? К примеру, стекло на сегодня очень даже ценится. Конечно, речь не идет о полноценном оконном стекле, до него еще семь верст до небес, а вот всякие поделки организовать очень даже можно. И первое на что я решил в будущем нацелиться это стеклярус, что это такое? А это цветные стеклянные трубочки, которые наравне с бисером используются в вышивках на одежде в качестве украшения. Проблем с выделкой этого стекляруса быть не должно, а ценится он пока очень даже высоко. Потом доход от него упадет, потому как долго в секрете этого не удержишь, и добрые люди попользоваться в одиночку не дадут, лапу обязательно наложат, но первое время кое чего урвать можно, главное некий стартовый капитал получить. И, кстати, стартовый капитал здесь и сейчас выражается не в деньгах, я точно знаю, что некоторые купцы, не имея достаточных собственных средств, организуют караваны на деньги компаньонов. Вроде как подражаются провести торговую операцию с некоторой прибылью, а прибыль эта потом делится равными долями. В этом вся проблема, за сколько там купец продал, за сколько приобрел, одному богу ведомо, поэтому компаньону приходится верить купцу на слово. И верят! Попробовали бы в наше время поверить.

Так вот за телкой пришлось ехать на хутор, к Ушакову, именно там содержалась заморская скотина, путь, в общем-то, получился неблизкий, да и дорога — одно название. Еду себе потихоньку, никого не трогаю, Лиска — лошадка наша(кличку она заработала не просто так, хитрая она как лиса, потому и Лиска, и не в честь моей сестры Лисаветы), старательно пытается наехать арендованной телегой на торчащие, то тут, то там пенечки. Это игра такая у кобылки, и если ей это удастся, ну не все же время я могу следить за дорогой, косит хитрым глазом на хозяина. Всыпать бы ей хорошенько, да рука не поднимается, пользуется животина моей добротой, но оставлять без последствий такого тоже нельзя, поэтому если тряхнет прилично, прописываю удар плеткой и чем выше пенек, тем выше замах. Нужно сказать, что это действует, пару достаточно высоких пеньков Лиска старательно объехала.

При подъезде к броду через речку Иду, я как-то задумался, улетел сознанием в облака, и это чуть не стоило мне жизни, неожиданно из кустов наперерез выскочили два косматых мужика, при этом один попытался сходу приглубить меня дубиной. Нет, ну чего я ему сделал? Почему это он попытался так обойтись с подростком, ладно бы еще на моем месте был здоровущий мужик, а подростка-то за что? Естественно ждать, когда мой профиль или анфас, тут уж как карта ляжет, познакомится с довольно тяжелой дубиной, не стал, рука сама дернулась так, что хлестанул плеткой его по лицу наотмашь и, вывернувшись из под ухнувшей на телегу дубины, кувыркнулся на другую сторону телеги. Конец плети попал удачно, видимо прилично задел глаз, а это весьма болезненно и пока мужик кривясь от боли, пытался проморгаться, успел выхватить короткое копьё, которое всегда возил с собой, на всякий случай. Вот этот 'всякий случай' сейчас и наступил.

Если бы эти образины образумились, и с такой же скоростью двинули обратно, под сень кустов, остались бы живы, но мозгов у жертв эволюции осталось совсем немного, и они

решили довести начатое до конца. Вообще-то, понять их можно, ну какое сопротивление может оказать подросток таким бугаям? Махнуть один раз дубиной, и вся недолга. Но нарвались ребята. Пока первый был занят собой, второй успел шустро обежать лошадь и замахнуться на меня суковатой палкой. Раздумывать было некогда, подбив древком дубинку так, чтобы сменилось направление удара, тут же, на чистом автомате, а этот прием отработывался в учебе до одури, ткнул супостата острием копья в грудь. Все, не жилец, разбойник на мгновение замер, потом выронил оружие неандертальца, удивленно посмотрел на меня и перед падением картинно закатил глаза. Что-то я совсем перестал к смерти серьезно относиться, можно сказать циником стал, потому как проскользнула мысль по Станиславскому: 'Не верю'. Наконец первый разобрался с моим 'подарком' и снова кинулся на меня, размахивая дубиной, при этом он повернулся боком и пытался рукой перехватить копьё, нацеленное в его сторону. Нет, он точно то самое чем на меня замахивается, ты ж не в доспехах дядя, голым телом на острое копьё переть, что я ему быстро и объяснил. Укол в бедро, отскок назад, скользнуть острием под руку, укол в бок, снова отскок назад и в сторону, и опять укол, но уже в плечо. Все как учили, а учили не спустя рукава, серьезно, за каждое неудачно проведенное действие — плеткой по болезненным местам. Ага, кажется, в глазах появились проблески ума, вот что железо животворящее делает. Или это такой безусловный рефлекс — раз больно, то нельзя? А вот дальше пришлось в один удар валить придурка, игры кончились, поняв что добыча кусачая, он не нашел ничего лучшего, как замахнуться на Лиску. Лошадка быстро разобралась, чем это ей грозит и вместо себя любимой, резким финтом в сторону, подставила телегу, а вот у тупого бугая подставлять под мой удар было нечего.

Ноги после таких неожиданных танцевальных па стали ватными, а сердце только в этот момент набрало обороты и трепыхалось в груди, словно птица в силках. Не слабо адреналина хватанул. Ну и что это было? А ведь это каторжники, у одного-то рваные ноздри, сначала-то за косматыми усами, впопыхах, не разглядел, зато теперь хорошо видно, а у второго вроде бы все в порядке, но если по одежде судить одного поля ягоды. Хм, лицо того который с рваными ноздрями сначала показалось знакомым, но тут торкнуло, не лицо знакомо, а просто похоже оно оказалось на смайлик. Успокаиваясь, подошел к Лиске и оперся на телегу. Повезло. Нереально повезло, еще чуть-чуть и все. Теперь я убедился, есть у меня ангел хранитель, точно есть, это уже четвертый раз по грани прошел.

Надеюсь, я еще не раз покажу кузькину мать всяким там смайликам — тусмайликам, с кубиками вместо мозгов, которым место на свалке со свалкой. Э... Не обращайте внимание, это я так, о своем, о девичьем. Накатило.

Тут мой слух засек какое-то шебаршение в кустах. Третий? Меня снова подбросило, насторожившись, с копьём наперевес стал обходить куст, за которым, как мне показалось, кто-то прятался.

— Погодь, малец, — раздался голос, — не убивай.

— И мысли не было, — ответил в кусты, — но слишком беспокоюсь, когда в кустах кто-то живой сидит, -

'живой' пришлось выделить особо, чтобы было понятны мои дальнейшие намерения, — ты бы вылез на божий свет человеке, глядишь, и договоримся до чего.

Ждать долго не пришлось, из-под прикрытия веток вылезло такое же косматое и бородатое чудо, как и те двое, но сублильное и невзрачное, причем еще и не кормленное, шатающееся на ветру, и это летом-то. Так, так, судя по тому, в каком он состоянии те двое

едой со своим спутником не делились. Ну и чего мне с ним делать?

— С ними? — Мотнул я головой в сторону жмуrow.

Доходяга затравлено взглянул на подельников и втянул голову в плечи:

— Куда ж мне деваться то было?

— Как куда? — Удивился я. — Лес большой, все одно ведь едой с тобой не делились.

— Догнали бы, куда мне от них сбегать?

— Ну, раз так, помогай.

Хотя, какой с него сейчас помощник? Но все лучше чем мне одному корячиться. Двух косматых 'неандертальцев', положили рядышком у дороги, как попадется служивый доложусь, потому как хоть времена нынче и дикие, но подобные случаи без внимания не оставляют, душегубство преследуется, и не только по закону. Негативных последствий не опасался, никто за каторжников претензий мне не предъявит, любому понятно, что жизни лишили за дело, а не просто так.

— Рассказывай, — велел доходяге, устраиваясь в телеге.

— Чего рассказывать? — Также заползая в телегу спросил каторжник. При этом Лиска недовольно покосилась на нежданного пассажира и направила телегу колесом к пеньку, но заметив демонстративное покачивание плетки, тут же изменила направление.

— Про свою судьбу — злодейку, рассказывай, как она тебя до такой жизни довела? А потом решать буду, сдать тебя в приказ за денежку малую или отпустить на все три стороны.

Думал, спросит, почему на три стороны, а не на четыре, но нет, не спросил, не тот менталитет, и нет еще такой идиомы в эти времена, направления обозначаются сами по себе, а не по сторонам света. Дабы поддержать это тощее тело на период путешествия, пришлось отломить осьмушку хлеба, причем предупредил, что, не смотря на дикое желание сразу все проглотить, делать этого не следует, мало того, что впрок не пойдет, так еще и заворот кишок может приключиться, через часик еще чем-нибудь подкормлю. Когда он расправился с хлебом, причем, несмотря на предупреждение, довольно таки быстро, принялся за рассказ, поглядывая голодными глазами на торбу. История, в общем-то, ожидаемая: Жил был некий боярин в Москве, не то чтобы из первых, но и во вторых чувствовал себя неплохо. Но вдруг решил этот боярин, что хватить ему во вторых сидеть, мол, родословная у него корнями в древность уходит, деньги водятся, так почему бы в первые не продвинуться. Вот только для этого неплохо было бы подвести экономическую базу, заняться чем-нибудь необычным на Руси, ну фарфор там делать или стекло лить. Кто сказал, что невместно? Еще как уместно, все эти бояре только вид делают, что деньга им с неба валится, а на самом деле ничуть не стесняются тот или иной заводик замутить, деньгу привлечь. Сказано, сделано — подобрал соответствующие перспективные кадры, отправил 'учиться'. Про 'учиться' в ироническом смысле не просто так, в эти времена никто никого специально не учил, все такие хитрые производства составляли семейный бизнес, т. е. секреты хранились на таком уровне, что запросто уходили в небытие в случае отсутствия наследников. Так что всю эту учебу, которую организовал боярин можно смело назвать промышленным шпионажем. Но как бы то ни было, а Федору, а именно им и был мой нежданный попугчик, несказанно повезло, получилось устроиться в Измайлово на государственный стекольный завод, сначала печником, а потом дорос и до мастера варки стекла. Тут я сразу перестал жалеть о двух дебилах, пытавшихся отправить меня в мир иной и решил, что удача сама идет ко мне в руки, то не рояль, а большой симфонический оркестр в кустах. Дальнейший путь Федора был понятен, боярин его с заводика выкупил, а так как

просто так этого сделать было нельзя, объявил того боярским сыном. А вот потом произошла накладка, пока строился новый заводик, никто Федора не трогал, а вот когда получилась первая варка (не чугуна, а стекла) явился разбойный приказ, секреты государство хранить умело. Боярин Залепин откупиться сумел, а вот Федора ему пришлось сдать, так и поехал в сибирскую каторгу боярский сын Федор Залепин.

А на каторге, ох не сладко, первую зиму пережил с великим трудом, даже обморозился слегка, всю весну отходил, за то и в опалу попал, кормить стали хуже некуда. А ежели так, то вторую зиму ему точно не пережить вот и подался в бега с душегубами, все одно деваться некуда.

— Какое стекло варил, хрусталь, али цветное?

— Не, хрусталя у нас не было, смальту варили, — ответил мне мастер, снова жадно взглянув на торбу.

Смальту? В семнадцатом веке? Что за бред. Насколько я помню, до Ломоносова никто смальту в России не производил, а тут на тебе. Или я чего-то не понимаю?

— погоди, а сколько цветов смальты варилось? — решил уточнить у Федора.

— Как сколько? Все четыре и варили. — Еще и выпрямился гордо, мол, смотри какой я мастер.

Вот теперь понятно, Ломоносов-то рецептуры разработал, которые позволяли все цвета варить, а эти только четыре цвета знали. Плохо — смальта мне ни к чему, мне светлое стекло нужно, а этот прозрачного стекла не варил, и вряд ли знает все нужные технологические процессы. Пришлось задуматься, а нужен ли мне этот боярский сын, стОит ли рисковать ради того, чтобы получить мастера недоучку? Но, чуть подумав, решил: стОит. И главное не в том, что он знаком с самой варкой стекла и может грамотно сложить печи, хотя и это дело великое, а в том, что он будет моим прикрытием, при таком мастере, никто не заметит маленького подмастерья, чего-то там ковыряющегося в углу.

— Что ж, убедил, — кивнул я Федору, — но не из-за того что жалостливо рассказывал, я сам рассказать много чего могу, а потому, что правду сказал, хоть и не всю. То, что боярский сын верю, что со стекольным делом знаком тоже, а вот что в опалу из-за своих знаний попал, нет. Не стал бы просто так боярин тебя приказу сдавать, да и приказ не стал бы от готового мастера отказываться, вернули бы тебя на завод, в кандалы, и вся недолга. Ну, скажешь правду, или тебя в приказ везти?

— Не надо в приказ, — буркнул доходяга, — по государеву делу меня упекли. На праздник напился до беспамятства, а потом говорят, хулу на царя возвел.

— На царя, — протянул я, демонстративно почесав затылок, — как же можно? На царя то?

— Не помню я ничего, — опустил голову беглец.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — жестко осадил его, — кто донес? Из своих или из чужих?

— Свой, — скривился Федор, — Фролка, а ведь лучшим другом был.

— Вместе работали? Или вместе за одной молодухой ухлестывали?

Каторжанин удивленно посмотрел на меня:

— Не было ничего такого, он все больше за боярской дочерью увивался, но не по силам замахнулся.

— Чего он там себе придумал только его касаясь, а сдать тебя без причины он не мог, должна быть причина, или мешал ты ему первым быть по работе, или молодку не поделили,

или еще чего, чтобы выслужиться.

— Выслужиться теперь у него вряд ли получится, — усмехнулся Федор, боярин на него из-за меня шибко осерчал. А вот в приказ его при мне зазвали.

— Хорошо, будем думать это и есть та причина. Хотя..., - я специально не закончил мысль, чтобы у мастера не возникло убежденности, что я ему полностью поверил.

— А тебя-то как звать, малец? — осмелел Федор.

— А меня не зовут, я сам прихожу, — ответил шуткой будущего, — а кличут Васькой.

Мастер задумался:

— Хм. Разговариваешь не по возрасту разумно, вроде как из княжей семьи, а сам одет как слободской.

— Так я и есть из слободы, сейчас на ушаковский хутор еду за телкой заморской. Они, голландские, говорят, шибко молока много дают, хотя и к морозам сибирским непривычные.

— Так, а стоит ли тогда ее покупать, если морозы не переносит? — Удивился каторжанин.

— Если за скотиной не присматривать, то вообще покупать ничего не стоит, — хохотнул я, — на морозе даже волкам худо, а уж чего о телках говорить. Мы ее в теплую стайку поставим и кормить будем не только сеном, но и запаренными отрубями, а то и пророщенным овсом во время отела.

— Ну, что ж, коли так, — согласился бывший сиделец, — так что решил?

— А решил я тебя в приказ не везти, но и отпустить просто так совесть не позволит. — Краем глаза заметил как Федор напрягся, испугался, что я его прямо здесь как дружков положу, а он от слабости не сможет даже сопротивление оказать. — С лесом ты незнаком, а потому самостоятельно прожить не сможешь, воровать начнешь, а это никому не нравится, обязательно найдут и как вора либо в приказ, либо камень на шею и в речку. А потому решил тебя пока припрятать, а потом и к делу пристроить. Согласия твоего не спрашиваю, ни к чему оно мне, просто выбора не оставляю, и помни: сбежать от меня не получится, сам видел, найду враз.

— В яме сидеть не буду. — Набычился Федор. Ишь, норов свой показывает.

— Да кто ж тебя в яму в таком состоянии садить будет? Нет, я для тебя кое-что похлеще приготовил, в монастырь сдам, днями и ночами грехи замаливать. Настоятель в Вознесенском совсем не мед, службу свою знает, если без усердия поклоны бить будешь, там на всю жизнь и останешься. А как искупишь грех, так и о деле поговорим.

— Ты так говоришь, будто уже с настоятелем сговорился.

— Не, — мотнул я головой, — не сговаривался я с ним, но знаю, что тебя он не выгонит. Смертей на тебе по разбою нет, а остальное в его глазах не такой уж страшный грех. Только не ври ничего, от него правду не скроешь, уж если я тебя на раз раскусил, то он уж и подавно.

Надо сказать, что обещал-то я легко, а на деле оказалось не просто, долго вел переговоры с настоятелем, можно сказать станцевал на лезвии не одну лезгинку, и даже не понял как в конечном итоге выкрутился, видимо пришло указание 'свыше'. Как я и предполагал, сам настоятель с Федором не встречался, поручил это дело отцу Сергию, а тот оказался ничуть не добрее, хотя в силу иссушенного тела бывшего каторжника ограничения в еде не наложил, но в остальном не позавидуешь. Ничего, это полезно, а то знаю я мастеров этого времени, спесь так и прет, мол, вот я какой, единственный и неповторимый, а тут засунь всю свою неповторимость... ой, не скажу куда, и бей поклоны днями и ночами, с

перерывом на обед и хозяйственные работы.

Однако приближался срок возвращения забайкальских казаков, слухи с нижней Ангары приходили все тревожнее и тревожнее. Совсем распоясались служивые, они и раньше человеческую жизнь не ценили, а теперь вообще народ направо и налево резать стали. Брага сотоварищи начал укреплять слободу, если прошлый раз ночью отбивались, то теперь подозреваем, что забайкальские днем 'за своим законным' придут. Так же ходили в Лисье, народ там предупредили, так что на время бузы люди свои дома оставят, в общем готовились к торжественной встрече.

Забайкальские заявили к десятому июля и сходу попытались пошарить по дворам, пощипать купцов, и естественно, так же сходу получили по зубам. Тут надо сказать, что в начале лета, я сумел провести в слободе своего рода очередную идеологическую диверсию. Нельзя сказать, что народ в это время был глупее нежели в двадцать первом веке, соображают люди ничуть не хуже, однако в силу некоторых религиозных ограничений и сложившихся понятий манипулировать людьми достаточно просто. На чем, собственно говоря, и держался казацкий бунт в Сибири. Это с позиции исторических реалий сразу становится видно, что почти все идейные вдохновители вольницы преследуют свои корыстные цели, а здесь и сейчас многие даже не подозревают, что ими манипулируют. Вот и пришлось мне придумать несколько поучительных сказок, в основе которых был заложен сюжет о татарском нашествии.

Начал сказ о том, как татары пошли на Русь, как нашлись среди наших князей предатели, которые пытались с помощью татарских отрядов разобраться со своими соседями, и как они внесли распри между княжествами, создавая союзы то с одними, то с другими, а потом предавали и тех и других. Как те же татары, так же, используя распри и давая любые обещания русским князьям, разоряли Русь, разрушая города. Как с помощью подсылов вели хитрую политику, сея смуту в крепких княжествах, что приводило в конечном итоге к ослаблению дружин.

Про монголов и китайцев я не говорил ни слова, но почему-то все решили, что речь идет именно о них, родимых. Кто-то даже припомнил о монгольских корнях Ивашки Пинегу одного из пятидесятников забайкальских, хотя вряд ли они там есть, так как у казаков с этим далеко не все просто. Как бы то ни было, но эти мои сказки пользовались необычайной популярностью среди казаков в слободе, и я без лишней скромности подозреваю, что не только среди казаков, просто в сарай больше народа не влезало, а выходить на открытое пространство получалось еще хуже, меня просто не могли расслышать. В конечном итоге мне удалось вбить в головы служивых, что, несмотря на воровство воеводы, казачий забайкальский бунт имеет несколько иные цели, нежели борьба с казнокрадством. Это в мутной воде некоторым не совсем чистым на руку индивидам проще ловить рыбку. Кстати, не ожидал, думал, что это выражение издавна известно, оказалось, нет, потом оно стало очень популярным и им стали припечатывать крикунов, пытающихся излишне запутать людей.

Как позднее мне между делом проболтался Брага, на мои сказки инкогнито приходил отец Игнатий, а чтобы не смущать казаков духовное лицо пристраивалось снаружи сарая, под разросшимся кустом калины, не обозначая своего присутствия. Услышав такое, я расхохотался, и старый казак естественно поинтересовался, чем вызвано мое веселье, а когда я пояснил, как представляю Игнатия, прикинувшего ухом к щели в стене, долго хохотал вместе со мной.

— Ты о том лучше молчи, — вытирая проступившие слезы веселья, приказал мне Брага, — Игнатий лицо духовное, и мирское ему не пристало.

Нет, вот о чем он хотел мне сказать?

Агитационная прививка получилась качественная, иркутский служивый люд отбросил всякую мысль о казацком братстве и стал в жесткую оборону. А на сентенции Березовского 'мы казаки все одной крови', заявили, что забайкальские сами льют казацкую кровь почем зря, и хотя в решении вопросов с Савеловым иркутские встречать не будут, за попытки еще раз пошарить по дворам, 'пришлые получают не только из пищалей, но пушечного дроба огребут'. Заодно предупредили Алемасова, что если его людишки кого-нибудь побьют, из Иркутска с обозом их не выпустят. Конечно, забайкальских этим не запугали, не боятся они ничего — вояки серьезные, но с обывателями стали общаться куда как спокойнее.

— Может и обойдется всё, — рассуждал Брага, слушая мои отчеты о том, как забайкальские бузили в кремле.

— Неа, не обойдется, — вставил я свои 'пять копеек', — каждый день от Алемасова видаков замечаю, готовятся.

— Это да, — вынужден был согласиться казак, — думаю, перед уходом будут пытаться товар купцов растащить.

Вообще-то, не один я приносил разведданные старому казаку, почти все мальцы собирали информацию по крохам, но проблема была в том, что забайкальцы прекрасно знали об этом и терпеть мельтешение мелочи вокруг себя не желали. В отличие от остальных, мой слух позволял не 'тереться' рядом с казаками, а потому и узнавать получалось много больше.

И все-таки алемасовские не удержались и прямо днем напали на склады купцов, о чем мы знали заранее.

— Началось, — подвел итог Брага, — ну теперь держись казаки, сказали слово — надо его держать. Пока большая часть в кремле бузят, этих гаденышей прищучить можно.

Служивые сработали четко — проскочили по правому берегу Иды до Знаменского монастыря и зашли алемасовским в тыл, отсекая от берега Ангары, нельзя сказать, что все удалось, как задумано, большая часть забайкальцев успела выскочить из западни, но свою угрозу казаки исполнили. В плен не брали, как выразил общее мнение один служивый:

— А зачем они нам здесь? Кормить, охранять, да и забайкальские за них должны будут вступиться. А тут нет их и все — сгинули в сече.

Оно и правильно, забайкальские сразу прыти поубавили, если раньше была у них надежда, что просто пугают, то теперь окончательно поняли, шуток тут не понимают. Во всей этой истории я так и не смог разобраться. Если смотреть со стороны, была серьезная стычка, в результате которой семь забайкальцев лишились жизни, вроде бы их товарищи не должны были оставить такое без последствий, однако оставили и даже претензий не предъявили. Бред. Объяснение могло быть только одно, видимо Алемасова не сильно уважали в казачьей среде, потому и не стали за него заступаться.

Наконец-то буза закончилась, Савелов умудрился отбиться от казаков, несмотря на то, что они пригрозили поджечь посад. Скорее всего, забайкальские казаки поняли, что по большому счету, плевать, хотел воевода на посад, да и иркутские казаки не давали всякому сброду поживиться за счет обывателя, а потому весь бунт сразу потерял смысл. С острова забайкальские снялись поутру, но за день до того пытались реквизировать часть дощаников принадлежащих Иркутску. Не получилось, слободские казаки заранее предусмотрели эту возможность и все более или менее вместительные дощаники спустили вниз по течению Ангары к вознесенскому монастырю. А дальше жадность некоторых забайкальцев сыграла с ними злую шутку, не имея возможность увезти все награбленное по воде, Алемасовские попытались прорваться обозом вверх по левому берегу Ангары. Естественно, пока они формировали обоз, основная часть забайкальцев уже покинула стоянку, а потому обозники остались без силовой поддержки. К сожалению сил иркутские выделить тоже много не смогли, и в количественном отношении стороны оказались примерно равны. Пока обоз шел по берегу Ангары, это не играло особой роли, но когда Алемасов вышел к Байкалу, у него возникла неразрешимая задачка. Дощаников для всего груза не хватало, а переправляться по частям возможности не было, так как пришлось бы разделиться, а тогда никак не получалось сохранить обоз как на том, так и на другом берегу озера. Противостояние длилось около недели, забайкальские ждали помощи от своих товарищей, но видимо те товарищи себя товарищами не считали, поэтому бросив практически все награбленное бузотеры отбыли восвояси.

Так завершился бунт забайкальских казаков, и хотя в Иркутск уже ехал на дознание дьяк из Москвы основные события закончились. Кстати, в Иркутск также ехал и новый назначенный воевода, Савелов можно считать уже власти не имел, хотя его преемник, по последним данным, где-то по пути слег с болезнью. Так что ближайшее будущее было покрыто мраком. В такой ситуации казаки были настроены ввести временное внутреннее самоуправление, и даже выдвинули своих кандидатов, и список их возглавлял Перфильев Иван Максимович. Да, знаю такого, крепкий дедок, но именно дедок, и он уже был на должности воеводы лет десять назад, а может быть и больше, и, как мне известно, ушел с должности сам, мол, на покой. А теперь люди его снова на должность двинули, тем более что в Иркутске он появился недавно, после выполнения каких-то поручений в Илимском остроге, вряд ли он в силу своего весьма преклонного возраста сможет качественно управлять на месте воеводы. А так, думаю, будет нормальным правителем — в меру консервативным, и настолько же прогрессивным, бизнес давить не будет, так как сам является одним из крупнейших поставщиков винокуренной продукции.

Ладно, года три-четыре в Иркутске будут стабильными... Надеюсь. А потому пора заняться собственными делами.

Степану Тропину, молодому иркутскому казаку, по результатам дележки 'военных трофеев' Алемасова досталась крепкая телега и немного из утвари награбленной где-то в

братских землях. На лошадь плюсом ко всему этому его заслуг было маловато, однако и того что досталось вполне хватало для хорошего настроения — содержание иркутские воеводы совсем не платили с прошлого года, а теперь появилась возможность хоть немного получить в звонкой монете. Продавать казак решил все, что ему досталось, и проблема была вовсе не в брезгливости, а в предусмотрительности — вещи-то были не топором деланные, сильно заметные, поэтому и надо было от них побыстрее избавиться, мало ли что. Продавать прямо со двора не получилось, слишком большой куш взяли служивые, а покупатель пошел ленивый, по дворам бить ноги не любит, поэтому пришлось тащить все на торг и платить не одну копейчку мытарю.

— Зря мы здесь все продать хотим, — лениво процедил Алексашка Кривой, усевшемуся рядом Тропину, — нету у иркутских столько денег, воевода все еще в прошлом годе с жителей взял.

— Дык не к братским же с их добром ехать, — возразил Степан.

— Да, уж, — усмехнулся сосед по торгу, — коли жизнь дорога ехать с таким товаром к ним не стоит. Это все-равно, что к забайкальским сейчас сунуться. Я тут слышал, Брага собирает обоз на Якутск отправить, отсюда через бурят на Лену, а там рекой. Может, и в Усть-Кутском еще расторгнутся.

— Не, — возразил молодой казак, — рисково. Идти через бурят сейчас сам знаешь, и в Якутске тоже еще неизвестно как сложится, ежели б через купца, то можно было бы, а самим торговать... Ну его.

— Это да, — согласился Кривой, — а если еще обратный путь учесть? Вот потому и цены нам за все это хорошей не дадут.

Казаки замолчали и продолжили лениво поглядывать на покупателей. Внимание Степана привлекла девчушка, разложившая свой товар на небольшой легкой лавочке, рядом с входом на торг. Вокруг ее товара постоянно крутились покупатели и перебирали берестяные поделки. Вообще-то малый возраст торговцев здесь предосудительным не считался, но обычно, это были дети торговцев, подменявшие своих родителей на небольшое время. В данном же случае пигалица вела себя как хозяйка товара и ловко торговалась. За то небольшое время, пока казаки сидели под начинающим набирать жар солнцем, девчушка умудрилась сторговать с десятков своих поделок.

— Ты смотри, как малявка ловко торгует, — хмыкнул Тропин показывая кивком соседу кого он имеет ввиду, — мы тут по жару без толку паримся, а она, поди, уже на гривенник наторговала.

— Ага, — через зубы, согласился Алексашка, — зависть берет, она и вчера тоже здесь деньгу гребла. Тут у нее еще и брат рыбой иногда приторговывает понемногу, ну ты его, верно, знаешь, погорелец, все у нас в слободе крутится, сказки интересные сказывал.

— А, знаю такого, — вспомнил казак, — у него еще отчим кузнец и вроде как дом чудной отстроили, с хитрой четырехскатной крышей, да такой, что на чердаке жить можно. Пойду, посмотрю, чем это она так покупателей притягивает.

Степан заразительно потянулся, разгоняя застоявшуюся кровь, засунул плетку в сапог и, поглядывая по сторонам, направился к девчонке.

На относительно небольшой лавке, под присмотром бойкой мелкой торговли, были разложены берестяные поделки, однако поделки эти сильно отличались от всего того, что раньше довелось видеть Степану. Туески смотрелись идеально правильной формой, с оттененными обратной стороной бересты бортиками, да и сами бортики были украшены

тисненым орнаментом, а по боковой стенке туеска отпечаталось белесое изображение зимнего леса.

— Смотри ка, как лепо, — взял Степан понравившийся туесок, — а лес-то как настоящий. Сама что ли сделала?

— Сама, — расплылась в улыбке малявка, и тут же выудила еще одну красивую вещьцу из общей массы поделок, — а тут еще и сестренки моей младшей есть. Посмотрите дядька казак.

На этот раз в руки Тропина попала маленькая декоративная шкатулочка. Узор на ней был выполнен не тиснением, а наложением ажурного верхнего слоя коры, действительно очень красивая вещь.

— И что стоит?

— И туесок и шкатулка по копеечке.

— Что-то дорого просишь за березовую кору-то. — Усомнился Степан в цене. — Давай обе за полушку.

— Да как же дорого, дядька казак? — Удивилась девчонка. — Трудов-то сколько положено, это ж не просто поделку из бересты сработать, тут один рисунок полдня надо малевать, а тиснить, просекать, лаком закрывать? Нет, меньше копейки никак нельзя, меньше себе в убыток.

— Да какой же тебе убыток? — Усмехнулся служивый, — ты ж не покупала у кого, здесь только твой труд.

— А тут не только мой труд, Васька, брат, бересту драл и сушил, мамка лушила, маслом смазывала, я с сестренкой поделками занималась, дядька Асата лак варил. — Такое количество разной работы для простых в обиходе вещей для Степана оказалось неожиданным, и в свете этих пояснений цена действительно не казалось большой, наоборот возникал вопрос, а почему так мало просят? Но мелочь на том не остановилась. — А еще надо горячую воду постоянно в печи держать, за сушкой лака следить. Да и березок нужных по близости тут нет, Ваське приходится далеко за корой почти каждую седмицу ходить.

— Так пусть на телеге возит, тогда и ходить меньше понадобится, — из вредности подначил казак малявку.

И надо сказать своего добился:

— Так откуда он за малое время на телегу коры надерет? И сушить потом где будет? — В возмущении подскочила та, и закончила совсем уж убойным аргументом. — Да и телегу где ему взять?

— А с телегой какая незадача? — Ухмыльнулся Степан. — Вон у меня на продаже стоит, дешево отдам, если купишь.

До девчонки, наконец, дошло, что казак от нечего делать просто лясы точит и тоже улыбнулась:

— А дешево это сколько будет?

— Только для тебя за три рубля отдам.

Малявка звонко рассмеялась:

— Ох дядька казак, чем я тебе так не угодила, что обмануть хочешь.

— Почему обмануть? — Сделал удивленное лицо Степан. — Так-то я за три с гривенником продаю.

— Не, если бы ты дяденька с рубля начал, я бы еще поторговалась, на полтине сошлись бы.

— О, как! — Теперь уже казак подпрыгнул от возмущения. — Да где ж это видно, что б за хорошую телегу полтину давали? Там только железа на осях не меньше чем на рубль.

— Железа то может быть и на рубль, только поди сржавело давно, через каждые три версты придется колеса менять.

— Да какой 'три версты' из Братска без поломок дошла.

— Вот, то-то и оно, что из Братска, поди одни мослы довели, купцы когда берегом товар везут на всех телегах колеса, да оси в ремонт свозят. Так что, дядька казак, больше полтины эта телега никак стоять не может, да еще посмотреть остальное надо, отсюда видно черно дерево-то.

Вокруг стал собираться народ, с развлечением в эти времена было не густо, а тут такой эпический торг.

— Да не черно дерево-то, — продолжал меж тем торг Степан, — это в специально в скипидаре вымазано, чтобы гниль не привязалась, а на колесах видишь втулка под охру, это из кедра, износа ей нет. А если еще обод железный на колесо одеть, то ему вообще сносу не будет.

— Так вот и одень, чего без обода задорого продаешь? Да и видела я дерево скипидаром мазаное, не черно оно, тут если и мазали то дегтем, что бы гниль сокрыть, теперь еще дюже мазаться будет. И оглобли чего-то погрызены, будто коня год не кормили.

— Не грызенные они, это сегодня разъезжались на мосту, задели друг дружку, а так еще сто лет прослужат. Ты на клинья посмотри, ни один хозяина на плохие колеса новые клинья не поставит.

— Так клинья-то тут причем? — Продолжала малявка отчаянно торговаться. — Мало ли кто и чего куда поставит для продажи, хоть лаком в три слоя покроют.

— Ладно, на клинья смотреть не будем, но тогда чего на оглобли смотреть? — Тут же отпасовал казак. — Тогда надо на ход смотреть, а лучше телеги во всей слободе не сыщешь — ход мягкий.

— Это телега или выезд боярский? Для чего ей ход мягкий нужен? Тогда уж всяко на санях мягче будет. Не дядька казак, не убедил ты меня, ну не на ноготок не убедил.

— Что совсем не убедил? — Степан притворно скривился. — Столько времени на тебя потратил. А может, денег у тебя нет, а я тут перед тобой пляски веду?

Девчонка вздохнула:

— С деньгами как и у всех не густо, но ежели б сговорились, нашли бы чем расплатиться, да только все одно тебе за три рубля эту телегу не продать, и за два не получится. Караваны через Иркутск давно не ходили, у Вершины два десятка новых телег разобранные в сарае лежат, задешево отдает, кто ж дороже покупать будет? Сам суди.

— Да, ладно, — махнул рукой казак, от всей этой торговли с пигалицей он получил немало удовольствия, а заодно и представление о том чего ждать от торга, — давай мне эту шкатулочку за копейку, сестренка твоя настоящая мастерица.

— Да, она у нас такая, — просияла малявка, принимая денежку, — а брат подойдет, я его к вам направлю, он телегу попроще давно присматривает.

— Это ты про Ваську что ли?

— Ага.

— Ну, нет. — Рассмеялся Степан. — С тобой не сумел сторговаться, а с Васькой и подавно не получится.

— Почему не получится? — Раздался сзади голос мальчика. — Если цену не гнуть очень

даже получится. Пойдем дядька казак, посмотрим, если не передумал.

— А пойдем, за посмотри денег не берут.

Часа через два служивый покидал торг в превосходном настроении, на руках у него осталось только несколько не проданных вещей, а кошель приятной тяжестью оттягивал пояс:

— 'За рубль сбыть телегу с частью утвари тоже неплохо', - думал при этом он, — 'а Васька, в отличие от своей сестры, все сразу по полкам разложил, подсчитал, учел и выдал цену. Все точно, и не поспоришь.'

И даже мысль в это время не ворохнулась в голове Степана Тропина, что именно благодаря ему, вернее его коню, которого он не сумел удержать на пожаре, бывший поселковый дурачок Васька начал новую жизнь.

Так-с, задача минимум мной выполнена, за неполный год удалось более или менее вжиться в общество конца семнадцатого века. Хотя и не совсем, потому как мое мышление довольно таки сильно отличается, а потому иногда по-прежнему попадаю впросак. Не так чтобы этот 'просак' сильно напрягал окружающих, но иногда замечать спрятанные в усы ухмылки — тоже, знаете ли, не очень приятно. Спасало лишь то, что Ваську все знали сызмальства, как поселкового дурачка и то, что этот дурачок взялся за ум, для местного менталитета ничего не значило, они всегда будут делать поправку на странности в моем поведении. Как бы то ни было, меня такое положение вполне устраивало — как 'деловой партнер' я зарекомендовал себя более чем положительно, потому как кроме немалой прибыли никто от меня убытку не потерпел, несмотря на мой малый рост. Даже иногда, Внимание!!! советоваться приходили, ну вроде как к оракулу, что тот говорит совершенно непонятно, но внушает. Я думаю, если бы они, вместо выискивания в моих рассуждения смысла монетки кидали, результат был бы тот же самый, потому как просчитать риски в это непредсказуемое время, неразрешимая задача. Ну, мало ли чего могло втемяшиться в голову тому же воеводе, который внимательно отслеживает наиболее удачливых людей, а потом тащит их на правеж, и в результате у жертв не остается ни дела, ни денег, ни здоровья. Так всегда будет пока гражданская власть в руках силовиков. А воевода, нынешний, как есть силовик, и силовик самодостаточный, ни от кого не зависит, ну, кроме как от денег, разумеется.

Вообще, интересная ситуация сложилась, начиная с июля воевода вроде как бы уже и не воевода, то есть читай ни за что не отвечает, но силовая поддержка пока у него, и может любого, по любому поводу в застенки определить, чем и пользуется беззастенчиво. Единственно, кто ему спуску не дает отец Игнатий, но тут как раз тот случай когда говорят: собака брешет — караван идет. Поэтому хоть Игнатий и хай поднимает, помогает сие мало, то один купец, то другой, вдруг ни с того, ни с сего отписывает в пользу ближников Савелова свое имущество. И чем дальше, тем больше. По-моему, пора казакам круг собирать и проталкивать в кремль своих выборных, но, честно говоря, это не моего ума дело. А вот что моего, так это то, что Афанасий собирается отбыть из неласково обошедшегося с ним Прибайкалья к своему благодетелю Гагарину, потому и гребет все в четыре руки, позабыв про совесть. А раз у него совести нет, то зачем она казакам по отношению к нему?

Как не хоронились казаки, но об их намерениях узнал. Готовились наши разбойнички, собирались в кучку, не хотели Савелова с миром отпускать, оно и понятно, ведь бывший воевода собирался с казной пятки смазать. Вот этого ему никак позволить не могли. Самого бывшего воеводу отследить трудно, отход готовится в глубокой тайне, но как говорится, нет ничего тайного, чтобы не стало явным — ближники начали суесться и закладывать имущество, которым они владели по случаю. Причем чем ближе подходил срок отбытия, тем больше они суетились, давая любые обещания кредиторам.

Естественно и я тоже задумался о возможности экспроприации несправедливо нажитого. А как же? Лозунг 'Грабь награбленное' со времен древней Греции актуален, это когда правители вольных городов друг друга по кругу грабили. Вот только мои задумки пока задумками так и остаются, как ни крути, а один такое дело не провернешь, команда нужна, а

где ее возьмешь, связываться с казаками зарекся, других же нет и в помине. Ладно, раз не получается..., то не получается.

Для выделки первого самовара отчим прикупил у купцов пять кусков меди, общим весом двадцать четыре гривны, в целом это чуть меньше десяти килограмм. Причем, на покупку были угроблены все наши денежные заначки, и шкурку соболя отдал, которую держал на черный день, на мои сомнения в необходимости закупа именно такого количества, кузнец пытался доказать, что и этой меди может оказаться мало. Ничего себе самоварчик получился бы. Все наши сомнения легко разрешил Люша, которого я отловил в слободе и притащил в кузню:

— То на тли битня плучайся, — сделал он заключение, когда пояснили, что именно хотим получить, 'тли битня' это три сбитенника. Так вот, некоторые сбитенники очень сильно похожи на самовар, отличались они размером и наличием длинного носика для налива сбитня. Ну, почему размер меньше это как раз понятно, ибо таскать и наклонять вёдерную посудину для того чтобы налить в чашку напиток, то еще извращение. А вот зачем носик опупенной длины, я понять долго не мог, ходит по торгу мужичок с этакой дымящейся лейкой и всем, кто может расплатиться наливает горячего напитка. Понял только тогда когда оказался рядом. В тот момент, когда мужичок наклонил сбитенник, заполняя кружку, из поддувала на землю просыпались мелкие угли, и если бы покупатель стоял близко какой-нибудь уголек вполне мог попасть на одежду.

Кстати, почему-то в наше время было принято считать, что в давние времена предки были мене щепетильны в вопросах гигиены, на самом деле это не так. Ни один покупатель не станет брать что-либо съестное у неопрятного торговца, даже если его продукты много дешевле чем у других. Доедать что-то за кем-то считалось непотребством, даже побирушки себе этого не позволяли, по крайней мере на людях. И торговец сбитнем не мог налить напиток в уже использованную один раз чашку, он был вынужден носить с собой торбы с чистой и использованной посудой. Конечно, в жизни не все идеально, и иной раз можно было заметить, что люди отходили от общепринятого поведения, но в целом понимание необходимости соблюдать некие правила гигиены были на уровне двадцатого века. Но это я отвлекся.

С Люшей, а на самом деле, если я правильно понял, его звали Лу Син Шан, сговорился быстро, да и как бы он мне мог отказать, когда я предложил ему 'полный пансион'? По этим временам более чем щедрое предложение. Но, прежде чем окончательно пустить китайца в дом, основательно допросил. Казалось бы зачем, ведь этот человек уже около восьми лет жил в слободе и знаком всем как облупленный? Однако не все так просто, первое, что насторожило, это то, что по прошлой жизни я достаточно насмотрелся на китайцев, их в двадцать первом веке в Иркутске как..., скажем много, и любому жителю поднебесной хватает одного года, чтобы сносно лопотать на русском. А Лу прожил восемь лет, и не в замкнутом мирке китайской торговой группки, а в слободе, считай полное погружение в язык и культуру. За это время он должен научиться разговаривать не хуже носителя языка, а он 'моя, твоя не понимай'. И второй момент — имя. В Китае чем длиннее имя тем ты более знатен, не даром ходила байка про попавшего в Китай нашего соотечественника Синицина, ведь китайцы произносили его на свой манер Си Ни Цин, а это уже указывало на принадлежность знатному роду и даже не одному.

— Лу, давай по хорошему, — предложил китайцу, когда он попытался отвечать в своей прежней манере, — это ты на людях можешь ломать язык, и то не советую, а мне того не

надо. За столько лет можно ворона словам научить, а человек учится много быстрее.

— Ладно, по-хорошему так по-хорошему, — согласился китаец после некоторого раздумья, причем акцент хоть и слышался, но не напрягал.

История его оказалась проста, жил человек не тужил, хоть происхождение и не из сильно знатного рода, но для уважения хватало, работу по меди освоил не по нужде, просто его семья владела медным промыслом. Заодно учился на инженера, потребность в которых в поднебесной всегда была велика, и даже вроде как выучился, но вот дальше катастрофа — сначала стычки семьи на уровне местных разборок, где он потерял свободу, потом 'забрили' на войну с русскими. Конечно, его не поставили как простого воина в строй, но и как инженеру заботы нашлись, следом осада Нерчинска, до которого он не дошел в составе своего отряда и долгий плен. Когда конфликт был урегулирован, Лу находился в глубоком тылу, у казаков. Мог ли он вернуться на родину? Мог. Добраться с купцами до Нерчинска, не проблема, а там китайцы не оставили бы своего соотечественника без помощи. Но Лу рассудил иначе, он вбил себе в голову, что ничего хорошего его там не ждет, и поэтому решил обосноваться в Иркутске. Честно говоря, странное решение, жилось ему здесь очень не сладко и мне кажется, что на родине ему было бы всяко лучше, но чужая душа потемки и лезть со своими представлениями туда не стоит.

— Медь выплавить сможешь? — Спросил я китайца.

— Могу, если руда будет, — кивнул Лу, — как-то видел, купец из Уды привозил, из той можно, серного камня в ней немного. Но тогда печь хорошую ставить надо и глину белую искать.

Белую, это он имеет ввиду огнеупорную. Ха! Тоже мне проблема, да у нас её здесь под Иркутском более чем до фига, если, конечно речь не идет о потребности в пару миллионов тонн, да пусть и миллион, ведь почему реку Белую так называли? Потому, что вокруг нее есть многочисленные выходы белой глины, каолина. И на сколько мне помнится где-то там во второй половине 19-го века была построена фарфоро-фаянсовая фабрика, которая снабжала фарфором всю Сибирь и Дальний Восток. Так и называли — Хайтинский фарфор. Есть еще белая глина где-то в районе будущей Слюдянки, но, по-моему, туда добраться и сложнее и дальше. Кстати стекло варить тоже в тиглях из нее придется. Привезти пару десятков тонн глины не проблема, проблема в медной руде, если речь идет о месторождении Уды, то далеко, а переработка на месте невозможна, там пока буряты и спокойной жизни они не дают, и еще лет десять давать не будут, придется тупо везти сырье по зимнику и рекой. Но то вопрос тоже решаемый, осталось договориться с монастырскими, потому как кроме воеводы только они могли распоряжаться медными запасами, или как они еще говорят колокольным налогом. Ладно, это все прикидки на будущее, а сейчас нужно делом заняться и пока Лу готовился из грубого куска меди вручную вычеканивать произведение искусства, я начал искать подходы к купцам. Вроде бы, какие тут проблемы? А проблемы есть, ни один купец не станет даже разговаривать с мальцом, каким бы этаким разэтаким он ни был, а тем более с тем, которого считают умом скорбным. Нужно искать посредника, причем такого посредника, который потом не 'кинет' подростка, а 'кинуть' меня запросто и даже не потому, что такой вот нехороший человек попадется, а потому, что подросток на уровне существующих понятий никто. Даже Брага, с которым я успел не один пуд соли э... стащить, и тот не воспринимал меня всерьез: поболтать в порыве благодушия, над анекдотом при случае поохотать, даже измышления мои иногда выслушать, это пожалуйста, а вот что-то серьезное замутить с моим участием, табу.

Использовать во многих делах авторитет отчима можно, и даже нужно, но Асата категорически отказывался обсуждать дела, в которых мало смыслил:

— Ежели тебе, Васька, требуется по железному делу с кем столкнуться, — говорил он мне, — зови, помогу. А всякие там прочие дела мне не потребны, даже не уговаривай.

Мда....

Однако все мои потуги были грубо попорчены в один момент — под стены кремля пришли бурятские отряды мстить за смерть Петрушки Иванова, это того, который в прошлом году пытался уйти в Монголию с общественным табуном и частью ясачных. Мстить, это громко сказано, ну что может сделать отряд в сотню всадников, когда служивых в остроге не меньше, а в слободе еще в полтора раза больше? Самое смешное, что будь бурятские отряды объединены под одним командованием, может что-нибудь и получилось, а так... фарс. Сначала один отряд потерялся под стенами кремля, потом другой. Казаки насторожились, мало ли какими силами степняки явились под стены Иркутска. Поняв, что с острогом ничего не выйдет, буряты попытались пограбить слободу, но и тут у них ничего не вышло, казаки быстренько организовали оборону и в слободу никого не пустили. Уже к концу третьего дня стало известно, что под стены Иркутска пришло всего три малых отряда коренной народности. Такого оскорбления казаки выдержать не смогли, сели на коней и в один миг прекратили все это безобразие.

Однако все эти дни бесчинства аборигенов я провел в Вознесенском монастыре, Зосима вдруг вспомнил о своем подопечном и я, подозревая, что на сей раз мне не отвертеться от хорового заучивания библейских текстов, попытался элементарно сбежать. Не дали, отловили в один момент и пригрозили, что если еще раз отчебучу что-нибудь подобное, буду неделю в яме уму разуму набираться.

— Чего в бега подался, отрок? — Встретил меня ухмылкой настоятель. — Вроде бы святой воды не боишься, и от крестного знамения тебя не крючит.

Пришлось покаяться, что дело не в Боге, а в многодневном заучивании.

— А что в этом плохого? — Затянул свою шарманку Зосима. — Писания всякий знать должен, да и для ума полезно, чтобы в лености мхом не зарос. Ладно, не за этим я тебя звал.

Настоятель как раз подошел к лавке и с кряхтением на нее взгромоздился, все-таки годы немалые, мне сесть не предложил — не по возрасту.

— А поведай мне отрок, что за сказ ты там казакам в слободе рёк? Откуда тебе стало ведомо что в словах твоих правда, а что нет?

Вот так да! Теперь хрен выкрутишься, Зосима не тот человек, которому можно на уши присесть, уж историю Руси он всяко лучше знает. Что скажешь? Знал, что этим все может закончиться.

— Где в моих словах правда, сам не знаю, а что кривду понапрасну не городил уверен был.

— Уверен? — Снова ухмыльнулся настоятель. — С чего бы? Тебе летопись ведома?

Мотаю в отрицании головой, скажешь ведомо, спросит, откуда, а врать нельзя.

— Вижу, спрашивать тебя без толку, не скажешь? — Спросил на всякий случай Зосима. Молчу, потупив взгляд.

— Ладно, не буду, — вдруг смягчился старец, — и наказывать тебя пока не стану, сказ твой много вреда не нанес, а польза была. Однако на будущее помни, нет у тебя права о делах прошлых по-своему судить, не заслужил еще. И сказы твои от лукавого, искушений в

них полно, не всяк их понять правильно может. Понял ли ты, отрок?

Киваю, и мысленно возношу хвалу всевышнему, но не расслабляюсь, я не я буду, если от меня чего-нибудь сейчас не потребуют. Так оно и оказалось, все-таки настоятель верен себе, дела богоугодные у него прежде всего, особенно если они направлены на процветание монастыря — смальта. Я же диверсию по весне с кирпичом провернул, а аппетит приходит во время еды, вот и пришел этот аппетит монастырскому руководству, хотят мастерские по производству стекла замутить, видимо Залепин тут им здорово в уши напел, решил себя великим мастером выставить, вот гад. Ну да ладно, в принципе так тоже будет неплохо, хоть в будущем Федор не раз пожалеет, что с потрохами под монастырских пошел. Только я-то им зачем? Оказалось, есть зачем:

— Федор как-то обмолвился, что знаешь, где песок для стекла брать и глину для печей. Так это, или ты для словца красного?

Вот взять и покаяться, мол, бес попутал, будет тогда этому мастеру великому опала, но:

— Знаю, отче. — Уверено подтверждаю я, а у самого внутри все напряглось, ведь сейчас появится возможность урвать свой кусок.

— Тогда готовься, месяц сроку тебе, — распорядился Зосима, — съездишь, покажешь те места Федору, пусть посмотрит, та ли это глина да песок, который ему надобны.

— Отче, так зачем на это Федор нужен, — тут же возразил я, — вдруг зря его от дел оторвем, сам я сюда все привезу, пусть здесь смотрит.

Старец сразу разгадал мои намеренья, ну а я и не думал скрывать:

— Боишься, что место прознаем, да без тебя обойдемся? — Усмехнулся он. — Сам хочешь возчиков организовать?

— Хочу, отче, — подтвердил я, — и поташ, из золы тоже хочу добывать.

— От же ж? — Зосима с интересом посмотрел на меня. — Откуда тебе известно, что для стекла поташ нужен?

— Слышал, как-то, что поташ не только для пороха нужен, но и в стекольном деле необходим. А выделять его, сегодня мало кто рискует, указ, стараются обойтись щелоком.

— А не сильно ли ты много пытаешься взять под себя, отрок? — Прищурился Зосима. — Хватит ли у тебя сил на это?

Это он мне? Ты святой человек свои силы рассчитай правильно: Федор-то сегодня есть, а завтра о нем молва пойдет, да могут вспомнить кто он такой. С местным воеводой ты справишься, а как из Москвы запрос придет, встанешь грудью за мастера? А ведь вероятность того, что будет именно так, очень высокая, после первой варки придется отписаться в Москву, а там только на разгильдяйство надежда. Но своих сомнений высказывать, конечно, не стал, дело сие меня не касается, а даже если и касается, кто на мои слова внимание обратит?

— Если сил не хватит, убытка никакого, кроме как моему слову, тогда и других кликнуть можно.

— Попробуй, об оплате потом договорим, — подвел итог старец, — когда Федор посмотрит, чего привезешь. А он настоятельно просил чтобы с тобой по местам проехать.

Ну, что же, не было ни гроша, да вдруг алтын. Если Залепину придется по душе мои образцы, можно будет организовать сразу три артели, а прикрытие монастырских дорогого стоит. Дохода, конечно, будет не густо, потому как братия все до последней копейки учтет, и лишней не даст, но какова перспектива... Естественно никаких перевозчиков нанимать в будущем я не собирался, доставляться все будет только рекой, один рейс дощаника закроет

сразу три десятка возов, конкуренция будет отсутствовать как класс.

А Залепина понять можно, конечно ему за два месяца опостылело торчать в монастыре, хочется прогуляться на воле, просторы почувствовать, а то ведь сколько еще поклоны бить, грехи замаливать?

— Думай, чего говоришь, бестолочь, — нахмурился Зосима, — грех молитвой не искупишь. Покаяться человек должен, осознать, принять душой, а не поклоны бить. Покаянному поклоны не в тягость.

Ой, ё..., это я чего в слух что ли сказал? Ну Васька, снова паразит прорезался, стоит минутку ослабить внимание, нет-нет да найдет щелочку, чтобы мои мысли озвучить, нравится, видишь ли, связанные звуки издавать, что это не звуки а мысли, ему дела нет.

— Прошу простить, отче, — тут же повинулся я, — и вправду от скудоумия.

Прозвучало это весьма двусмысленно, настоятель только крикнул с досады, ведь если подумать, он только что выговорил убогому умом, что не думает как должно.

Так что отделался малой кровью, исповедоваться по причине малого роста не заставили, а вот выслушать очередные нравоучения пришлось в полной мере.

Ненавижу заучивание хором, ненавижу-у-у!!! Только одно придало мне силы выдержать это издевательство над личностью — все эти упертые на заучивании идио..., хм, нехорошие люди получают свое. Для стекла им понадобится много дров заготавливать, а леса здесь от сих и до..., не, не горизонта, а гораздо, гораздо больше, а потому каторжной работой они будут обеспечены до конца жизни. Надеюсь им скоро будет не до хорового распевания.

Дома меня ждали плачь и вселенское горе. Вот ничего не имел против бурят, бегают по степям с табунами и хрен бы с ними, но ведь они уё... недалекие люди, пробегая по выпасам, вместе с прочей живностью прихватили мою движимую собственность — кобылу Лиску. Вот зачем она им? Это же не бурятская лошадь, ей зимой тепло нужно, овес, она в степи в принципе не выживет, сухой бурьян из-под снега добывать не сможет, значит, на мясо берут, а этого я им простить не могу, тем более и так злой на них без меры. Почему без меры? Ну, так должен же кто-то мне за два лишних дня в монастыре ответить?

Степан в компании еще троих таких же, как и он сам, бедолаг, смотрел в сторону леса, и грыз с досады свой и так не великий ус. Пропал конь, столько времени и сил положил, чтобы воспитать и обучить, и все насмарку. Да и не столько было жаль потраченного времени, сколько на сердце давила пропажа боевого друга, именно друга и никак иначе. Не успел он вывести своего коня с луга, слишком быстро налетел бурятский отряд. Где теперь его искать?

— Десятник сказал, что не пойдут за бурятами вдогон, — подал голос Алексашка, — мол, надо с силами собраться, а потом уже по следу. Думаю бесполезно это все, к тому времени коней в степи разведут, не сыщешь.

— Это да, — вздохнул Остап, — придется мне у дядьки кобылу выпрашивать, старовата она у него, но может этот год еще потянет, а потом все равно коня искать. Без коня совсем худо.

— 'Конечно, худо', - думал Степан, — 'Остап-то это так говорит, как мне ему мыкаться не пришлось'.

Казак повернул голову и посмотрел на запад, облака темной полосой закрывали горизонт, часа через два они придут к Иркутску. К этому времени солнце окончательно покинет небосвод, поэтому ночь обещает быть темной.

— Смотри, куда это малец наострился? Никак на охоту двинул. — Хмыкнул Остап. — Да еще в сторону бурят, совсем с головой не дружит.

— Так, то ж Васька, горелец, — рассмеялся Алексашка Кривой, — а он с головой с рождения совсем не дружил. Так что Остап ты здесь сразу угадал.

Точно, Степан увидел сосредоточенного паренька с луком за спиной и копьем наперевес, идущего в сопровождении пса мимо них в сторону леса. Казак сначала тоже подумал, что малец шел на охоту, но что-то показалось неправильным, и чуть спустя понял что именно.

— Васька стой, поди сюда, — крикнул он пареньку.

Тот остановился и, повертев головой, нехотя направился к казакам.

— Никак в лес собрался, малец? — Вкрадчиво спросил Степан.

— Ну, да. — Подтвердил тот, — пока солнце не село, попробую подстрелить чего.

— Ага, — покивал казак, — ты случаем не на медведя собрался, раз с копьем идешь?

— Не, может, кабаргу подстрелю, а копье так, вдруг подсвинок там попадется, или еще кто покрупней.

— Ну, да. Ну, да, — снова принялся кивать Степан, — после бурятских отрядов живности вокруг Иркутска хоть отбавляй, сама на копье берется. Самое время охоты.

Подросток пожал плечами, дальше оправдываться было глупо.

— Ну, ладно, — принял серьезный вид казак, — кончай Ваньку валять. За бурятами вдогон пошел?

— А чего делать-то? — Набычился малец. — Нам такую кобылку больше не потянуть, а тут по темноте до Куды догоню, да по-тихому назад скраду.

— До Куды? — Удивленно протянул Степан. — Так это ж почитай верст двадцать с гаком, да еще по лесам. А солнце часа в два скроется.

— Ну и что? — Снова нахохлился Васька. — Мне темнота не помеха, а в помощь.

— Да-а? — Рассмеялся казак, но тут же осекся, как-то сразу вспомнился мимолетный разговор с Никшей, когда попросил его рассказать о походе за солью. Так этот старый казак утверждал, что малец, который с ними был, в абсолютной темноте стрелой татя посек.

И тут Степана торкнуло, а ведь прав Васька, можно коня темной ночью по-тихому скрасть. Боевой друг не выдаст.

— погоди, а почему ты решил, что буряты на Куде встанут?

— А где им еще встать? — Пожал плечами подросток. — Дальше опять лес, до темноты пройти может быть и успеют, а вот лагерь наладить нет.

— 'Есть резон в его словах', - согласился Степан, — 'в случае чего, можно и обратно в лес нырнуть, по такой темени вряд ли кто из бурят решится туда сунуться'.

И казак решительно тряхнул головой:

— Жди, я тоже с тобой пойду. — При этом он даже не обратил внимания на скривившегося подростка.

Через полчаса группка безлошадных казаков, проскочив через луг, скрылась в начинающем темнеть лесу. Не успели отмерять и пяти верст, небо потемнело, и хотя пока

еще угадывалось за кронами деревьев узкая его полоска, разглядеть тропу стало невозможно, Васька сунул древко своего копья в руку Степана, а тот в свою очередь протянул свое копье идущему следом Остапу. Так гуськом они и двигались некоторое время. Как в такой темноте малец мог что-то разглядеть, у казака не укладывалось в голове, но ведь он четко шел по тропе и даже иногда предупреждал о возникших на пути препятствиях. Вскоре тропа запетляла и стала подниматься резко в гору.

— Стой малец, — приказал Степан, — совсем темно стало, надо фонари зажечь.

Через несколько минут отряд двинулся дальше, света фонарей хватало только-только, чтобы рассмотреть тропу прямо под ногами. Так они и шли на протяжении еще нескольких часов, причем чем дальше, тем больше Васька наращивал темп. Когда выбрались на вершину какого-то холма, малец остановился.

— Надо остыть, дальше без фонарей пойдем, — объявил он, — до Куды версты полторы, свет на сопке со стороны далеко виден.

Алексашка на эти слова подростка в удивлении только головой покачал. Степан тоже был согласен с другом, как в таких условиях ориентироваться в лесу, да еще точно определиться с местом? Но почему-то словам Васьки верилось. С сопки спускались опять держась за копья, темнота была абсолютная, Степан не видел ничего, что с открытыми глазами, что с закрытыми, все едино. Даже псина изредка поскуливала, держась где-то ближе к подростку. Внизу сопки снова остановились:

— Здесь буряты, — тихо заявил Васька, — у самой речки расположились, табун частью здесь, а частью за рекой.

Степан начал усиленно вглядываться в темноту, и... есть — где-то далеко за деревом мелькнул слабый огонек костра.

— Надо бурят обойти и ниже к Куде выйти.

— Если надо, так давай, — разрешил казак.

Дальше опять долго куда-то шли, по-прежнему держась за древки копий. Только по тому, что прорезался звук цикад, да перестала путаться трава под ногами, Степан определил, что они идут по степи.

— Здесь встанем, — наконец объявил подросток, — небольшая низинка тут, если хотите можно фонарь зажечь, никто со стороны не увидит.

— Где буряты? — На всякий случай уточнил казак.

— Да все выше по реке устроились, с полверсты будет, — принялся рассказывать малец, пока Степан раздувал трут, — отряд небольшой, под три десятка, остальные видимо дальше ушли, отсюда не слышно.

Слышно? Степан чуть не выронил из рук фонарь, так что, малец на слух их вывел? Быть такого не может.

— Погодь, так ты тоже ничего не видишь, что ли?

— Почему не вижу? — Хмыкнул Васька. — Много чего вижу, но слышу больше. Вон, Лентяй тоже не глазами, на слух и запах добычу ищет.

— Только не говори, что ты тропу на запах выискивал. — Проворчал Остап.

— Не, тропу не на запах, — не обращая внимания на подначку, ответил подросток, — а вот на степь и речку на запах вышел.

Тьфу, в сердцах сплюнул Степан, не малец это, а вурдалак какой-то: и видит в кромешной мгле, и слышит за версту, и нюх как у собаки:

— Ну, что там с табуном? — Спросил он, поправляя слюдяное окошко в фонаре.

— Дык, как и говорил, часть на этой стороне, между нами и бурятами, а часть на другой.

Только сейчас до казака дошло, что шанс вернуть своего коня мизерный. Во-первых: надо было в кромешной тьме как-то дойти до Куды, но вроде с мальцом этот вопрос решили; во-вторых: так же в этой темноте требуется найти коня и при этом не наткнуться на табунщиков; в-третьих: найдя своего боевого друга надо еще уйти от возможной погони.

— И как ты свою кобылу собрался искать? — на всякий случай спросил Степан мальчика.

— Так, а чего я ее сам искать буду? — Удивился подросток. — Лентяй уже ищет, сейчас найдет и приведет. На меня бурятские лошадки фыркать будут, а на пса внимания не обратят.

— 'Вот ведь...', — снова сплюнул Степан, — 'дурачок Васька все заранее продумал, а он сам не додумал, издавека-то оно все просто казалось. Вот тебе и умом убогий, сейчас, поди, над ними потешается.'

— Ну а мы как своих коней искать будем? — Не выдержал Алексашка Кривой.

— Если по утру, — высказал предположение Остап, — а так ничего сейчас не найдешь, только табунщиков всполошишь.

Пока думали, каким образом искать в темноте коней, к ним в низинку сначала скатился пес, а следом за ним со спутанными ногами кое-как прискакала кобыла.

— Молодец Лентяй, — потрепал Васька пса за ушами и тот радостно оскалится, принимая похвалу хозяина.

Степан с завистью посмотрел на подростка, это же надо как пса вышколил, ему бы такого. Но не получится, на выезд пса не возьмешь, это вот так, от случая к случаю такая животина нужна.

— Есть еще один способ, можно попробовать, — подал голос малец, — если есть что-то от ваших коней, то Лентяй их по запаху отыщет. А вот пойдут ли они за ним, уверенности нет.

— Пробуем, — ухватились за спасительную соломинку казаки.

За копытными пес бегал три раза, и только один последний раз сумел привести коня, и конь этот пошел на запах хозяина, который несла на себе шапка, привязанная к ошейнику пса. Другие на запах своих хозяев почему-то не отреагировали.

Степан обнял морду своего четвероногого друга, не подвел, откликнулся, молодец.

— А чего твой пес других не привел? — Накинулся на мальчика Остап.

— Да как он может их привести, коль они сами не идут? — Отбоярился Васька. — Это же собака, а не человек, если конь сам на запах не идет, как заставить-то?

— Это да, — почесал затылок Алексашка и с завистью посмотрел на Степана, — а делать-то чего будем?

— А чего тут сделаешь? — Пожал плечами подросток. — Судя по тому, куда Лентяй бегал, кони ваши рядом с бурятами, не сунешься туда. Можно чрез речку перебраться да там, бурятскую мелочь прихватить, все не с пустыми руками останемся. Только быстро решать надо, скоро зорька народится, а нам заранее уйти надо.

— Ладно, — скрипнул зубами Алексашка, — веди куда надо.

Примерно через час четверо, ведя в поводу и привязными по три коня скрылись в лесу, а на востоке уже разгоралась заря.

Выслушав отчет Степана, старый казак принялся мять свою бороду:

— Так говоришь, Васька в темноте бурят разглядел?

— Сплошь чернота, — подтвердил Степан, — и ежели б, Васька обратно в поводу коней не вел, не ушли бы. Как только повод отпустил, конь сразу встал, значит и животное тоже мало чего видела, только за человеком шла.

— Может на слух шел? — Пробормотал Брага.

— Не, не на слух, это точно, — возразил молодой казак, — ветерок в кронах шумел, не сильно так, но мало чего за ним разберешь. Да и как с конем по лесу на слух пойдешь?

— Это да, — согласился казак, — а чего коней так мало взяли?

— Да где ж мало-то, — удивился Степан, — и так намучились пока на пол версты в лес зашли, потом-то фонари зажгли, полегче стало.

— Вот что, Степан, — тяжело вздохнул старшина, — по правде, должен я тебе и твоим сотоварищам горяченьких прописать, за самовольство, да таких, чтобы с недели две прилечь не могли, но не стану этого делать, потому как десятник от тебя и Алексашки, дружка твоего, отказался. Сразу скажу, нехорошо ваш старший поступил, но то дело его, и я здесь встревать не стану.

— Да, как же это? — В удивлении вытаращился казак. — Почто так? Теперь-то я снова с конем. А если разрешения не спросил, так не отпустил бы, а без коня кому я за так нужен?

На это Брага лишь пожал плечами, ему и самому не нравилось, как обошлись с молодым казаком. С одной стороны пострадавшие казаки вроде как самовольство проявили и вдогон за супостатом без разрешения ринулись, а с другой, ну кому нужен казак без коня? Можно было понять молодежь и, в крайнем случае, обойтись наказанием, чтобы другим неповадно было, однако выгонять из десятка уже перебор, но тут десятник сам себе голова, и никто ему не указ, скорее всего место освободил, чтобы кого из новиков по родственной линии продвинуть. Времена нынче для казаков стали тяжкие, все меньше востребована их служба, и с содержанием трудности постоянные, на всех мест не хватает.

— Ты, не суетись, — посоветовал старый казак, — деньга у тебя пока есть, а потом посмотрим, может и в другом десятке место найдется.

От Браги, Степан вышел в отвратительном настроении. Вот что теперь делать? Пнув с досады подвернувшийся на дороге сучок, от чего тот улетел через высокий забор кому-то во двор, казак отправился домой, надо выставить на продажу бурятских коней, смотришь, и еще год можно будет кое-как пробиться, а там что-нибудь придумает.

На торгу казаки с добычей появились уже после полудня и успели увидеть, как покупатель забирал Васькину добычу.

— Вот что творит! — Восхищенно цокнул языком Алексашка. — Мы не успели еще прийти, а малец уже коней продал.

— Дык, а ты чего ждал? — Усмехнулся Остап. — Поди, успел и похрапеть немного.

— Ну, а чего нет-то? — Подтвердил товарищ. — Как меня со службы поперли, так сразу и залег, все-таки два дня не спавши.

— Васька, — окрикнул мальчика Степан, — поди сюда.

Надо было узнать, за какую цену сговорился подросток.

— За полтину с четвертью продал, — огорошил казаков малец, — дороже вряд ли возьмут, спрос в основном на коней под упряжь, а бурятских горбунков долго обкатывать, непривычные они. Этих добытчикам продал, для лесных троп берут, там-то самое то будет.

Это да, согласился Степан, а внимательно присмотревшись к добыче, вынужден был

согласиться и с тем, что кони смотрелись действительно как горбунки — мелкие, лохматые, да еще с каким-то горбиком в холке. Да, с такой ценой год не протянешь. О чем и сообщил друзьям.

— Может в Нерчинск податься? — Предложил Остап. — Там хоть в набег сходить можно.

— Да, какой там, — скривился Алексашка, — на днях, из третьей сотни двое в Иркутск приехали, селиться будут. Говорят, там только что не голодуют. Да и кому ты там нужен без коня? Попробовать к купцам наняться? Слышь малец, — казак повернулся, к подростку, — случаем не знаешь, нужна там охрана кому из купцов?

— Не, казаки у купцов теперь спросом не пользуются, — ответил Васька, — после того, что забайкальские натворили, не скоро вам доверять начнут. Слышал, вроде как из Нерчинска скоро караван должен прийти, но там постоянный отряд из стрельцов, вас тоже не станут брать.

Степан прикинул, опять малец прав, в их услугах на сегодня никто не нуждался.

— Так и сгинуть не долго, — проворчал Остап, — остается службу забросить да 'на землю садиться'. Даже вон, горельцы, и те лучше живут. — При этом он покосился на Ваську, который с удобством устроился на мешках с овсом, по-хозяйски обозревая торг. Странно было, что при этом торговец овса не обращал на нахала ровным счетом никакого внимания, вроде как так и должно быть.

— Это завсегда можно, — хмыкнул Степан, — только кроме службы мы ни к чему не приспособлены, в обучение как мальчикам придется идти. Слышь, Васька, возьми нас в ученики?

Подросток, в задумчивости почесал нос, будто всерьез принял вопрос казака:

— Не, не получится ничего, — наконец ответил он, — в обучении нужно подзатыльники в случае нерадения раздавать, а вам разве выдашь? Сразу за плетку схватитесь, да про урон чести талдычить начнете.

Казаки расхохотались — ну, да, так оно и есть. Да и какие из казаков ученики, отучились свое.

— Тогда на службу принимай, раз выучить не можешь, — продолжил веселиться Степан, — будем под твоей рукой службу справлять.

— Запросто, — тоже оскалился малец, — только над вами потом вся округа потешаться станет, мол, у дурачка Васьки на службе.

— Так если за службу деньгой получать, еще неизвестно, кто над кем потешаться будет. — В ответ хмыкнул казак.

— И что, на самом деле пойдешь? — Прищурился подросток.

— Да запросто, — сделал серьезное лицо Степан, — десять рублей и по рукам.

— Десять? — Удивился малец. — Не, по восемь гривен за месяц это много, даже купцы вдвое меньше при караване платят. На два гривенника еще можно сговориться.

Веселья ради, Степан продолжил торговаться, но в конечном итоге удалось поднять цену только до трех гривенников за месяц.

— Значит за три гривенника ты Степан Тропин готов наняться на службу Ваське сыну Алексея Дежнева? — Подвел итог торга подросток.

— Готов, готов, — вздохнул Степан, жалея, что веселье подошло к концу.

— Тогда договор, — вдруг сказал подросток и, под вытянувшиеся лица казаков, вытащил кошель, — вот задаток в два алтына. — И монеты перекочевали в руку

ошарашенного казака.

— Эй, — встрепенулся Алексашка Кривой, — а еще одного возьмешь?

— Еще? — Подросток принялся чесать затылок. — Так вроде не надобно, мне и одного казака много. Хотя..., конечно... Нет, там только на раз, самое большое на две седмицы, за гривенник, да и не служивый нужен, любой со слободки подойдет, а оплата по концу.

— А чего делать-то?

— Весла ворочать, кайлом махать, да иногда на ночь стать.

— Так, согласный я, — торопливо заявил казак.

— Раз согласен. Договор?

Последним сговорился Остап, за компанию.

— Выходим на лодке завтра с утра, — заявил казакам подросток, — уходим где-то на две седмицы, первые три дня придется сильно попотеть, да и потом немногим легче. Кормежка за мной, но без изысков. Пока все.

Ошарашенные казаки смотрели вслед неспешно уходящему подростку.

— Вот дожили, теперь эта сопля над нами хозяином будет. — Вздохнул Алексашка.

— Если он нам потом не заплатит, вся слобода от хохота животы надорвет, — заявил Остап.

— Так задаток вроде дал, — Степан на всякий случай посмотрел на зажатые в руке монеты.

— Это тебе, а нам-то только обещал.

— Слушай, а не сродственник ли он Семена Дежнева, — поинтересовался Кривой.

— Не, быть того не может, — тут же откликнулся Степан, — тот атаманом вроде как был. Будь он сродственник, разве ж бросили бы вот так семью.

— И то верно, — согласился Алексашка.

— Ладно, казаки, — подвел итог Степан, — до конца торга четверть дня осталась, а у нас еще даже не приценялись.

Коней Степан все-таки продал, и как не торговался, цена получилась такой же как у Васьки:

— 'Вот ведь как в жизни-то, и старше, и опытнее мальчика, а цена все одно — один в один'. — Думал он при этом.

— Служивый, возьмешь овес с прошлого года, не задорого отдаю?

Степан повернулся к торговцу и задумался — овес все равно покупать, а прошлогодний раза в три дешевле. Конечно, желательно с нового урожая купить, но не в этом году, или взять половину на половину, вроде Васька обязался платить:

— Ну, давай посмотрим, что там у тебя?

Овес оказался хорошим, мухой не побит, зерно спелое не загрубевшее.

— Подвезешь к дому Степана Тропина, — распорядился казак, отдавая торговцу задаток.

— Ага, — закивал торговец, принимая копейки, — как торг закроется, так и подъеду.

Степан уже собрался уходить, но вспомнил, что кое о чем хотел спросить;

— Слушай, а Васька тебе кем приходится?

— Дык, никто он мне, — пожал плечами мужик, — вижу его часто здесь на торгу, нет, не сродственник он мне.

— А чего не погнал, когда он здесь как хозяин расселся, — удивился казак.

— А зачем гнать, — в свою очередь изогнулись в удивлении брови торговца, — пусть

себе сидит, удачу притягивает.

— Удачу? — Степан сначала подумал, что над ним подшучивают, но, не увидев ни капли хитринки в лице мужичка, расхохотался. — Васька? Убогий? Удачу? Ну, живот надорву, рассмешил. Удача она сама по себе, поверь, Васька тут совсем не причем.

— Может и не причем, — согласился торговец, — да я тоже думаю, что и в самом деле не причем. Только многие иначе считают. Да и сам суди, прогонишь, а вдруг удача отвернется, делать тогда чего станешь?

Продолжая посмеиваться над мнительным мужичком, Степан повернул домой.

— Ага, не притягивает. Еще как притягивает, — меж тем тихо ворчал торговец, — эвон, две седмицы овес продать не мог, а стоило Ваське на него только присесть, и в этот же день покупатель нашелся.

В слободу я вместе с казаками вступать не стал, перешел на другую дорогу и уже со стороны Ангары добрался до дома, так должно было получиться быстрее, да и светиться с добычей в слободе мне не хотелось.

Мать выскочила во двор открывать ворота:

— Лиска! — Приняла она в свои объятья кобылу, — а я уж думала все, пропала наша лошадка, ан нет вернулась из полона. Вася, где же ты ее нашел?

— Да так, — хитро ухмыльнулся я, — в лесу ожидала, да еще двух кавалеров прихватила, раньше бы пришла, да бурятские коняжки ее языка не разумели.

— Так, эти тоже наши? — Мать удивленно смотрела на привязных за повод коней.

— Ага.

— Чего-то мелкие какие-то, — встряла в разговор Дашка, которая тоже выскочила на улицу вслед за матерью, — и лохматые, Лиска-то глаже и крупнее.

Я повернулся к трофейным коням и громко известил:

— Поняли, убогие? Вам до нашей Лиски еще расти и расти. И не нужны вы нам, такие лохматые, готовьтесь быть проданными на торгу. Может даже сегодня.

— Вась, одного оставь, — тут же вступилась сестренка, — вот этого, у него морда не такая кислая.

Хм, снова повернулся посмотреть, у кого там морда веселая? Точно, стоит один лохматый и зубы скалит, но как-то странно будто что-то сказать хочет и не может. Подошел к 'веселому' коню, осторожно прихватил морду снизу рукой, а то ведь цапнет, а укус у коняги такой, что можно и без пальцев остаться, и поднял верхнюю губу. Ага, вот оно в чем дело — колючка впиалась и постоянно раздражает, от того и конь постоянно оголял зубы.

— Все, сейчас и этот грустный станет, — известил Дашку, вытаскивая колючку, — А вообще, нам бурятские кони без надобности, они под седло, а нам под упряжь нужны. Так что продаем не раздумывая.

Так, так, так. Пока торчал на торге, здорово погрел уши, а они у меня куда чувствительнее, чем у Лентяя, оказывается противостояние иркутских казаков и воеводы достигло максимума, еще немного и Савелова элементарно прибьют. Воевода об этом прекрасно знал, поэтому из за стен кремля не высовывался и усиленно готовился к отбытию по реке. В свою очередь казаки с миром отпускать его не хотели и тоже готовились, надеясь не дать Афанасию умыкнуть краденую казну. На данный момент, у Савелова к походу были подготовлены три больших дощаника, то есть все необходимое для долгого пути уже погружено. В ответ казаки тоже снарядили дощаники, правда размером они были чуть поменьше, но их уже было семь и народу туда влезало всяко больше. А дабы воевода не смог отбыть втайне от всех, выставили на острове, напротив Иркутска сигнальный пост.

Вообще-то, вся эта возня меня не сильно волновала, так ради интереса, то, что казачки выставили пост, поможет мало. Ну, дадут постовые сигнал, ну среагируют казаки, а толку-то? Переметнется быстренько воевода со своим окружением на дощаники и отчалит, в самом лучшем случае казаки ринутся догонять вора через час, а зная их, уверен, и два часа пройдет. За это время их цель уйдет вниз по течению на веслах верст на двадцать, а потом

начнется многодневная гонка. Ночью они по реке двигаться не смогут даже под факелами, вода в это время на самом минимуме, налететь на камни проще простого, а значит, останавливаться будут на островах, и за все темное время будут бдеть, дабы не захватили врасплох. Основная задача казаков прищучить Савелова до Братского острога, если тому все же удастся туда добраться, то иркутским 'татам' придется возвращаться не солоно хлебавши...

— Васька, поди сюда!

Вот ведь принесла нелегкая, и так чуть всю ночь не испортили, тащи их слепышей по лесу, и сейчас опять на мне проехать хотят, и что мне мешало пораньше умотать?

Слушая разговоры казаков, продолжал прикидывать, кого подрядить в поездку на Белую. Получалось кроме Акима, соседа нашего, который постоянно нам с отчимом помогал, некого, лето — самый сезон работ. Нет, праздношатающихся индивидов в слободе хватало, вот только праздно шатались они не просто так, а по причине своих человеческих качеств. Короче, туеядцы это, ни один крепкий хозяин в здравом уме их на работу брать не рискнет. Ну а мне такие работнички и подавно не нужны. Нанять казаков? Вот эта троица как раз без дела оказалась, так ведь зарекся с ними дела иметь. Хотя..., можно попробовать, охрана все равно хоть какая-то нужна, а отношения будут чисто деловыми, товар, в смысле услуги — деньги, а казак на службе, это не то, что казак на вольных хлебах, должно получиться.

Ну а дальше слово за слово и поймал на слове, Степан думал, что я тут просто зубы скалю, ан нет, за три гривенника на месяц нанялся. Вообще-то, в эти времена раз в месяц никому не платят, деньга служивым дается или раз в год, или по окончании срока найма, если он меньше года. Так что мое предложение может считаться достаточно обоснованным, правда тут я еще брал на себя 'командировочные', ну это когда работник работает на выезде, и не может дома ночевать, наниматель должен обеспечить его питанием. Но это уже детали. Не так уж и дорого мне это обойдется. На двух других удалось прилично сэкономить, они ведь безлошадные и на весь месяц мне пока не нужны, а потому хватит с них и гривенника. Кто-то может сказать, что я воспользовался их бедственным положением, а вот и нет, с чьей легкой руки они сейчас на торге коней продавали? Так что надо еще посмотреть, кто чьим положением воспользовался.

За свою денежную несостоятельность не волновался, вряд ли Зосима откажется мне выдать аванс на доставку глины, только надо будет ему не совсем белой привезти, дабы не появилось мысли, что из нее еще можно фарфор делать. А за сырьем для стекла придется выше Иркутска подниматься, есть там одна линза исключительной чистоты песочка, которую в девятнадцатом веке подчистую выбрали, хотя не песок это, там еще дробить породу придется. А вот с поташом так просто не получится, то еще производство, придется на вырубках золу выжигать, для этого ведь не полновесные дрова нужны, а всякие там ветки трава, папоротник подойдет.

Покинув ошарашенных казаков, отправился готовиться к посещению мест прошлой..., то есть сейчас это будущей..., хм..., пусть будет так, боевой славы моей прошлой молодости в будущем. Ха! Это что же получается — Назад в будущее?

Остаток дня прошел в суете, надо было собрать припасы подготовить лодку к дальнему походу, сговориться в Акимом за два алтына, отбояриться от старшего сына Голени, который видя мою подготовку, пытался 'сесть на хвост', он как раз в это время вернулся с отхожего

промысла. Такой член команды был бы совсем не к месту — нет ничего хуже, чем связаться с соседом, когда тот подозревает, что дурачок опять что-то доходное замутить хочет. Пришлось прикрыться казаками, мол, то их идея, а я там только за своей лодкой присмотреть.

Рано утречком, как только сошел туман, отчалили. До Вознесенского монастыря сплавлялись степенно, отрабатывая синхронность в гребках, а потом, перекрестившись на церковь, взяли за весла всерьез, лодка, чуть приподняв нос, стала стремительно резать водную гладь реки, а в ушах запел ветерок.

По моим прикидкам наша лодка при четырех гребцах могла выдать скорость где-то около шести — восьми верст в час плюс еще скорость реки на стремнине, как у пешехода, и получается очень даже неплохо. За день с отдыхом мы можем покрыть расстояние верст в сто — сто двадцать, а если упереться всерьез, то и сто пятьдесят отмахать. Но надеюсь, нам это не понадобится, поэтому первая остановка у нас в устье реки Белой, есть там один островок как раз перед устьем.

Дальше я планировал пройти по Белой до места, где в будущем будет основано село Михалевка именно там в девятнадцатом веке, в моей истории, будет поставлен фарфоровый завод. Кстати, место очень удобное, если в Иркутске прижмут, можно будет туда умотать, в это время там натуральный медвежий угол.

Рассказывать о самом пути смысла не имеет, вода, лес, вечерний дым костра и комары, много комаров, куда же без них. Надо будет накомарник из конского волоса связать, а то не двадцать первый век, когда комары больше на нервы действуют, чем кусают, здесь же только успевай отмахиваться, даже деготь в качестве репеллента мало помогает.

Поиск мест для копки глины много труда не потребовал, она здесь почти везде. Но не совсем, есть и отличия, в одном месте она чуть серовата, а в другом месте чисто белая, для производства фарфора самое то. Так вот, серой глины с разных мест мы набрали в мешки пудов двадцать, будет Федору и Лу работа, пусть определяют какая именно им для печей больше подойдет, а вот чисто белой глины набрали всего пудов пять, это уже мне для экспериментов. Обратный путь по Белой пошли сплавом, почти не трогая весла, надо было побережь силы, они нам понадобятся, когда будем против течения Ангары веслами махать. Расположились на том же островке, на котором переночевали перед штурмом Белой, тут постоянно вдоль Ангары дует ветерок, хоть и прохладно, но зато комаров нет, хорошо.

Ночью услышал странный шум на реке, как стон толпы людей и скрипы деревьев. Что за ерунда? Прогнал дрему и выбрался на берег, чтобы оглядеться. Нет, ничего не видно, выше по течению река, круто изгибаясь, уходила за сопку, как раз в том месте находился знаменитый Ангарский заворот, опасное место для больших судов в будущем. Однако, звук продолжал усиливаться и я действительно разобрал стоны людей.

— Поднимай всех, Александр Демьянович, — окликнул я казака стоящего в ночь, — что-то неладное на реке творится.

Опять не учел, что мой слух на порядок чувствительнее, чем у других, звуки на реке остальные смогли слышать только спустя полчаса, а до этого косились в мою сторону, мол, чудит дурак.

А я уже мог разобрать не только общий стон, а как бы отдельные ритмические стоны. Получается, что это стоны гребцов и, судя по ним, люди вкалывают на пределе своих сил. Это что же получается, никак Савелов вчера в бега подался и, несмотря на ночь, воевода продолжает идти по реке на полных веслах. Это не просто риск, а риск запредельный. Если

судить по расстоянию в бега Савеловские дощаники ушли после полудня, странное решение, хотя..., может как раз и обоснованное, вряд ли казаки могли сидеть у лодок весь день, на обед наверняка по домам разбрелись. А вот так рисковать воевода мог только в одном случае, у него на хвосте висела погоня.

Наконец первый дощаник подсвеченный факелами вырвался из за сопки на прямую реку.

— Так это что получается, — ворчал Алексашка, — наши решили воеводу побить и деньгу отобрать?

— Да, так и получается, — подтвердил Остап, — то-то наши старшины всю прошлую неделю шептались меж собой.

Между тем в поле зрения стали появляться и другие дощаники, и через некоторое время центральная часть русла реки заполнилась светом факелов. Эпическое зрелище для этих времен, и что самое странное, дощаников было значительно больше, чем планировалось изначально. Видимо казаки организовались сразу в две конкурирующие группы и, пока дичь не достигнута, эти группы действовали как одно целое. Интересно, а как они потом собираются добычу делить?

— Подмогнем? — Повернулся Степан к своим товарищам.

Блин, человек совсем с головой не дружит, вот еще авантюрист на мою голову. Как он помогать собрался? Под дощаник воеводы мою лодчонку кинет, так тот свое массой ее на куски разорвет и не почувствует. Слава Богу нашелся среди них один разумный, и это как ни странно оказался Алексашка Кривой:

— Не, пока сидим и не суетимся, — заявил он, — на стремнине в такой кутерьме нас и воеводские раздавят и свои не пожалеют.

Но тут произошло то, чего я совсем не ожидал, на первом дощанике в одно мгновение факелы полетели в воду и он просто исчез в темноте. Исчез для всех, но не для меня, а я видел, как он стал прижиматься в сторону нашего островка. Хм, кто-то решил схитрить и под прикрытием темноты зайти за наш островок. Как интересно, кто же это такой хитрый? Но казаков-то не обманешь, они обязательно разгадают такой маневр и протоку проверят.

Ой мля, я аж подпрыгнул, у нас же лодка прямо на воде, прятать надо, хотя бы в кусты затащить.

— Точно сюда дощаник идет? — Уточнил Степан.

— Точно, точно, — подтвердил я, — давайте сначала мешки на берег, потом лодку затащим.

— Мешки точно на берег надо, — отозвался казак, — а лодку пока погодим.

Что? Нет. Эти идиоты все-таки решили принять участие в общем веселье.

Естественно никто мои мешки никуда не затащивал, их просто впопыхах сбросили на берег и один даже частично оказался в воде.

— Дядька Аким, — у меня глаза на лоб полезли, — ты-то куда?

Да что же это делается, золотая лихорадка что ли, даже мирный Аким решил не отставать от служивых, те-то молчат, еще пара рук на веслах им лишним не будет, а этот на что надеется? Вот что блеск серебра с людьми делает. И самое интересное, что Аким сам по себе не жаден до чужих денег, но общий настрой сбил и его с праведного пути. Да хрен с ними, я им что, пастух? Взрослые же люди, сами за свои действия должны отвечать, а вот если с нашей лодкой чего случится, мало им не покажется. Так и остался я один на берегу островка со своей глиной. Посмотрел вслед казакам, которые в темноте пытались завести

лодку под свисающие ветки кустов, чтобы сесть в засаду и принялся затаскивать мешки выше на берег, а то глина размокнет, потом измажет все как белой краской.

Дальше наступило время веселья, сначала-то засадники хотели выскочить вслед за беглецом, и повиснуть у того на хвосте, благо стон гребцов позволял хорошо ориентироваться на слух, но только они пару раз плеснули веслами как в их сторону сразу свистнули стрелы. Тут Степану даже командовать не пришлось, его товарищи все поняли правильно и дружно дали задний ход. Ага, кусается? А щитов у них нет, прикрыться нечем, любая стрела фатальна. Надеюсь, теперь они хоть что-нибудь поняли? Нет, в головах у них по-прежнему ум не ночевал, казаки пережили всплеск адреналина и стали опять выводить лодку на глубокую воду.

А это что? Мой слух уловил странный всплеск со стороны большого дощаника и тут же второй более слабый следом, но чуть в стороне. Наверное, это беглецы сбрасывают лишний балласт. А чего раньше не сбрасывали? Как я и предполагал, преследующие воеводу казаки несколько позже двумя дощаниками прошли протоку, зорко оглядывая берега. К этому времени мне удалось затащить мешки за кусты, не так чтобы хорошо замаскировал, но хрен там чего разглядишь при свете факелов. Спустя полчаса вся эта свора скрылась за следующим поворотом реки, оставив ощущение закончившегося карнавала.

Ну и ладно, пойду-ка я спать завалюсь, мне теперь долго на этом острове как Робинзону Крузо торчать.

Утром разжёл костер, сварил каши и перебрал брошенные вещи — вдогон казаки умудрились отправиться налегке, хорошо если их запал иссякнет в первые сутки, а то вниз по течению они успеют далеко отойти, а вот обратно, против течения им придется долго выгребать. День выдался теплый, поскучав немного в тени кустов, решил закинуть перемет, хоть уши потом сварю, размотал снасть, привязал небольшой камень и закинул в протоку.

Стоп! Что-то не так, возникло ощущения, что я это уже недавно делал. Сначала выкинул эти мысли из головы, но потом они бесцеремонно вернулись обратно. Да что за ерунда, и я стал буквально по секундам отматывать события назад. Вот оно, всплеск со стороны убегающего дощаника, нет, не тот первый довольно-таки хорошо различимый всплеск, а второй гораздо более тихий. Я быстро выбрал перемет и снова кинул его в воду. Точно, вот почему он мне показался знаком, если просто бросить камень, то звук один, а если бросить камень привязанный, то звук немного отличается, он как бы размазывается за счет дополнительного всплеска падающей вслед за камнем веревки. Тогда получается, что с дощаника сбросили в воду что-то тяжелое, а следом метнули веревку с камнем. Зачем? А затем, что кто-то решил спрятать в реке что-то, а привязанную веревку с камнем метнули в сторону от груза, чтобы потом при поиске подцепить ее багром.

Мдя, багра у меня нет, кошки тоже нет, а вода в Ангаре холодная. Интересно, насколько здесь глубоко?

Глубину определил быстро, это оказалось довольно-таки просто — веревка, камень и ствол тонкой березки метра три высотой. Закидываем камень в протоку, поднимаем другой конец веревки с помощью шеста повыше и по тому, где веревка соприкасается с водой, можно судить о глубине. Ну, что же, протока неглубокая, около двух метров, но мне от этого не легче, просто нырнув, веревку не разглядишь, надо попытаться ее чем-нибудь подцепить. А чем, как говорил ранее никаких крюков у меня нет. Блин, ну до чего же я тупой, раздвоенный у самой земли ствол ивняка для моей задумки подошел идеально, одну ветку срубил чуть выше раздвоения, а другую только очистил от мелких веточек. Потом был

заплыв да не один раз только в третьем купании зацепил веревку. Груз оказался очень тяжелым, чуть пупок не надорвал, вытаскивая его на относительно мелкое место.

Вот оно — дураку счастье, теперь все сомнения развеяны, Васька определенно баловень судьбы. Не я, мне в жизни никогда не везло, и если могла случиться хоть какая-нибудь неприятность, она обязательно со мной происходила. Тут же все с точностью до наоборот — на берегу лежала седельная сумка, набитая под завязку серебром — часть уворованной казны.

Говорят, блеск серебра завораживает, ничего подобного, я вообще не увидел никакого блеска, ну серебро, ну металл, но не блестит. И когда глядел на него, мне вовсе не виделись 'пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход'. Во-первых: белых пароходов и голубых экспрессов, еще не существует в природе; а во-вторых: то не богатство, то большая проблема. Как там острили в наше время: 'Проблема не в деньгах, а в их отсутствии', так вот в их присутствии тоже есть немалая проблема. Не то общество, скрыть здесь ничего не возможно, легализовать тоже проблема немалая. И что теперь, обратно реку? 'Бороться, искать, найти и перепрятать'? Вспомнился монолог папаши Элизы Дулитл из фильма 'Моя прекрасная леди' где он сокрушался, что из-за письма доктора стал богат, и теперь не может от этого богатства отказаться.

Мои авантюристы вернулись к концу третьего дня, уставшие, провонявшие потом и голодные. Не то, что ерничать, даже расспрашивать не стал, только кивнул в сторону котелка с ухой и сказал, что через часик еще каши сварю. Умяли и то, и другое, и потребовали еще. А вот шиша им, не хватало потом через каждую версту остановки делать, ведь пронесет, если с голодухи до отвала нажраться.

В Вознесенский добрались через два дня, сдал Федору образцы глины на пробу и уже через час запрягал Лиску, дабы привезти домой два мешка с моими образцами.

Там же, на пристани, досрочно рассчитался с Алексашкой и Остапом:

— Сговаривались на срок в две седмицы, а получилось, как получилось, поэтому не обессудьте казаки, сами так порешили, вот по пять копеек и на том все.

Степану предъявлять претензий не стал, просто молча ушел, не маленький, разберется что к чему, а вот с Акимом уже отчим побеседовал. Нет, лучше бы я сам с ним поговорил, Асата даром, что мелкий, но зело злой мужик в нравоучениях. За сырьем для стекла отправился уже с другой командой, хотя Степан накануне сам заявился к кузнецу и повинился — есть совесть у человека. Почему не стал говорить со мной? Так, не смотря на то, что сговаривался с пацаном, казак не считал возможным решать с ним серьезные вопросы, вот такие сейчас выверты сознания у людей.

Отказываться от услуг Степана мне было вовсе не с руки, нельзя сейчас без силовой поддержки, да и рекламная акция, будь она не ладна, ведь это переход совсем в иной статус. Даже эта неделя многое изменила в нашем околотке, уже мало кто позволял себе без всякого уважения крикнуть мне: 'Васька, подь сюды!', все знали, что у этого Васьки и казаки в найме, и старец с монастыря в случае чего просто так сироту обижать не позволит.

Кузнец не стал в разговоре с казаком вплести кружева из слов, а прямо выговорил служаке, что если нанялся, должен свою ответственность перед нанимателем понимать, а то стоило поманить, даже не блеском серебра, а только слухом, так сразу все свои обязательства забыл. Учудил бы такое на службе в своем десятке, плетью бы не отделался. Вроде задумался служивый, надеюсь впрок пошло.

Позднее мне рассказали, чем закончилась погоня. А ничем она не закончилась, двое

суток воевода успешно отбивался от казаков, удачно маневрируя по реке на дощаниках, и даже сумел нанести немалый ущерб преследователям, протаранив две лодки. От abordжа тоже сумел отбиться, хотя говорят — за малым устоял. На третий день Ангара вошла в узкое русло, зажатое между высокими сопками, и преследователи потеряли преимущество в численности, так как были вынуждены вытянуться в цепочку. Дальше преследовать Савелова смысла не было, такая Ангара была почти до самого Братского острога. Да уж, эпическая битва.

А мои беглецы в общем веселье поучаствовать так и не смогли, ну что можно сделать на маленькой лодке, да еще не прикрытой щитами? Даже близко не подойдешь. Поэтому, когда все закончилось и уставшие до крайности иркутские казаки причалили к берегу, Степан получил от ворот поворот, да еще пригрозили плетью отходить, чтобы под ногами не путался. Я так думаю, это кто-то злость на них сорвал за неудачу, нашли крайнего. Так как впопыхах мои казаки припасами не озаботились, обратно пришлось впроголодь добираться. Ничего будет им впредь наука.

— Это ж куда такое богатство? — Ошарашено смотрел отчим на серебро. — На всю оставшуюся жизнь тебе хватит.

— Нет, не хватит, — возразил я, — это только кажется, что здесь много, а на самом деле дай Бог на два заводика хватит. Если учесть не только чеканку, то в этой сумке тысяча сто полновесных рубликов. Да и не расплатишься ими сразу, тут потихоньку надо их в дело пускать, хорошо хоть мелочи много.

— Это да, — согласился Асата, — об этом серебре молчать надо. Не вздумай матери сказать, хоть она у тебя и разумница, а все одно баба, язык может не удержать, в запале выболтать. Так что надо разделить на части, да прикопать в разных местах по-тихому, от греха подальше.

Вот так, отчим сразу въехал в наши трудности, и эти деньги без сожаления отделил на будущее, поэтому его поведение внешне почти не изменилось, только уверенности больше стало, и масштабность в будущих проектах проявилась, на мелочи перестал размениваться.

Глина и песочек получили высокую оценку Федора, но это я узнал по своим 'каналам' в разговоре же со мной монахи кривились, мол, все, что ты привез, совсем не айс, но за неимением лучшего сгодится. Наивные чукотские парни, хотели таким образом сбить цену. Ага, нашли дурака... Хм, опять я, ведь их понять можно, они пока дурака перед собой и видели, торговались долго, даже мой четко расписанный расклад, кому, чего и за что надо будет платить, их не убеждал. Но все равно пришли к общему знаменателю, просто не могли не прийти — до того, как станет река, подрядился поставить им в монастырь четыреста пудов глины, полтора пудов песка и всего десять пудов поташа. Мда, с поташом кто-то дорогу мне перебежал, скорее всего, Федоров со смолокурной заимки на Иркуте, но тут уже ничего не поделаешь, закладывать хозяина в приказ нельзя, станет известно, греха не оберешься. Остается только здоровая конкуренция, надо ставить добычу поташа на поток и понижать издержки производства. Тут ведь не объемы мне нужны, а сам факт договора с монастырскими, а потом поди узнай сколько я поташа добыл, десять пудов, али сто десять. И кстати, нам с отчимом тоже надо думать, где свою смолокурню ставить, без угля ни стекла, ни меди, ни железа не выплывишь, ну а так как объемы работ предстоят большие, то и дело это придется ставить основательно. Медь монастырь мне не продал, а согласие на выплавку руды дал, причем под контролем доверенного человека, соглядая, а в качестве налога

забирал треть, остальное тоже должно было храниться на территории монастыря и выдаваться на производство медных изделий, которые в свою очередь надо было предъявить позднее в виде готовых медных изделий. Узурпаторы! Ладно, все равно хрен они смогут все учесть, ведь мы не только чистую медь на изделия пускать будем, бронзу и латунь никто не отменял. С бронзой и сейчас проблем нет, олова много и никто его не учитывает, просто лить и обрабатывать потом его много сложнее, а вот когда пойдет латунь, если сумеем цинк добыть, вот тогда все наоборот.

Наметился прогресс и с самоваром, у Лу действительно оказались золотые руки, кудесник, вот моя оценка его умения, из бесформенных кусков меди, он вытяжкой металла создал почти произведение искусства, да еще какое: в отполированных зеркальцах можно было видеть свое отражение, только оно несколько искажалось, но так даже интереснее. Жаль, что вся эта полировка максимум на месяц, уж слишком быстро окислялась медь, а когда ее чистить будут, она уже не так блеснуть станет. Можно, конечно и лак сварить, да покрыть самовар сверху, но то тоже не выход, лак быстро потрескается на горячем, начнет лафтакми слазить и внешний вид изделия станет совсем непрезентабельным. Краник, правда подкачал, не смог его Лу из меди сделать, там литье, высокая температура нужна, соответственно печи и инструмент надо сработать, а это время, пришлось пока оловянный слепить.

Однако, все это потом, все промыслы, с середины августа и до конца сентября побоку, начинается битва за урожай, рабочие руки на вес... хотел сказать золота, нет, конечно, но очень востребованы, даже вся свора тунеядцев была привлечена к работе, кого пинками и плетью, а кого и хорошей кормежкой. Вообще-то не ожидал такого отношения здесь к бомжеватого вида личностям, если требовали обстоятельства, любой крепкий хозяин, мог без всяких рассусоливаний привлечь их к работе, не спрашивая согласия. Правда работниками они были, откровенно говоря, хреновыми, никакой инициативы, обязательно надо показать где, что взять, куда перенести и куда, и главное как, положить, ну как производственный автомат с ограниченным запасом функций, пока настроишь, семь потов сойдет, проще самому сделать.

К этому времени кузнец сделал по моему заказу еще четыре косы, будем проводить презентацию на тему повышение производительности труда в сельском хозяйстве. Сразу скажу, что показательное выступление косцов хоть и не вызвало ажиотажа, но заставило хозяев задуматься, а то хоть и получались снопы много аккуратнее при работе серпами, но косы по скорости скашивания вне конкуренции, а осенью каждый день на счету. Отчим на отсутствие заказов со стороны хозяев совсем не волновался:

— Надо, Михея на косы натаскивать, — заявил он мне, — к следующему году много заказывать будут.

Вот так, внешне хозяева интереса к новому 'оралу' не проявили, но многоопытного кузнеца не обманешь, он их всех как облупленных знал. Вследствие этого Михею привалило огромное счастье в виде дополнительных синяков и подзатыльников, нет, не мог Асата простить ему ту историю с угольком, так и будет всю оставшуюся жизнь помнить, а ведь вроде и не злой мужик. Заодно и заказ братскому купцу на крицу из Уды сделали, аж на тридцать пудов, через месяц должен доставить, вокруг Иркутска железа-то нет, хотя, что-то мне помнится, где-то в верховьях Китоя ГОК стоял. Надо будет в следующем году нанять рудознатца, пусть там поищет. Поймал себя на мысли, что раньше бы сам туда отправился, а

теперь решил чужой труд в этом деле использовать.

На заготовку ореха отправился с артелью, которую сорганизовал сам в основном из молодежи, решил немного сачкануть, не хочу по тайге с мешками бегать, лучше буду 'рукой водить'. Парни поначалу радовались, что при Ваське не так потеть придется, но позднее поняли, что сильно ошибались, загонять до беспамятства я их, конечно, не стал, но семь потов они у меня каждый день проливали. Зато и кормежку им обеспечил такую, что другие завидовали. Самое интересно, что сам я в конце срока еле ноги таскал, это только кажется, что нормальную работу организовать просто, а на самом деле десятки верст по тайге набегашь за день: с вечера надо пробежаться по округе, чтобы определиться с участками для битья ореха, потому как не каждый подойдет; распределить с утра пятерки, да так чтобы не пересекались; готовый орех снести к реке, чтобы на лодке сплавить в Иркутск; поискать новое место для лагеря, так как на одном месте сидеть больше четырех дней не получается; ну и учет и контроль никто не отменял. Сачканул называется. Сидя у костра и вяло отгоняя мошкар, как мог, массажировал перетруженные за день ноги, и это в моем-то возрасте, ай — ай, совсем не бережете вы себя Василий Алексеевич.

И ладно, вот доберусь домой и отдохну. А потом начнется новый этап моей жизни — нас ждут великие дела. Где там мой чаек с саган-дайлей? Умм...

В иркутском остроге снова брожение — приехала семья воеводы и сразу начались терки. Не доехал назначенный Москвой воевода до своего места службы, сгорел от горячки в середине пути, вот его семья, состоящая из жены, то есть вдовы и малого дитяти, теперь уже сироты, и доехали до места назначения в одиночестве. Такое часто бывает в эти времена, болезней много и многие из них не излечимы, одна черная оспа чего стоит. Хотя меня кое-что, все-таки шокировало. Представьте себе, все начинают жутко паниковать, когда появляется подозрение на чуму, вводится жесточайший карантин, по возможности бьют в колокола и днями и ночами, люди прячутся по домам и лишний раз на улицу не выходят. Тут все понятно, эта болезнь не раз полностью Европу опустошала. А вот оспы не боятся, карантин не вводится, в колокола не бьют, хотя народу мрет ничуть не меньше. А самое противное, что обычная простуда уносит жизней куда больше, чем чума и оспа вместе взятые. Вот такие выверты в сознании людей.

Так вот, приехавшая в Иркутск вдова на полном серьезе предъявила права на правление иркутскими землями своим сыном, который еще под стол пешком ходит. Тут уж вся кремлевская знать малость офигела, добро бы за этой женщиной стояли опытные соратники ее мужа, которые могли взять всю полноту власти в свои руки, тогда еще можно было бы, чисто теоретически, рассмотреть возможность передачи власти. Но у вдовы никого знакомого из серьезных мужей не было, и все ее пожелания сводились лишь к тому, чтобы получить полный контроль над казной. В итоге боярские дети женщину проигнорировали, а чтобы кремль не оставался без власти, объявили, что бывший иркутский воевода Перфильев так и не был снят со своей должности (указа-то не было). Вот поэтому пусть этот воевода и продолжает выполнять свои обязанности, а для того чтобы ему было сие не сильно в тягость, по причине почтенного возраста, выделили из своего состава помощника, читай второго соправителя. Что-то я слышал из истории города об этом периоде коллегиального управления, и, кстати, не таком уж и плохом периоде.

Однако, несмотря на благополучно завершившийся властный кризис, вдова не согласилась с решением большинства (еще бы, денежки-то мимо плывут), и отписала в Москву. Надо сказать, что пришедшее уже в следующем году из столицы подтверждение наследования власти дитём почившего воеводы, сильно позабавило кремлевских, и они устроили демарш, мол, если женщина так настаивает, то пусть берет власть в свои руки. Но вместе с предполагающимися к должности плюшками, есть еще и кнут, и отвечать, в случае чего, придется серьезно, вплоть до плахи. Такая перспектива вдову не устроила, но в результате долгого торга ей удалось отщипнуть от казны кое-что на свое содержание. Молодец женщина. Думаю именно в этом и состояла конечная цель ее претензий, да и на будущее задел хороший сделала, сын-то растет, пройдет лет десять и уже никто не сможет оспорить права ее сына на власть. Но последнее она зря, сейчас в России нарождается новый принцип управления, а там такого маразма, как наследственное правление восточно-сибирскими землями не допустят, так что года через три лишится она своего источника дохода, а возможно и раньше в Тобольске чиновники тоже не спят.

Вступление на должность Перфильева отпраздновать не получилось, хотя многие пытались настоять, Евстафий Иванович такие настроения пресек сразу:

— Вступить на должность воеводы не праздник, а труд великий, ничего радостного в том нет. А кому хочется повеселиться, могу то устроить — в казне денег на содержание казаков мало, вот и повеселите служивых.

Слова его с делом не разошлись, до холодов все образовавшиеся недоимки были взысканы в полном объеме, это при Савелове, когда начались волнения многие халявили под всеобщее одобрение, а теперь все, шалишь, все что в казну не платил, будь добр принести. Ну, а если нечего, можно и до весны подождать, но там налог уже будет несколько иной — это уже инициатива самого нового воеводы, поддержанная, кстати сказать, всеми знатными людьми кремля. Но последнее понятно почему, они-то с налогов жили, и в прямом и переносном смысле, свой интерес блюли. Хотя надо отдать должное новой власти, хоть и поздно, но вспомнили и о погорельцах, дьяк самолично мотался по недостроенным дворам и утрясал погашение задолженности казны перед пострадавшими. Отчим ничего от казны брать не стал, но благотворительностью тоже не стал заниматься, и всю помощь переписал в счет будущего налога, оказывается, можно было и так сделать. Неплохо получилось, три года можно было теперь мытарей не ждать.

Окончательно рассчитаться с казаками казна, естественно не смогла, да и трудно это было сделать, содержать такую армию казаков без поддержки Тобольска иркутский острог был в принципе не способен, а после нерчинского договора, денег много не присылали, требовали сократить вольную армию. А как это сделать? Просто так служивых не выгонишь, они ведь и напрямую могут по заимкам налог собрать, а то и с самого воеводы стребовать. Причем все понимали, что постепенное закручивание гаек на казацкой вольнице приведет к тому, что первыми уйдут со службы наиболее подготовленные воины, а прочая крикливая шваль будет держаться до последнего, потому как податься им некуда. Но другого выхода не было и Перфильев, скрипя зубами, планомерно снижал содержание служивых.

Через неделю после моего возвращения с заготовок заявили казаки, Остап с Алексашкой, не получилось у них куда-нибудь пристроиться. Рановато, я думал они до весны гордость свою потешат, но видимо полная безнадега их быстро доконала, как и в прошлый раз снова пытались договориться с Асатой на продолжение службы.

— Я с вами не сговаривался, с Васькой договорились, — заявил он, как только понял о чем пойдет речь, — вот к нему и идите. Он добрый без меры, может и простит.

Вот мля, спасибо отчиму, я с ними всего на полмесяца сговаривался, а они требуют продолжение банкета, почти половину дня у меня на 'пляски с бубном' украли. Тут ведь какая у них трудность была? Напрямую со мной разговоры вести вроде как неуместно, а другого способа придумать не могут. Попытались было через Степана, но тому я сразу сказал, что у него у самого рыльце в пушку, а он еще за таких же просить пытается, в конечном итоге, уж не знаю как, они уговорили старого Брагу выступить поручителем. А тот времени терять не стал, вызвал меня и надавил авторитетом. Я прекрасно понял мотивы старого казака, ему на мои проблемы было, по большому счету, плевать, он о своих заботился, и церемониться со мной не собирался. Не уступить я не мог, потому как ссориться с казаками себе дороже, поэтому, повякав для приличия, уступил, но тут тот случай, когда, проиграв битву, выигрываешь войну. Брага теперь мне должен, хочет он или нет, но сам того не подозревая он сделал шаг к созданию некой охранной организации, которая будет вынуждена хоть как-то опекать работодателя в моем лице, и несмотря на заступничество с его стороны, рулить ими будет не он. И я не я буду, если эти два ушлепка не отработают у меня все до последней копейки, и не потому, что я на них заимел зуб, как

раз наоборот, а потому, что нужно всем показать кто в доме хозяин. Как только появилась возможность отослал их с глаз долой в опасное путешествие к бурятам, вверх по реке Куда, до того места, где много позже обосновалось село Бозой. Дело в том, что уже в наше время там были разведаны большие запасы угля, то месторождение, которое было разработано еще в советское время, меня совсем не интересовало, так как находилось оно в стороне от речки, а потому возить добываемый уголь пришлось бы возами. А вот разведанные запасы угля рядом с рекой можно было попытаться использовать, так как возить уголь на лодках, да еще вниз по течению достаточно дешево. В мое время Куда была мелкой речкой, временами ее русло даже пересыхало поэтому никаких лодок по ней провести было нельзя, в вот в веке 17-ом с ней нужно было считаться, во время весенних паводков река на равнинной части выходила далеко из берегов, заливая большие пространства. Вот и пусть эти двое поморозят свои задницы при охране бригады бурильщиков, и заодно сделают полезное дело. Жаль, конечно, что уголек, который они разведывают, не коксующийся, да и сера в нем есть, и в производстве железа его не используешь, но тут уж ничего не поделаешь, под Иркутском, по-моему, вообще таких углей нет. Ну и ладно, зато в качестве топлива этот уголь будет вне конкуренции. Кстати, о бурильщиках я не для красного словца сказал, бурильщики на самом деле в эти времена были, и прежде чем решали копать колодец, их приглашали проверить глубину, на которой присутствовала вода. Бурили они, конечно, не на большую глубину, всего-то на шесть саженей, именно такой длинны у них был деревянный ствол бура, на конце которого намертво крепилась железная коронка. Работать с таким буром было непросто, попробуй его потягай, через каждые полметра бурения, хорошо если глина или песок попадется, бур его просто в сторону выдавит, а так, уперся в песчаник, и тягай его постоянно на поверхность, глинистого раствора то нет, вымывать раздробленный в крошку камень нечем. Ну а уперся в гранит, все амба, ищи другое место. В качестве проверки профессионализма загнал их за реку Иду, туда где потом образовалось предместье Рабочее, и велел забуриться в трех местах-. Как и следовало ожидать, на глубине в три сажени в двух местах наткнулись на угольный пласт, правда толщина у него была небольшая, всего в аршин, но важен был сам факт. Штольно что ли в этом месте поставить, бозойский уголек когда еще будет, а здесь вот он, рядом. Хотя и немного, зато под боком, а там, под гору вдруг пласт толще пойдет, недаром же горел уголь под горой в девятнадцатом веке.

— Глашка, сколько раз было говорено, за Гнедкой смотреть, чтобы на лютик не выходил? — В сердцах выговаривал дочери Данила Рябой. — Смотри, как раздуло болезного, чего теперь делать?

— Тятя, смотрели мы, хорошо смотрели, не подходил он к лютикам, — оправдывалась мелкая, — да вон и Ванька подтвердит, там болотце, не прошел бы он никак. А Гнедку уже второй раз так раздуло, в первый раз в Семеновой пади было, а там лютик совсем не растет.

Данила в отчаянии отмахнулся от объяснения дочери, он и сам понимал, что Глашка вряд ли хоть на полчаса оставляла коня без присмотра, но поделаться с собой ничего не мог,

должен же хоть кто-то быть виноват. А что именно произошло с конем, догадаться не трудно, двадцать лет трудяге, а это срок для крестьянской лошадки предельный. Еще два года назад планировал смену Гнедке вырастить, да не сложилось пал конек, а другого только месяц назад выменял, в силу еще не вступил, только на следующий год под упряжь встанет. Недотянет Гнедко до Иркутска, никак недотянет, придется свой невеликий скарб по другим возам распахивать, благо не один на край земли отправился. Вот что теперь с телегой делать. Продать ее тут некому, все такие же бедолаги.

Поначалу-то шибко горевали, когда подьячий о переселении в Сибирь объявил, думали жизнь на этом и закончится, но когда прибыли в Томск рассудили, что не так уж и страшна эта сибирская земля. Однако на этом все не закончилось, и из Томска отправили дальше, сначала в Красноярский острог, а потом и далее в Иркутск. Почитай три месяца в дороге, а за это время много чего приключилось, младшенькая вот сильно болела, за малым Бог не прибрал, хорошо в селении по пути местный шаман силен оказался, выходили дитя. Батюшка в Красноярском за шамана шибко на Данилу осерчал, даже епитимью наложить хотел, но сжалился, все же за свою родную кровиночку отец через себя перешагнул. А вот корову свою, кормилицу, не уберегли, чего то там с голенью у нее приключилось, не смогла в обозе держаться, вот тогда и пришлось обменять ее на стригунка.

Ладно, выхода-то все равно нет, пристраивались в конце обоза, потому как несварение у коня получилось нешуточное, и газы отходили с громким звуком. До брода на Белой добрались к вечеру и сразу стали располагаться табором, ибо река из-за осенних дождей была на прибыли и тот небольшой плот, который использовался для переправы, требовалось хорошенько укрепить. Так как по утрам уже всю властвовали заморозки, спать ложились, используя абсолютно все, что могло хоть немного помочь в сохранении тепла, даже мешковину сверху накинули.

Утром мужики принялись махать топорами, добавляя на плот дополнительный настил:

— Ляксандрыч! — Обратился, поставленный следить за плотниками казак, к старшине. — Слабоват плот получается, надо бы новый сладить, а то на стремнине разбить может.

— Не, на новый у нас еще день уйдет, и так здорово задержались, — возразил командир, — смотри, чтобы крепче вязали.

— Так тут смотри, не смотри, все одно подгнил, — возразил служивый, — да и нижние бревна замekli, видишь как низко сидит, под грузом почитай весь в воду опустится.

Но это возражение не смутило стратега:

— Тогда пусть передок у плота надставят, его течением приподнимет, вот и не утопнет.

На такое распоряжение казак только головой покачал, слишком сильно рисковать придется, а смысла в том не было, однако начальству виднее, поэтому и настаивать дальше не стал.

Плот для переправы получился тяжелый, он глубоко погрузился в воду и создавал нешуточное сопротивление течению, если бы не надставленный передок плота, вода обязательно бы захлестнула через верх. Все семейство Данилы и соседей разместились на плоту после четвертого рейса ненадежного плав средства.

— Давай! — Махнул рукой казак и люди на другом берегу реки дружно взялись за канат.

Полоска воды между берегом и плотом быстро увеличилась, а сам плот стало сносить ниже по течению. Вода вокруг забурлила, и часть потока просочилась между бревнами,

Глашка сразу запрыгнула на телегу, где сидел ее брат, и поджала ноги. Забеспокоился и Гнедко, громким всхрапом выражая свое несогласие с таким положением дел. Но мужики особого беспокойства не проявляли, вяло подруливая у края плота двумя веслами, поэтому все успокоились.

— Федор, смотри, дощаники сверху идут, — кивнул один из кормчих другому, — не шибко сильно-то их нагрузили.

— Так правильно и сделали, — кивнул напарник, — это они здесь сплавом идут, а на Ангаре им придется сильно веслами против течения махать.

Глашка повернулась посмотреть, о чем идет речь, и действительно сверху спускались две большие лодки, без спущенных на воду весел. Постепенно расстояние между плотом и дощаниками стало уменьшаться и чем дальше, тем быстрее, это мужики на противоположном берегу крепче уцепились в канат, чтобы быстрее проскочить течение на стремнине и уменьшить снос плота.

— Федор, никак топляк на нас идет? — Всполошился один из мужиков на веслах.

— Ага, идет, — подтвердил напарник, — но вроде мимо несет. Давай на всякий случай дальше в сторону отгребем.

Но видимо что-то пошло не так, гребцы быстро наращивали свои усилия, а в их глазах уже появилось нешуточное беспокойство.

— Держись! — Вдруг крикнул один из них и, бросив весло, вцепился в бревно плота.

Естественно Глашка ничего не успела, да и за что ей держаться? За телегу?

Как такового удара топляка об плот не было, последний просто наскочил на топляк сверху и плавно его перетек, однако последствия такого перетекания оказались фатальны — бревна плота, лишившись части скрепляющих веревок, просто рассыпались и отправились в дальнейшее плавание уже по своим маршрутам. Телега, на которой сидела девица, резко накренилась и сбросила её в воду вниз головой. Вода сразу тугой струей ударила в нос и проникла до самого горла, вызывая неконтролируемые приступы кашля. Глашка отчаянно задвигала руками пытаясь развернуться и выбраться на поверхность, но не тут-то было, платье мгновенно намокло и плотно охватило ноги, утаскивая девушку на глубину. Вдобавок ко всему, что-то сильно ударило ее по голове, на время лишая сознания. Именно последнее спасло ей жизнь потому, что очнулась она, когда кто-то уже вытащил ее голову на поверхность, судорожные попытки вдохнуть как можно больше воздуха и последовавшие за этим мучительные приступы кашля, заставили тело согнуться в конвульсиях

— Тихо! — Рывкнул кто-то сзади, поддерживая голову за волосы. И чуть спустя уже тише добавил. — Успокойся, терпи, не дергайся, или оба не выплывем.

Как ни было плохо Глашке и как ни скручивало тело спазмами страха, она постаралась не делать лишних движений, хотя и несильно получалось.

— Вот и хорошо, — тут же похвалили ее.

— Васька! Лови! — раздался чей-то крик, и поблизости в воду шлепнулась веревка.

На лодку девушку выдернули из воды одним движением и тут же наклонили, перевесив вниз головой через борт к самой воде. Из легких сразу хлынула вода, а следом вместе с кашлем и из желудка.

— Всё, всех подобрали! Даже вон стригунка выловили. — Звучно рыкнул густой бас. — Правь к берегу, да накиньте чего потеплее на людей, как бы их до костра Холодная не скрутила.

Глашку вернули на лодку, накинули сверху толстый армяк и посадили на какие-то

мешки в центре лодки, вместе с остальными спасенными. Она вцепилась в полы армяка побелевшими руками и, непрерывно трясясь от холода, и продолжая откашливаться, непроизвольно уставилась на парнишку, который стоя напротив нее в одних штанах выжимал свою рубаху. Парень отбросил выжатую рубаху в сторону, достал из лежащего рядом холщового мешка сухую одежду и повернулся к Глашке:

— Отвернись красавица, — задорно улыбнулся он ей, — а то, смущаюсь я, не могу переодеваться под присмотром твоих черных глаз.

Мужики на веслах беззлобно рассмеялись:

— Смотри Васька, вот тебе и невеста, раз спас будь добр посвататься.

Только что девушка тряслась от холода, а тут ей в одно мгновение стало тепло, и едва заметный румянец украсил щеки, не будь она настолько замершей, её бы вообще кинуло в жар. И куда только кашель подевался? Глашка быстро повернулась всем телом на мешке и уставилась на приближающийся берег.

— Все, можешь повернуться обратно, — спустя некоторое время сообщил ей паренек.

Но девушка продолжала сидеть в прежней позе, мол, мне и так хорошо. Снова раздались смешки мужиков. Парень подошел ближе:

— Да ладно, не обижайся, — мягко попросил он ее, — люди здесь хорошие подобрались, без всякого злого умысла зубы скалят, радуются, что всех сумели запросто у смерти отбить. Как звать-то тебя, красавица.

— 'А и точно', - подумалось Глашке, — 'они же всех из воды вытащили, а я тут характер показываю'.

— Глафирой нарекли, — подала она голос.

— Глаша, значит, — тут же откликнулся парень, — у греков так называли искусниц. Да ты запахнись получше, а то тут ветерок дует, я-то в сухое переоделся, а тебя переодеть пока не получается. И родные твои, как видно на другой лодке оказались. Ничего сейчас к берегу пристанем и к костру вас спроводим, там отогреетесь и обсохните.

Не перевелись на Руси добрые люди, к кострам у которых расположили пострадавших, потянулись переправившиеся обозники, принося с собой необходимую сейчас сухую одежду. Мужики возле костров натянули веревки, на которых развесили все, что нуждалось в сушке.

— Вот так Глашенька, — причитала мать, помогая дочери переодеться, — сгинул наш Гнедко в темной пучине со всем что нажито. Остались мы ни с чем, только стригунка и выловили, придется нам теперь по людям побираться.

— Ничего, главное живы остались, — возражал ей муж, подкидывая в костер хвороста, чтобы стало побольше жару на первое время, — Бог не дал пропасть, да и мужики на лодках обещали телегу баграми поискать, что-нибудь да выловят.

Выловили. Правда далеко не сразу, уж слишком сильно было течение, но нащупали на глубине, зацепили кошками и затащили на отмель сначала одну телегу, с утопшим конем, а потом еще чуть ниже по реке обнаружили и вторую.

— Хозяева, — крикнул мужик с причалившего к берегу дощаника, — идите посмотреть что ваше.

На удивление достать со дна реки удалось довольно-таки много, почти все железо и часть одежды, это потому, что они были хорошо привязаны к телеге, остальное естественно пропало.

— Телеги ваши на отмели, пока что, — меж тем продолжал отчитываться мужик, — туда надо просеку рубить, чтобы забрать, но это уже без нас с обозниками сговаривайтесь, а

мы поутру дальше вниз по реке пойдём.

Ближе к вечеру пришел старший каравана и долго торговался с переселенцами по вопросу компенсации убытков. В конечном итоге, за утраченное по вине перевозчиков имущество отец Глашки сумел выторговать два рубля, что, в общем-то, было неплохо, учитывая, что цена на рабочую лошадь, как ему сказали, была на уровне рубль с полтиной. Однако проблем это не решало, здесь и сейчас, коня взять было негде, да и телега нуждалась в серьезном ремонте, поэтому, хорошо поразмыслив, переселенец направился к артельщикам дощаников, которые расположились на ночь неподалеку.

— Здравствовать вам, честной народ, — обратился он к сидящим у костра.

— И тебе здоровья, — ответил ему мужик с густой окладистой бородой, — как там твои домочадцы, помню вроде старшенькую-то с воды сильно скрутило.

— Да, все хорошо, обошлось, слава Богу, спасибо вам мужики, не дали в пучине сгинуть.

— Вот и ладно, — кивнул ему собеседник, — садись поближе к огню, поведай: откуда родом, куда путь держишь.

Чиниться Данила не стал, с благодарностью принял от мальчика большую кружку душистого взвара и принялся неспешно описывать свою мудрёную жизнь.

— Так говоришь, по приказу тебя в Томск отправили, а потом уже в Иркутск? — Спросил мужик. — Так ты с весны постоянно в дороге? Да, досталось вашему семейству.

— А тут вот потоп, значит, — вздохнул переселенец, — теперь ума не приложу, как дальше жить. Строиться надо, да когда ж теперь до морозов успеть, видимо придется до весны на постой к кому проситься, да и на следующий год будет не мед, Стригунок хорошо, если к концу следующего лета в силу войдет.

— А ты сильно не горюй, — хмыкнул бородатый, — у нас и в худшем положении в прошлом году люди бывали, однако ж живут. За год и дом новый отстроили, и дело свое завели, всем на зависть.

— Дядька Аким, попей еще взвара, чаек-то дюже хорош. — Встрял малец, протягивая старшему кружку.

— Во, видал? Не хочет, чтобы об этом говорили, хоронится, не любит огласки. — Кивнул Аким на подростка, но от чая не отказался.

— Так это, ты о нем что ли? — Уставился Данила на мальчика.

— О нем, о ком же еще, — подтвердил мужик, — погорелец он, сирота, с матерью и малыми под осень без дома остался. Тогда многие без угла остались, испугались, тоже думали, что жизнь к концу подошла, а ничего, землянки большие успели сделать, утеплились, печи с трубами поставили, да и зимой не ленились. Так это, Васька?

— Да ладно тебе, дядька Аким, — смутился паренек, — повезло просто.

— Ага, повезло, — хохотнул мужик, и его поддерживали остальные, — что-то другим до этого не очень-то везло. Без дела ты не сидел, вот и везло, а если бы как другие сидел горем убивался, не стал бы тебе Бог помогать.

— Дык, мне тоже некогда убиваться, — напомнил о себе Данила, — однако ж на зиму где-то придется приткнуться, отстроиться до морозов точно не успею.

— Да где ж тут успеть, — согласился Аким, — последние теплые денечки, первый снег скоро должен лечь, да припозднились вы. Один путь вам всем, к монастырским в залог идти, а те потом отрабатывать заставят, помогут на рубль требуют три.

— А может в Иркутске зимние промыслы есть, — с надеждой спросил переселенец, — я бы нанялся, все одно без своего хозяйства зимой делать нечего.

— Есть, почему не быть? — Аким стрельнул глазами в сторону мальчика. — Но тут надо с хозяевами сговариваться.

— А кто эти хозяева?

Бородатый, кивнул, подтверждая правомерность вопроса, потом сделал хороший глоток из кружки и, крикнув от удовольствия, ответил:

— Ну, перво-наперво — монастырские, они небольшой кирпичный и стеклянный заводы поставили, вот для печей глину везем. Для кирпича и печей леса много нужно, пока сами монахи его рубят, но ближний уже вырубил, вырубка дальше ушла, сил у братии не хватает, так что народ на подряд берут.

— Так то на подряд. — Вздыхнул крестьянин. — А с телегой и лошадью у меня сейчас беда.

— В артель вступи, вместе всяко проще будет. Еще нерпу зимой бьют, но это когда лед на Байкале крепче станет, и уже к весне, когда белек нарастет, но для тебя это не подойдет, там рыбаки ватагой в поход идут месяца на два и работы много, а расплата только к лету, когда жир тюлений да шкурки белька продадут.

— Да, — согласился Данила, — зиму так с семьей не протянешь. Ну а в самом Иркутске?

— В самой слободе...? — Аким снова стрельнул глазами в сторону Васьки. — В самой слободе сложнее, там простой работы нет — промысел надо хорошо знать. Есть там и столярное, и кожевенное дело, и ткани красят, да много чего есть, но сам понимаешь, к такому делу со стороны не подпустят. Там больше по-родственному или по знакомству. Только если известь жечь наймешься, но копейка малая.

Да, из полученной информации картина вырисовывалась не очень радостная, либо ты идешь под монастырь, либо куда-то на высылки.

— Ну а воевода чего? — Вскинулся крестьянин. — Выписывали же нас из Томска зачем-то?

— Так воеводе на роду написано поселенцев просить, — принялся разьяснять Аким политику партии переселенцу, — ему же под ваше поселение должны деньгу выделить, а в будущем еще с вас мытари деньгу в приказ возьмут. Так чего ему переселенцев не просить?

— Куды ж тогда податься? — Окончательно скис крестьянин. — Мне эту зиму без работы никак не пережить.

— Кхм..., - обозначил свое присутствие бородач, и, бросив в очередной раз быстрый взгляд на паренька, продолжил, — не мое это дело, конечно, но как доберешься до слободы подойди к кузнецу Асате. Слышал я, собирается он заводик медный ставить, даже печи уже начали ладить. С работниками у него, конечно, недостатка не случится, но тех, кто не на сезон, возьмет без очереди, главное чтобы с понятием человек был, да не ленился.

— А точно возьмет? — Спросил с надеждой Данила. — Ни с железом, ни с медью я ране дел не имел.

— Вот уж не знаю? — Развел руками Аким. — Тут как ему глянешься — кузнец мужик серьезный, хоть сам и не вышел здоровьишком, а лишний раз не пожалеет.

— Тогда остается только до слободы добраться, — вздохнул крестьянин, — а у вас на дощаниках места не найдется?

— Хм... — В замешательстве бородач, в который раз, посмотрел на Ваську, но тот старательно палкой подпихивал в костер несгоревшие части веток, и казалось, не обращал внимания на разговоры взрослых.

Аким вздохнул, вроде бы он и хотел оказать помощь попавшим в беду, но принимать решение, не посоветовавшись с работодателем, не мог:

— Ты вот что, Данила, с утра подойди, — решил взять паузу Аким, — надо посмотреть сможем ли мы твоё семейство разместить.

Крестьянин дураком не был, и сразу понял, что гребцам надо обсудить вопрос без его присутствия, поэтому быстро распрощался и отправился к своей семье.

— Ну, что скажешь, Васька? — Спросил Аким когда Данила ушел к себе.

— А что тут сказать? — Ухмыльнулся подросток. — Дай бабушка воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Мужики грохнули хохотом на всю поляну:

— Это да, сразу чувствуется хитрая закваска.

— Ну а если серьезно говорить, — продолжил меж тем Васька, — то согласие, дядька Аким, ты уже дал. Не будешь же ты ему завтра говорить, мол, мы подумали и решили, что места у нас и так мало. Пусть грузится, почему не помочь? Вот только вмешиваться в дела отчима я не стану, тут уж как оно само выйдет, а понравится работник Асате, так тому и быть.

Мужики у костра расслабились и стали потихоньку травить байки, имевшие отдаленное сходства с данной ситуацией.

— Слышь, Васька, — приподнялся бугай на локте, при этом его глаза хитро сверкнули отблеском костра, — признайся, понравилась тебе девка, что на самую глубину за ней нырнул.

— А причем здесь 'понравилась' или 'не понравилась', — пожал плечами подросток, — за любой бы нырнул. Приятно, конечно, потом узнать, что такую красавицу со дна реки вытащил, но когда в воду кидался, об этом не думал.

— Вот теперь и подумай, — рассмеялись вокруг, — а то ведь у Михайло не залежится, давно себе невестку присматривает, перехватит девку.

— Не мужики, то не моя зазноба, — невозмутимо заявил Васька, и принялся нарочито рассуждать, — тут ведь как, женишься, хозяйку в дом приведешь, а там уже три есть.

— Это кто же? Ты про сестру свою, что ль речь ведешь? Так она еще носом не доросла.

— Носом не доросла, — согласился подросток, — а вот характером любую бабу переплюнет, а если еще и малявку ей в помощь прибавить, то молодой жене житья совсем не будет. А значит, придется отделяться, свое хозяйство заводить, а потом детишки пойдут, где уж тут будет молодой жене одной справиться.

— Это да, — согласно закивали мужики, — отдельно прожить трудно будет, придется свекровь к себе выписывать, а там и братика ее, да и отца. И опять получится, дай бабушка воды напиться...

— Вот, вот, об этом-то я и говорю, — Васька нравоучительно поднял палец, — когда будет время делом заняться? А Михайло пускай сватается, но только после того как присмотрятся друг к дружке, а то ведь насильно мил не будешь.

— Ох, ну и навел тень на плетень, сказал бы просто, мол, женилка еще не выросла, — подал голос бугай.

— Ну, откуда мне это знать? — Под общий хохот подросток пожал плечами. — Тут только время покажет, а вот тебе, Михайло, действительно о женитьбе подумать надо, а то решат, что изъян какой.

Мужики незлобно тут же начали подначивать бугая.

— Эге, — после некоторого времени догадка осветила лицо Махайло, — ловко ты на меня разговор перекинул, а сам выскользнул точно налим. Ты лучше скажи, чего тебе в девке не нравится, раз от нее отказываешься?

Все притихли и вопросительно посмотрели на подростка, то, что девица не может не нравиться в таком возрасте понимали все, но было интересно, как именно Васька обоснует отсутствие интереса.

— Эх мужики, — картинно вздохнул малец, — разве может не нравиться девица-красавица? И 'красотою лепа, червлена губами, бровями союза', и телом справна, и говор у нее такой, что ручеек журчит — дух захватывает, да только..., - подросток тяжело вздохнул и уставился на костер.

— Чего, 'только'? — Мужики затаили дыхание, пытаясь расслышать причину.

— Как чего? — Васька тряхнул головой. — А гулять-то когда — женилку отрачивать?

Тут поляна снова потонула в громком безудержном хохоте.

Печи успели просушить до морозов, и тиглей нужного размера наделали с запасом. По поводу печей шибко с Лу ругался — совсем человек не привык экономить топливо, ему главное температуру в печи дать, а какими затратами она будет достигнута и дела нет. Тут ведь какая проблема, само дерево просто сгорая в притоке наружного воздуха требуемую температуру для выплавки меди ни за что не даст, поэтому в печи организуется как бы две топки, в одной топливо сгорает в избытке кислорода и сильно прогревает воздух, а уже подгребая образовавшиеся угли во вторую топку и добавляя дров в первую происходит нагрев до нужной температуры. При такой схеме дрова в топке полностью сгореть не успевают, потому как очень трудно держать оптимальный режим и часть топлива в виде продуктов возгонки просто вышвыривается в трубу. А если учесть, что при этом раскаленные газы тоже не используются, получается более чем расточительно. Это в будущем вынуждены обращать внимание на рациональное использование топливных ресурсов, так как цена на них очень высока, а сейчас люди просто не понимают, кому нужна эта экономия, им кажется, что если мало температуры, то достаточно напихать больше дров в печку и все будет хорошо. Не будет, это 'больше' просто вылетит в трубу, не решив задачу, да и где потом эти дрова брать. Ладно сейчас вокруг Иркутска леса более чем, и вопрос не в том, чтобы его сохранить, а в том чтобы от него избавиться, но будущее не за горами, пройдет лет двадцать и рубка леса уйдет в верховья рек, откуда будут сплавлять плоты. И к существующим затратам щедро прибавятся расходы на доставку топлива. А следом обмеление рек и изменение климата, хотя честно скажу, он и сейчас здесь довольно мерзкий. В конечном итоге моя точка зрения победила, правда пришлось трубу делать на две сажени выше, но это впоследствии окупится с лихвой. При первом пробном запуске печи убедились, что схема с предварительным прогревом поступающего через теплообменник воздуха, очень эффективна, на малом объеме дров получили малиновый цвет тигля, а это где-то под тысячу градусов, еще чуток и получим требуемые тысяча сто. Достичь тысячу четыреста, необходимые для избавления исходного сырья от серы можно будет уже с помощью добавки древесного угля, но это потом, сейчас нас интересует плавка меди, и получение медного проката.

Кстати, прокатный стан у нас тоже изготовлен, только станом я его назвал в шутку, на самом деле это два стальных валка, диаметром восемьдесят миллиметров и длиной сто пятьдесят и к обоим валкам приделано по большому штурвалу. Думал этого будет достаточно чтобы раскатать медный пруток в лист примерно двух метровой длины, из которого и будет изготавливаться корпус самовара, делать корпус цельнотянутый мне показалось слишком нудным процессом, гораздо проще его спаять — медь как-никак. Как потом оказалось, плохо я учил сопромат, примерно раза в три хуже, чем было надобно, усилия на валках оказались такие, что провернуть их через штурвал могли только очень сильные мужики. А катать нагретую медь не получалось, слишком узким оказался диапазон температур, при недогреве, как и при перегреве, медь становилась хрупкой, лист получался с трещинами, и в результате все снова отправлялось на переплавку. Гораздо проще оказалось делать промежуточный отжиг, хоть и приходилось 'отпускать' полосы по несколько раз.

Дальнейшую работу свалил на Лу, пусть отрабатывает свое китайское происхождение, у

меня были другие заботы, смолокурня и выделка поташа требовали постоянного контроля. Казалось бы, с поташом какая проблема, жги траву и ветки, да промывай потом золу, ан нет, если просто жечь ветки в кострах шиш нужное количество золы получишь, все вместе с дымом улетит в пространство. Тут надо жечь сырье медленно и печально, не допуская сильного открытого огня, так и тлеют потихоньку кучки по вырубкам, а между ними лениво перемещаются пара работников, поддерживающих технологический процесс. Получившийся после промывания золы щелок отфильтровывали в огромные бочки, куба на два объемом и уже из них после выпадения в осадок прочей гадости выпаривали. В общем-то никакой прогрессивной технологии в этот процесс я не привнес, да и какой там может быть прогресс, все просто, почти каждая семья для своих нужд получала щелок в необходимом количестве. Но вот последнюю стадию выпаривания мне удалось резко ускорить, и сделать ее относительно дешевой. При выработке древесного угля, большое количество тепла просто выбрасывалось в атмосферу, вот это тепло мне и удалось приспособить. Была сделана довольно-таки высокая башня, примерно с метр диаметром в верхней части, и в эту башню снизу выходили горячие газы, а сверху разбрызгивался щелок, пока капля летела сверху, она испарялась и вниз уже прилетала уже меленькая гранула поташа. Должен сказать, что хотя сам процесс выглядит довольно просто, подводных камней хватает: то дымовые газы идут с изрядной долей золы; то раскаленный поток закручивает так, что распыленный щелок отбрасывает на стенки башни и дальше он стекает вниз, оставляя по пути выступившие кристаллы поташа; то скорость газов такова, что готовый поташ начинает выносить наружу. Но все-таки процесс был отлажен и поташ пошел, а издержки на его добычу оказались значительно меньше, чем у конкурентов. Кстати, издержки на производство древесного угля тоже нас порадовали. Казалось бы теперь живи да радуйся, но нет, возникла другая серьезная проблема — куда девать избыток смолы, дегтя и прочих побочных продуктов? Пока проблема решалась просто, когда поняли, что серьезно затоварились, просто завернули поток продуктов возгонки древесины в топку, создавая дополнительную экономию дров, но моя жаба после этого проснулась и не давала мне элементарно спать. Чтобы все-таки наладить сбыт продукции требовалось применить технологию конкурентной борьбы из двадцатого века, т. е. обрушить устоявшиеся цены и разорить конкурентов. Однако к такому я был еще не готов, Федоров, мой основной конкурент, не просто так стал практически монополистом в производстве смолы и прочей скипидарной продукции в Иркутске, за ним стоит несколько казацких семей, в случае особенно наглого моего поведения могут и наехать не по-детски. Придется действовать осторожно, и вытеснять конкурентов постепенно, используя в качестве прикрытия купцов. И первым таким прикрытием для меня стал купец Гандыба Иван Федорович.

Вообще интересная фамилия у купца, услышав ее, я представлял себе человека если и не огромных размеров с устрашающей внешностью, то близко к этому, однако в очередной раз произошел разрыв шаблона. В объеме, имеется ввиду диаметр, купец выглядел весьма солидно, ничего не поделаешь, статус, а вот ростом, ликом и голосом подкачал, этакий колобок бородатый с тонким голоском, близким к фальцету. И как он купцом в первом поколении стал? Стоит задуматься, раз внешностью не вышел, значит деловые качества на высоте, в чем я имел возможность убедиться.

Гандыба встретил меня без предвзятости, хотя вообще удивительно, что он решил выслушать мальчика, но видимо слава о моей удаче уже успела достигнуть его ушей:

— Ну, рассказывай чего пришел? — Отложил он в сторону какой-то свиток.

Так, так, а ведь знаю я, что купец, несмотря на удачливость, малограмотный, читать-то записи своих приказчиков он еще худо-бедно может, а вот свитки читать увольте, уж больно там язык мудреный. И не то, чтобы буквы незнакомы, а так накручено и заверчено в витиеватых выражениях, что раз пять прочесть одно и то же приходится, чтобы разобраться в этих дееспричастных оборотах, о чем речь ведется. Рисуется мужик, и было бы перед кем.

Вот за что уважаю этого купца, так это за то, что ему для ведения дел возраст не помеха. Нет, уважения в его словах в мой адрес ни капли не нашел, но в том что касается бизнеса все очень четко и предметно. Торговались с ним долго, вроде бы уже все договорились и уже готовы ударить по рукам, но тут всплывает новый нюанс и снова идет торг. В конечном итоге сговорились, пристроил я всю свою побочную продукцию с довольно значительной скидкой, причем деньги в расчете не упоминались, все шло на уровне товарного обмена. Придется организовывать свой магазин, где свои же работники смогут отовариваться по льготным ценам, под запись. Вот он привет из будущего, пахнуло временами товарного дефицита в бывшем-будущем Советском Союзе, только ситуация иная, там деньги были, зато на них мало чего можно было купить, а здесь есть чего купить, а вот с деньгами напряг, хоть сам печатай. А может быть и напечатаю некий суррогат денег, вроде тех же талонов. Так или иначе, в результате расстались жутко довольные друг дружкой, а уходя, намекнул, что после праздников возможно снова заявлюсь к нему с некоторыми деловыми предложениями, от которых он если и сможет отказаться, то с превеликим трудом. Гандыба на такое мое выступление только посмеялся, мол, шутку твою оценил. Ага, как же, шутка, он теперь ночи спать не будет, и так и этак начнет прикидывать, о чем это я, потом сам трести меня станет.

Со смальтой у монахов пока чего-то там не получалось, то ли не могли температуру хорошую долго держать, то ли с составом намудрили, так или иначе, но вскоре меня снова выдернули в Вознесенский монастырь, для предъявления претензий. Хотя чего там предъявлять, все было заранее показано Залепину. Федора я нашел у печи, он в очередной раз пытался получить в тигле стекло, причем технологию получения стекла он выбрал двухступенчатую, это когда сначала получаем в тигле чушку смеси стекла с присадками, потом отбиваем от этой чушки наиболее чистую часть, а дальше вновь перемалываем это стекло с нужными присадками и снова плавим. Все бы ничего, но печь Федор сделал, без предварительного прогрева воздуха и, несмотря на применение в конце плавки древесного угля, долго держать стабильную температуру он был не в состоянии. Вот, о чем я раньше и говорил, попытка решить проблему в лоб привела только к огромному расходу дров и древесного угля. Стекло у него получалось неоднородным, с пузырями и скалывалось после формования толстых блинов как угодно, но совсем не так как нужно было мастеру.

Проблема решалась просто, именно так как и предлагал Лу, с организацией предварительного прогрева воздуха, через дополнительную топку, не эффективно, зато быстро. Тут Федор бьет себя по лбу и вспоминает, что для малой печи, а именно такую он и сложил, действительно требуется дополнительная топка. Наблюдавший за нашими выяснениями отношений монах тут же куда-то смотался, что, в общем-то, меня не насторожило, а должно было. Расплата последовала мгновенно, меня тут же потащили на глаза Зосимы:

— Два месяца назад я спрашивал тебя, откуда тебе ведомо, что для стекла поташ надобен, а ты мне ответил, слышал, мол, где-то. А теперь оказывается, ты не только о том слышал, но и про печи знаешь больше мастера. Рассказывай откуда тебе сие известно?

Вот засада, инквизиция в чистом виде, и как теперь выкручиваться? Вот откуда мальцу могут быть известны такие секреты, на старый опыт не сошлешься... Ха! На старый нет, а вот на новый запросто, запустили же печь для плавки меди, так чем она от другой отличается? И там и там нужно достичь температуры, свыше тысячи градусов, что для дровяного топлива невозможная задача, следовательно, сделаны они должны быть одинаково.

Так и выдал охреневшему настоятелю, мы же собирались медь выплавлять, а там температура даже большая требуется, вот оттуда принцип предварительного прогрева воздуха и взял. А откуда та печь взялась? А китаец нам на что? Вот к делу и приспособили. Фух, вроде отбредался, Зосима еще чуток посверкал глазами и успокоился, ну а я бочком, бочком и ходу, вот хрен они теперь от меня чего дельного дождутся, пусть сами разбираются со своими заморочками. Кстати, судя по тому, что на пустыре рядом с печью огромное количество черепков от тиглей, глины у монастырских на зиму не хватит, следовательно где-то к концу февраля опять затребуют привезти. Но тут уж их мужики обдерут, добывать глину зимой, это не летом, да пробивать дорогу по глубокому снегу, отбиваясь от стай волков, тот еще геморрой. Правда на этом мои проблемы в этот день не кончились, по Ангаре пошла ледяная шуга, еле уговорил лодочника переправить меня на другой берег, отдал за переправу 'гигантскую сумму' в две копейки. И пусть его, а то бы пришлось еще неделю в монастыре ждать, пока эта шуга превратилась бы в более или менее крепкий лед. Аж передернулся, когда представил себе такое. Вообще-то пора потихоньку снижать давление Зосимы на себя, он уже мной как своими иноками распоряжается, к весне подберу мужичка пожёстче, да передам ему все свои копи за пай. Как говорится, создам акционерное общество, где буду главным рулевым.

Кстати, та крестьянская семья, из которой была спасенная мной на реке Белой девица, поселилась в нашей землянке, отчим все же этого мужика решил на работу нанять, ну и сговорились заодно за малую часть оплаты на вот такое жилье, и при этом поселившиеся обиженными себя не считали. Тут и Дашка на правах бывшей хозяйки в гости туда зачастила, хоть дочка крестьянина и была ее старше, а все-равно сдружились на фоне общей любви к прикладному искусству. Оказывается, Глаша хорошо разбиралась в вязании пуховых платков, и платки выходили у нее ничуть не хуже, чем у зрелых мастериц. В результате соединения художественного таланта Дашки и умения Глафиры родился жутко красивый пуховый платок, который они потом умудрились сбыть на торгу за два гривенника. Вот тебе и первая неожиданность. Видя такое дело, я сразу предупредил Дашку, чтобы не увлекались, зарабатывать деньги нужное дело, но не стоит из-за этого на всю жизнь горб набивать, потому, как работа должна быть в радость, а не только ради лишней копейки. Пусть лучше мужики голову ломают как деньги зарабатывать, у женщин должна быть другая забота.

На днях толкался на торгу и увидел шкуру горных козлов... или баранов, до сих пор не знаю как называть, но рога у них мощные, крученые, а мех густой, и видимо очень теплый, не просто же так они в горах живут. Купил две небольшие шкуры, отнес скорняку, дабы сшил он мне теплую дубленку, а то никак не могу привыкнуть к здешним необъятным армякам. Нет, я понимаю, Сибирь, морозы, а сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто хорошо одевается, но нужно же и честь знать. Объяснял что хочу получить долго, особо подчеркнул, тулуп мне не нужен, должна получиться именно дубленка, легкая, теплая и в размер, без всяких 'на вырост', на один сезон делается. Посмотрим, как меня поняли, и еще узнал откуда

взялись унты, это когда решил остатки шкур на них пустить. Оказывается, вначале это были меховые чулки, которые сверху, чтобы не спадали, привязывались к ремню, но когда погода была теплее, и не надо было двигаться по глубокому снегу, мех сверху заворачивали и опускали вниз, на сапоги, перехватывая в месте сгиба ремешком. Просто в конце двадцатого века стали делать не полноценные унты, которые можно было растянуть на большую часть ноги, а нечто укороченное по типу шапки обманки, которая только имитирует настоящую шапку ушанку.

Однако время двигалось к рождеству, и я, помня данное себе обещание, решил снова заняться подготовкой к празднику, а так как на праздник планировал провести презентацию нашего самоварного чуда, то это полезное дело должно было выплеснуться из пределов нашего околотка в слободу.

— И зачем это надо? — Нахмурился отец Игнатий, выслушав мой бравый спич. — Днем службу по канону проведем, вот и праздник народу. А гуляния со скоморохами народу только во вред.

Вот ведь хрен старый, сам тут при свете лампад чахнет, хочет чтобы и другие так же. Ну уж нет, даже если уговорить не получится все-равно игрища проведем, но хотелось бы еще и сказку народу показать, а вот тут без благословения церкви никак не получится:

— Какие скоморохи? — Кривлюсь я, надеясь, что выходит это натурально. — Нам это ворье не нужно, народу и без них веселья хватит, да и откуда они здесь возьмутся? Просто, нарядим одного мужика в деда Мороза, запрежем в сани оленей, и пусть по слободе раскатывает, подарки народу раздает. А в помощь ему девиц нарядим, вроде как внучки его. И детишкам малым тоже праздник, пусть уж лучше все около деда мороза, под присмотром будут, чем по дворам колядовать пойдут.

Про колядки это я хорошо ввернул, Игнатия сразу перекосило, как черта от святой воды, давно он с этим борется. Согласился, но предупредил, чтобы ни одного скомороха на гуляниях не было. Вот чудак человек, ведь объяснил же, нет у нас скоморохов, казаки их вывели как класс, потому как шибко вороватый народец сей. Получив принципиальное согласие от представителя церкви, снова пошел на поклон к Гандыбе. Купец сразу почуял выгоду от организации народных гуляний, в эти времена, точно так же как и в будущих, реклама купцам была нужна. Хотя играла она совсем не ту роль, к которой мы привыкли. Ведь в будущем главным было донести до потенциального покупателя сам факт существования товара, и в чем он превосходит конкурентов, а здесь и сейчас купцу надо было четко обозначить свою состоятельность. Именно этот факт привлекал покупателей к его магазинам, ибо состоятельность продавца некая гарантия качества товара для покупателя. Самое смешное, что купец вытряс из меня весь предполагаемый сценарий праздника, а потом внес в него коррективы, в свою пользу разумеется, и заставил меня побожиться, что я никому и ничего... Наивный чукотский юноша, да стоит его приказчику со двора выбежать, как все его конкуренты будут знать чего и как.

Подготовку к празднеству начали загодя, сначала заказал изготовление факелов, двадцать факелов одна копейка, и чтобы качество было на уровне, предупредил, если хоть один прогорит меньше положенного времени вся работа впустую. Вроде бы за факелы малую цену определил, однако для полноценного празднования по моим прикидкам понадобится этих факелов около тысячи, а это уже хорошая денюга. Дорого. Но не мне при моих капиталах жаться, главное чтобы купцы своим размахом прикрыли.

Ну а дальше пошел в народ и в народ мне знакомый, а где именно у меня знакомый народ? Правильно, в основном это торговцы. А чего именно к ним? Так тут тоже все просто, люди эти отточили свой язык на торгу с покупателями, а значит, не будут тушеваться в случае чего, да и своих шуток прибауток у них на весь вечер хватит. Заказал шитье костюмов для сказочных героев, изготовление реквизитов для различных соревновательных мероприятий и нанял мужиков для выпиливания льда, будем строить ледяной дворец, как принято в Иркутске в двадцать первом веке. Остальные две недели до праздника полностью погрузился к отработке сценария, судя по тому, как шло, праздник должен получиться веселым. И Дашку с Глашкой тоже к делу приставил, они вместе с другими девушками принялись разрисовывать яркими красками ледяные глыбы дворца. Уговорил отчима сделать лезвия для коньков, сами-то коньки из дерева, а лезвия внизу из железа, немного заказал, десяток пар, и сам их опробовал. Получилось не очень хорошо, низкие они вышли, пожалел Асата железа, крутой вираж не заложишь, а именно в этом и есть основная прелесть коньков, но на первое время и так сойдет.

Чтобы празднество прошло без эксцессов, без которых не обходится ни одно маломальски значимое сборище, переговорил с Брагой и тот назначил десяток молодых казаков, которые были обязаны следить за порядком. Сегодня с утра они уже несли вахту. Думал, будут обижаться, мол, народ праздновать будет, а им службу тянуть, ан нет, наоборот, обилие девчат им по сердцу пришлось, вот и крутились в малиннике, прикрываясь обязанностями. В конце подготовки на лед выкатили небольшую пушку, это казаки решили таким образом известить о начале празднования. Выстрел хлопнул что надо, у меня в сорока метрах уши заложило, ведь знал, что холостой выстрел звучит гораздо громче, но не предполагал что настолько. Спустя минуту по моей команде девчата громко завизжали. Все, после такой рекламы ни один человек не останется в доме, все без исключения побегут смотреть, чего там случилось.

Купец Ушаков возился у себя на складе, когда к нему прибежал приказчик, выслушав его торопливое сообщение, он задумался:

— Так говоришь, Гандыба десяток столов плотникам заказал?

— Да. — Подтвердил приказчик. — И еще вроде о двух палатках сговаривался, чтобы на озере за слободой поставить. Но самое интересное, что кто-то еще артель нанял, чтобы всякие работы на том же озере сделать, они уже дерево под это дело шкурят.

— Ах Иван! — В сердцах, хлопнул кулаком по мешку с рожью купец. — Решил в одиночку на гулянии покрасоваться, вроде как один он об обществе радеет. Ну ничего, еще посмотрим кто кого.

Ушаков немного подумал и решительно вскинул голову:

— Так, отправь кого на заимку, пусть Лазарь всех, без кого можно обойтись, отправляет сюда, — начал он отдавать приказы, — Лукерье прикажи, пусть готовится к празднику, нужно будет накануне пирогов напечь, сбитня наварить. Потом переговоришь с Матвеем,

как зазывала он очень хорош, да не сильно жмись по оплате, мне на это дело денег не жалко. Да Семену скажи, пусть факелов по более наготовит. Ну а я на гуляния еще крепкого зелья бочек пять выкачу.

— Алексей Иванович, — тут же встрял приказчик, — так ведь запретили нам зелье не на торгу продавать.

— То днем запретили, а как солнце зайдет, кто ж нам помешает?

— Алексей Иванович, подумай, может не стоит нам этого делать, и так под Богом ходим. При Иване Ивановиче, упокой его душу Господи, откупились, а теперь некому нас защищать, да и Перфильев на тебя давно зуб точит, чуть что и обложит лишним побором, а у нас и так долгов рублей на шесть сотен.

— Так что ж теперь, совсем торг не вести? — Возмутился купец. — Хотя нет, верно ты прав, люди Гандыбы первые в приказ метнутся. Давай-ка мы гулящих найдем, каждому по полубочке на торг дадим, если их прищучат, так мы здесь вроде как и не причем.

Стоило приказчику кинуться выполнять распоряжение хозяина, как на соседнем подворье сразу встрепнулся купец Ситников, дня не прошло, как он заявился к Гандыбе с претензиями:

— Ты что же Иван, решил втихаря праздник справить? — Выговаривал он купцу. — Обществу хочешь показать, мол, вот я какой крепкий хозяин, а остальные только от жадности сохнут?

— Да откуда ты взял? — Крякнул с досады Гандыба.

— Как откуда? Кто артели нанял, палатки, столы заказал? Скажешь, не делал этого?

— Заказывал, — не стал отрицать очевидного купец, — только отчего ты-то решил, что это праздника касаемо?

— Ты, Иван, за дураков нас не держи, — подпрыгнул Ситников, — даже Ушаков забегал, как будто ему шлея не в то место попала.

— Вот же хорек, — ругнулся купец, — и здесь пытается пролезть.

Алексея Ушакова купцы шибко не уважали, и не уважали из-за его старшего брата, который имел тесные связи со всеми воеводами от Енисея до Нерчинска. Именно благодаря этим связям и процветал клан Ушаковых. Только после смерти Ивана, империя Ушаковых покачнулась, потому как Алексей не в пример старшему брату суетился по мелочи и этим был неприятен власти предержащим, им нравились люди широкой натуры, которые не жались из-за каждого подарка.

— На себя обернись, — не преминул укусить разъяренный конкурент, — сам как Лешка стал, по голому стричь пытаешься?

— Да ладно тебе, — махнул рукой Гандыба, — ну хотел для людей празднество устроить. Ничего зазорного в этом не вижу, и другим препятствие чинить не стану, а что на каждом углу кричать не стал, то, извини, мое дело. Ты вон тоже на прошлую масленицу лишнего не сказал.

— Так то для своих старался.

— Ну, ты для своих, и я для своих. А что другие при этом тоже свой интерес имеют, то уже не наше дело.

Крыть Ситникову на эту сентенцию оппонента было нечем, в конце концов, у каждого была своя торба грехов.

Не прошло и часа, как все купцы в слободе ломали головы над тем как обойти конкурентов в рекламе своей 'торговой марки'. Даже старик Демчев, который уже как год

передал дела своему сыну, решил напоследок потряхнуть стариной и удивить народ широтой своей души.

Евстафий Перфильев изволил баловаться чайком когда до него донесся грохот выстрела пушки, он на секунду прислушался, потом глянул на своего приказчика и кивнул на дверь, мол, проверь, чего там?

Тот не заставил себя уговаривать и сразу метнулся наружу. Вернулся быстро:

— В слободке празднование рождества, — доложил он, — гуляние началось. Вроде как на деньгу купцов

— Ишь ты, — удивился воевода, — вроде купцы всегда прижимистыми были, а тут расщедрились, неужели дела настолько хорошо пошли? Ну, а чего ж до первой звезды?

— Дык, то не сами купцы, слободские гуляние устроили. А что до первой звезды, то гулять-то до окончания поста никто не мешает, от отца Игнатия благословение получили. Тут еще говорят, что на вечер тыщу факелов заготовили, да по всей слободе жечь станут, чтобы люди не в темноте к домам добирались.

— Тыщу? — Снова хмыкнул Евстафий, — не погорят ли с этого?

— Недолжны, служба у казаков хорошо поставлена.

— Ну и ладно, — согласился воевода, — ты тоже факелов наготовь, съездим, посмотрим, как слободские гуляют. И Матрену спроси, тоже, поди, захочет глянуть.

Приказчик ошибся, конечно, количество заготовленных факелов никто не считал, но по грубым прикидкам их было заготовлено гораздо больше.

Через три часа воевода со своим семейством и сопровождающими на трех санях подъехал на празднество.

— А вот и боярин явился, не запылится! — Закричал мужик в армяке обшитом синей материей и большим украшенном посохом в руке. — Гость дорогой, со звонкой деньгой, с охранной дюжиной, со своею суженной. Разойдись народ, дай воеводе себя показать, да на тебя поглазеть.

Евстафий хмыкнул, так его еще никто не встречал, махнул рукой мужику. Чтобы крикун не сильно старался привечать 'дорогого гостя и выбрался из саней.

— Евстафий Иванович, извольте пройти на помост, дабы обозреть веселье народа, — тут же подскочил к нему один из распорядителей гуляний.

— Ну пойдем, глянем, — согласился воевода, — А это кто? — Кивнул он на мужика в синем наряде.

— Сей ряженный вроде как деда мороза представляет, — принялся пояснять ему сопровождающий, на ходу, — дюже суров этот дед, живет все время в снегах северных, тепло не любит, а к нам заглядывает только в холодные снежные зимы. Так же где-то здесь и его внучка крутится — ледяная дева, глаза синий лед, от ее дыхания птицы на лету замерзают. Перед отъездом вместо себя назначит наместницу, которая будет бороться с теплом и охранять зиму до весны.

— Складно сказ ведешь, не слышал я еще такого, — вздохнул воевода, видя как

домочадцы наострили уши, — ну и кто сие сказывал.

— Так известно кто, Васька горелец, на его сказ вся слобода собирается. Он много сказок знает, уже с дюжину народу поведал.

Вот ведь дело-то какое, простому люду слушать сказки не возбраняется, а боярам да служивым при большой власти вроде как не по чину. Слышал Перфильев, о том, что в слободе сказочник добрый появился, и вроде как из убогих, те, кто его сказ слышал, в полном восторге, а вот пересказать не могут, и запинаются постоянно, и путаются, а было бы интересно самого Ваську послушать. Но, как уже было сказано не по чину.

— Чего это там, — снова кивнул воевода в сторону бревна, на которые взбирались два молодца, держащие в руке мешки с чем-то легким.

— Это символ битвы добра со злом, — хохотнул сопровождающий, — правила такие: первым на бревно, на лучшее место становится 'Зло', и оно всяко поносит 'Добро'. За это 'Добро' должно победить 'Зло', сбив его с бревна мешком набитым деревянной стружкой, поставить его на колени и как бы убить, отрубив голову пером жар птицы. А потом стать 'Злом' и встать на место казненного.

Евсафий расхохотался:

— Это опять Васька придумал?

— Ага, он самый — подтвердил мужик, — да у него много еще там всяких придумок. Вон там, где веревки натянуты, надо добраться до смерти Кащея бессмертного. Для этого надо пробраться по веревкам над пропастью, добраться до гнезда летающего дракона и украсть яйцо, в котором весу пять пудов.

— И чего здесь трудного?

— Так приспешники кащея мешают, веревки раскачивают, когда молодец по ним пробирается, к гнезду надо по гладкому льду подняться, а когда яйцо молодец тащит мосток раскачивают, под ноги вязанки хвороста кидают, а ронять-то ношу нельзя.

Тут взгляд воеводы зацепился за детишек, которые плавно скользили по льду.

— Это забава детская, из Голландии — тут же пояснил гид, — коньки называется. Полоска железа на валенки привязывается так, что лезвие на лед становится, оно и скользит. Но с первого раза кататься ни у кого не получается, приноровиться сначала надо. А вот там, видишь, люди пытаются на ходулях ходить, на веревке подарки разные развешены, с земли до них не достанешь, только с ходулей, а помост, чтобы на ходули стать в пяти саженях от веревки, идти надо, да ни у кого не получается.

— Смотри-ка, чего придумали, — Перфильев хохотнул, всеобщее веселье передалось и ему, но тут раздался взрыв женского хохота, он повернул голову в ту сторону, — а бабы чего там толпятся?

— А они там тоже свои игры устроили, кто ловчее окажется тому и подарок...

После того как воеводе подробно рассказали условия игры, он долго хохотал до слез:

— Так говоришь, скалкой мужу с двух саженей точно в лоб попасть, чтобы вразумить, а как попадет, ей подарок дарят?

— Так и есть. Там деревянный болван под мужика раскрашен, у него шапка одета, и привязана к веревочке, а та в свою очередь к крышке шкатулки которая сверху приложена, как собьет хозяйка скалкой шапку с болвана, та повиснет на веревочке, и откроет шкатулку, а оттуда подарок выпадает. — Подтвердил мужик, — но не только это, надо с такого же расстояния мороженную репу в котелок закинуть, как с фунта два накидает, котелок перевесит груз на дощечке и тоже шкатулку с подарком откроет, мол, накормила мужа и вот

от него подарок.

Так до сумерек и шли игрища, а потом снова бахнула пушка и разом зажгли десятка три факелов, от того все озеро залил мягкий красноватый свет.

— Пойдем Евстафий Иванович, народ угощают, но не как на пирах, а по-походному, вон там общие столы, угощение для простого люда, то без денег, а вон там для знатного за деньгу, но и угощение много богаче.

Выставленное на стол угощение действительно выглядело аппетитным, тут и вяленый осетр, и красная отборная икра, и грибочки моченые... Да много чего на выбор, и даже вина заморские, но их не сильно жаловали, так, на пробу, в основном на ягодные соки налегали, уж больно вкус непривычен был.

— Заводик свой Зосима в вознесенском запустил, — меж тем делился новостями приказчик, — кирпича много выделывают, по весне думают новые кельи ставить. А еще стеклянный завод на две печи поставят, вроде как смальту варить надумали, как лютые морозы спадут, так кругляши с караваном в Москву отправят.

— Что, так много смальты выделали?

— Да какой там, — махнул рукой рассказчик, — пока только пару пудов на пробу наварили. А для выделки поташа у Федорова закупили, да еще пасынок кузнеца Асаты на десяток пудов подрядился.

— Вот как? — Приподнял бровь Евстафий. — Значит Федоров поташ и раньше выделывал, а чего в казну не сдавал?

— Вот о том и говорю, однако не мог он в казну сдавать, Савелов денег никому не платил. А в долг — мало ему веры.

— А и пусть, — крикнул воевода, потянувшись к ломтику копченой осетрины, — ты вот что, зазря людей не дергай, только предупреди, что бы дальше все по указу делали. И Федорову отказ казны от закупа оформи, пусть монастырь продолжает выкупать, только налог стребуй, в казне сейчас не густо.

— Не получится деньгой взять, у казны перед монастырем долг большой, просто часть спишут.

— Ну, пусть хоть так. — Согласно кивнул воевода. — Все ж в дело. И это, мне тут донесли, что кто-то камни самоцветные мимо приказа вывозить в Китай взялся.

— Мало веры, — возразил приказчик, — места, где самоцветы добывают, под присмотром дьяков, если и утащат чего, то купцы только за бесценок возьмут, выгоды никакой.

— Думаешь? Может ты и прав, — согласился Евстафий, — да только, просто так никто муть не подымет.

— Тут еще вот чего, Иваныч, стало известно мне из приказа, что дело у монастырских, вроде как ставил Федор Залепин, каторжник, этой весной с убийцами с каторги сбежал. Хотели мы его прихватить, да настоятель вознесенского монастыря заступился, мол, он свое отмолил.

— Отмолил? Да когда ж успел?

— Тут уж я не знаю, отцу Сергию виднее, Залепин же по цареву делу на каторгу угодил.

— Если так, пусть его, пользы от него здесь больше будет, чем кайлом камень грызть, главное, что не душегубец. И вот что еще скажи, тут мне Матрена говорила, что кузнец местный какой-то медный самовар сладил и можно его после варки воды в дом на стол

ставить, чтоб каждый раз на двор никого не гонять

— А, так это кузнец Асата, — обрадовался простому вопросу приказчик, — да вон там, на столах у Гандыбы, три самовара на смотр стоят, сам-то кузнец здоровьишком слаб. Но говорят, хочет железный заводик ставить, мастеровой люд нанять, вот тогда будет много самоваров выделывать.

— А что мешает?

— Так, вроде летом и начнет. Но там все сложно, ни хорошего железа, ни меди близко не нашли, пока придется крицу возами с Уды возить, а тогда какой смысл здесь завод ставить?

— Но ты сам сказал, что Асата хочет.

— Так он на Ваську, своего приемыша надеется, тот вроде как обещает где-то ближе найти. Но сам подумай, мало ли чего малец обещает.

— Ладно, там посмотрим, — подвел итог воевода, — а насчет самовара, с Асатой поговори, деньгой не обижу.

Тут все отвлеклись, со стороны пустыря что-то бухнуло, и в небо устремились светляки, расцветая в конце полета причудливыми искрами. Потом зажглись огненные вертушки, рассыпались фонтаны стекающей огненной реки. Действо настолько необычное, что народ кричал, свистел и улюлюкал.

— Смотри-ка, — удивился Перфильев, — никак китайский огонь кто из купцов привез.

Извержение огненных фонтанов длилось недолго, всего пару минут, но всем этого времени хватило, и праздник продолжился с новой силой. В кремль воевода возвращался давно за полночь, и в отличие от слободы обратная дорога, освещаемая одним факелом, выглядела уныло.

Хороший праздник получился, народ доволен, я тоже. Проснулся ближе к обеду под теплым стеганым одеялом на большой кровати. Если кто не понял, НА КРОВАТИ, ПОД ОДЕЯЛОМ. Это я к чему выделил, а к тому, что в эти времена кроватей в домах простого люда нет, не существует как класса, и подушек тоже нет, а у меня есть. Матрас, правда, подкачал, хотел перину соорудить, но вовремя спохватился, к перине долго привыкать придется, а потом еще и отвыкать, поэтому обошелся нетолстым матрасом, набитым сеном, сено не очень долговечно, зато когда относительно свежее, дух от него хороший исходит. Когда мать увидела, что я себе соорудил, схватилась за голову:

— Вася, да зачем тебе это, неужто на полатах места не хватает?

Вот не хватает, на полатах все время приходится крючком лежать, народ к этому с детства привычен. Кстати, Васькино тело, то есть и мое, тоже привычно, но вы не представляете, с каким удовольствием растянулся во всю длину в первый день, когда установил кровать. И, в конце концов, имею я право на мелкие слабости, разве не заслужил? И матери так сказал, мол, раз Васька дурак, то ему многое позволено, а буде кто лишний раз пальцем тыкать, так я еще и слуг заведу, которые меня будут одевать и раздевать, как в лучших домах ЛондОна и Парижа.

Такая моя сентенция разом прекратила увещевания, если мою дурь с кроватью домашние выдержать вполне себе могли, то вот насчет слуг пришли в ужас и больше о том не заикались. Ну, ну, они думают я так попугал и забуду, придет время все у меня будете по одной половине ходить, и в кроватях по три оборота от края до края перекатываться. Истчо и 'парлевуфрансе' заставлю спрашивать, и при этом вилок с ножиком за столом орудовать.

Ой, чего это я разошелся? Пока в ближайших мечтах теплый туалет сделать и унитаз белый поставить, а то по морозу на улицу бегать и зад оголять когда на улице под минус сорок саавсем не комильфо. Бр-р-р.

Вышел из дома на улицу. Хорошо, морозец где-то градусов пятнадцать, за щеки не прихватывает, вот когда крещенские морозы придут, и под минус тридцать с ветерком завернет, вот тогда держись. Дорога возле нашего дома почищена от снега, а пешеходные места отделены от нее небольшим брусстером. Это я ввел такой порядок, сговорился специально для этого с Данилой, инвалидом с рождения, у него чего-то там с позвоночником, от того и ходит как-то перевесившись на один бок, бывший профессиональный нищий, между прочим. Думал, что человек испорчен своей профессией, оказалось нет, с удовольствием паперть покинул, и теперь не только снег чистит, за полкопейки в день, но и лошадиные 'яблоки' убирает. Последнее вызвало смех у соседних обитателей, снег они еще хоть как-то мне простили, а вот уборку навоза с проезжей части посчитали глупостью, мол, время еще на всякую ерунду тратить. Но как я уже не раз говорил, любому другому этого бы не простили, засмеяли бы напрочь, а мне как с гуся вода, к моим причудам привыкли, и никто всерьез не обращал на них внимания. Впрочем, смеяться смеялись, а гулянки устраивали почему-то в нашем околотке, все-таки тянуло народ к чистоте и порядку. Путь мой лежал к купцу Гандыбе и отправился я к нему в обход всей слободы. Зачем я делаю такой крюк? А вот здесь и появилась моя первая серьезная проблема, лицо я теперь в слободе, да и не только в слободе, довольно известное, а в силу своего возраста для всех доступное, вот и стали все меня замечать. Если отношение к другим мальчикам обычное, их просто в упор не видят, то у меня все иначе, все за меня цепляются взглядом, поэтому приходится со всеми здороваться. А теперь представьте, что на моем пути, а он через всю слободу, встретится человек сорок, бывало и больше, и короткое 'Здрасти' здесь не катит. Представили? Замечательно, ну и кто сказал, что язык не отвалится? Не хотел, но видимо придется пересаживаться на коня или собственный выезд организовывать. К тому же когда наступит весна, пройти по улицам слободы не изгваздавшись в грязи по самые шапку просто не возможно, пешеходной части на улицах не предусмотрено, а конный движитель имеет четыре копыта, которые эту грязь на всех прохожих забрасывают.

Вот кстати, надо будет по весне, как снег на улице сойдет, нанять артельщиков деревянные тротуары с края дороги сладить, да и крупного песка с колотым гравием подсыпать, а то даже за пределы слободки без грязи на ушах не выбраться.

— Откуда у тебя это? — Гандыба с удивлением рассматривал три изящные чашки из фарфора с замысловатым цветным рисунком. — Никак кто в Китай тропу пробил.

Нет, не верят купцы в русский народ, совсем не верят. Как что хорошо сделано, так сразу заслугу либо немцам записывают, либо китайцам, а наш мастеровой Ванька даже в фантазии у них не всплывает, а зря, между прочим:

— Сладили в моей мастерской, в основном Иваном Степашиным, — сообщил я купцу, — мастеру двадцать два года отроду. Цветную глазурь подбирал китаец, а роспись сами сделали.

На самом деле Иван, имя которого я здесь засветил, потомственный гончар, и вся его заслуга пока состояла в изготовлении одной чашки из обычной глины, тут уж ничего не

скажешь — мастер от Бога. А вот остальное делалось другими людьми, скрытно, втайне от всех. Даже печники не знали что именно обжигают в печах из белой глины, от них требовали только нужную температуру держать, да следить чтобы печи разогревались равномерно.

— Врешь! — Выпучил глаза купец. — Такой фарфор даже в Китае немалых денег стоит, а уж в Москве по весу золота пойдет.

— Не знаю, сколько там чего в Китае стоит, а сделано это у нас.

— Это, что же, столько лет здесь китаец прожил, а секрет фарфора только тебе открыл?

— Ну, да, — пожал я плечами, — чего удивляться? Мы же его на постой взяли, кормим за свой счет.

Вот в чем, а в фарфоре Лу совсем ни уха, ни рыла, но легенда с его якобы участием очень хороша, все дальнейшие вопросы отпадают сами собой. На местного мастера раз двадцать наедут все кому не лень: откуда узнал, кто показал, кто научил...? А тут сообщил, мол, китаец сделал и все этим сказано.

— Кто еще об этом знает? — Сходу обеспокоился купец.

Ха, сразу въехал в суть ситуации, тут ведь главное не заиметь, а суметь утаить, что имеешь.

— Все это делалось в тайне, Иван Федорович, — успокоил человека, — и дальше не будем об этом никого извещать. Даже печники не догадываются, но на будущее надо будет придумать чего, чтобы любопытные не лезли.

Странно, но главный вопрос так и не был до сих пор задан, неужели и дальше не спросит? Однако купец меня не разочаровал:

— Ну а мне тогда для чего об этом поведал? — Прищурился Гандыба.

— А как же, Иван Федорович? — Картинно развожу руки. — Товар есть, а покупателя нет.

— Ах, вона чего, — хмыкнул купец, — тогда только под продажу, и моя часть с того немалой будет.

Я вздохнул — вот и начался торг, но зря Гандыба надеется на этом с меня лишнее поиметь, прежде чем к нему идти, я почти всех караванщиков обошел и точно знаю, чего, как и почему.

Торговались на этот раз очень долго, по рукам ударили, когда солнце опустилось за горизонт, и все потому, что на этот раз я отказывался брать у купца товар и требовал оплату деньгами. Вообще-то мне понятно, почему купец не хочет расплачиваться деньгой, просто для него это упущенная выгода. Так бы он набрал товаров на эти деньги, накинул свой процент да привез сюда на реализацию, а на деньги процент не накинешь. Но местным товаром я и так обеспечен, а вот деньгами не очень, и своих не достанешь пока доход не объяснишь, так что деньги и только деньги, здесь они стоят больше своей номинальной стоимости.

— Значит, договорились, — подвел итог купец, — к концу февраля ты готовишь фарфору на три воза, два воза с простой росписью, с китайским зверем, и один воз с красной, золоченой, да такой, чтобы не стыдно было и знатым боярам продать.

— Договорились, — подтвердил я результаты наших торгов, — а с тебя, если получится, патент на стекло, на его выкуп можно потратить до трети моей доли. А будут требовать больше, то патент не нужен.

— Да зачем тебе это? — Стал увещевать меня Гандыба. — Монастырским-то понятно,

они смальту в Москву без пошлины провезут, а нас-то в Томске обдерут как липку.

— Так я на смальту не замахиwaюсь, будем стеклярус лить, а его пока никто пошлиной не обнес.

— А сможешь? Это не просто стекло варить, это же заводик ладить надо, люд мастеровой знакомый со стеклянным делом искать.

— А чего его искать? — Пожимаю плечами. — Сами напросятся.

— На каторжника надеяться — себя не уважать. — Изрек купец.

Опля, а это уже интересно, оказывается купцам все известно о Залепине. Где-то у Зосимы сильно течет, но это уже не мое дело, вернее мое, но именно такое, на которое я и рассчитывал. Замечательно, теперь, когда появится мастерская, вопросов под чьей она крышей не возникнет, а когда возникнет, будет уже поздно.

— Не каторжник он, отмолил грехи. — Ляпнул я, закрепляя уверенность Гандыбы в своем предположении.

Ладно, — махнул рукой купец, — как знаешь. Знак мастеров на фарфор не забудьте ставить.

Это ценное замечание, сей вопрос с Лу я уже проработал, нарисую пару иероглифов, от нас не убудет, раз Китай в двадцать первом веке фирменными подделками торговать не брезгует, то мне тем более на него равняться надо.

— Это-то мы сделаем, — согласился я, — но у тебя, Иван Федорович, на днях караван в Нерчинск пойдет, пусть от туда пару возов с рисовой соломой привезут. Упакуем фарфор в эту солому и тогда все сомнения, чей фарфор, отпадут.

Гандыба расхохотался:

— Ну и хитер ты, Васька. Это же надо, два воза китайской соломы, да другие купцы голову себе сломают, будут гадать, чего такого я из Нерчинска везу? А и хорошо, скажу, что фарфор из-под самого Нерчинска вез.

За всем эти предметным разговором купец так и не поинтересовался, каких трудов стоило нам сделать эти три несчастные чашки. Он думает, открыл Лу нам секрет и на этом все. Ага, три раза 'ха-ха'. Саму глину замесить, сформовать чашки — на пару дней работы, а вот подобрать глазурь и цвета для раскраски та еще головная боль. То температуры не хватает для просветления глазури, то передержали в печи и вся глазурь пошла сеточкой, то присадки полностью поменяли цвета на рисунке. Каждый день кубометры дров и угля в дым улетали, кабы не прочные тылы, сами бы в трубу вылетели. Но вроде все закончилось хорошо, подобрали нужные рецепты, отладили технологию и даже наработали присадки для различных оттенков краски. А не было бы у меня опыта организации и систематизации ведения исследовательских работ, черта с два бы у нас все получилось. Во главе своего тайного производства поставил старика Ляшку (дали же прозвище мужику) — тоже из бывших гончаров, он в основном и отвечал за всю организационную часть производства сибирского фарфора. Нравился мне этот старик своей рассудительностью и основательностью, ничего из виду не упустит и ничего не забудет, и спуску нерадивым не даст. Кстати, к росписи фарфора приставил Дашку, здесь ее талант будет наиболее востребованным, да и Лизавета пусть руку набивает, ей такая работа нравится. Ну и наконец, как вишенка на торте, охранялось все это зачатками моей охранной сотни, во главе с Тропиным, который теперь отвечал за прищемленные носы любопытных и затыкание дыр болтливых.

Ах да, забыл сказать, моя маленькая экспедиция, направленная к бурятам на поиски

угля окончилась откровенным... успехом. Уголь нашли и также нашли место, где до него можно было легко добраться, две сажени это не глубина, и самое главное, грунтовые воды добыче не мешали. До самой реки тоже расстояние оказалось небольшим, чуть меньше версты, поэтому уголек будет достаточно рентабельным. Плохо что придется там ставить небольшую крепостишку на четыре угла, но то затраты не сильно большие, потому как лес там был недалеко, это в мое время лес можно было с этого места только в бинокль увидеть, и то не во всякую погоду. Два ушлепка, которых я загнал в 'Тмутаракань', так это место я потом и назвал, вроде как, искупив свою вину, влились в охранную структуру Тропина, и теперь будут готовиться в новый поход с караваном Гандыбы. С этого дня купец будет под моим наблюдением, я ему, конечно, доверяю, но проверять буду на постоянной основе, и других тоже в будущем не минет сия благодать. Вот только как потом оказалось, одной охраны для ведения дел далеко недостаточно, нужна была и еще одна структура, которая должна заниматься предупреждением и убеждением, а то ведь некоторые люди, из-за отсутствия даже зачатков совести могут подумать, что им все дозволено.

С середины января работы по изготовлению самоваров вышли на уровень рентабельности, полностью отбить затраты с такой производительностью и спросом в ближайшее время вряд ли удастся, но это дело перестало тянуть с меня деньги и даже появился небольшой доход, который тут же возвращался обратно в производство. Да, пайка самоваров оказалась достаточно технологичной и резко ускорила работу, однако паялся корпус самовара не оловом, как некоторые могут подумать, а сплавом меди и серебра, это потому, что олово при относительно небольшом нагреве обязательно вытечет. Да и 'оловянную чуму' (это когда припой при низких температурах растрескивается) не стоит со счетов сбрасывать, ведь самовары не всегда будут в тепле находиться. Специально для высокотемпературной пайки были сделаны керамические горелки работающие на газовой возгонке дров. Правда их производительность оказалась довольно таки низкой, да и перемещать их было невозможно, потому как шлангов еще не существовало в природе, поэтому приходилось медные заготовки предварительно прогревать в печи отдельно, и паять их держа над пламенем на весу. Однако довольно быстро мастера наделали всяких приспособлений, дабы лишний раз не обжигать пальцы, и пайка стала настолько качественной, что после обработки выделить паяные места можно было лишь только по разному отливу металла. Надеюсь к следующей осени, когда работники окончательно отработают технологию, можно будет начинать следующий этап, отработку изготовления эмалированной посуды, как раз к тому времени должны подобрать состав стеклообразующих эмалей. И опять замаячила проблема получение листовой стали, которая для меня обернулась серьезной головной болью, но в целом дела шли довольно-таки хорошо, и даже, если иногда появлялось чего-то сложное, то находили обходные пути решения проблемы.

Однако совершенно неожиданно для меня и Тропина произошло одно событие, которое заставило в корне изменить отношение к функции охранной структуры и форсировать создание группы личной охраны.

В конце февраля, меня прямо на заводе отловили стрельцы:

— Ты, штоли Васькой будешь? — Ухватил меня за рукав, заросший неопрятный мужик в кафтане стрельца.

— И что? — Насторожился я.

— С нами в кремль пойдешь, — выдал мне служивый, и хотя стрельцы никогда не опускались до объяснений, все-таки продолжил, — к боярину Алексею Федоровичу, видеть тебя желает.

— А он чего, дураков никогда не видел?

Стрелец только хмыкнул и легонько подтолкнул меня к выходу. Вот блин, как арестанта поведут, нет чтобы посыльного прислать, сам бы явился, а тут... А и ладно, с меня не убудет, а вот боярину Мельникову о своей репутации задуматься стоит, это надо же, за дурачком двух воинов прислать. Ради прикола, завел руки за спину, опустил голову и потопал со стрельцами через слободу в кремль. Когда меня завели во двор Мельникова, и потащили в холодную, дошло, что это уже далеко не шутки, но было уже поздно. Допрыгался.

Естественно его сиятельство (или кто он там в будущем будет, пока здесь боярам ТЫчут, как и обычным людям) до разговоров с местным дурачком не опустил, а вот его приказчик... Как только он раскрыл рот сразу стало понятно в чем проблема — банальный рэкет власть имущих. Однако. Ну что ж, чего-то подобного следовало ожидать и хочу сказать, что к этому, несмотря на весь свой цинизм готов не был, потому как не мог подумать, что кто-то может покуситься на производство находящееся в самом начале пути. А вот поди ж ты. Я-то считал, что просто так меня теперь без хрена не сожрешь, да и монастырские тоже свое слово сказать должны были, но видимо промолчали, или я чего-то не понимаю. Хотя все может быть, и возможно придется идти по жесткому сценарию — отправлять желающих поживиться на халяву в страну вечной охоты. Там же я и узнал, что Асата сидит здесь же в яме, а вот это уже полный кобзец, надо выбираться всеми возможными способами иначе будет очень плохо.

Дурака включил на полную катушку, сам скользнул в сон и оставил Ваську за себя отдуваться, а что еще делать?

Боярин Мельников вечером выслушивал своего приказчика Матвея и морщился, на вид такое простое дело оказалось вовсе не простым. Некий кузнец, живущий в слободе, неожиданно разбогател и поставил железоделательный завод. Вроде бы какое ему, боярину, до этого дело? Ан нет, дело есть, потому как свои дела у Мельникова шли отвратно, вот и требовалось их быстренько поправить с помощью дохода от заводика, а бывшего владельца можно и в поруб надолго законопатить.

— Так от чего такие сложности? — Недовольно рыкнул боярин на приказчика.

— Дык я и говорю, что сам этот кузнец только над делом хозяин, — принялся объяснять приказчик, — а так, за что не возмись, все другим принадлежит, и все в доле.

— Ну так и заberi дело, пусть этот кузнец и продолжает работать.

— Так он тогда приказчиком при заводе должен стать.

— Пусть и станет, — махнул рукой Мельников, — а будет ерепениться баатов отведаст.

Приказчик поежился:

— Тут ведь вот какое дело, Алексей Федорович, кузнец этот хоть и из простых будет, но за ним казаки стоят и слободка, а пасынок его, Васька, с купцом Гандыбой дела ведет.

— Это малец-то дела ведет? — Усмехнулся боярин. — Видимо, совсем плохи дела у купца.

— По тому, что нам известно, с осени, что Васька на купца работал, Гандыба все поставки смолы и скипидара один закрыл, и цены на этот товар установил для других разорительные. А недавно в Нерчинске четыре воза фарфора китайского прикупил, и дальше в Москву повезет, это от других купцов ведомо стало

— Ох ты ж! — Брови Мельникова выгнулись в удивлении. — За фарфор-то немалых денег стребуют.

— Так что есть деньга у Купца, и с Васькой он не просто так якшается. И сам пасынок у кузнеца монастырским подрядился поставлять поташ за цену меньше чем в приказе. Поэтому монастырь от поставок поташа Федорова отказался еще в прошлом месяце.

— А и пусть его, — махнул рукой боярин, — делай что хочешь, но чтобы на этой неделе Грыжа полностью доход от завода под нас забрал. И пусть купцы пробуют Перфильеву жаловаться.

Выйдя от Мельникова приказчик поторопился в холодную. Не снимая шапки, не май месяц, уселся на лавку и строго посмотрел на местного дурачка привязанного за руки к крюку в стене. Однако вся его напускная строгость оказалась бесполезна, малец даже головы не повернул, он уткнулся лбом в стену и закрыл глаза. Дурак он дурак и есть, другие бы уже о пощаде молили, а этот стоит себе только лбом стену подпирает. Матвей вздохнул: вот чего теперь делать? Ведь знает все малец, и понимает тоже все прекрасно, но Ваньку продолжает валять, даже кнут ему не указ, вон три багровых полосы на рубаше отметились, а он будто и не замечает. И вот ведь какое дело, ежели помрет малец, приказчика душегубом объявят, а тот факт, что замучил убогого, вообще в глазах общества смертный грех. Ладно, пора отпускать дурака, ничего с него не возьмешь, только лишних косых взглядов от общества получишь. Нужно приниматься за кузнеца, хоть и видно, что тот упертый, а все одно никуда не денется, не хватит кнута, на дыбе согласие выбить можно. Хотя тут тоже нужно осторожней, уж больно хлипкий этот кузнец, чуть что и Богу душу отдаст, тогда уже самому придется кнута от благодетеля отведать по полной.

Матвей молча отвязал мальчика, сунул в затекшие руки его короткую шубейку, вывел за ворота и попытался затрепиной скинуть того в снег, однако Васька как-то умудрился извернуться и мало того, что не получил по затылку, так и еще в шубу влез. Ни угроз, ни сожалений, как это всегда бывало с другими, сразу включил ноги и исчез в темноте.

Приказчику только и оставалось хмыкнуть и почесать затылок под шапкой, вот ведь ловкач.

— Богдан, — крикнул он в темноту, запирая ворота, — давай кузнеца, поди хорошо подумал уже.

Через пять минут перед ним предстал щедушный мужичок, трясущийся от холода, казалось, что этот будет на все согласный, лишь бы попасть в тепло. Однако такое впечатление было обманчивым, и в этом приказчик имел возможность скоро убедиться, вроде уж в чем душа теплится, а кремень, ни за что не шел на предлагаемые условия.

Промучившись с ним до полночи, Матвей решил перенести 'беседу' на утро, пусть еще посидит, подумает, а поутру, если согласие не даст на дыбу пойдет, косточки размять.

Спровадив подопечного Богдану, приказчик повернул к дому, в этот день он знатно потруился, пора и отдохнуть, но подняться на крыльцо он не успел, откуда-то сбоку к нему метнулась тень, и что-то острое впилося в горло. Удивительно, боль хоть и чувствовалась, но не затопила все сознание, Матвей инстинктивно вскинул руки и вцепился в палку, до него сразу дошло, что это вовсе не палка, а древко копья.

— Алексей Федорович, кормилец ты наш, беда приключилась! — Будила боярина жена, — Просыпайся скорей.

— А? Что? Что случилось? — Отряхивая остатки сна, Мельников непонимающе уставился на свою супружницу.

— Беда, говорю, приключилась, Матвея нашего приказчика во дворе побили, и сторожей Степку и Богдана тоже жизни лишили.

— Как это? — Вскинулся боярин. — Кто посмел?

— Да кто ж его знает? Девки поднялись на хозяйство, а у крыльца Матвей в луже крови, побежали до сторожей, а те тоже смерть приняли.

— Поднимай дворовых.

— Да встали уже все, — доложила супруга, — ждут, чего ты решишь. Посылать кого в разбойный приказ?

— Пусть бегут, да не медлят. — Мельников вскочил с постели и принялся самостоятельно натягивать порты. — Ох, ты ж, как же они татей пропустили-то? Надобно бы проверить, не пропало ли чего.

Кое-как одевшись, боярин вывалился во двор, который уже вовсю освещался факелами:

— Где Матвей? — И не дожидаясь ответа шагнул с крыльца в сторону толпы у соседнего дома.

Но дойти до своего приказчика ему не удалось, короткий свист оборвался глухим звуком удара, и все с ужасом увидели торчащую прямо из пробитого лба хозяина жизни древко стрелы.

Появившиеся служивые приказа, до самого рассвета пытались найти лучника, но никого не нашли, даже следов на ближайших крышах сараев не обнаружили, снег везде оказался не тронутым, стрела появилась будто из ниоткуда. Потом вытащили из ямы посаженного туда по приказу боярина кузнеца, мужик там конечно промерз, но не сильно, потому как при нем был и теплый собственный армяк и шапка. Наличие теплой одежды у сидельца вызвало определенные подозрения у приказчиков, но предъявить ему было нечего, о его вине никто, ничего не ведал, да и по смертоубийству он ничего сказать не мог, увидеть что-либо из ямы довольно сложно. Пришлось отпустить домой.

Стоило Асате выйти за ворота кремля, как он попал в объятия своей жены. Его тут же напоили горячим сбитнем, уложили в сани, и накрыли большой медвежьей шкурой. Путь до дома пролетел в одно мгновение, а там уже дожидалась протопленная банька и шумящий на столе самовар. Спустя два часа осовелый от сытости и тепла кузнец слушал местные новости и радовался, что удалось избежать серьезных последствий наезда власть имущих:

— И тут меня приказчик этот, что б ему в аду черти дров не жалели, обратно в яму посадить приказал. Ну, думаю, все — зажился ты на этом свете родной, к утру тебя будут ангелы отпевать, ан нет, сжалились сторожа, как приказчик ушел, так они мне в яму мой

армяк с шапкой скинули. Так и пережил ночь, а под утро шум, гам, меня из ямы вытащили, и давай стращать, почто, мол, боярина с челядью жизни лишил? Потом поняли, что никак не мог я этого сделать, да домой отпустили.

К вечеру того же дня Перфильев выслушивал отчет разбойного приказа:

— Как побили боярина Мельникова двое дворовых видели, — докладывал дьяк, — стрела со стороны двора Шимякина прилетела, однако ж ни на крыше дома, ни на окружающих постройках следов не нашли, а со двора и крыльца из-за высокого забора стрельнуть нельзя. Да и кобель во дворе должОн был голос на чужого подать, однако ж не подал, и сторож там ничего не видел, а что не спал, то точно знаем, он как только крики у соседей услышал напарника поднял. Фрол, старший по приказу, догадку высказал, что не с чужого двора стрельнули, а из 'холодной' тать стрелу через оконце пустил, а потом в суматохе ушёл, но то вряд ли, чужого обязательно бы заметили. А если смотреть как Матвея, приказчика, и сторожей побили, то это кто-то из своих дворовых был.

— Почему решили, что это из своих? — Приподнял бровь воевода.

— Так, как иначе, их же ножом по горлу одним взмахом. А как чужого так близко подпустить? Нет, то свой был. И вот еще что: боярин-то в яму кузнеца Асату посадил, пытался его заводик на своих перетянуть. Только заводик тот на паях, и если б Мельникову удалось это сделать, то многие в слободе попали бы на убыток. Думаю, из-за этого боярина жизни и лишили, он и так многим поперек горла стоял, а тут не смогли казаки устоять, а подкупить или запугать кого из челяди, плевое дело.

— Тогда на днях, кто-то в бега подастся.

— Так уже подались, — пожал плечами дьяк, — сын боярина совсем ума не нажил, при Мельникове дворовых в ежовых рукавицах держали, а уж при сынке его голодать будут. Вот и засобирались люди со двора, уже трое с караванщиками сговорились, хотя они вряд ли на смертоубийство пойдут, но за ними остальные разойдутся, а там, поди разберись кто мог.

— Да... — Протянул в задумчивости воевода. — До этого дня казаки вели себя смирно, довел их Савельев, татьбой заниматься стали. Ты-то хоть понял что случилось?

— Так чего здесь не понять? — Хмыкнул глава разбойного приказа. — Теперь казаки силу почувствовали, мы им не указ, платим за службу самую малость, вот они и кивают, что лихих людей в достатке по округе развелось, чуть что не так и на погост снести некого будет.

— Вот, то-то и оно, — Перфильев поднял палец, акцентируя внимание на выводах, — теперь боярской вольнице пришел конец, и Мельников не последним будет. Плохо все, хотя этим и должно было кончиться. Ты потихоньку сыск продолжай, но сильно не лютуй, все равно ничего не найдешь, только людей измордуешь, а это нам ни к чему.

Да уж, порезвился на боярском подворье, Иркутск с месяц на ушах стоял, на каждом углу обсуждалось убийство боярина. Мне оставалось только пожалть плечами, то не убийство было, а приведение приговора в исполнение. Вопрос решался просто: либо он, либо я. Ну не

конкретно я, но моя семья, а оставлять мать вдовой во второй раз в мои намеренья не входило. Так что как только меня выкинули за ворота, пришлось 'врубить' третью космическую скорость. Приказчик-то у боярина последней скотиной оказался, ведь что означает выкинуть мальчика ночью за ворота в кремле, куда ему податься? Вот-вот, в слободу не вырвешься, все ворота закрыты, в тепло не попадешь, ни один сторож ночью на подворье не пустит, тем более незнамо кого. Так что бег мой закончился у центральной кремлевской башни, дальше скользнул по боковой лестнице на левую сторону стены и уже по ней пробрался до башни угловой. Зачем до нее? А вот за тем, центральная башня построена так, что венцы бревен не выступают наружу, и спуститься с нее весьма и весьма трудно. А вот в угловой башне бревна выступают и по этим вступающим бревнам спуститься, при определенной сноровке, трудности не составляло. Сноровка у меня была. Потом бег до своего двора. Дома никто не спал, переживали, вот только успокаивать мне их было некогда. Потребовал, чтобы к утру подготовили сани с теплой шубой и натопили баню, а сам схватил трофейный лук, с которым иногда проводил тренировки, свое короткое копье и побежал обратно. На двор Мельникова пробрался в последний момент, еще бы немного и упустил Матвея. Пока сторожа опускали Асату в одной рубахе в яму, прокрался к крыльцу и затаился в тени. Да, расслабились подручные боярина, ни один не сумел оказать сопротивления, да какой там 'оказать', они даже не поняли что случилось. Потом в сенцах сторожки нашел одежду Асаты и сбросил ему в яму, иначе до утра может не дожить, а и доживет, так потом болячек на оставшуюся жизнь наживет, а то нам ни к чему. В конце забрался в 'холодную' где раньше простоял привязанный к крюку около двух часов и отведал кнута, натянул лук и стал ждать. Ждать пришлось долго, примерно часа три, наконец, какая-то девка наткнулась на труп приказчика, далее беготня и суета. В 'холодную' заглядывали несколько раз, вот только не видели ничего, темно, вообще непонятно чего хотели. Как бы то ни было, но своего я дождался, выполз боярин из своей берлоги, дальше все просто: пустил стрелу, снял тетиву, сбил лепесток с древка копья и засунул деревяшки под половицу. А когда появились люди разбойного приказа, выскользнул за ворота, никто на меня даже внимания не обратил, мало ли куда мальчика с поручением отослали. Асату у ворот встречал вместе с матерью, да уж, намерзся мужик — сам бледный, а нос еще и сизый, он бы в яме в одной рубахе точно до утра не дожил бы. Напоили его горячим сбитнем, который тут же прикупили у разносчика, сунули под шкуру и на рысях домой, отогревать мужика мороженного. Дай Бог обойдется без последствий.

— Васька! Поди сюда.

Ага, это Брага нарисовался, сейчас допрос учинит, чует, что без меня не обошлось, а предъявить чего конкретно не сможет. Ну и пусть его, он мне не отец родной, так что на откровенность пусть не рассчитывает.

— А Расскажи-ка мне отрок, чего от тебя Мельников требовать хотел.

И смотрит так с прищуром, мол колись давай, Васька, про то как боярина извел. Угу, прям так и повелся.

— Так знамо чего, — хлюпаю носом, — все допытывался, сколько у кого в доле на медном заводике. А мне то неизвестно, потом стал деньгу с меня требовать и про казаков сказ вести.

— Что, прямо так и требовал? — Хмыкнул старый казак. — Так чего не отдал?

— Нельзя отдавать, даже если и есть чего, — вздохнул я, — один раз отдашь, всю жизнь отдавать будешь.

— Ты лучше скажи, зачем боярина извел? — Брага сразу стал серьезным и вперил в меня взгляд.

Ой, ой, испугал, как же. Но вид, что испугался на всякий случай сделать надо:

— Не, то не я. Да и как бы я смог-то, как отпустили сразу домой.

Но казак тертый калач, верить мне не спешил:

— Если ночью из кремля выбрался, то так же мог и обратно забраться, и стрелу взял бурятскую, думал от себя подозрение отвести. Ты вот что, Васька, не крутись понапрасну, видели люди, как ты ночью туда-обратно с копьем метался, это стрельцы ничего в ранах не смыслят, думают, сторожей и приказчика ножом полоснули, а казаку сразу понятно, что от лепестка раны те.

— Метаться-то я метался, только вот копье не брал. Навет это, видимо кто-то на меня напраслину не просто так возводит.

— Напраслину? — Повысил Брага голос. — А кто еще может в темноте стрелой посечь? У нас больше таких нет.

А вот здесь ты дядя не прав, сильно темно там не было, так что облом тебе.

— Если про двор боярина речь, то не было там темно, когда меня выгоняли, факелы двор освещали.

— Кха, — поперхнулся старый, видимо не нашел чем сразу возразить. Ведь если темно не было, то все мое преимущество на воде вилами писано.

Ну вот и все, сорвался я с крючка казака, теперь меня вдвойне труднее будет нагнуть:

— Пойду я дядька казак, а то солнце уже высоко, а я никак до печей не дойду.

К печам мне действительно было надо, вчера вынули из обжига последнюю партию фарфора, так что нужно было вскрывать пеналы и проводить отбраковку. Несмотря на уже отлаженный процесс, в брак уходила примерно пятая часть изделий, и это вовсе не проблема, наоборот, выход качественного фарфора был неожиданно высоким. Хотя, если честно, большая часть потом тоже перейдет из условно-нормальных изделий в брак, просто пока еще не пришло время для более строгой отбраковки.

Окончательно упаковывали фарфор в возы на складе купца, подальше от людских глаз. Гандыба брал очередную посудину придирчиво осматривал рисунок, смотрел на игру света в глазури и, покачивая головой в восхищении, передавал приказчику, который старательно упаковывал ее в ящик, перекладывая толстым слоем рисовой соломы.

— Это же надо, красота какая, — продолжал восхищаться купец, цокая языком, — такое и в самом Китае не сыщешь. А как ты сказал, это называется?

— Обеденным сервизом это называется, на дюжину персон, — напомнил я Гандыбе.

На самом деле Иван Федорович все прекрасно помнил, но видимо сильно ему понравилось новое слово 'Сервиз', да еще для дюжины 'Персон', и он готов был слышать это много раз.

— А это что? — на свет было извлечено очередное изделие.

— Ива-а-ан Федорович!

— Да вижу, Васька, что поднос это, — вздохнул купец, — но вдруг ты его как-то иначе назовешь. Да и кто ж такую красоту на подносы изводит?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ну, да, действительно красиво, типичный китайский рисунок с орнаментом и птичками. Для жителей двадцать первого века вполне обычно, ничего из себя выдающегося, а для семнадцатого века вещь статусная, а как известно понты дороже денег. Думаю, озолотится

купец в Москве, если раньше не прибьют, но вроде не должны, купцы люди жизнью тертые, на них просто так не наедешь. Лишь бы Гандыба не зарвался, а то в погоне за прибылью может и в немилость попасть, все-таки есть в этом купце авантюрная жилка, намекал пару раз, что на Руси такой товар сбывать не совсем выгодно, мол надо через Архангельск к немцам везти. Ага, к немцам это в Голландию, натоптали голландские купцы контрабандную тропу в Архангельск, не зря царь Петр начал свое правление с наведения порядка в тех местах, совсем не зря. Через этот порт беспопытно из России утекало за рубеж огромное количество товара, потому как весь берег белого моря кишел контрабандистами, читай пиратами российского розлива, своего рода местная Тортуга. Так что сейчас пытаться пропихнуть свой товар туда риск запредельный, и хотя на самом деле, счастье улыбалось далеко не всем, желающих урвать свой кусок прибыли там не переводились.

Ближе к вечеру возвращался домой подгоняемый в спину довольно-таки сильным ветром, это уже последние усилия зимы, скоро февральские ветра закончатся и наступит переменчивый март, он как душ Шарко, это когда днем температура поднимается чуть ли не до таяния снега, а ночью снова падает до минус двадцати. Ладно, с одним делом вроде как развязался, свои обязательства перед купцом выполнил, чего у нас там на очереди? А следующее, не допускающее отлагательства, расчеты с работниками. По этому поводу я уже говорил, что денежные расчеты в Сибири довольно редки, в основном преобладал товарообмен и для того, чтобы расплачиваться с работниками пришлось завести собственный магазин, где и велась, честно говоря, вся бухгалтерия взаимозачетов. И чем дальше, тем больше, под каждого заводились товарные карточки, куда записывался и списывался долг работника, и картотека уже разрослась до двух сотен карточек. Причем было замечено, что некоторые товары брались в гораздо большем объеме, чем требовалось на семью работника. Зачем? А затем, что потом эти товары оказывались на торгу, это потому, что как бы мы не старались, охватить всю номенклатуру товара не могли, и люди были вынуждены брать в магазине ходовой товар, чтобы потом обменять его на нужный им. Пора было придумывать некий эквивалент денег, что-то типа талонов. А вот в какой именно форме, чтобы защитит от подделки, большой вопрос.

На заводе все шло обычным порядком: дымили высокие трубы, создавая нужную тягу в топках печей, во всех направлениях сновали подмастерья, создавая иллюзию броуновского движения. Красота! Но только для неискущённого человека, а я это называю безалаберностью, то есть, организации работ на заводе попросту нет, а это краеугольной камень любого нормально работающего завода. Но не подумайте, что так все плохо, по сравнению с тем, что было раньше, нынешнее состояние можно считать идеальным порядком и скольких сил мне то стоило, отдельный разговор. Полный порядок, навести на таком производстве, было в принципе невозможно и все потому, что постоянные строительные и ремонтные работы соседствовали с производственным процессом. Вот и сейчас я лавировал между работниками, которые разбирали одну из печей выработавшую свой ресурс, а делать подобную работу приходилось часто, после десяти — пятнадцати режимов прокаливания. Для того чтобы увеличить срок жизни печи вроде как нужен асбест, а где я его сейчас возьму? Знаю, что в Саянах есть, и даже своими глазами видел, когда в походы по 'молодости' ходили, но потому и надежды не питаю, добраться туда совсем не просто, и много не возьмешь, а нужно его много. Нет уж, дешевле просто перекладывать рабочую часть печей.

Пройдя через основной цех и миновав еще пару вспомогательных, кивнул казаку, стоявшему (нет, скорее сидевшему) на часах при входе в один из моих секретных цехов. Именно в таких цехах отрабатывались технологии и делались вещи, о которых никто не должен был знать.

— Здравствовать тебе, Тимофей Иванович, — поприветствовал я грузного мужика с густой рыжеватой бородой, — что там с новой эмалью? Получилось чего дельного?

— А то ж, — кивнул мне, отвечая на приветствие, мастер, — вот седьмой замес от третьего дня, каление выдержал и от воды не потрескался, когда плеснул. Только цвет у него...

Да, цвет действительно не очень, в наше время его называют цветом детской неожиданности, но кажется, я знаю чего делать, чуть изменим состав и цвет сменится с коричневого на зеленоватый или серый, и можно будет пустить в серию. Однако ж мне нужен белый, а вот с этим пока не получается, хотя определенные успехи есть. Я крутил в руках образцы, сделанные из пластинок железа покрытых эмалью, и внимательно осматривал их на предмет образования трещин, беда с этим делом, это сегодня у нас эмаль гладкая, а до этого два месяца голову ломали, пока не догадались предварительно покрывать голое железо грунтом, а потом тремя слоями стеклянной эмали. Да и обычная стеклянная эмаль на основе поташа для этого дела не годилась, слишком высока температура остекловывания, пришлось соду в озерах на малом море Байкала добывать, немного, с пуд выпарили, но для экспериментов хватает. В общем — пляски с бубном. Конечно, мастер пока не сильно заботился чистотой накладываемой эмали, поэтому на некоторых образцах возникли нитевидные рисунки от различных присадок, причем иногда они складывались в осмысленный узор.

Стоп! Я более внимательно взгляделся в образец, находящийся у меня в руках, а ведь это, считай, готовый образец жетона, только надо подобрать различные цвета подложки, нанести

соответствующий рисунок и внутреннее платежное средство готово. Защита от подделки на сегодняшний день высочайшая, такое при настоящем состоянии технологий, никакой залетный специалист не воспроизведет. Все, пока дальнейшие работы по доработке состава эмалей побоку, все равно железная посуда только к концу лета появится, и приступаем к производству жетонов, потому как работать с картотекой работников в магазине стало просто невозможно. Не получается обеспечить всех страждущих товаром в одном месте, а организовать еще места 'отоваривания' не получается, картотека-то одна. Объяснить мастеру суть моей идеи оказалось делом небыстрым, по-моему, он до конца так и не понял:

— Ежели так надо, сделаем, не велик труд, — пробасил он, и кивнул на маленький ящичек лежащий на полке стеллажа, — а красивее понадобится, то вон там у меня пробы лежат, при свете дюже занятно смотрится, переливы как у камня самоцветного.

Не поленился, посмотрел, действительно красивые образцы, вот их за основу и возьмем, тут стойкости к температурным перепадам не нужны, а всем будем говорить, что для изготовления жетонов используются редкие самоцветы, смотришь, и фальшивомонетки на подделку не решатся. Прихватил несколько цветных пластинок и побежал к Асате, надо определяться с номиналом и рисунком.

М-да, спорили с отчимом дня два, впоследствии к нашему спору подключилась мать, и даже Дашка попыталась вмешаться в процесс принятия решения, за что и получила от отчима девяносто девятое грозное предупреждение. Но так или иначе решение было принято, осталось сделать пантограф для того, чтобы масштабировать рисунки для изготовления матриц, которыми и будет, собственно говоря, формироваться рисунок эмалей. Осталось только окончательно отладить технологический процесс.

Весна 1697 года с трудом отвоевывала свое тепло, пару раз оттепели оборачивались метелями с холодным пронизывающим ветром, старики качали головами и старались припомнить, когда именно была такая же погода. Но память людская оказалась ненадежной, а потому точный год назвать не могли, однако все склонялись к тому, что большая часть ржи на полях вымерзнет, так как при такой весне, образовавшийся лед на полях только усилит последствия холодной зимы:

— Вот так-то, Васька, — ворчал Асата, — останемся нынче мы без хлеба. Цены купцы на привозную рожь такие назначат, что хоть ложись и сразу помирай. Слышал, люди судачат, мол, гонец из Красноярска был, поведал, что ныне из Томска караванов не будет, там еще зимой с полей весь снег сдуло. Да и много ли от туда привезут, ежели своей ржи не будет голодно в слободе станет, а уж про Нерчинск совсем не говорю, хорошо если с Китая рис завезут.

— Ну, всё-то не вымерзнет, — отвечал я кузнецу, ну не припомню, чтобы в Иркутске когда голод был, — это со стороны Иды гладь, где солнце и припекает, а за кайской горой мест укрытых от солнца хватает, там снег в лед не обратился еще.

— Добро если так, — вздохнул отчим и тут же продолжил ворчать, — реки седмицы на две позже вскроются, а крицы у нас совсем немного осталось. Как бы не пришлось кузню закрывать, да работников по домам разгонять.

Вот ведь старый ворчун. Естественно кузню он закрывать не будет, там сейчас полным ходом идет изготовление основы талонов из железа. И крицы у него вполне достаточно, но как всякий производственник он неуютно себя чувствует, если сырья меньше чем на два месяца работы. Сейчас опять начнет попрекать меня, что по осени никого не отправил на

поиски железа. О, точно:

— Зря ты Захара, рудознатца, за железом в Саяны не отправил, уже точно бы знали, где и сколько железной руды добыть можно.

— Ну, только если для успокоения души, с того знания, — отвечаю, — все равно надо туда мужиков отправлять, да потом на плотах по реке Китой сплавливать. И привезут они первую руду только к концу лета, хорошо, если успеем дощаники нанять на еще один привоз.

— Да понятно это, — кивнул Асата, — а все-таки покойней было бы. А чего ты там про печь для выжигания серы говорил?

— Так то и говорил, серы в руде много, и чтобы она выплавке не мешала, надо бы ее перед этим прокалить. Сера сгорит, а железо останется.

— Все-таки плавить железо думаешь, — хмыкнул кузнец, — по-старому проковывать, хуже будет?

— Нет, не хуже, а лучше. Но ковкой железа много не добудешь, тем более рУды там не сильно-то много железа имеют, а вот если на мельнице руду смолоть, да на воде пустую породу отделить, а потом в домнах с углем протомить, вот тогда и пойдет железа столько, что выделявать успевать не будем.

— Ну, это все сказки твои, — усмехнулся в свои аккуратно стриженные усы отчим, — вроде как по щучьему велению. Сам-то не забыл, чем у Емели это все закончилось.

Да, да. Сказку про Емелю и щуку, мне удалось хорошо так переделать. В этой сказке пожелания Емели исполнялись четко, здесь щука дурака-лентяя не подвела, однако воспользоваться результатами Емеле никак не удавалось. То ведра при путешествии от проруби до дома опрокидывались в избе, так как ступать емкостям для воды лентяй приказал, а вот как перебираться через высокий порог инструкций не дал. То печь, сорвавшись с места, по пути не только стену дома разнесла, но часть построек — не озаботился Емеля приделыванием механизмов управления к средству передвижения, это лошадь разумна, а печь мозгов не имеет. А по мелким хозяйственным делам вообще сплошные недоразумения, вроде заготовки дров из сырого леса или постройки ворот, которые без щучьего веления не открываются. Кстати, когда народ эту сказочку слушал, то иногда некоторые казаки вдруг покрывались красными пятнами, а их соседи хитро переглядывались и ухмылялись, кивая на красных от смущения слушателей. Получилась сказочка 'не в бровь, а в глаз', даже среди мастеров присказка появилась, когда что-то было сделано не очень толково: 'не иначе по щучьему велению делалось'. Вот и теперь Асата попытался меня макнуть в то же самое, но 'тут это не там', даже если не получится в полном объеме свои задумки в жизнь привести, все едино выход годного железа будет достаточно большим.

Однако на основные проблемы своего развивающегося дела, кузнец пока не обращал никакого внимания, хотя уже и испытывал трудности, просто ему в голову не могло прийти, что рабочих людей в иркутской земле взять негде, и уже следующим летом он просто задохнется без рабочих рук. Пока наш завод как пылесос вытянул из слободы всех более или менее дельных работников, а дальше-то что делать? Не местные же народы на работу подражать, хотя видимо придется, в гомеопатических дозах, потому как при большой концентрации возможен летальный исход всего нашего гиблого дела. Есть правда одна задумка, но она может сработать совсем не так, как задумано — золото. Где именно и как добывали золото, я знаю, да и многие из моих современников знали, потому как Бодайбо и река Витим у многих бывали на слуху, так что дать точные сведения в приказ не проблема.

Вот только чем это обернется впоследствии, понятно, что туда погонят народ из европейской части России, но и местных тоже в покое не оставят. А местные у нас кто? Казаки, их плетью на работу не погонишь, мигом бунт с последствиями учинят, не хватало бы нам здесь еще одного Стеньки Разина. Ну а если до бурят дело дойдет, то тут однозначно война с геноцидом, а нам это надо? Нет, не готов я пока пойти на такое, надо искать другой способ привлечения поселенцев.

Караван с товаром без особых потерь дополз до Томска. Вот она столица Сибири. Почему Сибири? А потому, что именно здесь находился таможенный приказ, который отделял всю Россию от сибирской земли, получалось вроде как двоевластие. С одной стороны Российский приказ, который зорко следил за купцами на предмет провоза товаров без пошлины, а с другой большое количество местных сибирских приказов, которые обеспечивали львиную долю поставок меха в сибирскую столицу. Первые с большим успехом трясли проезжающих купцов и всегда были при деньгах, вторые же... Ну чего греха таить, если бы эти места были совсем без дохода, вряд ли кто стал там работать, это утверждение было применимо всегда, даже двадцать первый век, несмотря на всю демагогию власть предержащих, подтверждает правило без исключений.

Купец Гандыба, два дня назад опередив свой караван верхами, уже ждал на окраине города и, не давая людям и лошадям расслабиться, повел свои возы сразу на досмотр:

— Вот, Касьян, весь мой груз. Смотри, ничего от тебя не скрываю. — Кивнул он дьяку. — Заноси в таможенную книгу чего надо, а завтра перегружу все с саней на колеса и с Красноярским обозом в путь.

— С чего это ты так торопишься, Иван? — Дьяк привстал с лавки и медленно распрямил спину, затекла от долгого сидения за таможенной книгой.

— Дык того и тороплюсь, — вскинулся купец, — пока светло смотри, а то знаю я тебя, пока все до последнего воза не перешуipaешь не пропустишь, а мне еще людей разместить надо, успеть бы до 'Нижней'.

— Ну и разместил бы в приезде, там вашего люда ни шибко-то и много, поместитесь без тесноты.

— Там цены, как за три постоя дерут, — тут же возразил Купец, — да и тати сильно по ночам шалят. Слышал, третьего сторожа уже побили, и вроде как два воза свезли.

— А, да, было такое, — вынужден был согласиться таможенник, — так говорят и в Нижней тоже не без татбы.

— А в Нижней уже казаки охрану бдят, а с ними не забалуешь.

Дьяк накинуд тулуп на плечи, хоть и весна, а вечером подмораживает довольно-таки сильно, и направился к обозу купца. Конечно, сильно злобствовать он не собирался, но хотя бы видимость осмотра изобразить должен.

— С чего это ты утварь вывозишь? — Удивился дьяк, нащупав посуду через мешковину. — Не уж-то спрос в Москве на это появился?

— А, то не простая посуда, рисованная, — тут же пояснил купец, — простой люд такое

не купит, а в Москве, даст Бог, пристрою.

— А ну покажь!

Гандыба извлек из мешка керамическую тарелку из обычной глины, с нанесенным светлой эмалью рисунком.

— Ты смотри, красота какая, — хмыкнул таможенник, рассматривая изделие, в лучах заходящего солнца, — и почему продавать это будешь?

— Эту-то, — купец на секунду задумался, и глаза его хитро блеснули, — эту на торгу за два гривенника возьмут, а тебе могу так подарить.

Надо отдать должное таможеннику, он никак внешне не отреагировал на предложение купца, но прощупывание вожов прекратил сразу и, махнув рукой, пошел обратно в избу делать запись в таможенную книгу.

Когда возы Гандыбы выехали с таможенного двора, купец перекрестился и облегченно вздохнул, а хороша была идея расписать посуду из красной глины, и не так дорого и отбояриться легко, Васька как в воду глядел. Это же сколько сегодня удалось сэкономить? Верно никак не меньше трех сотен рублей, а может и больше, такой фарфор еще через сибирскую таможню не возили, как бы еще там дьяк оценил.

А вообще надо спешить, заканчивался март, скоро сибирские дороги окончательно раскиснут, и надо успеть проскочить до мест, где высоко поднявшееся солнце уже успело подсушить землю. Через день, вновь сформированный обоз, где в основном присутствовали братские и красноярские купцы, резво двинулся по Московской дороге, не слишком-то жалея лошадей.

До 'престольной' добрались к середине мая, невиданный рывок каравана из Сибирской глуши для этого времени.

Боярин Хованский Иван Иванович два дня назад возвратился в Москву со своей вотчины, он всегда с началом весны уезжал прочь из стольного города и возвращался в мае, когда дороги хорошо просохнут и городская вонь уже не так сильно ест глаза. Да, да, в этом Москва могла весной поспорить со многими столицами мира, но то только по весне, когда оттаивало все то, что накопилось за долгую, холодную зиму, зато потом становилось более или менее терпимо и можно без боязни прокатиться до своего дома. А вообще пора уже приобрести аглицкий экипаж, ну, тот, который с ременным подвесом, а то пока доедешь, всю душу вытрясет. Гораздо проще, да и комфортней, верхами по престольной пробираться, но нет, нельзя, урон чести, вот и приходится каждую кочку своей печёнкой ловить, несмотря на толстые подушки из конского волоса. Потом приходится пару дней на пуховых перинах отлеживаться, вот как сейчас. Однако пора вставать, вроде спина уже не так сильно-то и болит, да и печень не чувствуется, и вообще надоело уже бока отлеживать.

Иван Иванович тяжело вздохнул и откинул тонкое одеяло со своего тела и, потихоньку перебирая ногами, водрузил себя в сидячее положение:

— Степка! Где тебя черти носят? — Крикнул он, надеясь чуть погодя наораться всласть.

Однако лишний раз проявить недовольство боярину не дали, все-таки постельничий уже достаточно изучил характер своего хозяина, и не успело знатное лицо еще набрать воздуха в легкие, чтобы снова выразить свое возмущение, как дверь распахнулась, и в спальню шагнул Степан, возглавляя процессию дворовых с почищенной и оглаженной одеждой. Хованскому осталось только еще раз вздохнуть — нет, не заладится сегодня день, ей Богу не заладится.

Пока грузный боярин терпеливо сносил издевательство над своим телом, на которое навешивали все больше и больше тяжелых одеяний, статус, черт бы его забрал в преисподнюю, Степан делился последними новостями:

— Патрик Гордон, на прошлой седмице из своего имения пожаловал, и в тот же день к Шеину. О чем они там с генералиссимусом разговор вели не ведомо...

— Тоже мне, Лешка Шеин генералиссимус. — Тут же выплеснул недовольство боярин. — Давно ли тут по Москве пытался шустрить, а вона, покрасовался во время стрелецкой бузы и на тебе, генерал. И Гордон, немчина этот, голозадый, все царя привечает, а для чего? А для того, чтобы ересь католическую на Русь принести, а Петр и рад дружбу с иродом водить, да еще Лефорт, этот сводник... Тьфу.

Последнее совсем испортило настроение Ивану Ивановичу, это же надо, при молодой жене по срамным немецким девкам бегать. Да ладно бы молодой царь втайне бегал, со временем перебесился бы и все, так нет же, деньгой немалой одаривает. Эта девка уже и дом в немецкой слободе строит, да не простой дом, а каменные палаты, какие и не каждый боярин из знатного рода себе позволить может.

— Да, Гордон вчера на торгу за китайский фарфор, который 'сервиз' называют, сибирскому купцу пять сотен рублей отдал, да и остальные немцы возле того фарфора выются, пытаются купца усовестить. Но купец упертый попался, цену, ни в какую, не снижает, стоит на своем. А то и верно, чего ему меньше за фарфор просить? Только на торгу свой товар показал, а уже в очередь. Вон, говорят Стрешнев, тоже деньги кинулся занимать.

— Ну этот-то нище брод куда лезет? — Хмыкнул боярин. — У этого никогда денег не водилось. Видно перепродать хочет и деньгу на этом заиметь.

— Скорее всего, — согласился Степан, копаясь в перевязи тяжелого кафтана на грузном теле, — но фарфор тот и в сам деле красив. А уж императорский сервиз совсем красота небесная, уж больно затейливо расписано, и краски все разные, а не только синь изразцовая. Я когда то увидел, глаз не мог отвести.

— Говоришь, красив этот фарфор? — Насторожился Хованский. — А чего ж, никто не купил?

— Так цена у него такая, что большой ущерб казне будет, — в это время Степан закончил с первым кафтаном и принялся одевать своего благодетеля во второй, — Две тыщи рублей за него требует, где ж немцы такие деньжищи возьмут, они к нему даже и не прицениются.

— Так, так, — протянул боярин, появилась возможность в очередной раз утереть нос своим соперникам, и в особенности Стрешневу. Хоть и жаль было таких денег, а все же показать, что не лаптем щи хлебаем, надо, пусть знают чей род богаче.

— Ты вот, что Степан, вели запрягать, — при этом боярин передернулся, и вновь заняла нижняя часть спины, в предчувствии возможных последствий, — посмотрим, какой там фарфор купец предлагает.

Торг встретил вельможу кричащей толпой и сумятицей, но толкаться ему не пришлось, дворовые взяли народ в кнуты, отгоняя с пути Хованского зазевавшихся, но злобствовали не сильно, так, больше для острастки, а то в этой неразберихе можно и кого из знати приголубить. Идти далеко не пришлось, стена людей отхлынула в стороны и перед Хованским открылись широкие лавки с расставленными фарфоровыми изделиями. Даже с десяти сажений боярин рассмотрел сияющую на солнце цветастой росписью утварь:

— Ты про этот фарфор сказ вел? — Кивнул вельможа в сторону лавок.

— Ага, — подтвердил Степан, радуясь, что купец не успел расторгнуться, и хозяин может убедиться в правоте постельничего. Пусть сам посмотрит.

А посмотреть было на что, чистейшей белизны фарфоровые изделия сияли своими цветастыми росписями и ублажали глаз совершенными формами.

— Смотри-ка, — хмыкнул боярин, протянув руку к изящному блюду, — точно в Китае выделано, нечто еще где смогут такое сработать?

— И верно, Иван Иванович, — поспешил поддакнуть ключник хозяину, потому как не мог допустить хоть и временного возвышения постельничего в своих глазах, — красоту такую и в царских палатах не стыдно показать.

— Не стыдно? — Приподнял бровь вельможа, и сверкнул злыми глазами — расхваливать вещи при торгах в присутствии продавца, не от большого ума. — Ну, это ты Федя зря.

Поняв, что сморозил глупость, ключник поспешил скрыться за спины дворовых. Но не тут-то было, вести торг с купцом предстояло именно ему, а потому он был тут же с успехом извлечен из своего ненадежного убежища и поставлен рядом с постельничим для разговора с купцом, ибо неуместно опускаться боярину до торгов с купцами.

Ну а дальше пошел и сам торг, одна сторона искала изъяны в изделиях и предъявляла претензии, а другая же наоборот отвергала все нападки и недостатки оборачивались достоинством.

— Да что ж ты такой жадный-то, — чуть не кричал на купца Степан, — сам, поди, за бесценок этот фарфор в Китае взял, а с нас такую деньгу дерешь.

— Да где же жадный, — возмущался купец, — ты вона, по рядам глянь, дешевле всех отдаю.

— Откуда ж ты взял, что дешевле, — в свою очередь влез ключник, — вон там блюда китайские по рублю торгуют.

— Ну, так если 'там' так дешево отдают, там и берите. Я же не блюдом торгую, это императорский сервиз, на двенадцать персон, сам удивляюсь, как удалось с Китая такую красоту умыкнуть. Деньгу на выкуп в складчину собирали, дешевле двух тысяч без сотни никак отдать не могу.

— Нет купец, так не пойдет, — вновь взял слово Степан, — мы с тобой уже сколько времени торгуемся, а ты ничего больше предложить не хочешь.

Купец натурально вздохнул, показывая, насколько он устал от таких непонятливых покупателей:

— Ладно, могу в довесок еще самовар отдать, — при этом из-за лавки было извлечено начищенное до блеска медное изделие, — вещь в доме нужная, а для варки чая необходимая.

— Да что ж, это такое делается, — тут же возмутился ключник, — в этом твоём самоваре меди всего фунтов на десять. Разве это дело?

— Ну как хотите, — сдулся купец, — меньше просить не могу, в убыток будет.

Степан покосился на боярина с большим интересом следящего за ходом торгов.

— Эх, без ножа режешь купец, — постельничий почесал затылок под шапкой, после едва заметного кивка Хованского. Боярин был бы не против дальнейшего торга, но его острый глаз заметил прибытие на торжище одного из своих конкурентов. — Будь по-твоему, по рукам.

— По рукам, — тут же отозвался повеселевший купец, — и не сомневайся, доставим все в целости и сохранности.

Уходя с торго, Хованский не отказал себе в удовольствии обернуться и посмотреть, как помощники купца суетились, упаковывая сервиз в ящики, а сам купец что-то втолковывал приказчику боярина Стрешнева и в замешательстве разводил руками. То, что Стрешнев не мог самостоятельно купить фарфор за такую цену, Иван Иванович не сомневался, скорее всего, это он для Петра старался, а перебежать дорогу молодому царю в последний момент — радость.

Расторговался Гандыба практически мгновенно, не успел разложить товар, как с немецкой слободы хлынул поток иностранцев.

— 'И чего такой спрос?' — Недоумевал купец. — 'Ведь есть же на торгу фарфор из Китая'.

Но оказалось, что он ошибался:

— Иван Федорович! — Подскочил к нему приказчик, пробежав по лавкам конкурентов. — Такого фарфора, какой мы привезли, на торгу нет. Либо вид простоват, либо рисунок с изъяном, надо вдвое цену поднимать.

— Надо, — согласился купец, — жаль сразу нужную цену не назначили. Поди, предупреди мытаря, а то потом кричать станет, что де обманули.

Самовары тоже не остались без внимания, и зажиточный московский люд разбирал их с удовольствием, так что к концу дня, от прежней роскоши осталась только треть. Такой торговли Гандыба на своем веку не помнил, а приказчик утаскивал уже третий сундучок с серебром в лавку под охрану нанятых здесь служивых. А те в свою очередь взяли бердыши наизготовку, и опасливо оглядывали торг, таких деньжищ ими охранять еще не приходилось, и о чем только думал купец, нанимая всего двоих для охраны такого богатства? Утро следующего дня не принесло особых изменений, народ по-прежнему рвался к лавкам купца смотреть на диковинки сработанные в 'тридевятом царстве' и это в свою очередь обеспечивало устойчивый спрос. Один из 'императорских' сервизов купил какой-то немец, который, кстати, неплохо торговался на русском языке, сговорились с ним за две тысячи, как и планировалось, хотя торг начали с двух тысяч трехсот рублей, в итоге купец стал богаче на три пуда серебра. Второй подобный сервиз приобрел приказчик с какой-то знатной дамой, тоже немкой, причем торговаться долго они не стали, так что плюс сто рублей серебром дополнительно к цене перекочевали в окованные сундучки купца. И, наконец, последний фарфор 'с красной' росписью достался боярину Хованскому, тут уж пришлось попотеть, уж больно прижимисты оказались подручные князя. Сервизы с синей изразцовой росписью, в количестве шести штук, были выкуплены представителями немецкой слободы по цене от трехсот до пятисот рублей.

Под конец второго дня Гандыба пристроил несколько оставшихся самоваров на реализацию соседям по бизнесу и окончательно покинул торговые ряды. Уже вечером они с приказчиком и двумя помощниками, в откупленном на время нахождении в стольном граде доме с небольшим двором, подвели итог.

— Иван Федорович, двенадцать пудов серебра, — сообщил приказчик купцу, — да сказали бы мне, что такие деньжищи можно за два дня с товара выручить, ни за что не поверил бы. Делать-то чего теперь с этим будем? Ну, на пару пудов можно товару прикупить, тканей там, красок заморских..., а остальное везти в Иркутск придется, надо бы охрану хорошую нанять.

— Охрану-то? — Гандыба вытер неожиданно проступивший пот со лба. — Это да, надо нанять, а то мы и из Москвы можем не выехать, знаю, вид серебра многим глаза застит, разума лишает. Но будем надеяться Бог не оставит нас без защиты.

При последних словах мужчины дружно перекрестились.

— Пойду завтра в приказ, — меж тем продолжил купец, — надо прошение на патент по выделке стекла подать, Васька Дежнев просил, и треть своей доли на это выделил. Так что, даст Бог, не так уж много серебра назад придется везти.

— Иван Федорович, ты сейчас про кого?

— Так известно про кого, — ухмыльнулся Гандыба, — про Ваську горельца.

— Тю-у, — удивился приказчик, — а не велика ли честь его по фамилии привечать?

— Ты, Алексей, вроде бы и не дурак, но иногда с умом не дружишь. — Вздохнул купец. — Вот сколько мы в Москву своего товара привезли?

— На триста рублей.

— Вот, а чужим товаром наторговали больше чем на семь тысяч. Да я за такую благодать буду Ваську, не Васькой звать, а Василием Алексеевичем и вас всех, шельмецы, заставляю. И чтоб ни один волосок без разрешения с его головы не упал.

Приказ встретил купца длиннющей очередью и скученностью писцов, причем столы последних были полностью завалены свитками, так что писать им приходилось используя в качестве опоры под свиток свои бедра.

— Вот же, — купец озадачено теребил свою бороду. Давая обещание мальцу он никак не ожидал таких трудностей, да тут только для того чтобы прошение дать, нужно будет целый день потерять, а уж решения придется до холодов ждать. Нет, надо решать эту задачку как-то иначе. Иван Федорович внимательней присмотрелся к обитателям приказной избы и, через некоторое время его глаз зацепился за то, что должно было помочь ему в нелегком деле выделки нужной грамотки.

Купец достаточно долго смотрел на распорядителя, обладателя большой черной бороды, чтобы привлечь его внимание, а потом чуть шевельнул рукой в сторону выхода. Что это могло означать, бородач догадался сразу и так же чуть кивнул, давая понять, что готов выйти для встречи.

— Доброго здоровья... Э-э, — начал разговор Гандыба.

— Онисимом, нарекли, уважаемый, — пришел ему на помощь распорядитель.

— А меня Иваном кличут, — непонятно чему обрадовался купец, — тут вот какое дело, Онисим, нужно мне патент на выделку стекла оформить, а времени на отстаивании таких очередей нет. Вот если бы кто поспособствовал, я бы в долгу не остался.

— Ишь ты, патент? — Бородач в задумчивости принялся растирать шею. — С патентом на выделку стекла будет трудно. То прошение должно к боярину в поместный приказ попасть, потом надо будет за патент немалую деньгу платить, да за каждый год, в который будешь стекло выделывать. Да еще немало приплатить придется, чтобы прошение долго своей очереди не дожидалось, так что дорого тебе это Иван обойдется.

— Так ты не тяни Онисим, — вмешался в рассуждения купец, — скажи сколько, а там может и сговоримся.

— Ну что ж, тогда так, — принялся рассуждать служащий, — чтобы прошение оформить да без задержек боярину подложить, потребуется два рубля. Потом сама грамотка и оплата патента за первый год, тридцать рублей, за каждый последующий по пятьдесят. Ну

и дьяку за беспокойство, рубля три понадобится отдать. Готов ли ты Иван такие деньги платить?

— Готов, — выдохнул купец, траты оказались много ниже чем он думал, получается зря его Васька пугал. А может быть и не зря, кто его знает, какие убытки пришлось бы терпеть, продвигая прошение как все.

Не прошло и двух недель, как обоз купца, загруженный добрым товаром, двинулся в обратный путь, добраться до Иркутска торговец планировал к концу августа. Нужно сказать что весь обратный путь, маленький караван Гандыбы проделал без приключений, почти без приключений, потому как купец был не только предусмотрительным, но весьма хитрым человеком. Однако даже он не мог подозревать, что его эпическая торговля китайским фарфором в Москве может обернуться серьезными последствиями в жизни некоего молодого человека.

А начались эти события с царского любимца, иностранца по происхождению, Лефорта Франц Яковлевича. В тот день, когда караван купца отмерял версты долгого пути, Лефорт был приглашен на обед своей бывшей любовницей Анной Ивановной Монс, которая четыре года назад, стала возлюбленной одного знатного молодого человека.

— Откуда такое великолепие, Анна? — Воскликнул Лефорт садясь с остальными приглашенными за обеденный стол. — Этот фарфор просто изумителен, далеко не всякий королевский двор может позволить себе такое приобретение.

— О да, Франц, мне наконец-то удалось удивить тебя, — рассмеялась, довольная произведенным эффектом, хозяйка, — этот китайский сервиз обошелся мне очень не дешево, но он того стоит.

— А сколько именно?

— Фра-а-анц, — хозяйка кокетливо погрозила пальчиком своему 'знакомцу', - спрашивать об этом просто неприлично. Но тебе, как моему старому, другу скажу без утайки, мой приказчик отдал за него две тысячи сто рублей.

Гости дружно рассмеялись, спрашивать о тратах хозяина, действительно было не принято, но если всё-таки кто-то решился по собственной воле поведать о расходах, то это означает, что все присутствующие входят в круг близких друзей.

— Две тысячи? — Брови Лефорта приподнялись в удивлении. — Тебе очень сильно повезло, во Франции такой фарфор был бы оценен много дороже.

На этом 'деловой' разговор прекратился и остальное время было потрачено на светский разговор, а по простому, на обсуждение сплетен, в изобилии наводнивших стольный град. Уже покидая дом последним Лефорт повернулся к хозяйке:

— И кто тот благодетель, который отдал тебе такую красоту? — Имея ввиду сервиз, спросил немец.

— Хм, раньше ты не позволял себе таких высказываний. Ревность? Тогда останься и я докажу тебе безосновательность подозрений.

— Ревность? О, нет! Ты же знаешь, я не ревнив, да и к тому же, ты теперь принадлежишь другому, моему другу и я никогда не стану у него на пути.

Ответом ему был многозначительный смешок прелестницы:

— Ладно, ладно, Франц, я знаю, мужская дружба это святое. А сервиз этот был куплен на торге с месяц назад у сибирского купца. Он много там фарфора продавал, но таких красивых сервизов было всего три. Об этой покупке судачат многие, так что достаточно

поспрашивать соседей, их уши постоянно торчат под моими окнами.

— Да, Анна, насчет ушей, как-то не было предлога тебе сказать, тут появился еще один непроверенный слух, что некая молодая особа, ведет переписку с любовником через представителей церкви. Пока это только слухи, но цепные псы Ромодановского уже насторожились, надеюсь, мне не придется тебе объяснять, что может произойти, если эти слухи получают подтверждение.

Мягкая улыбка Монс мгновенно преобразилась в оскал:

— Ты не посмеешь!

— Я? Никогда, потому что знаю, что делают с гонцами, приносящими дурные вести. К тому же очень не хочется, чтобы это в будущем стало причиной разногласий с моим другом.

— У царей, друзей не бывает!

— Цари, тоже люди, и им нужно в трудную минуту опереться на надежное плечо. Анна, знаю, что ты упряма, и ни во что не ставишь трепетного отношения к себе молодого царя, но заклинаю тебя, будь предельно осторожна, Ромодановскому достаточно только заподозрить, а доказательства он добудет.

— Прощай Франс, 'спасибо' за предупреждение говорить не буду.

Через десяток дней в сторону Тобольска отправился небольшой отряд с наказом проследить весь путь китайского фарфора до самого Нерчинска. Причем полномочия, прописанные в грамоте Ромодановским, давались широкие, вплоть до полного закрытия торговли с Китаем.

— Сам там, на месте, посмотришь, — инструктировал боярин сотника, — и если дело стоящее, казенный караван с фарфором и шелком в Москву организуешь. Другим провоз товара с Китая запретишь. И еще посмотри, кто там эти медные самовары выделывает, если мастера дельные, хватай без разговоров и сюда, пусть в Туле свои таланты показывают, нечего им в далеких землях чахнуть.

Как я и предполагал, отчим в своей неумности перебежал дорогу почти всем мастеровым в слободе. Когда пришло время набора сезонных рабочих, купцы и мастеровые обнаружили, что брать на работу некого, почти все оказались при деле на заводах одного наглого кузнеца, и это при том, что сам Асата продолжал носиться по окрестностям и искать тех, с кого мог быть хоть какой-то толк. Сначала в слободке возникло недоумение, которое чуть позже перешло в подозрение, а когда возникла уверенность, то весь деловой люд мгновенно организовался, возмутился и двинулся разбираться с потерявшим берега наглецом.

Когда еще только начался процесс брожения в среде мастеровых, я уже знал, чем это может кончиться и на время возможной бузы отправил домашних погостить у Данилы Рябого, который до сих пор жил в нашей землянке и покидать ее не собирался. Хоть и должны были казаки Тропина наш дом защитить, но лучше 'от греха подальше'.

Когда толпа возмущенных людей появилась перед домом вся моя охрана уже заняла места в дворовых постройках стараясь не отсвечивать. Ждать когда дойдет до громкого стука в ворота не стал, вышел из дома и спокойно открыл настежь ворота, такое мое поведение несколько смутило мужиков, но не остановило:

— Где кузнец? — Начал допрос Сашка Черный, решительно войдя во двор.

— На Каю поехал, — спокойно отвечаю я, — должен скоро воротиться. Если хотите, можете подождать.

— Некогда нам здесь рассиживать, — проворчал Черный, — но то ли его ворчания не расслышали, то ли мужик не в авторитете, люди не чинясь прошли во двор.

Дальше работаю в темпе, тут же из сеней выносятся лавки, ставится небольшой стол, кудаставляю два больших кувшина брусничного морса, чуть заправленного медом, и, соответственно, множество берестяных кружек. Расчет простой, как бы решительно мужики настроены не были, но угостившись с хозяйского стола сходу бузить и размахивать клаками не станут.

— Слышь, Васька, — снова завел свою шарманку Черный, — может ты нам объяснишь, почто твой отчим всех работных к себе переманил?

Играю на публику, то есть делаю задумчивый вид и чешу затылок:

— Не понимаю я, можно телка приманить, лося во время гона, даже утку можно, а человека как? Человек по образу и подобию божьему создан, а значит, разум имеет. Нечто его можно против воли его заманить?

Я нарочно не стал произносить слово 'переманить' заменив его на 'приманить' и 'заманить', слишком нелепо в этом случае звучала предъявленная мне претензия. Находясь в сильном раздражении мастеровой даже не обратил на это внимание, однако суть моего ответа усвоил и от того покрылся красными пятнами:

— Ты мне тут дурака из себя не строй, — громко высказал он мне, — тебя о деле спрашивают.

— Так чего мне дурака из себя строить? — Пожимаю плечами. — Я и есть тот самый дурак, с самого рождения таким был.

Так, мужик завис, несколько раз он открывал рот в порыве в очередной раз наехать на

пацана, но вовремя спохватывался, другая очередная претензия пойдет только во вред.

— Подожди Сашка, — осадил возмущенного мужика другой хозяин, — прав малец, не может он на такие вопросы за отчима отвечать. Тут по-другому разговор нужно вести. Тут вот чего, Васька, случилось, — повернулся он ко мне, — мы всегда по весне, как лед сходит, работников к себе приглашали. А этой весной, оказалось, что нет тех работников, их всех твой отчим на завод сманил. А ведь они нашу работу за столько лет хорошо выучили, а теперь других искать надо, да негде и даже если мы найдем кого, то пока выучим. Вот теперь и скажи, отрок, как нам быть, и что бы сам стал делать?

Вот это да, обложил меня мужичок сразу со всех сторон, не дернешься, а надо.

— Я так думаю дядька мастер, — принялся я плести кружева из слов, — коли ты работника обучил и в люди вывел, то должен он быть тебе благодарен и должен некоторое время на тебя отработать. Да и не станет он уходить от тебя, если делу научился, если труд его оценили и добрым словом отметили. А коли ему только тяжелые работы достаются, да грозные окрики хозяина, то сбежит такой работник при первой возможности к другому хозяину, ей-ей сбежит.

Хозяин хмыкнул, но позиций своих не сдал:

— Вот послушать тебя, вроде бы ты все правильно говоришь, про доброе слово, да только не вся это правда. Для того чтобы работник хорошо работу делал много лет учиться надобно, а хвалить его лишний раз нельзя, подумает еще, что все правильно делает и всему научился, а в нашем деле это во вред. Не понимает он, что хозяин не только о себе печется, и грозный окрик ему только на пользу идет, в строгости и прилежании мастерами становятся.

Во, философ доморощенный чего делает, и не выскользнешь. Слушайте, ну откуда в эти времена такие люди берутся? Тут даже Зосима со своими нравоучениями рядом не стоял.

— Так ведь бывает и по другому — выполняет свои уроки работник, а не лежит у него душа к тому. Ушел бы да некуда, а потом вдруг появился у него случай к другому делу пристроиться, где куда как интересней, разве ж можно ему запретить?

Мастеровой крякнул с досады, а что, дурака не переспоришь. Так то вот, пройдет время я вас научу строем ходить, а то взяли за моду, чуть что не так, сразу бузу поднимать.

— Так ты так и не ответил, нам-то чего теперь делать? — Продолжал гнуть свое хозяин. Ну, раз так, отпасуем:

— А кто мешает вам со своими работниками переговорить? Вдруг кто-то поторопился с выбором или за компанию на завод пошел, а сейчас и хотел бы вернуться, да совесть не дает. А я поговорю с отчимом, думаю, препятствий чинить не будет и таких работников от слова опрометчиво данного освободит. А ежели при том кого взамен предложите, так еще и уговаривать вернуться станет. Сам-то он чего на Каю поехал? Работников ищет, заводу их много требуется, пусть и без понятия они, а все ж брать придется.

— Говоришь замену подыскать? — Сразу уцепился за сказанное Евсей Бондарь, мужик-квадрат, что положи, что поставь, гном из сказки. — Это можно, только тут еще одна есть закавыка. Когда работник сам к хозяину с просьбой, это одно, а когда хозяин к работнику идет, это уже совсем другое.

— Вот тут делать нечего, — пожимаю плечами, — по согласию с вами помочь уговорить попытаться можно, но и только, остальное от вас зависит. Да и сами представьте, как оно будет, отчим на работу человека взял, сговорились, по рукам ударили, а теперь должен свое слово назад взять?

Хозяева затеребили бороды, действительно не по-людски получается, но и про свой

интерес забывать ни в коем случае нельзя. Как бы то ни было, когда Асата появился домой, основной накал страстей удалось сбить и народ хоть и хмурился, но уже руками размахивать не пытался. Дальнейший разговор по душам закончился взаимными договоренностями, хозяева ищут нам работников взамен тех на кого имели виды, а мы прилагаем все усилия на убеждение их вернуться к прежнему занятию.

Однако на этом не закончилось, тот самый Евсей, который был похож на гнома, решил поднять еще один вопрос:

— Слышь, кузнец. Прознали мы, тут по случаю, что ты со своими работниками не деньгами, а 'таликами' рассчитываешься, а потом они в твоих магазинах за эти талики товар берут.

Талики? Какие еще талики? Асата тоже недоуменно на меня косится. Достаяю из кошелька два талона, и начинаем искать откуда могли взяться эти пресловутые талики? А и точно, если посмотреть на надпись, то последняя буква 'Н' в слове 'тalon' своей правой стороной упирается в дырку и потому, при некоторой натяжке смотрится как буква 'К'. И в тоже время, в букве 'О' перед ней при наклоне рисунка верхняя и нижняя часть не просматриваются, вот и получился 'талик'. Объясняю отчиму, что произошло и он от смеха чуть не падает под стол, смеялся он так заразительно, что мужики вокруг не выдержали и тоже стали посмеиваться, хоть и не понимали в чем дело.

— Это ж, где такой грамотей выискался? — Спрашивает Асата, утирая слезы.

Судя по тому, что Сашка Черный резво покраснел, искать грамотея дальше не имело смысла, тем более что не так уж он и далек был от истины.

— То не 'талик', - принялся пояснять отчим, — а 'тalon', это долговое обязательство завода перед работником. Захочет тот, чтобы с ним рассчитались, приходит в наши магазины и забирает то, что ему нужно, на сколь этих талонов у него есть. А чтобы считать проще было, на талонах назначена цена обязательств.

— А если нет в магазине товаров, которые ему нужны?

— А вот если нет, — сразу стал серьезным Асата, — тогда по старому, берет то, что есть в магазине и идет менять на торг.

— Но деньга все одно нужна, как мытарю платить?

— А для мытарей мы работникам одну десятую деньгой отдаем.

— Ага, — прищурился Евсей, — а вот скажи мне, кузнец, ежели я тебя попрошу для расчетов по своим делам ссудить мне этих талонов, как решишь?

К такому обсуждению отчим был не готов, поэтому, не особо заботясь о своем авторитете, повернулся ко мне:

— Ну давай, Васька, расскажи людям чего ты там придумал.

Пожимаю плечами:

— А чего здесь думать, с талонами как с деньгами, хочешь их занять, вносишь в магазин либо деньгами, либо товаром по малой цене. Не хочешь по малой, свой угол откупаешь и сам за талоны торгуешь.

— Э нет, — тут же встрял Черный, вот же бузотер, — вы то сами денег не вносили, товар не торговали.

— То совсем не так, — возражаю мастеровому, — талонов в обороте ровно столько, сколько у нас денег и товара, будет больше, верить перестанут, а нам этого не надобно.

— Завтра товар в магазин завезу, талонов дашь? — Сразу перешел к практической части Бондарь.

— Сразу? Нет! — Дам на треть товара, остальное в зависимости как продаваться будет, вдруг товар окажется лежалым.

— Это мой-то товар будет лежалым, да моими бочонками весь посад пользуется, — тут же подбоченился Евсей, — а давай я в твоём магазине лавку откуплю, буду сам свое продавать.

— Одного не пойму, мужики, — в очередной раз встрял Черный, — да зачем вам эти талоны? Мы и без этого магазина сторговаться можем.

— Можем, Сашка, можем, — согласился Бондарь, — да только денегу мало кто дает, раза по три приходится обмен делать, пока на нужный товар сговоришься, а шкурками расплачиваться сам знаешь, с каждым разом в цене теряешь.

Все, процесс пошел, завтра буду сговариваться с артельными, нужно быстро большой пристрой к магазину ладить, да делить его на торговые места. Заботы резко прибавится, нужно кого-нибудь нанимать в помощь нашим торговцам.

Дед Голень сидел за столом у окна и пил китайский чай, радуясь наступлению настоящего летнего тепла, при этом он присматривал за внучкой, которая сидя на завалинке, пыталась сплести из березовой коры небольшой кузовок. Получалось не ахти, хоть и старалась девчонка, а все равно без искры в душе ничего путного не выходит.

— 'И как это так красиво и ловко у соседских, Дашки с Лисаветой, выходило?' — При этом думал он. — 'Вроде бы и усилий никаких не прикладывали, а раз, раз и готово, да так ладно, хоть сразу на торг. Ан нет, они еще и украсят так, что люди с руками рвут. Всё говорят их Васька учил, вот откуда у мальчика что берется? Раньше ходил Васька дурак, а теперь люди и по отчеству не стесняются его звать. Высоко взлетел малец, у купца Гандыбы лучший компаньон и над двумя заводами приказчиком стал.'

Вдруг пару раз гавкнул кобель и, виляя хвостом, двинулся к воротам, зная Тимофей, младший, с берестой из дальней рощи вернулся, вблизи-то все ободрали. Пора заканчивать с этим делом, прибытка никакого, как последний раз на рождество выкупили часть поделок, так и все, если и покупают чего, так больше возни. Сын открыл ворота, завел лошадь с телегой во двор, и бросил поводья, всю остальную работу сделают внуки Голени, которые уже принялись тягать листы коры из телеги в сарай на просушку.

— Что-то ты сегодня долго, — высказал свое мнение отец.

— Так и дальнюю рощу ободрали, пришлось по остаткам добирать, — принялся оправдываться сын, — сейчас в округе хорошей коры не сыскать.

— А не нужна она больше, — высказал свое мнение хозяин, — нет от нее прока, пора тебе другую работу искать. Сейчас пристроиться говорят легко, как кузнец свои заводы поставил, так работники сразу в цене стали. Хочешь на верфь иди, правда там только до холодов работа будет, хочешь на кирпичный, там работа потяжелей, зато платят хорошо, а можешь возницей в караван, но там с деньгой трудно.

— Бать, с деньгой сейчас везде трудно, на кирпичном купец денег мало платит, в основном товар предлагает. А, работники не жалуются, потому как он обещает скоро талоны выдавать, чтобы в заводских магазинах могли товар брать.

— Чего? — Голень отставил кружку, — чего там еще за талоны?

— Это вроде денег, — принялся разъяснять ему сын, — так-то они цены не имеют, но в магазине завода на них можно любой товар взять, да еще по меньшей цене, потому как своим. А еще там лавка менялы, где можно за деньги эти талоны выкупить, только вот

обратно талоны меняла не берет, но их можно тут же другим продать. Вон, Архиповы вчера там муку покупали, неnamного, но дешевле получилось.

— Пусть его, — махнул Голеня рукой, — нам чего с этого? Только если ты работу у Асаты найдешь.

— Ладно, загляну сегодня к Ваське, вдруг присоветует чего. — Сын придвинулся к отцу и понизил голос. — Тут Сашка, сын Глыбы, как-то похвастал, мол, знает, при заводе кузнеца какие-то тайные цеха есть, где работы делают так, чтобы секреты не вывели, так там работники вдвое против других получают. Мы его с парнями на следующий день пытали, так он уперся, вроде как соврал, не подумавши, потому просил больше никому такого не говорить. Я так думаю, не врал он, а от своих слов отказался потому, что вся спина исполосована была, видимо его батя про то узнал, а он на заводе печи ладит.

— Вот же ж, — озадачился дед, — а ведь вполне может быть. Но тут осторожней надо, просто так вдвое кузнец платить не будет, не шибко он с денег щедрый. С Васькой поговори, но про секретные цеха не поминай, потому, как я бы на его месте тех, кто туда сам просится ни за что бы не пустил. Он тебя хорошо знает, соседи все-таки, поэтому плохого не присоветует, если сам не предложит, то и не стоит оно того, а если предложит, то сам понимаешь, молчать должен, узнаю что проболтался кому...

— Да ты что, батя, не уж-то я не понимаю?

— Сам про Сашку сказал, нешто он не понимал? А дошло только когда отец вожами.

Любим Матвеевич Кровков добрался со своим отрядом до Тобольска к началу августа, вроде бы и не медлили, а поди ж... Велика Россия. Отдыхать с дороги не стал, в тот же день двинулся в Сибирский приказ. Воевода Андрей Фёдорович Нарышкин без промедления принял посланника Ромодановского:

— Какими судьбами в наши края, сотник? Служба, али к отцу в Якутск едешь?

— Служба, Андрей Федорович, — поклонился Любим воеводе, — боярину Ромодановскому надобно, чтобы я в таможенные книги глянул, да по поводу одного купца прознал.

— Ну, служба, так служба. — Кивнул Нарышкин. — Сегодня отдохнешь с дороги, а завтра в приказ пройдешь, все что понадобится, покажут. Ну а пока поведай чего там, в Москве, говорят царь, Петр Алексеевич, большим посольством к голландским немцам отбыл.

Дальше разговор пошел о жизни Москвы, и ничего существенного не содержал, кроме настроения служивого люда:

— Да-а..., - протянул воевода, теребя бороду, — опять стрельцов кто-то на бузу подбивает, никак от Софьи все идет. Ох и тяжело после этого будет, Петр Алексеевич и так сестру не привечает, а если стрельцы еще раз бунт учинят, не сносить ей головы. Думаю, вольницу стрелецкую царь более терпеть не станет. Ну, да ладно, даст Бог не посмеют против царя идти.

На этом разговоры закончились, хоть воевода и был хорошо знаком с отцом Любима, но

статус держать должен и с простым сотником вести долгие беседы не мог.

С утра Кровков посетил приказ и, забрав дьяка, отправился смотреть таможенные книги:

— Это что? — Брови сотника полезли на лоб, когда он увидел забитые свитками и книгами полки до самого верха в писчей избе.

— Вот, здесь и хранятся все наши книги и списки товаров, с которыми купцы проезжают. — Пояснил ему дьяк. — Если чего надо найти, тут и ищем.

Настроение Любима резко упало, а когда служащий пояснил ему какой объем придется перевернуть, потому, как все распределялось не по времени писания, а по наличию свободного места, совсем лишился надежды.

— Мы здесь век искать будем, — вздохнул сотник.

Однако дьяк был не согласен:

— Нет, долго искать не придется, в седмицы три или четыре управимся, а заодно и все свитки прошлого года выберем, не хранить же их дольше. — Но увидев на лице служивого отчаяние, продолжил. — Ты бы сказал, чего ищешь, может и не понадобится здесь искать.

При упоминании китайского фарфора, служащий хмыкнул и потянул сотника на склад:

— Тут дело такое, раньше купцы часто фарфор в Москву везли, теперь-то много меньше, ну и если сбор оплатить не могли, то фарфор здесь оставался, мол, выкупят потом. А потом выкупить не смогли, казна за долг выкупила.

То, что дальше увидел Любим никак не укладывалось у него в голове, в огромном длинном бараке ситуация повторилась как с документами, отличие было только в том, что китайский фарфор лежал прямо на земляном полу, в кучах, переложенный соломой для большей сохранности.

— Так чего же тогда в Москву не свезут?

— Так знамо чего, — хмыкнул дьяк, — надо же караван собирать, людей нанимать, и в Москве торг вести. А денег в казне воеводы мало, и потом те деньги обратно не вернутся. Купцы тоже здесь брать не станут, по такой цене им только в убыток торговать, а скинуть нельзя.

М-да, отправляясь в Сибирь, сотник не без оснований считал, что купцы, привозя китайские товары в Москву, устанавливают цены много выше, чем все это должно было стоить, однако сейчас у него зародилось первое подозрение, что большими прибылями здесь и не пахнет. Вообще становится непонятно, с чего это купец решил пойти на такой риск, как торговля фарфором в Москве? И куда смотрела купеческая сотня, ведь по существу торговец обошел давний запрет на обязательство продавать весь товар оптом привилегированным купцам? Впрочем, последний момент прояснился быстро, помог с разъяснениями дьяк, тут купец был в своем праве, некоторые товары, и в том числе фарфор, не входил в перечень обязательных к оптовой перепродаже. Что касается Нерчинска, то тут новая загадка, основной поток Китайских товаров, шел другим путем, через западную Монголию, а все что поступало через Байкал, оседало в самой Сибири, и в Москву попадало редко. Выяснилась и еще одна деталь, изделия, представленные сотнику, хоть и звались фарфором, но вида были посредственного, особенно по сравнению с тем что продавалось в Москве. На это служащий только пожал плечами:

— Так ведь ежели фарфор искусный, так и цена у него добрая будет. В Китае хороший фарфор тоже в цене немалой.

Оценив примерный объем и цену хранящегося в Тобольске товара, Любим отправился

по Красноярской дороге, караван купца он должен был обогнуть где-то на пути от Красноярска в Иркутск, конкретно искать купца пока смысла не имело, вот после Нерчинска, поговорить с торговцем было можно и нужно. Однако случай распорядился по иному, на пятый день выхода из Красноярска, только успели после ночевки начать путь, как наткнулись на обоз купца, который чего-то ожидал, не выходя на дорогу. Сотнику это показалось любопытным и он, выпросив где купец, отправился к нему:

— Почто встал, купец? — После приветствия спросил Любим торговца.

— Да вот, засланные казачки, сундучок с казной умыкнули, — усмехнулся тот, — ждем, когда отыщутся.

— Да как их в такой глуши отыскать-то? — Удивился сотник, оглядывая густо росшие деревья. — Тут на десяток саженей отойдешь и уже не видать.

— А чего смотреть? Услышим их скоро, обозначат себя.

— С чего бы? — Хмыкнул Любим, и тут же где-то далеко в лесу чуть слышно бахнуло.

— Ага, вот и обозначились тати, — обрадовался купец вслед кинувшимся в направлении звука казакам, — сейчас казну принесут, и дальше двинемся.

— Хм, А для чего они стрельнули?

— Так это не они стрельнули, — пояснил торговец, — у меня в казне три фунта не зернённого порохового зелья с кремневым замком от фузеи заряжены были, вот и стрельнуло, когда замок сбили да крышку подняли. Может кто жив остался, ну а если преставились, то не я взял грех на душу.

При последних словах купец перекрестился.

Пока ждали казаков, Любим подробно обо всем расспросил торговца. Как сотник и предполагал, в отношении фарфора ответы купца были невнятными, больше запутывали, чем помогали разобраться, да какой торговец свои секреты выдаст, только если на дыбе, но строже спросить можно и после похода в Нерчинск, а пока давить смысла не имеет. Любим, наоборот постарался вести себя с купцом более дружелюбно, чтобы не насторожить раньше времени, а вот по самоварам от него скрывать ничего не стали.

— А что тут такого? — Удивлялся он. — Медь у монастыря купили, да без торга, да за какую цену назначили, а выделку на заводе кузнеца Асаты делали, тебе все едино через Иркутский острог путь держать, там и глянуть можно.

Прошло не так много времени, солнце не еще не успело набрать жара, как казаки вернулись:

— Оба смерть приняли, — доложил десятник, — одного даже на части разорвало. И это, Иван Федорович, ты в следующий раз поменьше пороха ложи, хорошо, что они сундучок в овраге открыли, деньга недалеко разлетелась, а так придется по всей тайге собирать.

— Так охраняйте казну лучше, — тут же выразил недовольство купец, — а порох больше заряжать не стану, толку теперь. Чего лучше придумаю.

Долгий путь до граничного острога закончился в Сентябре, короткий разговор с воеводой и снова знакомство с состоянием дел по торговле и вот тут Любима ожидал настоящий шок.

— А, так тебе фарфор нужен? — Почему-то обрадовался дьяк. — Так его здесь много продается, только наши купцы брать не хотят. Пойдем к китайцам, сам все увидишь.

В отличие от Тобольска китайские склады в Нерчинске выглядели куда как лучше, товар не лежал на земле, а был аккуратно размещен на полках и переложен рисовой соломой. Но цена. Цена оказалась примерно такой же, какая была в Тобольске. Организовывать караван

отсюда в Москву не имело никакого смысла. Но не это больше всего поразило служивого, после осмотра китайской продукции, дьяк провел его к ближайшему оврагу, а там... А там все дно оврага было покрыто толстым слоем осколков фарфора.

— Это откуда столько? — Охнул Любим. — Неужто в пути побилось?

— Да какой там, в пути, — махнул рукой дьяк, — то сами китайцы своей товар побили, чтобы цену держать. Поначалу-то, как товара много стало, цену меньше назначали, но наши купцы все одно редко брали, а потом кто-то из знати от их императора приехал и велел большую часть побить. Три дня сюда фарфор возили и палками в черепки разбивали, а цену назначили такую, что никто теперь не берет. Шелк торгуют, зерно, чай, ревень, но не фарфор. Если где и провозят тайной тропой, то удача купцу, а так, только в убыток.

— Так, так. — Только теперь у сотника появилось понимание того, что вопрос торговли фарфором не так прост, как казалось с самого начала и организовывать большой караван из Нерчинска даже казне в убыток, только если... Только если не взять в оборот сибирского купца и не заставить расширить дело через свою тайную тропу.

Наш компаньон, вернулся только к сентябрю. Да, это не двадцатый век, где Железной дорогой добраться до Москвы можно в четыре дня, в эти времена путешествие длится месяцами. Если отправлялся в путь отсюда он с дюжиной возов, то обратно вернулся с пятью десятками, и доволен как слон. Все, что он планировал сделать, сделал, а его очередной караван в Нерчинск, вернулся еще в июне и тоже расторговался удачно, но я ему не завидовал, теперь у него будет голова болеть, куда привезенный товар девать? Я уже говорил, что с деньгами проблема, их недостаток сильно тормозил дальнейшее развитие, начиная с какого-то момента купец станет работать в холостую, то есть у него появлялось столько товара, что дальше не имело смысла заниматься прибылью. Получалось, что вроде бы купец и богат, а чистых денег у него не так уж и густо.

— Что это? — Спросил он меня, крутя в руках красочные прямоугольные разнокалиберные пластинки.

— Талоны, — ответил я, — эквивалент денежных кредитных обязательств. Здесь есть талоны на копейку, на десятник, на гривенник. Вот этот самый большой на рубль, но думаю, их много не понадобится.

— Почему?

— Так это работникам, чтобы отоваривались в нашем магазине. Зачем им рублевые талоны, им даже гривенника много будет.

— А зачем талоны вообще? — Удивился купец, — своих-то можно и так, под список отоваривать, да и денег я тебе привез.

— Деньги всем нужны, а потому они быстро от нас уйдут к другим торговцам, а так они при нас гораздо дольше останутся.

— Во как, — Гандыба почесал затылок, — а ежели все эти талоны обменять на деньги затребуют?

— Обменивать на деньги можно, но лишь часть, и то за процент, остальное извините,

это наши талоны, на наши товары. Мы никому денег не обещали, покупай за талоны наш товар, и продай за деньги, если сможешь.

— Ха, это дело, — обрадовался купец, — получается со своими вы будете совсем без денег рассчитывать.

— Нет, 'совсем без денег' не получится, — поспешил остудить компаньона, — деньги работникам тоже понадобятся, им не только наш товар нужен, да и мытарей никто не отменял.

— Это да, — согласился Гандыба, — но дело все равно стоящее.

Присоединяться к нашей талонной системе Гандыба пока не стал, потому как у него торговля оптом и здесь талоны не применимы, но, судя по тому, что он все чаще просил пояснить то один момент, то другой, скоро придет к нам с отчимом с предложением. А так как купец всегда купец торг предстоит долгий.

В конечном итоге наш магазин преобразовался в этакий крытый мини рынок и народ хлынул в него из любопытства и вот тут всех ждал облом. Продажа за деньги в лавках запрещена, только за талоны. Где взять талоны? А рядом, в углу лавка менялы, который обменяет вам деньги на талоны. Только берите точно столько, сколько нужно для покупки, обратный обмен талонов на деньги меняла не производит. Понятно зачем это сделано? Вот именно, люди обязательно будут промахиваться и брать больше чем нужно, да и неудобно за каждой покупкой бегать к меняле, таким образом у них на руках окажутся талоны и в конечном итоге они станут ходить по рукам как точный эквивалент денежных средств. Циничный двадцать первый век рулит.

Да! Дела с разработкой железной руды в верховьях реки Китой, как я и предполагал, шли успешно. Захар, рудознатец, был отправлен с группой мужиков в Саяны, сразу как сошел снег. Уже через месяц мы получили от него первую весточку, что руду он нашел добрую, и мужики занялись ее добычей, а уже в июле сплывились первые плоты с рудой. К концу августа дощаниками навозили целую гору руды, чтобы на всю зиму хватило. Вообще-то это не дело, надо бы на следующий год, в Саянах мельницу ставить, да заняться обогащением руды, и даже можно будет там печь для обжига и получения железорудных окатышей ставить, чтобы возили уже готовое сырье для домны.

После обработки и прожига руды, попытались провести первую плавку в домнице, сделанной на скорую руку, чугун не получился, сразу скажу 'не получился' он еще три раза. По-моему над моими потугами все рабочие хохотали, мол, с суконным рылом, да в калачный ряд. Но даром мои эксперименты не прошли, хоть чугун и не получился, зато крицы наработали в нужном количестве.

Пятую попытку делали уже в сентябре, и мои труды, наконец-то, увенчались успехом, чугун получился! Всего девять пудов, смотреть не на что, но как сказал в мое время один человек, первый высадившийся на Луну: 'Маленький шаг для человека, но гигантский скачок для всего человечества'. Конечно я приукрасил свои заслуги, домны уже давно известны и работают, но они работают по-другому, сразу чугун из них не получают, только промежуточное сырье, да и не работают они непрерывно, после каждой плавки их разбирают. А у меня все будет делаться в один этап, и следующая конструкция позволит проводить плавку непрерывно, пока не выработает всю добытую руду. Думаю не надо говорить, что с появлением чугуна у нас открываются появляются новые горизонты, по крайней мере, с этого дня мы можем выделять литье, а это... А это полный улёт.

Последние свои эксперименты я проводил уже почти в одиночестве, завод опустел, как это ни прискорбно, а холодная затяжная весна сказа свое веское слово, ржи на полях собрали только треть от потребного, поэтому все население Иркутска было в директивном порядке отправлено на заготовки 'дикорастущих'. Надо сказать, что не так уж и много в восточной Сибири этих 'дикорастущих', по осени это естественно ягода и кедровый орех, ну а в летние месяцы грибы. Грибы это да, нынче жители слободы, напуганные предстоящими проблемами с хлебом, кинулись на заготовку грибов особенно рьяно, не было ни одного чердака в доме, где бы не сушились, нанизанные на прутыки, гирлянды грибов. Даже посадские на общей волне истерии занялись такими заготовками, чего никогда раньше не делали. Купцы тоже прикидывали, какие объемы закупок зерна делать у китайцев, ну и цены на рожь даже по осени стали ползти вверх. М-да, зима будет сложной, впрочем, по моим прикидкам, если не сильно привередничать, прожить можно, репа и овес уродились, да и рыба в реке пока еще водится.

— Чего там у кузнеца? — Спросил Перфильев у приказчика, рассматривая последний список прихода. — Заводы поставил, свои самовары выделывает, пора и казну порадовать.

— По всем делам кузнец с приказом рассчитался, недоимки за ним нет, — бодро отчитался тот.

— А мне вот донесли, что этот хитрый кузнец какую-то свою деньгу выделал и ей со своими работниками расплачивается.

— А, нет там умысла, если разобраться, — махнул рукой приказчик, забирая протянутый воеводой свиток, и подавая другой, — он талоны какие-то своим работникам выдает, смотрятся как маленькие парсуны, а те на эти талоны в его магазине товар берут. Парсунки эти только в его магазинах ценность имеют, а за продажу товаров в приказ деньгой платит. Нам убытку никакого, работникам же удобно, не надо товарный обмен делать, берут сразу то, чего надо, да и не все он им талонами дает, часть и деньгой.

— Смотри-ка, чего удумал? — Хмыкнул Евстафий Иванович, — а ведь у меня тоже голова болит, чем с нанятым человеком расчет вести, а тут и придумывать ничего не надо. А чего там за талоны такие, ты сам-то их видел? Не подделает кто?

— Да какой там подделаешь, — хохотнул приказчик, — деньга-то против них совсем не смотрится, там и синие есть, и зеленые, и червленые, только что под золото нет. Так говорят, кузнец их специально делать не стал, чтобы в подделке не обвинили.

Перфильев снова хмыкнул и попытался вникнуть в следующий свиток, но не получилось, слишком занята была голова неожиданной новостью:

— Так говоришь, магазин за талоны торгует? Вели седлать, посмотрим, чем там народ живет.

Площадь перед магазином встретила воеводу суетой, отъезжали и подъезжали повозки, сновали люди, о чем-то громко спорили два мужика, еще немного и начнут таскать друг друга за бороды. Перфильев направил коня к привязи:

— А удобно сделано, — обернулся он к приказчику, указывая на приступок, с которого

можно было без усилий взобраться на верха. Да и обратный ход тоже не отличался трудностью.

— Да какой ж это магазин? — Удивился воевода войдя в первые ворота. — Да торг меньше будет, вона лавок сколько поставили.

— Всего лавок десяток, и еще одна у менялы, — тут же выдал справку приказчик, — товара много, приказчик для магазина товара у многих купцов набрал, так что здесь можно почти все купить.

Евстафий Иванович покачал головой, вот ведь ушлый хозяин, полностью замкнул на себя торговлю, эдак ему и деньги совсем не нужны станут. Подошли к меняле:

— Ну, показывай, чем народ совращаешь? — усмехнулся воевода.

У мужика от такого наезда округлились глаза, и вместо путного пояснения вырвались лишь обрывки фраз:

— Да..., нешто..., да кабы знал..., не губи...

— Да не бойся ты, — улыбнулся Перфильев, — не для приказа спрашиваю, показывай, что у тебя за талоны такие.

Талон оказался совершенно не похож на деньги, плоский, прямоугольный, с красивым тонким рисунком, какие раньше воевода видел только в медальонах, и там же была надпись извещающая, что это талон, ценностью в десятник.

— И что, на него действительно можно товара на пять копеек взять?

— Так и есть, Евстафий Иванович, — подтвердил приказчик, оттирая растерявшегося менялу от начальства, — но вот обратно на деньги он талон менять не станет.

— Ишь ты, хитро, — удовлетворенно проворчал Перфильев, — получается, эти талоны потом будут у народа храниться, а кузнецу звонкая монета почти задарма. Ах, шельмец. Дайка мне еще других, — кивнул он отошедшему от шока меняле, доставая кошель. Можно было, конечно, и так взять, но чтобы никто не подумал, что Перфильевы скупы, надо расплатиться, тем более это такая мелочь.

— Так, так, — прочитав предъявленную сотником грамоту, воевода задумался, — фарфор и раньше купцы из Китая возили, в Иркутск, в Братск, иногда даже в Якутск везли, но немного совсем, слишком дорого получается. А что купец вдруг смог до Москвы добраться, то совсем непонятно, знать нашел какую тропку через Монголию и товар скупает много дешевле, иначе какой интерес? Но это очень опасно, чуть не повезет и без головы можно остаться, с того многие купцы пострадали.

— А если сами китайцы к нам тропу нашли? — спросил Любим.

— Китайцам без большого отряда караванным путем не пройти, но тогда торговлю в тайне не удержишь, только если они с кем из Монгольских князьков сговорились, тогда да, можно провести. — Согласился Перфильев. Но где? Через Тунку? Так там крюк какой, да все по Монголии, и другие князья доли своей захотят. Через забайкальскую степь? Нет, казаки точно не позволят, такую деньгу сдерут, тот фарфор дороже золота станет. Остается через Баргузин путь пробивать, пройти караваном там сложно, но проходили же раньше. А то и вообще до дальнего берега Байкала, а оттуда дощаником или по льду до Ангары.

— Так думаешь, Евстафий Иванович, не получится казне прибытка с этого? А если купцу кнутом пригрозить.

— Купцу теперь грози, не грози, все одно с него взять нечего, уверен, товар на деньги товарищей брал. Да какой здесь прибыток? Помню, был уже один казенный караван в Китай, семьсот возов купцы свезли, да только одни убытки получились. Цены в самом Китае на наши товары такие же как и здесь, выгоды никакой, оно и понятно почему, наш приказ за меха не очень то хорошую цену дает, а кормиться охочим людям надо, вот и уходит много помимо рубежа. Даже медь ушные купцы из Братска иногда пытаются туда сбыть.

— Так и здесь вроде как медь плавят.

— А..., - махнул рукой воевода, — это ты про заводик кузнеца Асаты прознал? Так он под монастырским присмотром медь плавит, братия с того свой интерес имеет, у них и золотник не пропадет, так что за это не беспокойся. Да и зачем кузнецу медь сбывать, когда ему своей не хватает? Кстати, у этого кузнеца пасынок живет, Васька, казака Дежнева сын, так вот, раньше-то он убогий умом был, а потом лошадью его здорово зашибло, с того времени малец за ум взялся. Он-то с монастырскими и договорился, китайца нанял, а тот печи поставил и мастеровых обучил. А еще пасынок так дело повернул, что для стекольного завода в монастыре всю поставку поташа для выделки стекла и глины для печей под себя забрал. Интересный малец, вроде и от убого осталось, и в то же время как крепкий хозяин дела вертит, даже казаков нанял, чтобы завод охранять. А еще, говорят, рассказчик добрый, сказок без счета знает, да таких что и не слышал никто ранее.

На следующий день, Любим, вместе с кремлевским приказчиком, заявился на завод Асаты. Сам завод его не поразил, видал он в Туле и кое чего побольше, раз этак в несколько, а вот то, как была организована работа его удивило. Тут не было скученности народа, да и вообще цех выглядел пустым, по сравнению с тем, что он видел раньше, даже воздух казался относительно чистым, ведь идя сюда, сотник заранее приготовился дышать гарью и пылью, потому как выделка меди давала и того и другого в избытке. Увидел он здесь и послушников от монастыря, которые четко контролировали весь процесс получения меди из руды.

Дальше, больше, в цехе по выделке, он не увидел на верстаках работников полностью готовых самоваров, каждый делал только какую-то одну деталь, которая после выделки, подвергалась строгому осмотру мастера. А потом эта деталь отправлялась в свой ящик, из которого по мере надобности извлекалась следующим работником. Ни о какой искусности здесь речи не велось, даже наоборот, такую работу, после небольшого обучения мог выполнять любой крестьянин. Только в самом конце, выделки, когда все части соединялись воедино, работники были относительно искусны, но и в этом случае против тульских мастеров они смотрелись как подмастерья. Однако же, после полировки, самовары выглядели куда как красивее, чем могли сделать в Туле. Чудеса, да и только.

Походив по заводу, и заглянув в каждый закуток, Любим понял, что и это задание своего благодетеля он с успехом провалил. Однако с пустыми руками возвращаться было нельзя.

Вытаскивать купца в приказ сотник не стал, слишком много ушей и глаз, а то чего он задумал, огласки не терпело, поэтому со своим отрядом появился прямо к торговцу:

— Ну, что купец? — Начал он сразу с порога. — Решил казне государевой убыток нанести? Помимо таможи товары возишь, с монголами дружбу завел? Был я в Нерчинске и книги смотрел, не торговал ты фарфор у китайцев.

Ох, не стоило про книги речь вести, конечно же купец испугался, да не просто испугался, а чуть чувств не лишился, да и конфуз с ним нехороший приключился... не удержал. Однако, как только до торговца дошло, что сотник 'слышал звон, да не знает где он', присутствие духа стало возвращаться.

— Благодетель, не губи, бес попутал, — причитал Гандыба, делая жалкое лицо, и пытаясь трясущимися руками схватиться за полы кафтана сотника, — все как есть, в казну верну, коли в убыток, только время дай, в долги влезу, по миру пойду...

— Да чего ты мелешь? — Возмутился Любим. — Ты серебра в Москве пуды взял, а теперь сиротой прикидываешься?

— Брал, брал серебро боярин, — продолжал свое представление купец, — да только моего там мало было, почти весь товар пайщиков был. Свой интерес не слишком большой получился, да и не в серебре он, в товарах. За дорого тот фарфор достался, не хотел больше за него браться, за малым в убыток не попал.

— Погоди, ты хочешь сказать, что выгоды от той торговли мало?

— Да какая там выгода, благодетель? — Пустил натуральную слезу торговец. — За товар три шкуры содрали, кабы не сервизы императорские совсем худо бы пришлось.

— А чего же дешево продавал? — Приподнял брови сотник. — Сказывали, на торге в три дня расторговался.

— Нельзя было дольше, и так на третий день приказчики из купеческой сотни рядом крутились, даже часть товара на реализацию другим пришлось отдать. Не губи, все что есть отдам.

— Да на кой мне твои товары? — Брезгливо сморщился Любим, к тому же от купца все отчетливей стало нести запахом мочи. — Ты лучше скажи сколько твой поставщик сможет еще того фарфора привезти?

— Привезти? — Купец замер, соображая, к чему относится этот вопрос, потом вроде как пришел к каким-то выводам, и в его глазах зажглась надежда. — Может привезти, много может, но и денег тоже много затребует.

Покидая дом купца Любим едва сдерживал свою радость. Получилось! Казне с этой торговли прибыль небольшой, да и то в Тобольске осядет, если как обычно с купеческим

караваном везти. Стоило только серьезно поговорить с купцом и удалось подмять под себя торговлю фарфором, теперь надо серебро для выкупа собрать, да грамотку соответствующую выправить для беспрепятственного прохода Тобольской таможни.

Как только вымогатели покинули дом, Гандыба тяжело встал с колен, вытер трясущейся рукой со лба пот и плюнул вслед визитерам:

— Говоришь, 'Фарфор только для тебя возить'? Привезу, благодетель, привезу. Только не дешево тебе это станет. — При этих словах торговец посмотрел на свои мокрые штаны и скривился, переживая позор. — Три шкуры с тебя сдеру.

На сей раз охрана моего брэнного тела сработала четко, не успели пришлые стрельцы взять меня за шиворот, как их тут же свалили в пыль. Угрозы тут же посыпавшиеся на казаков не произвели никакого эффекта:

— Кто такие? Чего надо? — Начали допрос казаки.

— Отряд сотника Любима Коровкова, по приказу боярина Ромодановского.

— Ты говори, да не заговаривайся, — приструнил говоруна казак, — боярин в Москве сидит, не мог он приказывать Ваську хватать.

— Да не боярин приказал, сотник.

— Один уже хватал, царство ему небесное. И что, прямо так и приказал Ваську хватать?

— Да, так прямо и приказал, мол, найдете мальчика Ваську, пасынка кузнеца Асаты, и в приказ.

— А не брешешь? — Спросил казак. — Какое дело сотнику до мальчика?

— Да откуда же мы знаем, что приказали, то и исполняем.

— Ну, значит, тогда не исполнили, — подвели итог охранники, — кто вы такие мы не знаем, может тати ряженные, а потому идите отсюда подальше, пока бока не намяли. И вслед на мальчика рот не разевайте, а то хуже может чего приключиться.

Да... уж, тут-то пот меня пот и пробил, особенно когда всплыло имя Ромодановского, слышал я про этого индивида, для него авторитетов не существует, с ним никто тягаться не мог, такие фамилии в легкую извел, а я там вообще величина не отличающаяся от ноля. И чего теперь делать? В бега податься? Охрана это, конечно хорошо, но хорошо против таких вот исполнителей, и всяких залетных сотников, а вот против бояр, особенно таких, как Ромодановский, ну совсем не катит. Ладно, подаваться в бега смысла нет, если что-то очень серьезное, то возьмут в оборот родных, сам на свет божий выползешь, а если не серьезное, то и нечего тогда по углам дрожать. Но по своей воле в пасть медведю, в смысле в приказ, лезть не стану, прибежит посыльный, вот тогда никуда не денешься, а пока схожу-ка я к Игнатию, пожертвую на богоугодные дела денежку, да заодно пожалуюсь на произвол в отношении сироты.

Торг за объем взя... э... пожертвований был в самом разгаре когда в храм тихо проскользнул посыльный, естественно нашу 'доверительную' беседу он прервать не мог, но и ждать тоже, поэтому он, не колеблясь, отловил служку и отослал его к Игнатию.

— К воеводе, говоришь? — Хмыкнул Игнатий, когда служба нашептал ему в ухо, и, посмотрев в сторону посыльного, жестом руки подозвал к себе. — Скажешь Евстафию Ивановичу, что я сам с отроком приду, мне тоже перемолвиться с ним надобно.

Ну, вот, добился чего хотел, что Игнатий не отступится в случае серьезного наезда на меня, я был уверен, это когда Савелов здесь верховодил, служитель церкви авторитета не имел, а при Перфильеве Игнатий за авторитет церкви бился без уступок. Теперь у него бзик такой — в отсутствии жесткой власти церковь должна быть впереди, на лихом.... Нет, это уже перебор, просто настрадавшись при предыдущем воеводе, Игнатий дует на воду и по всякому поводу лезет со своим особым мнением, и обязательно добивается, что бы это его особое мнение было учтено. Кардинал, млин, местного разлива.

Вот это да! Такого я никак не мог предположить, вот как вы думаете, какого лешего меня потащили в приказ? Думаете из-за фарфора? Неа, даже словом не обмолвились. Из-за меди и самоваров? Тоже мимо. Вот ни за что не угадаете. А на самом деле им понадобился Васька-дурак, чтобы отвезти его в Москву и представить как диковинку, мол, вот дурак с рождения, а как копытом его стукнуло, так в ум и въехал, да не просто въехал, а на красном коне. И сказки добрые рассказывает, и иногда умные мысли излагает.

Все, приплыли, картина Петрова-Водкина во всей красе. Причем спорят с Игнатием не о том, ехать или не ехать, а о том каким образом меня туда отправить, толи с монастырским обозом, толи с купеческим, или вообще своим ходом. Зимой!? В мороз!? Совсем с дуба рухнули? Они чего надеются до Москвы довести, мой хладный труп? Так я не согласен. А вот тут облом, моего мнения никто даже не подумал спрашивать, так же как и мнение моего отчима. Вот такие пироги, а стоит мне своеволие проявить, спустят шкуру в прямом смысле этого слова.

Окончательное решение было очевидным, но почему-то было озвучено в самом конце, сотник решил не рисковать, и забирает меня с собой на третью седмицу, как реки станут. Ну, кто бы сомневался? А мне, во избежание дурных мыслей сразу сделал предупреждение, что если попробую сбежать, то буду бит кнутом, еще и с родителя спросят, потому как плохо тот меня учил. Во всей этой истории с приехавшим из самой Москвы заносчивым придурком, мне не понятно было одно, на кой хрен меня тащили в приказ, ведь ни о чем не спрашивали, ничего не требовали, только припугнули лишний раз. Так это и потом можно было сделать. Посмотреть на убогого? Так выйди к церкви и смотри, из-за недостатка йода их здесь на паперти хватает. Не понимаю я людей этого времени, не желают они обсуждать предмет, не находящийся у них прямо перед глазами. Чтобы принять решение, везти мальчика в Москву или нет, понадобилось того по всему Иркутску разыскивать, и ладно бы для того, чтобы воочию убедиться, выдержит он дорогу дальнюю или загнется на первом привале, так ведь нет, просто пусть будет, вдруг вопрос какой в пустой голове родится.

Кстати такое поведение облеченных властью людей и в будущем сохранилось. Приезжает такой, высокоположенный из Москвы, президент крупной компании, друг, соратник и пере... разводчик, и все, кончилась работа, смертельный вирус поражает всех работников, мало того, что безопасность с аудиторами землю роет и начальство каком кверху, на низком старте, так еще и подчиненных своих заставляют всякие ненужные справки по ночам сочинять. Столько то продали в такой-то час и такую-то минуту, столько-то конкурентов мешает нормально существовать, столько-то сэкономили средств на оборудовании, хотя старое уже давно сдохло и держится молитвами техников, столько-то...

Ой, не буду перечислять, уж слишком большой перечень получится, но проблема не в том, просто все эти справки никому не нужны, начальство боится остаться без поддержки спецов, потому и держит их возле себя все время. Но самое противное, если какой руководитель вдруг решил продемонстрировать здравый смысл и тем самым не проявляет должного раболепства, того долой. А чтобы другие боялись, объявить, что вороват товарищ, и пофигу так это или нет, доказательством себя незачем утруждать. Главное в этом деле сочинить сказку, что такое возможно, а раз возможно значит есть в самом деле. Раньше не выявлялось, потому как высокого начальство не было, а как приехало то начальство, так сразу и обнаружили. Случайно, конечно, совпало так. Но умный поймет, а на начальственных должностях дураков не бывает, вот и летят директора со своими замами с теплых мест по собственному желанию, как листья с деревьев по осени. Да черт бы с ними, заслужили, но на их место сажают других, вроде как кризисных управляющих, которые своими не дюжими способностями и учеными степенями, образцовый порядок наведут. И как это всегда происходит, заметьте, без исключений, эти гении, поработав пару-тройку месяцев, начинают соображать, что ничего дельного сделать не могут, тут все их степени (около-физических наук) до одного места, а потому валить надо... на другое предприятие, из кризиса выводить и наводить там такой же идеальный порядок.

Эй, чегой-то меня опять не туда понесло.

Так вот, после 'совещания' высоких лиц, ни дать ни взять заседание партийного руководства в советские времена, у воеводы, я пришел к выводу, что ждет меня дорога дальняя и долгая. И в такой ситуации остается надеяться, что не закончится она в конце казенным домом, а то и еще чем похуже.

А в моем доме, как только объявил волю воеводы, наступило вселенское горе:

— Да как же это, Вася? — Схватила за сердце мать. — Пропадешь в той Москве, не заперют на смерть, так прихлопят.

Ну, началось. А чего тут сделаешь, был бы в ответе только за себя, тут же сбежал бы, но Перфильев, хоть и не зверь, но все же дитя своего времени, поэтому сразу пояснил что за этим последует. А потому ехать придется. Однако надо как-то мать успокаивать:

— Смешно, — заявил я, — скажи кому в Москве, что в Сибирь жить поедет, так человек с ума сойдет, от тяжких дум изведется, решит, что его жизнь на этом кончилась. А я из Сибири в Москву поеду, и тоже как на смерть провожаете.

— Эх, Васька, — вздохнул на мои слова Асата, — я вот в стольном граде никогда не бывал, и хорошо, что не бывал, нечего там смотреть и коли без большой надобности, то обходить его надо девятой дорогой. Что заперют и прихлопят случай не велик, но смотреть тебе в оба глаза придется.

Ну, да, придется, 'маленького все обидеть норовят', если этот маленький выглядит как пацан дворовый. А вот если на этом пацане будет кафтан не из дешевых, да сапоги с носком гнутым, да шапка соболем отороченная, то хрен кто его тронет. Побоятся. Главное в этом деле не переборщить, а то времена такие, одежда статусу точно соответствует, попробуй, надень шапку боярскую, это в которую два ведра воды с гаком войдет, так не только кнутом отходят, а и жизни лишат. Ладно, три недели у меня в запасе есть, надо пошарить по посадским, может и подберу чего, шить специально на себя явно не успеваю. И к сапожнику надо срочно идти, сапоги сейчас такие шьют, что заранее по ноге обминать надо, а то в пути не до того будет.

На следующий день прибежал приказчик от Гандыбы, партнер хотел переговорить, и

предупреждал, что это важно.

Оказалось действительно важно:

— Так вот, я-то подумал, в самом деле знает тот стольник откуда фарфор взялся, — рассказывал купец, — а если так, то ему свидетели как нож острый, и должен был он меня сначала на дыбу, а потом в землю. Но тут он мне Нерчинск в вину поставил, я сразу смекнул, что втемяшилось ему, будто мы с монгольской стороны по тайной тропе товар получаем.

— Предложил продолжить?

— Угу, предложил, да еще денег обещал аж на десяток возов фарфора, да все сервизами императорскими требует.

Я быстро прикинул, на какой вес серебра потянет такой караван, получилось где-то в пределах сорока пудов, даже с учетом небольшого падения цен. Однако. А не задумал ли чего нехорошего сей молодец? Деньги тут очень даже велики, особенно для Сибири. Хотя, помнится мне, что когда трясли Гагарина, великого казнокрада сибирского, то вытрясли с него огромную сумму, за один раз что-то в пределах двухсот тысяч рублей. Это же сколько же по весу в серебре? Пять тонн? Так что на этом фоне сумма не кажется запредельной, но с другой стороны, станет ли Ромодановский рисковать казной при остром денежном дефиците. Вряд ли, скорее всего денежку он соберет с ближних острогов, Красноярск, Братск, Илимск, Якутск, заодно и с Перфильева попытается вытрясти, но сомневаюсь, что последнее получится, слишком уж постарались предыдущие правители.

Как бы то ни было, но сговорились, что до февраля Гандыба дергаться не будет, а вот потом... А потом придется ему организовать ряженный караван, да охрану его из монголов нанимать. С фарфором же проблем нет, на сегодняшний день наш тайный склад уже забит доверху, пришлось пока работы остановить.

Все оставшееся до отбытия время крутился как белка в колесе, надо было завершить то, что начал и спланировать работы на тот период пока меня не будет, а не будет меня долго, хорошо если год. И обидно до слез, грамотка, разрешение на выделку стекла у меня имеется, а стеклом заниматься теперь не смогу. И уголек с Тмутаракани надо пристраивать, для него дровяные печи никак нее подходят, тут нужна особая печь, с колосниками, с возможностью удаления шлака. Кстати, на речке Иде, которая в мое время называлась Ушаковкой, за лето поставили три водяных колеса, одно из которых было задействовано на пилораму. Все, не будет в будущем реки Ушаковки, хоть и развернул Ушаков свои мельницы выше по течению, но теперь все будут говорить больше о чудо механизме, созданного в цехах кузнеца Асты, а так как Асатовка не слишком благозвучна, думаю, речка так и останется с прежним названием. А сама речка хоть и не большая, но далеко не ручеек, поэтому привод получился мощным, и рама с пилами буквально порхала над бревнами, заволакивая взгляд. Производительность для этого времени неслыханная, на распуск бревна толщиной в локоть уходило около десяти минут, посмотреть на чудо механизации народ с ближайших сел сбегался, даже воевода не удержался и почтил новшество своим вниманием. Попытка его приказчика лихим наскоком забрать пилораму под казенное управление, якобы разрешение на обустройство мельницы было неверно истолковано, была отбита сразу, тут уж я заранее подстраховался, и, несмотря на то, что деньги у меня были, уговорил на доленое участие женский монастырь. Игуменья долго не хотела давать денег на сомнительное дело, но уговорил, предоставив кое какие гарантии, правда эти гарантии тоже были с подвохом (каюсь, обманул старушку). Но в итоге, приказчику был дан жесткий отпор, хорошо его карга клюкой отходила, и застарелый радикулит не помешал, а на другой стороне Иды, на

территории монастыря, к концу лета развернулась стройка — монахини решили поставить небольшую мануфактуру по выделке шелка. Вот ведь, дурной пример Асаты оказался заразителен. Ткань и раньше выделялась в Иркутске, так как с Нерчинска купцы частенько возили сырец в виде размотанных шелковых нитей, и чтобы превратить их в ткань требовался кропотливый труд, с которым, не в укор мужикам будет сказано, лучше справлялись женские руки. Хотя, справедливости ради, нужно отметить, что качество тканей идущих из Китая на порядок лучше, чем получается у наших мастериц, подозреваю, что это какой-то другой шелкопряд, но цена-то совсем другая, по крайней мере, даже купцы не часто баловали своих жен китайскими шелковыми обновками, что уж говорить про остальных обывателей. Именно поэтому, домотканые изделия из шелка легко находили своих покупателей. Тут надо будет подумать, вполне возможно, что с помощью ткацкого станка удастся поднять не только производительность, но и качество, а если потом еще и набивку хорошими красками сделать...

Одежду на поездку сторговал по случаю, пришлось деньгами платить, и не дешево, но сшито было качественно и даже с претензией на столичную моду. Сам-то я, конечно, эту моду в глаза не видел, но доверился купцу, он врать не будет.

— Сойдешь за барчука, — заявил он мне после критического осмотра моего наряда, — там в Москве много таких с охранниками толкается, пару стрельцов наймешь, и не отличит тебя никто. Только не для Сибири эта одежда — хоть и красива, да теплу не мила. В дорогу по таким морозам тулуп из козла надобен, да волчьи чулки не помешают.

Это да, прав купец, вообще отправляться без полного обоза зимой по Сибирским дорогам риск огромный, это не девятнадцатый век, где на расстоянии дневного перехода постоянные дворы стояли, тут от жилья до жилья минимум три дня топать. А теперь представьте ночевку в зимнем лесу, в мороз. Представили? Угу, а сейчас поясню, в эти времена спальных арктических мешков еще не изобрели, только шкуры в наличии, и то шкура шкуре рознь, медвежья для ночевки на снегу, несмотря на все дифирамбы, однозначно не катит, подшерстка в ней нет. Здесь только овчина подойдет, и то не одна, а двойным слоем. И волчья шкура не просто так упоминается, природа щедро одарила 'серых' теплым мехом. Но не в этом кроется основная проблема, больше всего приходится беспокоиться за лошадей, это на постоялом дворе есть куда свою живность в тепло пристроить, а в тайге чего с копытными делать? Вот и приходится при обустройстве на ночь укутывать животину во все что есть, и то не факт еще, что хорошо ночные морозы перенесет.

В общем, послушал я опытного человека и запасся мехами настолько, насколько это было вообще возможно, тут я и понял в чем отличие каравана от вот такой группы служивых. На сани можно много чего положить, что в дороге необходимо, а верхами только то, без чего совсем уж невозможно обойтись.

Выехали уже в начале декабря ранним утром... Р-р-р. Ненавижу прощания, и Лентяй тоже свою лепту скулением внес, вот верите, даже облегчение почувствовал, когда дом скрылся позади в темноте.

Первая цель Братский острог, видимо именно там сотник наметил затребовать первую часть серебра на выкуп фарфора, это я к тому, что если бы у него не было там дел, то можно было двинуться западной дорогой проходящей в стороне от Братска и сразу попасть в Красноярск. Или не попасть, потому как дорога эта и не дорога вовсе, а направление, как, в общем-то, везде сейчас в Сибири. Впрочем, заблудиться все одно сложно, а вот угодить к коренному населению на разборки запросто, ну а так как это коренное население не один

раз было 'замирено', то разбиралось оно со всеми, кем могло, жутко жестоко. Из Братска двинулись в Красноярск и далее в Тобольск. Что можно сказать об этом путешествии (из варяг в греки), да ничего особенного, кроме того, что в отряде сотника я был на особом положении, что не говори, а к разным сказителям у людей семнадцатого века было отношение, примерно как к печатному слову в советские времена. То есть, если в газете чего написано, то так и есть на самом деле, а если кто сомневается, то он нам не товарищ. И если в начале пути меня в упор не замечали, лишь бы под ногами не путался, то уже через несколько дней появилось нечто типа заботы, это когда перестали пытаться по всякому случаю подзатыльником выразить свое отношение.

И был еще один момент, как говорил почтальон Печкин: У нас зимой национальная деревенская одежда какая? Валенки, штаны ватные, тулуп и шапка — на меху'. Так вот в Сибири это верно вдвойне, а всякие там красивые кафтаны только глазу приятны, а телу приятен большой, некрасивый, мешковатый, но теплый тулуп. Так вот, москвичи вместо того чтобы переждать лютые морозы в Братске ломанулись дальше по дороге и, естественно напоролись. Хорошо еще, что сотник у них оказался мужиком довольно-таки умным, умеет признавать свои ошибки, вовремя остановился, а то я уже прикидывал, как одному до постоянного двора добираться. По краю мужики прошли, хотя до них и не дошло, чем в итоге могло это обернуться.

Архип Бурый, стрелец во втором поколении, был назначен сотником лично ответственным за целостность и сохранность мальчика, которого они отрядом везли в Москву. Путь давался тяжело, хоть люди и знали, что в Сибири не мед, а все же не ожидали столь суровых морозов. Поначалу Архип все недоумевал, чего это малец нагрузил своего коня мехами, а вот когда после Братска ударили лютые морозы, дошло. Шутка ли сказать недели на себя все что было и лица замотали шарфами полностью, оставили только узкие щели под глаза, а ноги пришлось дополнительно обернуть двумя слоями мешковины. Еще хуже приходилось лошадям, хотя попоны с них и не снимали, Архип чуть не плакал вместе со своим четвероногим боевым другом, когда тот жалобно ржал, жалуясь на невыносимые условия. А вот малец был к этому готов, в первый же день, когда они остановились на ночлег прямо у дороги, он споро обтер своего коня, обмотал ему ноги плотной мешковиной, закрыл теплой меховой!!! попоной, накинул ему на морду торбу с овсом и метнулся разводить костер. Несколько минут и в собранных им сучьях затрепетали язычки пламени:

— А ну покажь, — сотник протянул руку к мальцу, и ему в ладонь лег теплый кусочек металла, — это чего такое?

— Зажигалка, — пожал плечами подросток.

Архип тоже заглянул на диковинку через плечо сотника.

— Смотри-ка, хитро, — хмыкнул Любим, рассматривая устройство добывания огня, — а чего трут такой маленький, нечто его на пламя хватает.

— А то не трут, — ответил подросток, продолжая ломать сучья, — то фитиль, и с другой стороны он в бензине смочен. Как только искра с кремня на него попадет, так сразу и

вспыхивает.

— Покажь.

Одно движение большого пальца и крутанувшееся колесико выбило из кремня несколько искорок, которых хватило на то, чтобы фитиль украсился язычком пламени.

— А есть еще где такие? — Сотник потряс зажигалкой и протянул хозяину.

— Будут, — заверил его подросток, — это в мастерских кузнеца Асаты выделывают, купцы следующим летом караваном в Москву должны привезти. Думаю, тысячи две будет, но ценой не малой.

— Понятно, что не малой, — усмехнулся сотник, — разве может такая вещица малых денег стоить?

Сегодня, перед самой отправкой малец вынул из сумы нечто странное и натянул на морду коня, Бурый хохотнул, оказывается это была маска с большими дырами под глаза и ноздри животного. После такого издевательства конь выглядел более чем странно. Ага, посмеялся, накликал, мороз терпим был только первые версты, а потом началось — морозная тишь стала потихоньку меняться легким ветерком, такой ветерок летом был бы во благо, но зимой, да при морозе...

— Все, встаем здесь, — скомандовал сотник, — не дойдем сегодня до Тошиной пади.

— Да ты чего, Любим? — Вскинулся, Заварин, — мы ж до утра коней поморозим, да и сами здесь сгинем.

— А так не поморозим? Дальше по сопкам надо идти, на самом ветру, низом не пройдешь, дорогу замело по брюхо, а теперь на коня Архипа посмотри, он и версты боле не протянет. А тут, пока светло, большой шалаш сработаем, снегом сверху закидаем, да ночь с конями скоротаем. Тепла не обещаю, но шибко не померзнем, а завра, чуть мороз ослабнет, доберемся до пади, там и стужу переждем.

Пока служивые споро ладили огромный шалаш, малец расседлал лошадей, протер и перекинул попону с коня Архипа на своего, а того укрыл теплым мехом. Когда обкладывали шалаш снегом, кони были обихожены, осталось только напоить, но этого пацан самостоятельно сделать не мог, надо было или вытапливать снег или идти к ручью, искать место поглубже и колоть лед для оттаивания в котле, этой зимой все ручьи промерзли до дна. В сумерках небо скрыло пеленой мороза и стужа резко усилилась:

— Да что ж такое? — Простонал Архип, пытаясь еще ближе придвинуться к костру, у него только-только начали отогреваться пальцы на ногах. — Никак Бога чем прогневили.

— Дядька Архип, — встрял малец, подбрасывая сучья в костер, — ты ноги уже отогрел, надо в шалаш вертаться, надышали там, а здесь ветер морозный, весь не согреешься, только одежду спалишь. А я сейчас чаек заварю, пироги разогрею, да хлебного вина для согревания принесу.

Вот тебе и охранитель отрока, еще неизвестно, кто кого хранить будет, но недовольства проявлять Бурый не стал, кряхтя поднялся и поковылял к огромной куче снега внутри которой сейчас было спасение от лютого мороза. Стоило ему пролезть внутрь, как его сразу запихали под кошму в середку между товарищами, отогревайся мол. А чуть позже пролез и малец, принес горячий чай и разогретые пироги:

— Ох, хорошо, — крякнул Любим, отирая усы после крепкого напитка, — живем. Архип вылезай, погрейся хлебным вином.

Приглашать стрельца дважды не пришлось, уже через минуту он принял от мальчика кружку с резко пахнущей жидкостью и сходу опрокинул в себя содержимое. Ох и крепкая,

зараза, даже на слезу прошибло. Ему тут же сунули в руку пирог, а спустя некоторое время снабдили кружкой горячего чая. И в этот момент Архип понял, что ему еще никогда не было так хорошо.

Утром ветер стих и мороз завернул пуще прежнего, даже сучья с деревьев стали отлетать сами по себе с громким треском:

— Сердится мороз, дерево ломает, — сделал вывод Любим, — но все-равно после полдня выходим, тут должно быть недалеко, два десятка верст осталось. Затаскивайте седла, если их немного не отогреть, коней не заседлаем.

Сколько пробыл снаружи Архип? Всего ничего, пока подавал внутрь убежища седла, а студёный без меры воздух, точно гнус успел вцепиться в лицо, и зубы заныли как от родниковой водицы. В этот момент малец, не обращая внимания на мороз, стал таскать сучья для костра, намереваясь чего-то там готовить:

— Васька, давай в тепло, — крикнул Архип, но тот махнул рукой, поджигая содранную с ближайшей березы бересту. Стрельцу осталось только сплюнуть и закрыть кошмой узкий вход в шалаш.

Впрочем, уже через час пришлось сменить гнев на милость, так как подросток просунулся в убежище с котлом исходящей паром каши:

— Мороз звенит, — сообщил он сотнику, — нельзя в такую погоду на дорогу выходить, дых сожжем.

— Чего? — Вытаращил глаза сотник. — Как это сожжем?

— Да так и сожжем, — кивнул малец, — мороз когда звенеть начинает? Когда он дюже лют становится и горло на раз студит, да студит незаметно, а когда замечают уже поздно становится, сухонь уже привязалась.

— И что? Считаешь еще одну ночь надо сидеть? А коней чем кормить, овса-то на треть торбы осталось?

— А что кони, — возразил малец, — мы их до сего дня сыто кормили, до завтра легко протянут. А вот если сейчас двинемся и коней и себя поморозим, а завтра небо затянет стужа и кончится.

Любим, сразу мальцу не поверил и выскочил проверить наружу. Вернулся он довольно быстро:

— Ну, если завтра мороз ослабнет, тогда конечно, — ворчал при этом сотник, однако свою команду готовиться к выходу отменил.

Следующим днем небо действительно затянуло хмарью, вниз посыпался мелкий колючий снежок и стужа отступила. В путь отправились как и запланировали примерно во второй половине дня, хотя черт его знает, солнца не видно и точно время определить невозможно. Дорога оказалась неожиданно трудной, только теперь до Любима дошло, что в решении переждать стужу не обошлось без промысла божьего, могли бы не дойти. А еще, чего странного он заметил, что тот малец, которого они везли с собой, переносил путешествие куда легче, чем умудренные опытом мужи. Когда все на привале валились с ног, тот успевал развести костерок, наварить крепкого отвара, да еще разнести по служивым. Откуда у него силы берутся?

— Слышь, Васька, — как-то спросил его Архип, — вот всех нас здесь от холода крючит, а тебе все нипочем, почто так? Или все сибиряки научены стужу не замечать.

— Сибиряк это не тот, кто не мерзнет, а тот, кто хорошо одевается. — Тут же выдал подросток. — У вас одежда не для сибирских морозов, от того и крючит, а у меня мех на

голое тело, он пот в себя забирает, потому и холод меньше чувствуется.

— Так это ты потому каждый день свою поддёвку меняешь?

— Ага, одну снял и на мороз, чтобы сырость ушла, а другую одел, на весь день хватает.

— Вон, оно что, — протянул Архип, — так ты говоришь и нам нужно такую одежду завести?

— Вам нельзя, — замотал головой малец, — у вас дело служивое, мерзни, а терпи.

— 'И точно', - подумал тогда Любим, — 'мерзни, а терпи. Полковая форма это святое'

Однако прошло немного времени и все в его отряде обзавелись парой меховых рубах без рукавов, которые малец обозвал душегрейкой, а и правда, стало много теплее.

После Красноярска то ли дорога стала лучше наезженной, то ли люди привыкли к сибирским морозам, но передвигаться стало значительно легче, а уже к середине января вышли к Тобольску.

Тит Васильевич Раевский недавно назначенный воеводой в Тобольск, кряхтя поднялся с широкой лавки, опираясь руками на бедра, и встав схватился за спину. Прострелило знатно, аж в глазах помутилось.

— 'Вот же зараза привязалась, и где только умудрился так спину застудить?' — Думал он, пережидая приступ боли. — 'Поостеречься бы надо, а то годы берут свое, шутка ли, шестой десяток идет'.

Но как бы то ни было, а служба есть служба, тем более такая, тут уж шипи от боли, а службу правь. И зачем только его из Томска выдернули? Все же знают, что уже назначен на это место Черкасский Михаил Яковлевич, ближник царя Петра, и новгородский воевода, он должен был в должность еще летом прошлого года вступить. Но нет, не приехал вовремя, что-то затянул с переездом.

А вот предыдущий воевода Нарышкин, Андрей Фёдорович который, отчего-то в немилость впал, хотя и не должен был, все ж таки родственник царицы, но тут сложно все, видимо между царем Петром и его родней разлад приключился.

И вообще, заканчивать с этим воеводством надо, сидишь как на пороховой бочке, а вокруг все с факелами бегает, стоит за какой искрой не уследить и полыхнет... Вон только первый год все в колею вошло, а так бунт за бунтом, в Красноярск трое воевод сменилось, и еще сменится, потому как все одного поля ягоды. Совсем Бога не боятся, как сядут в приказ, так сразу в казну как в свою кубышку, и еще следствие заведут, чтобы грабить служивых почем зря. Хорошо еще, что в Томске все быстро закончилось, но напугали знатно, не раз потом себя хвалил за то, что вовремя зачинщиков в оборот взял. Эхх...

Одевался Тит Васильевич долго, потому, что сам, а надо бы спальника завести, хватит уж красоваться, пора честно признаться, кончилось то время, когда все сам делать мог. Ну вот, вроде и все, осталось кафтан на себя водрузить, но дело не пошло, стоило только попытаться изогнуться, чтобы просунуть руку в рукав, как опять прострелило, и на этот раз гораздо сильнее:

— Тишка! — Взревел он, когда сумел отдышаться. — Где ты там пропал, мерин плешивый.

За стеной что-то ухнуло, а через пару мгновений приоткрытую дверь проснулась заспанная косматая рожа:

— Звал Тит Васильевич?

— Опять дрыхнешь, когда делом должен заниматься? — Рыкнул воевода. — Совсем от рук отбил, надо Евсею сказать, чтобы попотчевал тебя батогам на конюшне.

Дверь открылась шире и Тишка быстро, но плавно перетек в комнату:

— Так чего делать-то надо, Боярин.

— Чего? Чего? Ослеп что ли? Помоги кафтан надеть.

— А, это запросто, — обрадовался Тишка и подскочил к воеводе.

— Вот, это другое дело, — подобрел воевода, когда быстро, но аккуратно Тишка выполнил требуемое, — все иди, не нужен боле.

— Дык, тулуп еще.

— Нет, — мотнул головой Тит, — прострел опять привязался, так что на мороз я

сегодня не ходок.

Лишнего задерживаться Тишка не стал, раз хозяин сказал, что не нужен, значит, не нужен, а то попадешься в который раз на глаза, может и работы придумать.

Прошагав через две комнаты, воевода открыл дверь к приказчику. Вот уж кто, а дьяк не мог позволить себе как Тишка прихватить лишнего времени для сна, только вот полностью проснуться у него не всегда получалось. Вот и сейчас он вздрогнул на скрип двери, и уставился ошалелыми глазами на свое начальство, но выговаривать воевода не стал, слишком уж собачья у него работа, вообще непонятно когда он спит.

— Ну, чего у нас сегодня? — Тит осторожно опустил на лавку.

— Жалобы. — Лаконично ответил тот.

— Что опять на Дурново? — Покачал головой Раевский. — Все мстит за Башковского, дружка своего? Ох, дойдет это до Ромодановского, не сносить ему головы.

— Так может осадить его, и так всех служивых разогнал, ссылкой дружбу вертит, да и обозы с ясаком от него втрое меньше стали?

— Нет, — воевода решительно хлопнул себя по бедру, — не мы Дурново назначали, и не нам им командовать. А казачков от него пострадавших ты не жалеешь, видит Бог, заслужили. И нам на будущее польза с этого, смотри, как наши-то казаки присмирели, уж и не помышляют больше бунтовать. А до Ромодановского донести стоит, вот только тут надо сделать это так, чтобы мы были вроде как и не причем. Хотя, со следующего месяца тут Черкасский на мое место сядет, вот пусть с Красноярским воеводой и разбирается. Но ты в Москву все же отпиши.

Дьяк кивнул, но невольно поджал губы, слишком уж ему не понравилось поручение воеводы, получается, себя Тит Васильевич пожалел, а его с письмом подставляет. Ладно, надо будет подумать, да попытаться затянуть с грамоткой, воеводе сейчас не до дел, он уже в мечтах о своей вотчине, куда отправится, как только сдаст дела.

— Там еще Любим Коровков, — перевел разговор с неудобной для себя темы дьяк, — свидеться желает, он еще прошлым годом в Нерчинск по поручению Ромодановского направлен был, по делам фарфоровым.

— Зачем ему? — Хмыкнул воевода. — Подорожная у него от князя-кесаря есть, а мне с ним встречаться ни к чему, ежели дело есть, пусть с тобой решает, ну а ежели ты решить не сможешь, пусть Черкасского дожидается, тот где-то на следующей седмице должен до Тобольска добраться.

— Любим не простой сотник, он при князе тайные поручения исполняет. Ждать Черкасского он вряд ли станет, направлен по делам спешным, — возразил служака.

— Ладно, — махнул с досады рукой Тит, — пусть после полдня приходит, поговорим.

Уходя от дьяка Тит Васильевич прикидывал какую пользу можно извлечь из встречи с сотником.

— 'А не послать ли мне с ним Андрейку в Москву?' — Размышлял при этом воевода. — 'Парню вроде как уже двадцатый год пошел, пора и к делу пристраивать, хватит ему за спину братьев прятаться. Да и для будущего польза будет, вдруг там, в Москве, найдется куда пристроиться, а то вон Андриан, да Федор, старшие братья его уже вотчину поделили, да так поделили, что ничего Андрейке не достанется, один путь у него остается на службу устраиваться, надо будет отписаться Хованскому, пусть поможет при случае'.

— Да чтоб тебя..., - прошипел воевода, схватившись за спину. Вот ведь, стоило чуть забыть об осторожности и снова прострел.

— Нет, пора уже в вотчину перебираться, а то с такой службой скоро на погост снесут, — чуть слышно продолжал шипеть сквозь зубы Тит, ожидая когда боль хоть немного отпустит.

К чему такая спешка, Андрей не знал, но снарядили его в дорогу за один день:

— В Москву с отрядом Коровкова поедешь, — напутствовал его отец, — как до стольной доберешься, пристройся к Акиму, дядьке своему. Да смотри там, води себя с вежеством и слушай его во всем, плохого советовать тебе не будет. Ну а если не получится у тебя к службе пристроиться, до лета пробудешь, а как Хованский из вотчины приедет, к нему мою грамотку снесешь, уж у него всяко больше возможностей тебе помочь будет. В пути с соседями не болтай, Коровков не просто сотник, он на службе у князя-кесаря состоит, крамолу изыскивает, всяко неосторожно брошенное слово мимо ушей не пропустит, помни об этом, не подведи меня и братьев своих. Понял ли?

— Все понял, отец, исполню как наказываешь.

— Исполнит он. — Нахмурился Тит. — Тебе и до Москвы будет непросто добратся, ты к седлу хоть и приучен, да не привычен, а с отрядом придется почитать два десятка дней в седле провести, и это самое малое. И никто из холопов с тобой не поедет, за конем самому придется присматривать и с общего котла со всеми кормиться. Не кривись, служба такая и есть, это дома можешь губы гнуть, а в походах для тебя никто стараться не будет, и сотника приказы будешь исполнять, а нет, так плетей отведаешь. Все, иди, завтра с утра и отъедешь.

Утром Андрея подняли еще по темну, помогли одеться, сунули в руки кошель с двумя десятками рублей, и подвели коня. А дальше..., дальше было плохо. Первый день пришлось в составе отряда отмахать верст пятьдесят, и это, как сказали служивые, они еще пощадили новичка, к концу дня болела не только спина, но и то, что пониже. С коня слезал в раскорячку:

— Ладно, — сжалился над ним сотник, — смотрю, к долгой поездке ты совсем непривычен, да и конь твой тоже больше по времени в конюшне простаивал, иди с Петром в тепло, без тебя обиходим. Васька, прими.

Откуда-то сбоку резво подскочил малец, принял повод и тут же сильно хлопнул своего коня по морде, кода тот в пылу ревности попытался цапнуть соперника. Служивые рассмеялись:

— Смотри-ка, не хочет, чтобы хозяин чужаком занимался. Такой верным до конца будет.

Но Андрею было не до земных радостей, до полатей бы дойти, причем знобило его прилично.

Через некоторое время боль в спине стала стихать, и боярин стал прислушиваться к происходящему dome:

— А дальше-то чего было. — Спрашивал стрелец у мальчика, неужто так никто и не помог.

— Нет, никто не помог, так и пришлось царю Леониду одному с тремя сотнями своих

воинов противостоять персидскому правителю Ксерксу. — Отвечал малец. — Сколько было войск у правителя никто точно не знает, одни говорили, что всего тысяч восемьдесят, другие утверждали, что все двести пятьдесят, но царь Леонид не отступил, а выстроил своих воинов перед входом в ущелье и принял бой.

— Да иди ж ты, — ахнули воины, — да где же против такой тьмы устоять?

— Все так думали, и Ксеркс так думал, но просчитались. Воины Леонида стали в узком месте и использовать всю мощь своего войска правитель не смог, он вынужден был бросать в бой отряды один за другим, и все эти отряды сгорали в битве. Два дня спартанцы обороняли проход, но на третий день они были окружены и убиты, только одному воину удалось выжить, и то только потому, что он был до битвы оставлен больным в селе. Но это не уберегло его от позора, когда он возвратился в Спарту соотечественники дали ему прозвище Аристодем-Трус. А царь Леонид и его триста воинов стали легендой их имена были высечены в Фермопилах на плите, и даже спустя шестьсот лет люди помнили об этом и проводили состязания в честь царя, презревшего смерть.

— Вот же ж, — вздохнул сотник, — то были настоящие воины.

Все загомонили, соглашаясь со утверждением Любима, однако малец возразил:

— То так, но русские воины были лучше, немало таких же битв пало на их долю во времена нашествия татар на Русь и если бы не распри между князьями, никогда бы нога татар не ступила на землю русскую. Однако ж, время позднее, пойду я спать.

Малец времени терять не стал, залез на полати и мгновенно уснул, а Андрей еще долго слушал разговоры служивых обсуждающих сказ мальчика.

На утро следующего дня Андрей не чувствовал себя отдохнувшим, а когда слез с полатей и тупая боль заняла в спине, в груди разлился холодок страха, как ему удастся сегодня выдержать многочасовой дневной поход?

— Давай помогу боярин, спину помну, — тут же подскочил к нему малец, — а то на коня не сядешь, только кафтан сними.

Андрей, удивленно глянул на сотника.

— Снимай, — согласно кивнул сотник, — Васька дело говорит, надобно тебе спину немного помять, а то по первым верстам совсем плохо может быть.

Упираться болезный не стал, скинул кафтан да лег животом на лавку. Однако. Малец-то хоть и худ, а так первый раз по хребту пальцами прошелся, что против воли вырвалось шипение.

— Терпи, боярин, по первости-то оно вроде бы и больно, — тут же успокоил его Архип, — зато потом много легче станет. Не один ты в Васькины руки попал.

И действительно, всего ничего времени прошло, а боль ушла и по телу стала разливаться приятная истома.

— На сегодня все, — объявил малец, — но спину серьезно потянул, на целый день тебя не хватит.

— Ну раз на день не хватит, — вздохнул сотник, — тогда до гнилой балки сегодня идем.

Конца пути Андрей ждал как манны небесной, спина опять разнылась, да вдобавок ко всему стала гореть кожа на внутренней части бедер, стер по ходу. На этот раз Васька не ждал приказа сотника и сразу перенял повод. Андрей так же как и вчера, с трудом добрался до лавки.

— Что, совсем плохо? — Спросил его, вошедший в избу, Любим. — Потерпи, это

только первую седмицу саднит, а потом привыкнешь, да и конь твой тоже втянется, мягче пойдет. Я хозяину баньку разогреть приказал, погреться тебе надо, да малец тебе еще разок спину поправит.

— А кто такой этот Васька? — Не удержался от вопроса Андрей. — По ухваткам вроде как боярский сын, а по одежде посадский.

— Васька-то? — Хмыкнул сотник, снимая кафтан. — Это и для нас загадка. Нет, так-тс известно кто он, сын казака Алексея Дежнева, который сгинул где-то в забайкальских степях, а потом пасынком у кузнеца иркутского стал, да только это все не то. На самом деле убогий он умом был, даже слова сказать не мог, да года за два до этого, лошадьё его сильно зашибло, с того времени малец в ум вошел и заговорил, да так заговорил, что мало кто может его переговорить. Как настоятель церкви в Иркутске сказал: 'Зело разумен сей отрок стал'. Вот сейчас и везу я его в Москву Федору Юрьевичу показать, может пригодится для чего.

— Да, ну. Есть ли дело князю до какого-то мальчика, — усомнился Андрей, — мало ли юродивых по Москве кликушествует?

— Юродивых хватает, — согласились с ним, — но много ли ты случаев знаешь, чтобы кто из них полностью разумом овладел?

На это возразить сотнику Андрею было нечем.

— Ладно, отдыхай пока, — Любим откинул крышку с бадейки, стоящей у входа, и зачерпнул от туда ендовой студеной водицы, — вечером Ваську попробуем опять на сказ уговорить, вот тогда и поймешь, чем сей малец от юродивых отличается.

Ваську на сказ уломали, сдался малец, не устоял перед натиском общества и Андрей, так же как и все в избе, слушал сказ о великих воинах Руси.

— Так это ж что получается, — крикнул сотник, — на Руси столько дружин было, а всех их по одиночке татары побили? Из-за распри князей под татар попали.

— Побили, — подтвердил малец, — а вот под татар попали не только из-за распри князей. Татары что, прошлись набегом по Руси, награбили, сколько смогли, и схлынули. А вот тех князей, которые им покорились, это не устраивало, слишком много недовольных ими было, потому и поддерживали они власть татарскую после набега. А чтобы ни у кого сомнений не оставалось, придумали ярлыки на правление в Золотой Орде выкупать, вроде как подтверждение права на княжение.

И снова пошел сказ о том как зажирела Орда, распалась на части, как каждый хан пытался свою дань собирать и как надоело это русским князьям.

— Значит, — подытожил Любим, — битва на Куликовом поле сразу освободила Русь от татарских поборов?

— Нет, — тут же возразил Васька, — не сразу, татары еще долго дань собирали, но с этой битвы начался их исход с Руси.

— Что-то много ты наговорил про татар, — вставил свое слово Андрей, — видали мы их, так себе воины, неужели они могли Русь завоевать?

— Так себе? — Малец прищурил глаз. — Тогда в чем дело-то? Осталось только пройти лавой по степи, да вычистить всю нечисть татарскую.

Служивые рассмеялись:

— Ты извиняй их Андрей, — улыбнулся сотник, — но татары воины серьезные. Ты не смотри, что они только наскоком да из засады воюют, просто так им сподручнее, а так не каждый хороший воин может с татариним справиться. Только казаки должно обучены, а нам, против татар только пешим строем устоять можно.

Дня через три спина Андрея вошла в относительную норму, она уже не так ныла и ежедневные переходы в пятьдесят верст по зимней дороге перестали быть тягостью. Уже на четвертый день, когда он попытался снова по привычке передать поводья своего коня Ваське, сотник покачал головой и заявил, что с этого дня спутник сам должен обихаживать своего четвероного друга. Ну, что ж, этого следовало ожидать, поэтому Андрей даже не подумал возмущаться, просто занялся делом. А с Васькой он позже сдружился, то ли от того, что поговорить было не с кем, то ли от того, что подросток только на вид оказался мелковат, а так, если послушать его суждения, десять раз усомнишься в неразумности. Причем, несколько раз в пути им пришлось коротать ночь в лесу и то, как быстро малец обустроивал место ночевки, говорило о его большом опыте в этих делах. И откуда только?

В этот день отряд привычно переходил с рыси на шаг, внимательно следя, чтобы кони не оказались в запарке и в тоже время не остывали больше положенного.

— Обоз впереди идет, — сообщил Архип сотнику, указывая на следы, — верст через пять обойдем.

Любим кивнул и снова погрузился в свои мысли, однако спустя мгновение его обогнал малец и приблизился к Акиму, о чем они там говорили, сотник не слышал, но дозорный тут же повернул назад.

— Любим Матвеевич, похоже татарва за обозом увязалась.

— Откуда известно? — Встренулся сотник.

— Васька след разглядел.

— Показывай.

И действительно, когда вернулись назад, полверсты всего, на тропе, отходящей от дороги вглубь леса, четко отпечатались следы коня.

— А почему решил, что конь татарский?

— Правильно все Любим, татарский это конь, — подтвердил Архип, покосившись на мальчика, натягивающего тетиву на лук, — у наших копыта чуть шире и передок не стерт. Татарские кони помельче и копыта у них тоньше, а что передок сточен, так это от того, что вынуждены корм из под снега выбивать.

— Может он один, — высказал предположение сотник и тут же понял, что сморозил глупость.

— А чего ему одному по лесам шляться. — Не стал Архип щадить самолюбие командира. — Этот на дорогу выходил, след проверял, да и сам наследил. Если они действительно за обозом идут, то по этой тропе к реке выйдут.

— Точно, — согласился с рассуждениями подчиненного Любим, — тогда выходит на реке они на обоз и нападут.

— Будем поспешать, или в обрат, подождем? Как бы на большой отряд не напороться.

— Поспешать будем, — решил сотник после недолгого раздумья, — был бы большой отряд, давно бы караванщиков побили, а раз следом идут, значит опасаются. Все по коням, рысью вдогон. Андрей с мальцом позади, в бой не вступать.

Шли на рысях около четырех верст, когда увидели впереди всадника галопом уходившего от отряда.

— Осади, — крикнул Любим Петру, сдуру решившему догнать татарина, — стрелой посечёт. Тут ватагой надо.

На присыпанный снегом лед реки выскочили дружно и тут же выхватили палаши, хоть и успел дозорный предупредить своих соплеменников, однако занятые сшибкой с

защитниками обоза, они подготовиться к появлению отряда не успели. Любим несколько раз резко качнулся в седле, уходя от вероятно выпущенных навстречу ему стрел, и сильно рубанул палашом татарина, только-только оседлавшего коня. В том, что так удачно получилось, заслуги сотника не было, в пылу атаки он даже не успел сориентироваться, а вот конь успел разглядеть цель и правильно вынес седока на противника. До следующего всадника Любим не дотянулся, уж слишком резвым оказался татарин, да и конь у него под стать, буквально вывернул седока из под удара. Ну и ладно, стоять нельзя, мигом стрелой достанут, поэтому перенаправил коня на очередную цель, следом скачет Петр, может ему посчастливится сбить супостата. Однако долго везти сотнику не могло, в двадцати саженях дальше на дороге он видел татарина в огромной меховой шапке целящегося прямо в него. Любим качнулся сначала вправо, прячась за холкой коня, потом перекинул тело влево, одновременно смещая коня в ту же сторону, однако татарин на эти броски не купился и продолжал выцеливать седока, ожидая подходящего момента.

— 'Все, не увернуться', - мелькнула мысль, — 'точно стрелой достанет'.

Однако лук татарина вдруг отлетел в сторону, а сам он ухватился обеими руками за древко стрелы торчащей из груди. За время короткого боя сотник успел пролететь мимо обоза, и ему пришлось осаживать коня. Любим огляделся, напротив обоза он насчитал четверых поверженных противников, а еще несколько уходили галопом прочь от обоза прямо по реке, свои же вроде все в седле, значит живы удачно все прошло. Похлопал успокаивающе коня по шее и направился его назад.

— Ой спаси вас Бог служивые, — выскочил из-за опрокинутых набок саней купец, — век благодарить буду, а то со всем уже с жизнью распрощались.

— А чего ж охрану малую нанял? — Спросил его сотник, отирая пучком пеньки палаш от крови. — Зачем так рискуешь?

— Дык свояк обещал меня здесь, у реки ждать, ан не встретились почему-то. А так-то всегда десяток в охрану нанимаю.

— А почему из пищали не палил? — Кивнул Любим на оружие в руках купца.

— Так, тож с фитилем, — сплюнул тот, — пока запалишь...

— Это да, — нервно хохотнул подъехавший Архип, — тут нужны кремневые замки.

Вот вроде бы только что пусто было на дороге, только сиротливо стояли брошенные сани с лошадьми, а миг и ото всюду повылезал народ. Архип и поглядел в сторону татарина, завалившегося навзничь со стрелой в груди:

— Смотри-ка, на самом деле попал, а я думал, малец просто прихвастнуть решил.

— Так это Васька его упокоил? — Удивился сотник.

— Ага, десятка три саженей до него было, тут и пешему-то не попасть, а он с коня. Говорит, на удачу стрельнул.

— Вот тебе и малец, — хмыкнул Любим, — так это получается, стрельнул на удачу, а мне жизнь сохранил?

— Выходит так, — подтвердил Архип, — а чего по другим вдогон не стрельнул, хотя ему кричали, молчит.

— Правильно, что не стал, снесло б стрелу, все равно бы не попал.

Долго отдыхать не стали, как только схлынуло нервное напряжение от боя, так сразу снова зарядили в дорогу.

— Ну вот, — усмехался Андрей глядя на Ваську, — а ты говорил, что из татар войны добрые.

— Так тут мы их сходу сделали, — возражал тот, — да и не знали они сколько нас в самом деле, поэтому и подались в бега, а то бы кисло пришлось. Схватились бы за луки, да коней посекали, чего бы тогда делали?

Андрей задумался, правильно малец говорит, ежели б татары за луки взялись, то еще неизвестно как бы оно повернулось.

— Так ты думаешь, сотник зря сходу на татар полез?

Васька пожал плечами:

— В военном деле не бывает верных решений, неверные бывают, а вот верных, нет. С одной стороны можно выиграть битву, но проиграть войну, а с другой, можно выиграть войну не выиграв ни одной битвы.

— Как это, — хохотнул Андрей, — ну тут-то ты уже точно брешешь.

— Вот почему сразу 'Брешешь'? — Малец сделал вид, что обиделся. — Ты знаешь про победу Эпира Пирр?

— Опять что-то из старины?

— Ага, будет время, расскажу.

На подходе к Москве путникам стало несладко, приходилось постоянно обходить длинные обозы перемешивая потяжелевший снег на полях и уступать дорогу боярским выездам.

— Никак что-то затевается в Москве, — сделал предположение Петр.

— Вряд ли, — спокойно ответил ему Любим, — перед оттепелью всегда так, на днях припечет и снег с дороги частью сойдет, начнут обочинами пробираться, а еще седмицы две и кроме как конным по дороге не пройдешь.

Что сказать о нашем путешествии? Да нечего говорить — дорога, дорога и еще раз дорога. Ну или пока ехали по сибирским дорогам, то по большей части приходилось ночевать в лесу, а как выбрались в европейскую часть, то ночевка в избах стала обыденным явлением. Правда, были случаи, когда я отказывался в избах не только ночевать, но даже входить туда.

На четвертый день после выезда из Тобольска довелось нам остановиться в одной деревеньки в приезде доме, ну и я как повелось после сытного ужина полез на полати, а там... А там запах давленного клопа, меня вмиг оттуда сдуло.

— Васька, ты чего? — спрашивает меня Андрей.

— Клопы, — отвечаю ему, одеваясь, — пойду-ка я ночевать на сеновал.

Ведь знал же я, что клопы в западной части России обычное явление, а вот как встретился с этими кровососущими и не смог сдержать брезгливость. Впрочем, я не один такой оказался, через некоторое время на сеновал перебрались и Любим с Андреем.

— Что-то там клопов слишком много, — проворчал сотник, разворачивая шкуры.

С этого дня я стал тщательно проверять места ночевки и там где обнаруживал следы клопов не оставался, лучше на улице перекапаться, чем лишний раз подвергать себя опасности быть покусанным. Нет, понятно конечно, что полностью уберечься от нападения

шестилапых не получится, но стремиться к этому надо. Это у меня там, в будущем, был иммунитет, а в это время никакого иммунитета нет, так что подхватить здесь какую смертельную болезнь через укус кровопийцы легче легкого. Кстати, опасность заразиться оспой здесь тоже велика, надо бы подумать по поводу вариоляции, надо только коровку соответствующую найти.

До Москвы успели добраться вовремя, еще неделя и дороги станут непроходимы, и так уже в два глаза смотрели за толщиной льда на переправах. Стольный город меня не поразил, это Раевский крутил головой по сторонам и все ахал, а по мне — посредственный городишко с кучей народа на узких улочках. Как-то давно читал различные книги по этим временам, и все удивлялся, почему так много было попавших под копыта (про себя не говорю, там суматоха была), а теперь увидев движение по улочкам Москвы удивлялся, почему их так мало. И вонь. Вот чего, а вони здесь было более чем, все-таки в городе значительно теплее, чем в полях и улицы Москвы превратились в месиво оттаявшей глины и накопившегося за зиму конского навоза. Однако народ видимо считал это обычным делом и не обращал на вонь никакого внимания. Здесь же увидел мощенные деревом улочки возле домов знатных людей, но таких было мало.

На двор к Ромодановскому сотник, естественно, меня не повел, а поручил Архипу тащить меня на свое подворье, к счастью там обошлось без клоповьей живности, иначе бы мне совсем грустно пришлось. Хотя все равно оказалось не сахар, дом у Архипа был достаточно большой, вот только и семья у него не маленькая, своих семеро по лавкам, да еще у старшего сына четверо, а на пятистенку это форменный дурдом. На сеновал служивый меня не пустил, сказал, что нечего дурью маяться. А так я, видите ли, не маюсь? И самое противное, через три дня я всерьез стал подумывать как 'сделать ноги' из этого колхоза, вот тогда-то и пришло понимание, что наш дом в Иркутске считай стоит пустым. Положение спас Любим, он заявился ранним утром, как только забрезжил рассвет и приказал собираться:

— Едем к князю, одень чего поприличней.

Поприличней? А это есть у меня, я еще в первый день свою парадную одежду чуть смочил да в сенях на палки, как на плечики повесил, чтобы как надо отвисла, да разгладилась. Одевание надолго не растянулось, так что через полчаса мы выехали со двора, который честно говоря, успел надоесть мне хуже горькой редьки. И насчет редьки, это очень здесь и сейчас популярный овощ, чуть менее популярный чем чеснок, вроде бы, ну и что? А то, пучит с неё не хило, так что в доме обретает не только один мощный чесночный запах. Поэтому 'хуже горькой редьки' это совсем не в переносном смысле.

Думал, что Ромодановский в Кремле сидит, ага, как бы не так, у него оказывается своя резиденция и далеко не в центре города. Как поведал мне Любим, в палаты князь-кесарь тоже частенько вхож, но вот дела делать предпочитает под охраной своих стен, хоть и не каменных, но тоже черта с два их перемахнешь.

В людской пришлось париться без малого пол дня, пока небожитель, наконец, не решил развлечься беседой с бывшим дебилом, и надо еще посмотреть кто больший дебил. Не буду приводить здесь все те глупости, которые у меня спрашивал Ромодановский, иные вопросы так вообще выходил за рамки приличия, и наводили на мысли о душевном здоровье князя, общее впечатление его неадекватности у меня сложились. Вот знаете, есть такие люди, которые в разговоре сразу начинают давить своей значимостью, во всем-то они уверены, все-то они знают. А возразишь, сразу станешь врагом номер один, вот и вертишься, словно вошь

на гребешке, что бы и волки были сыты (это я о князе) и овцы целы (это я уже о себе любимом). В общем, когда весьма тучный вельможа удовлетворил свое любопытство, я уже был весь выжат как... тряпка (не видел я еще в Москве лимонов). Уходя от Ромодановского я все пытался вспомнить, когда Петя первый начал резать боярам бороду, до наступления восемнадцатого века или после? У князя борода была пока еще на месте. Что касается свидетельства современников, которые обвиняли кесаря в неумном пьянстве, то я ничего такого не заметил, возможно он потом и напился, но этого мне видеть не довелось.

Обратно к Архипу, меня, слава Заступнику, не отвели, а определили в казарму сотни преображенского полка, которая располагался тут же рядом. Правда не обошлось без накладки, поначалу служивые приняли меня за тех недорослей, которых отдавали под их начало для обучения, и попытались сходу построить, несмотря на то, что по возрасту я никак в этот строй не вписывался. Но их командир оказался вполне вменяемым человеком и за два гривенника резко прозрел, увидев перед собой негодного к строевой службе, а потому приказал меня больше не трогать. Добрейшей души человек, скажу я вам, ну и что, что он по всякому поводу (и без повода тоже) мог с короткого размаха засветить кулаком в зубы первому, попавшемуся на пути, преображенцу. Зато никогда не интересовался где я и что делаю. Лафа!

М-да, лафа-то лафа, но Москва город дорогой, и если мне в ближайшие два месяца не найти способ заработка, то мои финансы не только романсы споют, а и весь ансамбль песни и пляски перепляшут. Поэтому тешить себя своей значимостью не стал, а ухватил ноги в руки, и вперед по стольному городу искать способы заработка. Первая неделя прошла под знаком знакомства с городом, во вторую изображал из себя попугая Кешу, не так явно как он с плакатом на дороге, но что-то близкое. Когда пошла третья неделя — приуныл. Что-то не получается у меня, никому здесь не нужен отрок, которому надо платить. Бесплатно — пожалуйста, за деньги — шалишь.

Однако, говорил же я Васька везучий до безумия, все-таки пристроил себя любимого, и не просто пристроил, а к купцу черной сотни со смешной фамилией, Ивану Сопикову. Наверное, вы представите себе некоего мелкого неопрятного купчишку, который суетится на торгу по мелкому. И будете неправы, на самом деле в Москве купцы делились на несколько групп по своей значимости, это купцы гостиной сотни гостей, потом гостиная сотня торговых людей, которая в свою очередь тоже делилась на три группы и купцы черной сотни. Так вот первые две группы это крупные оптовики, имеющие право на торговлю не только внутри страны, но и за ее пределами, а вот черная сотня занималась мелким оптом и розницей, то есть опт-то у них был мелкий, а вот про доходы я бы такого не сказал. Тот же Сопиков имел шестнадцать лавок, которые были установленных на лучших местах в Москве, а если учесть, что в этих лавках он торговал бижутерией и шелками, то сами можете представить обороты этого купца. Кстати, как я потом понял он из семьи староверов, оказывается таких купцов в стольном граде много, уж не знаю, каким образом такое происходит, но есть.

Дело в том, что купец Иван Илларионович оказался заикой в тяжелой стадии, впору изучать язык глухонемых, я сначала не мог понять, как при таком заикании можно разбогатеть, когда вообще вести дела невозможно. Но выяснилось, что купец не всегда был такой, в один прекрасный момент ему посчастливилось попасть в приказ, где его довольно прилично помяли на дыбе, криминал за ним не нашли, а потому отпустили. Вот только после дыбы человек здоровым не будет уже никогда, мало того что купцу вывернули

суставы, так и заикание привязалось, а заикание для торгового человека это трагедия. Я же в это время пытал счастья на бойком месте, крутился возле лавок, а где еще найдешь людей с деньгами? Ну и стал свидетелем мучений лавочника со своим работодателем, торговец оказался на редкость непонятлив, купец же распахивался и от того понять его стало вообще невозможно. Нет, ничего такого я не думал, по простоте душевной решил помочь, и втолковал торговцу, чего хочет от него хозяин. Купцу это понравилось, и он меня потащил к следующей лавке, а когда и там быстро уладили проблему, мне предложили место помощника с огромным жалованием... аж полкопейки в день. Афигеть как круто. Получается, по московским меркам я должен питаться один раз в два дня. Ну, что же, я не тупой и шутки понимаю, так и сказал купцу, да быстренько слинял, как раз наметился перспективный кандидат с выводком недорослей. Но сорвалось, и сорвалось из-за Сопикова, будь он неладен, торговец одумался и поднял ставку в два раза... Все-таки, купец есть купец, ну раз так, я тоже торговаться умею, в итоге остановились на сумме впять раз больше, мой конь святым духом не питается, а 'овес нынче дорог'.

В тот же день переехал на подворье купца, где мне выделили чуланчик размером полтора на два метра, с широкой лавкой, ну хоть здесь мне не придется в позе эмбриона лежать.

Ладно, первую задачу я выполнил, теперь надо дожидаться сибирских купцов, а покинуть Москву я смогу только с ними, и при первой возможности удирать из столицы, потому как в скором времени грянет стрелецкий бунт, а под это дело, насколько мне известно, многих купцов хорошо пограбят. Очень не хочется попасть в жернова истории, а с началом бузы Ромодановскому будет совсем не до меня.

И кстати, мир тесен, во время очередной вылазки с купцом нос к носу столкнулся с Андреем Раевским, оказывается, он гостит у своего дяди на соседнем подворье. Интересно, дядька у него тоже купец?

Князь-кесарь Фёдор Юрьевич находился в тяжких раздумьях — не благоволит ему царь, вроде бы и почитает за своего, вон даже князем-кесарем объявил, но в шутку, а потому бояре хоть и не говорят ему впрямую, но меж собой потешаются. И старания его в борьбе со скверной инакомыслия Петр не оценил, совсем не оценил, вон даже письмо из Англии отписал, где без всяких окольных зверем назвал, де еще и в пьянстве обвинил. Что до дыбы, то необходимость, кнутом не всегда правду выбить можно, а так вздернул несколько раз на дыбе, отлил водой и спрашивай о чем хочешь, редко кто после этого соловьиными трелями не станет разливаться. А про пьянство, так это совсем напраслина, разве ж это пьянство несколько раз в день горло смочить, при такой работе без кружки вина совсем тяжело станет — в пыточных печей нет, и сидеть там подолгу, несмотря на две шубы, не получается. Правда иногда сильно упертые попадают, тогда приходится каленым железом пытаться, хоть какое тепло от жаровен.

Хорошо бы какой опасный заговор раскрыть, может быть тогда молодой царь отметит старания своего верного слуги? Но где этот заговор взять, уже всех кто позволял себе косо взглянуть извели, и Софья молча сидит, ни слова против, будто ей все-равно. Но на самом деле это не так, не смирилась сестра Петра со своим положением, ой не смирилась, верно мыслит как снова бунт учинить. Эх думы тяжкие.

Руки князя сами собой потянулись к золоченому кубку с хмельным. Вино не помогло, только еще хуже стало, и мысли снова свернули в темные закоулки души. Как только Петр отъехал с великим посольством, князь вместе с Шеиным и Гордоном затеяли перетасовку стрелецких полков, часть из Москвы отправили с глаз долой, а тех, кто должен был с Азова вернуться, на польскую границу, надо было прикрыть от вечно недовольных поляков западные рубежи. Вот только небольшая накладка получилась, в казне на жалование стрельцов после отъезда царя денег не осталось, планировалось хлебным жалованием отчитаться, да неурожай случился. Задержки с жалованием и раньше случались, но в этот раз все много хуже, стрельцы ведь не по домам сидят, где могли на свои хозяйства опереться, а в походе потому и возникло роптание в полках, оно понятно, голодать никому не хочется. Вон уже около двух сотен представителей полков с челобитной в Москву заявили, кипят потихоньку, но дальше обивания порогов Шеина не двинулись.

Тут, в голове мелькнула какая-то интересная мысль, но поймать ее и обдумать Ромодановский не успел, хотя остался след надежды, а раз так, то нужно ее снова отловить. Через некоторое время повеселевший князь вызвал своего подручного Коровкова:

— Вот, что, — начал он инструктировать Любима, — в Москве выборные от стрельцов появились, челобитные Шеину доставили, однако ж, думаю, тут скверна бунта зреет с Софьей во главе, но свидетельств у меня нет. Ты вот что, найди пару людишек, пусть покрутятся меж стрельцов, намекнут, что неплохо бы было челобитную до царевны доставить, а там и настоящие заговорщики откроются.

— Так может в допросную кого из выборных, там все сразу известно станет? — Предложил сотник.

— Можно и так, — согласился князь, — да только мнится мне, что не все из них истинный замысел ведают, надо вернее узнать.

— Сделаю, — коротко ответил Любим, — есть у меня на примете толковый человек из стрельцов.

— Вот и сделай, — кивнул Ромодановский, — только смотри, здесь осторожней надо, а то еще на нас подозрение падет, поэтому, как дело сделает пусть ко мне идет, нечего ему потом по граду толкаться.

— Так чего, служивые? — Разорялся перед стрельцами Ванька Межин. — Ну отнесли вы челобитную Шеину, и что толку? Ничем он вам помочь не сможет, потому как казне не воевода.

— Ну а чего предлагаешь, Ромодановскому предать? Или вообще немцу снести? — Сразу спросили его.

— Не будет немец нашим жалованием заниматься, — отрубил выступающий стрелец, — надо царевне Софье отписать, она найдет на это крапивное семя управу.

— Ты думай, чего говоришь, — сразу вскинулся один из стрельцов, — пока мы с челобитной к Шеину, да князю, то крамолы нет, а как к Софье, так нас измене обвинят.

— Да, какая ж то измена? Заступиться просим. — Продолжал гнуть свое Межин. — Да и вспомните, в полках тоже хотели царевне отписать, она к нам хорошо относится.

— Хотели, да не отписали, — снова возразил стрелец, — а ты предлагаешь за всех слово держать не спросивши.

— Так на что нас выбрали? Чтобы мы делом в Москве занялись, а не лаялись тут по кабакам.

Уступили стрельцы напору, хоть и не хотели они изначально к Софье с челобитной идти, но уговорил черт языкастый Ванька Межин. Да и как было не поверить служивому, ежели он сам вызвался к Софье челобитную доставить, только троих с собой просил отправить, одному, мол, трудно будет охрану преодолеть.

— Ну? — Ромодановский вперил глаза в сотника, как только тот плотно прикрыл дверь.

— Написали стрельцы челобитную Софье, — кивнул Любим, — с самой царевной не встречались, но через Марфу, сестру, передали.

— Вот, оно как, — напрягся князь, — ответное письмо было?

— Нет, не писала им Софья ничего.

— Ну, того мы знать не можем, — тут же возразил Ромодановский, — а человека своего пришли, надобно его слова в бумаге записать. И к Гордону езжай, пусть преображенцев в Москву ведет, да имает всех выборных от полков стрельцов, скажешь измена.

Дождавшись, когда сотник выскочит со двора, князь вызвал своего подручного:

— Сегодня должен здесь один из стрельцов появиться, — заявил он ему, — так ты его в подвал сразу определи, да Сашке Вялому скажи, чтобы крепче вязал, не должен он отсюда ни при каких случаях выбраться. А я вечером навещу татя, попрошаю на дыбе, уж слишком много вопросов к нему накопилось.

Иван Менжин заявился на двор Ромодановского в аккурат после полдня, охрана его пропустила без особого выяснения кто, да откуда — заранее предупредили.

— Ну, пойдем к князю, служивый? — Встретил его у дома-дворца порученец Ромодановского. — Хочет он тебя поспрошать кое о чем. За мной иди.

Они прошли на задний двор и двинулись к крепким постройкам из толстых бревен:

— Так это, а чего князь не в доме? — Забеспокоился Иван, уж слишком подозрительным ему казалось, чтобы князю приспичило тащиться на задний двор.

— А, — махнул рукой провожатый, — в доме князь живет, а здесь службу исполняет. Да ты не тушуйся, сейчас сам все увидишь.

Увидел. Как только стрелец перешагнул порог, с боков на него навалились крепкие солдаты преображенского полка, завернули руки назад и согнули в три погибели.

— За что, братцы? — Завопил он. — Нечто я чего не так сделал?

— Тоже мне братец нашелся, — хмыкнул порученец, схватил какую-то тряпку с лавки, за волосы вздернул голову страдальца вверх и запихал ее Ивану в рот, вместе с клоком попавшей заодно бороды, — помалкивай пока, речи вести будешь, когда спросят.

Дальше стрельца повалили на землю и веревкой перекрутили руки, да так перекрутили, что буквально через минуту они потеряли чувствительность. Тогда-то до Ивана окончательно дошло, что выпускать его отсюда живым никто не собирается.

Выборных отловить не удалось, как только стало известно, кого ищут преображенцы, те сразу скрылись в домах стрелецкой слободы, поди, достань их оттуда. Да и в самой слободе солдат не жаловали, еще немного и до сшибки дойдет. Однако Патрик Гордон был настроен решительно, и солдаты под прикрытием изготовленных к стрельбе пушек, осматривали дома один за другим.

— Бесполезно это, — в сердцах махнул рукой Коровков, — те кто нам нужен уже дворами ушли, а хозяев только каленым железом пытаться.

— Да, это так, — невозмутимо кивнул Гордон, — но приказ надо исполнять и даже если понадобится искать здесь всю ночь, мы будем делать это.

Искать всю ночь не пришлось, хозяева домов, увидев непреклонность иностранца, сами открыли настежь ворота и пригласили досмотреть их дома, управились до темноты.

Узнав об этом, Ромодановский пришел в бешенство, но выражать свое отношение к происходящему криком не стал, бесполезно это, он просто позвал палача и отправился на задний двор. До глубокой ночи из пыточной раздавались нечеловеческие крики, переходящие в хрипы, свист кнута, да скрип дыбы.

Однако это была не последняя жертва тайного дела, еще через три дня прямо на улице Москвы был убит дьяк Тихон, отчего, почему никто не понял. Но вот Любим Коровков насторожился, он знал, что сей дьяк не раз помогал его хозяину сочинять подметные письма, благодаря которым не один боярин поплатился своей головой за крамольные речи в адрес государя. А если учесть, что его знакомец среди стрельцов Межин сгинул, не оставив следа, стоило серьезно задуматься о своем будущем.

Апрель, снег окончательно сошел, но грязи пока хватает, приходится ходить по Москве с оглядкой и вовремя предпринимать меры дабы не оказаться забрызганным глиной с головы до пят. Мой бизнес продвигается успешно, купец, получив в моем лице не только переводчика с тарабарского языка на язык человеческий, быстро обленился и занялся своим

любимым делом — засел за подсчеты доходов. Что, надо отдать должное, получалось у него много лучше, нежели вести разговоры с нанятыми лавочниками, да обеспечивать наполнение товаром своей розничной торговли.

Честно говоря, такая работа меня стала напрягать, это потому, что крутиться приходилось весь световой день, прихватывая вечерние посиделки с работодателем, а я пока еще не перешел из мальцов в иной статус, и привычки впахивать от зари до зари еще не приобрел. Хотя, конечно, малец-то, я уже чисто условно, люди все реже меня так кличут, все больше юнец, да отрок, пройдет еще года два и уже не получится косить под юнца. На днях навестил знаменитый гостиный двор, святая святых купеческого сословия, именно на его территории, а она огромна, происходит вся торговая жизнь Москвы, и не только стольного города. А навестить я его был вынужден, так как Сопиков еще в прошлом году, как только узнал о неурожае, забил свои амбары зерном и ждал взлета цен. Вот за этим взлетом я и был должен следить, и надо сказать, что, несмотря на явный дефицит зерна по России, в Москве цены держались на достаточно низкой отметке. Продать же хлеб за пределы стольного града купец не мог, так как крупный опт ему был недоступен, а возить по паре возов в день не очень-то и выгодно. Вообще интересно, в отсутствие Петра Ромодановский правил достаточно эффективно и, несмотря на противодействие купеческой верхушки, цены ему удавалось сдерживать. Отчасти я видел причину такого положения дел в том, что в сдерживании роста цен на зерно был заинтересован сам князь-кесарь, однако так долго продолжаться не могло, в Москву, как в будущие добрые времена советского времени потянулся народ с окрестных деревень и даже городов, поэтому запасы хлеба на оптовых складах таяли быстро. Так что скоро цены на зерно взлетят раза в три или даже четыре, это без какой-то вещи обойтись можно, а по весне без хлеба не прожить. Кстати, народ что-то уже почувствовал, начал разгоняться маховик ажиотажа, а это уже точно конец политики сдерживания цен Ромодановского.

— Малой, иди сюда, что-то скажу.

Это раздается из узкого переулка, причем интонации такие, что не заподозришь чего плохого. Ага, сейчас так прямо и кинулся, делаю полностью противоположное, пару шагов от опасной зоны, и резко ускоряюсь, пытавшийся перекрыть мне дальнейшее движение бугай, стоящий чуть поодаль, не успевает. Вот и хорошо, но на будущее что-то надо делать, а то, как мне тут сказали, местные банды частенько промышляют даже на достаточно людных улицах. А что, пристраивается такой бандюган сзади к жертве, и в подходящий для него момент бьет по затылку кистенем, ну а дальше все как в наши времена, типа 'ой человеку плохо стало, надо его срочно в переулочек снести, чтобы ненароком не затоптали'. А в переулочке разденут догола, да бросят, и хорошо если жизнь оставят, а то и заберут на всякий случай, чтобы свидетеля не было.

Обратно возвращаюсь уже другой дорогой, там, где народу еще больше и все время слежу, чтобы сзади меня не плелись подозрительные личности.

Купец смотрит на меня не открывая рта, сегодня у него сложный день, заикание такое, что даже мне разобраться чего он хочет сказать сложно. Отчитываюсь, о произведенных следственных действиях:

— Хлеба на складах при прежнем спросе осталось месяца на полтора. Но это если бы спрос был как в зиму или в начале весны, но люди стали зерно скупать быстрее, и поэтому купцы говорят еще две недели и торговлю хлебом закроют. А сам я думаю, что князь уже на днях торговлю прикроет, введет хлебный завет, продавать по дворам станут. — Глаза купца

распахиваются в негодовании, поясняя. — Напротив клада караул с преображенцами разместили, видимо хлебного бунта опасаются, а раз так, то не сегодня так завтра будет объявлено о хлебном завете.

М-да, смотреть на купца жалко, он же надеялся на спекулятивных ценах куш срубить, а тут такой облом ему от Ромодановского.

— Тут проходил мимо подворья Семена Дорохова, так он срочно остатки зерна распродал, — подлил я масла в огонь, — а у него брат в хлебном приказе. Вот только не понятно мне чего это вдруг они суется, что сейчас зерно продать, что позже его в приказ сдать, цена-то будет одна.

Но видимо купцу все понятно, это я понял как он в отчаянии манул рукой.

— Что? Хлеб будут под налог выкупать?

Купец кивнул, вот это да, продрозверстка во всей красе, но если учесть, что хлеба у купца полный склад, он налог может лет десять потом не платить.

— Ну тогда придется до нового урожая держать, — чешу в недоумении затылок, — но то в убыток будет, примерно треть от прежней цены.

Ладно, нечего голову ломать, решил купец рискнуть да пролетел, но для него это не смертельно, считай немного он и потерял, вся эта его затея могла принести в лучшем случае дополнительного дохода процентов двадцать от того что имеет. Стоило ли ему из-за этого столько копий ломать.

— В слободе заматня, — продолжаю нагонять страху, — солдаты с Преображенского пытались жалобщиков из стрельцов сыскать. Как всегда никого не нашли, пока по первым домам шарили, все задами из слободы ушли. Рядом с немцем видел Любима Коровкова, а он человек Ромодановского, значит, дело политическое и думаю, в скором времени грянут большие события.

Ну, вот, вроде бы доклад закончил, работодатель удовлетворен и сидит размышляет. Но долго размышлять ему давать нельзя, а то опять будет пытаться перевесить на меня свои обязанности.

— Иван Илларионович, — позвал я купца и, дождавшись пока он выйдет из лабиринтов своего сознания, продолжил, — пора Федора, твоего племянника, к себе зазывать.

Взгляд купца потемнел.

— Знаю, что дело не мое, — поспешил успокоить Сопикова, — а все же подумай хорошо, твой недуг, чем дальше, тем больше проявляется, и неизвестно когда болезнь отступит. Помощники у тебя дельные, тут уж ничего не скажешь, и в случае чего разорения не допустят и дочерей без копейки не оставят. Но все ж они не родственная кровь, а Федор к делу интерес имеет, подучить его, и будет тебе в деле опора.

Ага, задумался, вот теперь можно потихоньку сваливать, там меня Раевский дожидается, обещал его в казармы протащить и свести с полковником Крагге, который уже давно подыскивал дельного молодого человека, чтобы спихнуть на него часть своих забот, по управлению пушкарями. Кстати, должность перспективная, сейчас пушкари все больше в общем строе обитают, потому, что их не так уж и много, но лет через пять, с упразднением стрельцов, пушкари станут в отдельные подразделения, со своей спецификой, и карьерный рост Раевскому будет обеспечен. Да и фамилию не надо со счетов сбрасывать. Вот интересно, будет ли иметь этот Раевский родственные связи с тем Раевским.

Должен сразу сказать, что полковнику Андрей пришелся по душе. А что? Молод, грамотен, отец воевода, хоть и в далеком сибирском городишке, а это значит, что сынок его

перед высоким начальством не ступается, не заробееет, и быстро выработает командный голос. И был прав, благодаря усиленной учебе, и такого же внимания командира уже через десяток дней молодой капрал лихо командовал своим подразделением в приготвлении к стрельбе.

Конец мая, все чаще наведываюсь на гостиный двор, ожидая приезда купца Гандыбы, но видимо в этот раз ему не удалось проскочить до распутицы, скорее всего, приедет к середине июня. То есть уже после бунта стрельцов. Продразверстка, которую своей властью ввел Ромодановский, дала свои плоды — хлеба в Москве в свободной продаже не стало совсем. В других городах пожалуйста, правда цена подскочила раза в три от прежней, а вот в стольном граде только на складах под запись, причем норма на двор, без учета едоков. Сопиков, конечно попал на убыток, но не сильно, потихоньку, полегоньку, его запасы распродают, никто же не мешает продавать не само зерно и хлеб, а нечто содержащее в основе своей муку. Это уже моя идея, когда я предложил купцу влезть в калашный ряд, он только руками махал, мол, куда со свиным рылом? Спорить с ним не стал, однако на свои деньги закупил сахара, фунтов восемь и вместе с его женой и дочерьми испекли торты и пирожные, да еще всяких пряников напекли по типу тульских. В отличие от нашего времени, когда в тортах и иных кондитерских изделиях сахара не жалеют, для этого времени избыток сладости был скорее недостатком, чем достоинством, поэтому мед и сахар добавляли с осторожностью. Наша пробная партия даже до лавки не дошла, раскупили по пути. Нельзя сказать, что такие изделия были в новинку для Московских жителей, оказывается немецкая слобода исправно поставляла различные сладости для состоятельных людей, но цена!!! А у нас все получилось достаточно демократично, главное было свои затраты отбить, ну и чуток прибыли не помешает. Бизнеса на этом особого не получится, это пока дефицит зерна можно без боязни дело свое делать, а как только кризис будет преодолен, конкуренты сразу вытеснят нас с рынка кондитерских изделий. А может быть, и нет — посмотрим, как оно еще повернется, ведь главные свои козыри решили пока не открывать. Но так или иначе, а кондитерский цех, в который мы превратили один из складов купца, работал в три смены, продукция распродавалась полностью и к радости Сопикова зерновые запасы, наконец, нашли применение. Кстати, насчет цеха, понимание необходимости чистоты у людей есть, вроде бы, но сколько нервов стоило заставить всех ходить в белой одежде и обязательно мыть руки с щелоком.

В городе резко активизировалась нищета, и бандиты всех мастей обнаглели, голодно им, видите ли, стало, а они не привыкли пояса потуже затягивать. По городу один теперь ходить не рискую, постоянно меня сопровождают преображенцы, опять спасибо их 'добрейшему' командиру, уж слишком лаком барчук, коим я сейчас выгляжу, для всей ненасытной бандитской братии. Один раз даже бравый вид моей охраны не смутил 'работников ножа и топора', но тут уж я вовремя заметил опасность и резво кинулся за спину своей охраны, думал, там безопасней будет. Ошибся. Оказывается, сзади к ним уже подбирались двое гопников, дабы служивые не могли помешать остальным. Надо сказать мне повезло, как раз в этот день в охрану моей тушки поставили двух провинившихся собутыльников, видимо в наказание, ну и сами понимаете, какого было настроение служивых, когда маясь с похмелья, они были вынуждены таскаться за барчуком по всем торжищам. А народ там был крикливый, постоянно перед глазами мельтешащий и дополнительно нервы действующий. Вот они и поправили эти свои нервы на лихом люде,

пока я за их спинами отмахивался кнутом с вплетённой свинчаткой от двух нападающих гопников. Выстрелы из пистолей грохнули почти одновременно, а следом настала очередь палашей — людей солдаты Петра жалеть не стали. Грязно сработали. Брррр.

Совершенно неожиданно обо мне вспомнил князь, что б ему..., видимо просветление наступило. Насколько я понял, Ромодановский пить не перестал, но печень такой нагрузки уже не выдерживала, а потому объем употребляемого ему пришлось резко снизить.

— Хватит тебе по лавкам бока пролеживать, — заявил он мне, — Любим говорил, ты сказок много знаешь, вот и расскажи чего, а я послушаю.

Блин, не было печали, а теперь будь добр этого старого алканафта сказками развлекать. Да-да, старого, на этот день князю пятьдесят восемь лет, для этого времени возраст более чем почтенный, а если учесть, что он вообще за малым не переживет всех ныне здравствующих небожителей, то можно сделать вывод, что со своей печенью он договориться сумеет. Ладно, будем считать, что своими сказками я буду отвлекать злобную личность от пыток и тем самым делать богоугодное дело.

Первые дни правитель Москвы развлекался один, но потом в слушатели добавились его домочадцы, дочери с супругой, тетки под стать хозяину, тот медведь здоровущий и они тоже 'красотой' природой не обижены. Хорошо еще, что у Ромодановского дела были, так что эта общественная нагрузка оказалась не сильно обременительной.

Ура, ура! Наконец-то обоз Гандыбы добрался до Москвы, в тот день я как раз читал очередную сказку у князя, когда к нему поскребся приказчик, и естественно чтения сразу пришлось прекратить, сказки видимо уже стали приедаться, а фарфор был пока новинкой. Телеги загнали на задний двор, и тут же вскрыли пару ящиков, извлекая на свет божий наши фарфоровые поделки.

— Хм, — крикнул князь, увидев расписанную разноцветной глазурью утварь, — красота, у нас такое никогда сделать не смогут.

Конечно, не смогут, а если кто попробует, тому сразу по рукам, чтобы неповадно было. Вон, Гандыба, ни жив ни мертв стоит, шапку мнет, того и гляди в обморок свалится, переживает. Я бы на его месте тоже переживал. В конечном итоге весь фарфор затащили в постройки князя, думаю, сначала он обеспечит себя необходимым количеством 'изумительных по красоте' подделок, а потом остальное на торг выставит, или казне отдаст, царям тоже надо с чего есть, не все же время золото облизывать. Купец же, от щедрот царских, получил разрешение торговать в Москве всем своим товаром 'без временно'. Это совсем не о том, о чем вы подумали, мол, может теперь всю жизнь в Стольном граде торговать. Для того, чтобы купцы были сговорчивей и резче крутились при оптовой продаже своих товаров купцам гостиней сотни, было введено ограничение по времени пребывания купцов в стольном городе. Не успел вовремя пристроить свой товар за десять дней, будь добр либо заплатить штраф, либо покинуть город. Вот только частенько гостиней сотни сговаривалась и вынуждала приезжих продавать свой товар на ее условиях.

Теперь же Гандыба получал возможность не суетиться и пристраивать товар вдумчиво, или вообще самому откупить лавки на торгу на длительный срок.

Вечером заглянул к купцу и хорошо так с ним поговорили, он много чего рассказал мне про Иркутск. Голода ни Забайкалье, ни в Прибайкалье не случилось, за это спасибо 'братьям китайцам', караваны с зерном в Нерчинск к концу зимы повалили валом и все их выкупили. Тут надо сказать, что зерно активно закупалось всеми: монастырь распечатал свои запасы

меди и серебра; приказ под началом Перфильева отрядил на закуп часть собранного ясака; купцы тоже тряхнули мошной, так как в Тобольске разжиться хлебом в этот год не удалось. Даже мой отчим внес свою лепту, откупив в Нерчинске десяток подвод с зерном, для прокорма своих работников.

Про родных ничего определенного Гандыба рассказать не мог, мол, живы, здоровы, привет передают, на этом все. Ну и ладно, главное знать, что все в порядке.

На следующий день в казарме началась суета, я быстренько подскочил к Андрею:

— Стрельцов замирать пойдем, — выдал он мне страшную военную тайну, — бунт они вздумали учинить, на Москву пошли.

Угу, это понятно, вот оно и началось 'Утро стрелецкой казни', поздно Гандыба приехал, нет чтобы на дней десять пораньше, успели бы из стольного града выскочить, а теперь придется до окончания разборок в Москве сидеть. А в самом городе паника, всем боярам вдруг неожиданно приспичило в свои вотчины выехать, шум, гам, тарарам, по всем дорогам затор. Зря это, вроде как Шеин быстро стрельцов успокоил, кого повесил, кого выпорол, а кого просто выслал с глаз долой, будем надеяться на лучшее, не забывая о худшем. Судя по тому, что Ромодановский больше меня к себе не затребовал, дела у него закрутились нешуточные. Ну а я снова смог вернуться к своим делам, правда охранять меня вновь стало некому, все преображенцы оказались при делах, их в это время Гордон к походу готовил. Пришлось тащиться к Сопикову и через него договариваться об аренде боевых холопов, деньга к этому времени у меня завелась, да и купец ссудил прилично, условие было одно, на стрельцов они походить не должны.

И кстати, приходилось мне читать в свое время, что репрессии стрельцов, прокатившиеся по Москве, не имели под собой оснований, и были инспирированы Петром, только из-за его желания отомстить за прошлые обиды. Так вот, стрельцы вели себя в Москве нагло, и иногда в некоторых местах, слышались угрозы в адрес бояр и молодого царя, как к примеру: мы сила и терпеть больше над собой неметчины не будем, а потому на царство надо Софью звать. Понятно, что это мнение разделяли далеко не все, и даже тот, кто иногда позволял себе крамольные мысли, вряд ли на самом деле стал бы этого активно добиваться. Однако слов из песни не выкинешь и разгром стрельцов в столице стал просто делом времени, никакая власть не станет мириться с тлеющей бомбой у себя под боком, а тут такой предлог появится.

Сбежать домой с Гандыбой у меня не вышло, зря я князю сказки рассказывал, через две недели продал он меня, вернее не продал, а подарил, как зверушку какую, говорящего попугая. И кому бы вы думали, Патрику Гордону знаменитому иностранному аемнику, оставившему после себя дневники, из которых историки в первую очередь черпали сведения об истории правления Петра. Это Ромодановский так рассчитался с Гордоном за разгром стрельцов под Воскресенским монастырем. М-да. Этого я князю никогда не прощу, понятно, что мое мнение его совсем не интересует, и наверняка он даже думает, что осчастливил сибирского дурачка, пристроив того на теплое место. Теперь у него в моем лице появился недоброжелатель, и если подвернется случай... Однако, сейчас не до ответных действий, самому бы выжить в этой мясорубке. А вообще, если я считал Ромодановского стариком, то Гордона впору считать старцем, все-таки шестьдесят три года адмиралу, и видно, что болезнь уже стала его серьезно крютить, по крайней мере адмиральской выправки у него не видно, и зубов тоже, кстати говоря. Ну, да мне от того не страдать, что-то из меня опять циничность полезла, а вот Патрику остатки зубов постоянно причиняли серьезное

беспокойство.

Так вот, смена опекуна (буду пока так называть 'благодетелей' ибо иначе будет обидно) мне сильно не понравилась, если князь меня дергал изредка, предоставляя все оставшееся время в мое распоряжение, то Гордон стал откровенно меня доставать учебой изящным манерам и задолбал поручениями, используя как мальчика на побегушках, дальних побегушках, работа явно для взрослого. Нет, этого мне не надо, поэтому срочно занялся подготовкой к отбытию, это я не мог от Ромодановского сбежать, а здесь мне никто не помешает, вот как раз перед прибытием Петра и сметаюсь. Тем более, что изредка отсылая с поручениями за пределы Москвы, Гордон снабдил меня 'вездеходом', парсуной, дававшей права проезжать заставы, которые после усмирения стрельцов расплодились по дорогам в большом количестве. Как раз то, что надо. Ну и чтобы поддерживать себя в форме, как только появлялась возможность, выбирался из слободы потренировать коня, ну и самому от седла не отвыкнуть, дорога предстоит дальняя, причем начальный рывок примерно на неделю пути, так что нужно держать себя в форме. Да, еще забыл рассказать об одежде, если князю было наплевать в чем я там по Москве хожу, то Патрик наоборот к моему внешнему виду отнесся серьезно и заставил в первый же день переодеться в непривычную одежду. Ну очень непрактично, по хорошей погоде еще туда-сюда, а вот когда пройдет хороший дождь, тушите свет. Сапоги не просто так горожане носили, асфальта нигде не видно, так что идешь после дождя по улицам, мало того что на тебя косятся, как на ненавистного иноземца, так еще и пройти везде проблема, чуть что и ищи свою обувь наощупь в глубокой грязи. И чулки светлые, будь они неладны, каждый день отстирывать приходится, сапоги-то что, водой ополоснул и готово. И платок этот на тонкой шейке, неудобно до ужаса, хорошо хоть не приходится кружавчики и парик носить, по статусу не положено, а то смотрю на иных иностранцев, и мне их жалко становится — рабы условностей.

Блиин! Накаркал! К приезду царя немцы решили устроить праздник, и в качестве одного из развлечений задумали театральную постановку, естественно наравне со взрослыми там должны были принять участие и подростки, вот только сюжет как всегда на библейскую тему. Ну а раз мне отводилась роль одного из повзрослевших херувимчиков на заднем плане (тьфу, прости меня Господи), то в обязательный реквизит входили всякие парики с завитушечками и всякие глупые рюшечки на голой шейке и также заголенных руках. Я бы сказал, где видел эти рюшки, но воспитан слишком хорошо.

Это было что-то с чем-то, никогда я еще так глупо себя не чувствовали, и это при том, что некоторые мелкие жители слободы мне жутко завидовали. Как же, это так красиво и так романтично. Это кого здесь воспитывают, куда меня занесла нелегкая? Ну, Патрик, старый козел, вместе с этим..... Ну что же, хоть моя роль и не предусматривала раскрытия рта, но настоящего артиста это остановить не должно, и не остановило. Походка у меня сразу стала как у десятка грузчиков одновременно, палец не покидал отверстия в носу, а парик и рюшечки сползали черт его знает куда в самый неподходящий момент и улыбочку держим поглупее, улыбочку. В конце концов, у режиссера театральной постановки терпенье лопнуло и, выдав мне пять щадящих ударов кнутом, все же умом скорбен, он лишил идиота чести принять участие в создании шедевра, который переживет века. Вот скажите, неужели они всерьез думают, что эта хрень интересует Петра. Да он за один хороший анекдот все это непотребство отдаст.

Узнав об этом, Патрик решил наставить меня на путь истинный, а так как любое нравоучение у него начиналось с наказания, то пяток дополнительных следов от кнута снова

отпечатались на моей заднице. Ну что же — искусство требует жертв.

— Почто нерадение проявил, — грозно сдвинул брови Гордон, причем с его акцентом и голосом это прозвучало так комично, что мне едва удалось сдержать улыбку.

— Петр Иванович, — изображаю на лице великую муку, — вот вы хорошо царя знаете, нешто он в такой скукотище развлечение найдет?

— Театр не развлечения ради, а поучение пользы для.

Блин еще один Ёда из 'Звездных войн' выискался, это же надо так слова в своем высказывании переставить.

— Это царя-то поучать? — округляю глаза.

— Кхм, — тут же закашливается Гордон, и поправляется, — поучение для подданных его, одобрить должен.

— Царь с дальней дороги прибудет, устанет от трудов, а мы его в праздник снова трудиться заставлять будем?

— Вижу, не внемлешь увещаниям моим, — сделал заключение адмирал, — упорство в своем нерадении проявляешь. Если так, то отправись в Преображенское, там из тебя хорошего солдата воспитают.

Что? Меня, умом скорбного в солдаты? Вот гад. Однако надо срочно выкручиваться, с Гордона станется, не пожалеет.

— За что, господин адмирал? Я же дело говорю, государю отвлечься от дел надобно, отдохнуть. Не в вине же всегда спасение искать.

Ага, в глазах Патрика зажегся огонек интереса, видимо его сильно достало пьянство царя, и если есть возможность хоть один день обойтись без общества Бахуса, надо его использовать.

— Ты можешь предложить что-то превосходно? — Тут же следует расплата за инакомыслие.

Так, есть подсечка, теперь надо не оплошать. Чего можно предложить? Игры? Нет, менталитет в эти времена у людей другой и то, что я могу предложить, вряд ли надолго заинтересует Петра. Сказки? Нет! Знаю, они ему понравятся, но для меня это будет фатально, не отпустит меня потом царь на вольные хлеба, так и останусь при нем в качестве придворного шута. Чем это кончается, мы знаем. Как это ни грустно, остаются пьесы, но только не скучнейшее пережёвывание библейской тематики, а что-нибудь веселое из бессмертных творений.

— Нужно ему, что-нибудь веселое показать, комедию какую, чтобы если и не посмеялся, так хотя бы в душе возрадовался.

— Ну?

— Он же в Англии был, а там жил знаменитый поэт Уильям Шекспир. — Эк его перекосило-то, судорожно пытаюсь понять отчего и тут вспоминаю, что Патрик шотландец, а они вроде как до восемнадцатого века были независимыми, и вполне может статься, что англичан он не очень уважает, поэтому срочно вношу поправку: — Сей поэт высмеивал английскую знать в своих комедиях.

Ага, перекося резко уменьшился и лицо немного разгладилось, но видимо неприятие еще велико:

— Еще.

— Можно Лопе де Вега, испанец.

Я опять что-то не то сказал? Темнота снова отразилась на лице адмирала.

— Нет! Что есть у Шекспира?

Ага, наконец-то определился:

— Есть 'Комедия ошибок', 'Укрощение строптивой'

— Укрощение строптивой?

— Ага, там одна знатная дама была очень строптива, и отец в порыве негодования обещал выдать ее замуж за первого встречного. Ну, а дальше ей достался небогатый муж, который сумел воспитать ее в духе кротости и нежности.

— Это может быть поучительно и интересно. — Задумался Гордон. — Откуда тебе сие известно?

— Э..., я же из Иркутска, а там много ссыльных, вот они от скуки и...

Ёо-мое, чего я несу-то, какие нафиг ссыльные иностранцы?

— Хорошо, — кивнул Патрик, — Расскажи.

Закончился мой пересказ сюжета вполне ожидаемо, Патрик решил поставить такую комедию у себя в доме, дабы повеселить молодого царя. На мое возражение, мол, для этого нужны хорошие актеры, было отвечено, что как раз в это время в Москве застряла труппа комедиантов, и они как нельзя лучше подойдут для исполнения задумки, а если возникнут какие-то заминки, то и с преображенского театра можно актеров выписать. Преображенского театра? Это те, кто сейчас скуку смертную репетируют?

Все, накрылся мой побег, пока я был никому не нужен, меня бы искать не стали, а теперь запрягли в дело и моя пропажа незаметно не пройдет. И специально для ревнителей искусства, естественно я не мог сделать стихотворный перевод, исходного текста перед глазами не наблюдалось, а если бы и нашли, то все равно, это серьезный длительный труд, а ни времени, ни возможности никто не даст, поэтому ставить будем все в прозе.

Да еще один момент, в нашей литературе писалось, что иностранцы мылись редко и педикюлез у них был нормальным явлением, ничего подобного, и мылись они в банях раз в неделю и с живностью в волосах боролись беспощадно. Правда бани у них были несколько странные, там больше мерзнешь, чем моешься, но это издержки просвещенного мнения, что пар сильно обжигает легкие и способствует возникновению болезней. Ну и глупцы, ведь так приятно избавиться от избытка шлаков в парилке, сам-то процесс не шибко приятный, зато потом, легкость необыкновенная в теле, кажется, дунет ветерок, и взлетишь, но тут главное не переусердствовать в погоне за здоровьем. А что из минусов, так это еда, все пресное какое-то, даже сало они засаливали без чеснока, а ведь так хочется иногда навернуть салца засоленного с чесночком, да с ржаным хлебом, да с лучком-с... Не поймут убогие, как есть не поймут. Эх, доля моя сиротская, ничего недолго терпеть осталось.

Ах водевиль, водевиль, водевиль

Музыка песни и та-а-анцы...

Мурлыкал я время от времени песенку, смотря на потуги актеров, и как Станиславский изредка кричал:

— Не верю!

Ну, действительно, до настоящих мастеров сцены этим фальшивым комедиантам расти, и расти, не удивительно, что их гастроли провалились, единственный, по моему мнению, луч света в этом темном царстве Катерина Вешина, круглая сирота из обедневшего рода. Вот уж Бог все дал девчонке, и справное тело и красивое личико и неунывающий веселый характер. Про таких в мое время говорили — нетужилка. Создалось впечатление, что печаль ей совсем неведома, а потому прощалось практически все, просто она очень хорошо умела импровизировать и ее промахи оборачивались новыми интересными идеями. Должен сказать, что как только я ее увидел, так сразу ткнул пальцем в сторону девушки и сказал, что только ее вижу в главной роли. Кстати Патрик тоже согласился со мной, он вообще на нее без улыбки смотреть не мог и, возможно поэтому, периодически появлялся в нашем сарае, нравилось ему смотреть рабочий процесс создания шедевра, под руководством гениального режиссера. Это я о себе, скромном, молодом человеке, если кто не понял.

Портило мне настроение лишь одно, уже начало Августа, через две-три недели заявится царь, а актеры только в самом начале процесса. Извел кучу дорожкой бумаги, расписал им всем реплики, движения, выражения лиц героев, заставляю каждое утро как молитву зачитывать все написанное, и все равно на сцене из их дырявых голов все вылетает. Да еще актерская вольница достала, им, видите ли, нужно развеяться в трактире вечером после трудов праведных. Нажаловался адмиралу, и всех этих снобов вмиг посадили на казарменное положение. Это вам не двадцать первый век с правами человека, тут век семнадцатый, так что сиди и не чирикай.

Отдельно занимался с Катериной, несмотря на ее жизнерадостность, все же она дитя своего времени и многое из того что она должна была делать на сцене выходило вымучено, поэтому отрабатывали некоторые эпизоды по десять и более раз добиваясь идеального исполнения. Особенно обращал внимание на умение владеть мимикой, угробил кучу времени, объясняя, что актер должен уметь сказать больше выражением лица, нежели словами. По многу времени 'ставили лицо', это когда актер должен точно выразить свои эмоции, даже зеркало выклянчил у Патрика для этих занятий. Надо сказать, что девушка оказалась не только красива, но и достаточно умна и образована, а это сочетание редкое, по словам Гордона невозможное, и весьма вероятно, что Петр отметит сей факт. А потому я еще старался отучить ее от чинопочитания, чтобы не тушевалась перед сильными мира сего и внушал, что цари тоже люди и кое-куда тоже пешком вынуждены ходить. Под конец репетиций, даже дал ей основы психологии, чтобы могла себя в какой-то мере защитить, потому, как после ее премьеры наверняка появятся заинтересованные и озабоченные.

Генералку отыграли в двадцатых числах августа. По моему мнению, получилось не очень, но благодаря нашей приме что-то вытянули, а и ладно, будем надеяться, что публика пока еще не избалована и театральный бомонд отсутствует как класс. Патрик же все представление откровенно восхищался девушками и его похвалу я воспринял как должное, такое впечатление что все действо ему было по барабану, главное чтобы дамы в откровенных европейских платьях порхали по сцене. В конце Гордон даже расчувствовался и достал платок промокнуть выступившую слезу, и это старый железный воин, не раз смотревший смерти в лицо. Уходя, он посоветовал всем хорошо отдохнуть.

Ага, пусть отдыхают, часа три вздремнут после обеда и пожалуйста обратно, будем исправлять ошибки, которые наделали, тем более, что приказа о казарменном положении актеров не отменили, оно и правильно, вдруг в кабак сбегут накануне премьеры. Кстати,

актеры уже давно на меня волком смотрят, надо бы, как все закончится, не попасть к ним в объятия. Удавят от полноты чуйств.

— Едут! Едут! — Раздался крик на дворе.

Спрашивать, кто едет не стоило, все знали о ком идет речь. По истории я знаю, что Петр, вернувшись из своего заграничного путешествия, поехал не в кремль, где его все ждали, а в немецкую слободу, а вот у кого приземлился, убей — не знаю. Может быть у Анны Монс?

Приезда царя в Москву Любим не застал, на это время он был отправлен князем кесарем в Новгород, дабы там найти и допросить некоего Ваньку Сулева, который укрылся у своих дальних сродственников. Вроде бы простое задание, но все с самого начала пошло наперекосяк. Во-первых: князь не разрешил брать в путь своих проверенных товарищей, мол, они ране в одном полку с мятежниками служили, и хоть в бунте участия не принимали, все же поостеречься будет не лишним. В-вторых: где-то на половине пути в отряде начался мор, но то не чума, не оспа, но что-то серьезное, потому как сначала занедужили сразу двое, а на следующий день еще один. Пришлось оставлять больных по деревням, чтобы не свалились с лошади в пути. А в-третьих: вообще человек пропал, причем поиски его не привели к результату. Хозяин постоялого двора утверждал, что кто-то из служивых под ночь выехал за ворота и больше не появлялся. Неужели в бега подался?

После этого случая Любим специально стал следить за оставшимися в отряде, и спустя некоторое время у него сложилось впечатление, что четверо, из навязанных Ромодановским попутчиков, хорошо знают друг дружку, хотя с самого начала делали вид, что незнакомы. Обострять отношения и хвастать догадками Любим не стал, а вот меры принял, улучшив момент, переговорил с оставшимися двумя воинами и с этого дня они ни при каких обстоятельствах спины тем четверым не подставляли. Естественно это не могло остаться незамеченным противной стороной, но те старательно делали вид, что ничего не замечают, хотя по поведению сразу стало понятно, озадачились. Развязка наступила на третий день, один из группы подозрительных воинов сблизился с Любимом и вдруг, выхватив пистолет, бахнул в его сторону. Не попал, сотник был настороже и сразу, как только в его сторону было направлено оружие, свесился за коня, а вот ответный выстрел оказался точен, свое оружие он держал наготове. Еще два выстрела со стороны нападавших и спутник, Любима валится с лошади. Трое на двоих, плохой расклад, но выбирать не приходится:

— Не трать заряд, — крикнул сотник второму подчиненному, выхватывая палаш.

Видимо нападающие решили использовать численное преимущество и попытались взять сотника в клещи, однако конь Любима был достаточно обучен, чтобы не подставлять хозяина под удар, он быстро сместился в лево и буквально оттер соперника в правую сторону. Седок не спасовал, в последний момент взял поправку на сопротивление поставленного под удар клинка и рубанул, вкладывая как можно силы. Достал. Удар, конечно, получился несколько смазан, но его хватило, чтобы противник на секунду потерял ориентацию, поэтому второй удар палаша уже был точен.

Сзади снова раздался выстрел, это второй спутник Любима, отправил пулю в сторону противника, видимо был уверен, что попадет. Однако в этот момент сотника интересовал третий, у которого приключилась осечка, ссыпался ли порох с полки или кремень не дал достаточно искры, но тот лихорадочно пытался что-то исправить в оружии и только в последний момент бросил возиться с пистолетом, доставая саблю. Ни первым, ни вторым ударом Любим противника не достал, не смотря на то, что палаш значительно тяжелее сабли, тому удалось удачно отвести удары и кони разошлись. Испытывать судьбу последний из нападавших не стал, резко послал коня в галоп назад по дороге, но далеко не ушел, снова бахнул выстрел, это оставшийся воин подхватил заряженное оружие убитого товарища, и

почти в упор разрядил его в пытавшегося проскочить мимо всадника.

— 'Вот тебе и на', - мотнул головой Любим, сбрасывая наваждение скоротечного боя, — 'Это что же получается? Измена?'

И тут ему ясно вспомнилось лицо князя, когда тот отправлял его в путь. А ведь Ромодановский раньше иначе напутствовал его, на этот же раз, и приказ был какой-то невнятный и глаза князя не смотрели на подчиненного, да и холодные они какие-то были. И Любим снова вспомнил о своих подозрениях. Впрочем, проверить их легко, если в Новгороде не удастся найти следов Сулева, то и нет такого, а значит отправляя его в дальний путь Ромодановский надеялся больше никогда не встретиться со своим подчиненным.

Ранение одного из нападавших оказалось не смертельным, круглая пуля не пробила толстой одежды, но приложила знатно, ребра сломаны. Вдумчивый допрос ничего не дал — простой исполнитель, а тот, кто мог ответить на вопросы сотника лежал на обочине дороги с проломленной головой. Дальше рутина. Жалость непозволительная роскошь, для воина, поэтому раненого добили без угрызений совести, изменников раздели и оттащили подальше в лес, пусть ими зверье занимается. Убитого товарища привязали к лошади, упаковали вещи на оставшихся без хозяев коней, и отправились дальше. Что бы ни произошло, а приказ князя сотник должен был исполнить.

Как и предполагалось, никакого Ваньки Сулева в Новгороде Любим не нашел, что и требовалось доказать, но теперь перед ним стал другой вопрос — что делать дальше? Возвращаться к князю глупо, тот даже спрашивать не будет, просто даст приказ палачу удавить счастливчика, или вообще обвинит в измене, а на дыбе все что надобно подтвердишь. Податься в бега? Тоже не выход, грамотка с печаткой князя только до Новгорода дана, а дальше может быть и пропустят, но то как след для погони оставить. И тут у сотника мелькнула мысль, а не податься ли тишком в Сибирь, тем более места теперь уже знакомые, да осесть где-нибудь в тихом месте, вряд ли рука Ромодановского туда дотянется. Ну а пока надо в Москву — налегке в дальний путь не отправишься, надо денег в дорогу взять, дела завершить, да к купцам сибирским приглядеться, не одному же версты зимние мерить.

Премьера состоялась на пятый день после приезда Петра, насколько я понял, монарх все это время пропьянствовал, это можно было хорошо видеть по Гордону — старый он, больной, ему бы в постельке лишний день отлежаться, а он вынужден по всяким ассамблеям таскаться, да еще немереное количество вина в себя вливать. За последним, как мне известно, Петр следил ревностно, и если замечал за кем небрежение в употреблении хмельного наказывал штрафной дозой, после которой можно было и не проснуться. Кстати говоря, на его попойках гости частенько расставались с жизнью в пьяном угаре. Жалко мне стало старика, вот я и правил ему здоровье с помощью массажных процедур. Пока мят Патрику спину, он делился со мной своими впечатлениями:

— Много вина вредно мне, ране пилюли помогали, да лишнее когда желудок переполнялся, можно было выблевать, а ныне гер Питер строго следит, даже соглядатаев к

каждому приставил, чтобы в укромные места не сбегали.

— Господин адмирал, — встрял я в его жалобы, растирая комки мышц на скривленной спине, — так если государь тебе благоволит, проси его принять во внимание почтенный возраст и плохое здоровье.

— Нет, — тяжело вздохнул Гордон, — гер Питер зол зело на бунт, опасно перечить ему. Вот так прославленный адмирал, не знавший страха в бою, боится заявить монарху о своем пошатнувшемся здоровье. Это ж надо. Ну и ладно, если наемник перечить боится, то мне вообще помалкивать надо, да продолжать сухари сушить.

Как оказалось, царю вся эта затея со сценами, была до одного места, он заявился к Патрику, спасаясь от скуки, ну и заодно опохмелиться. Непонятно как хозяину дома вообще удалось его уговорить, тем более что подобными представлениями Петр был сыт по горло. Самое смешное было в том, что только я один из всей труппы знал, что смотреть пьесу будет сам царь всея Руси, и то только потому, что толкался в это время на дворе и видел приезд Петра. Естественно никого из труппы предупреждать не стал, как говорится, меньше знаешь, крепче спишь, ни у кого из актеров паники не возникло, а это одна из составляющих успеха.

Так как места мне нужно немного, то я с успехом пристроился за ширмой, которая как бы отделяла помещение от сцены, и принялся наблюдать в узкую щель за зрителями.

М-да, откровенная скука Петра, это что-то и Меньшиков тоже ему под стать, будто два лимона зажевал — ну как же, там у немцев такие актеры играют, а что могут показать эти сиволапы. Ну-ну.

Не прошло и пяти минут, как смертная скука на лице царя сменилась легким интересом, а еще через десяток минут Петр впервые рассмеялся. Концовка спектакля, где Катерина показала, что внешняя кротость героини не отменяет проказ, царю сильно понравилась, и он уже хохотал без остановки, хватаясь за бока. Когда все актеры вышли поклониться публике, Петр махнул Гордону и что-то у него спросил, Патрик ответил, причем кивнул в сторону труппы, а дальше все как в фильме, 'А вас, Штирлиц, я попрошу остаться', только в роли знаменитого разведчика Исаева оказалась Катерина. Что там происходило дальше, мне видно не было, так как прогнали из комнаты. Фух, ну, вроде отстрелялись, теперь ждем удобного момента, вроде как сейчас раскручивается маховик репрессий, Гордон на время попадет в немилость и ему будет вовсе не до какого-то там мальчишки, сбежавшего на родину.

Актеры на радостях, что отыграли удачно и получили свободу, тут же побежали в кабак, а я решил проведать Сопикова, дюже интересно как у него там идут дела, да заодно предупредить, что скоро по Москве начнутся грабежи стрелецких семей, а под этим прикрытием будут и купцов зорить, а потому не стоит экономить на охране, а лучше вообще объединиться с соседями и держать оборону против банд. Хорошо посидел у Купца, рассказал ему все новости, сказал, что видел царя, поделился своими опасениями. В свою очередь Федор, его племянник, поделился информацией по поводу торговли сладкой продукцией, оказывается не учел я оборотистости купцов калашного ряда. Пока они не могли организовать конкуренцию Сопикову, то и не обозначали себя, а как пошло зерно нового урожая попытались наехать, но Иван Илларионович оказался не робкого десятка, отпор дал знатный, мало того, что нанятые им... Э... люди сумели поколотить нападавших, так еще и в ответ прошлись по лавкам конкурентов. Сейчас установился хрупкий мир, одна сторона решила не париться из-за одного выскочки, другая удовлетворилась достигнутым равновесием.

Уходил от купца когда стемнело, специально, хотя домашние Сопикова настойчиво уговаривали меня не рисковать, мол, по Москве татей много развелось. Глупые, да мне в ночь гораздо безопаснее, чем днем, все эти гоп-стопы по темным переулкам видят в темноте гораздо хуже меня, следовательно, бояться надо не мне, а им. Когда подходил к немецкой слободе слышал слабый стон, доносящийся из большой канавы у ручья. Пошел посмотреть, кто это там решил устроиться на ночлег, хоть до снега еще далеко, но ночи холодные.

Вот это да, на дне канавы, чуть ли не в воде зловонного ручья лежал человек раздетый почти до нага. М-да, вот тебе и наглядный пример последствий прогулок по стольному граду ночью, мне-то ладно, а вот этот человек не должен был так легкомысленно относиться к своей жизни. И что теперь делать? Как мне теперь с моими силами цыплёнка вытаскивать этого балбеса наружу, но делать нечего, лезу в канаву за телом. Так, человек средней упитанности, иностранец, это видно по остаткам одежды, русский никогда не оденет кружевные панталоны, от того и не стали снимать последнее. Что еще? Ага, на затылке кровь, видимо подкрались и стукнули сзади, били сильно, но, слава Богу, череп не пробили, а значит, жизнь отнимать изначально не хотели. После недолгого хлопанья по щекам пострадавший открыл глаза, но судя по тому, что смотрели они в разные стороны стало понятно, что к самостоятельным действиям это тело в ближайшее время не подвигнуть. Бежать за помощью бессмысленно, пока туда, пока там, пока сюда, часа полтора пройдет, да еще согласятся ли в ночь идти, надо вытаскивать болезного и тащить до дома адмирала. Оказалось все не так страшно, тело хоть и не могло самостоятельно передвигаться, но вот со сторонней поддержкой и направляющей волей вполне было способно перемещаться в нужном направлении. Хоть и жалко мне было своего кафтана, да и мало его было для взрослого человека, но уж сильно замерз болезный, поэтому снял с себя и накинул ему на плечи, все теплее будет.

В ворота дубасить не пришлось, так как дом адмирала охранялся преображенцами, а это может означать, что царь заночевал тут, как бы не пришлось мне искать другое место для ночлега.

— Кто таков? — Грозно спросил меня часовой.

— Васька Дежнев, — отвечаю службе, — у Патрика Гордона прижился. Немец побитый со мной, надо бы лекаря ему.

Так бы меня прогнали без разговора, но упоминание побитого немца сразу сменило минус на плюс, так что уже через минут пять трое солдат споро тащили иностранца на кухню к печи, ибо больше некуда, в других местах ныне печей не топят, снег не лег еще, а отогревать посиневшее тело надо. Так как единственный медик у Гордона был пьян, и поднять его не смогли, обихаживать полутруп пришлось сначала преображенцам, а потом мне, с кухарками. Для приведения немца в более или менее вменяемое состояние понадобилась кружка теплого вина (редкая гадость), старая шуба и обнимание печи.

— О, майн Гот. — Начал бубнить полуголый страдалец, пытаюсь унять дрожь.

Ну, вот, вроде бы моя миссия окончена, пойду-ка я спать в свою каморку, пока за ворота не выгнали.

Мартин Хайдеггер, приехал в далекую Россию в июле месяце, не то, чтобы он стремился в далекую заснеженную страну, но слухи о том, что любой медик в Москве быстро становится богат, не оставили ему выбора. К тому же на родине ему оставаться было категорически нельзя, так как дальше его мог ждать только суд и продажа на каторжные работы. А виноваты всему были долги. А что поделаешь? Наскрести денег на учебу родственники не смогли, пришлось занимать, и занимать немало, под обещание в будущем отработать. Но так получилось, что закончить учебу ему не дали, потребовали отдать деньги раньше, как и было оговорено, кто же знал, что учеба затянется на гораздо больший срок, чем планировалось. Мартину пришлось бросить учебу и заняться практикой, а так как учился он на лекаря, то и выбор заработка очевиден. Года два начинающий эскулап крутился как мог, никому не отказывал в помощи, бежал по первому вызову, однако отсутствие подтверждения способностей молодого человека сказалось, дохода оказалось мало, а требования кредитора звучали все громче. Закончилось все тем, что в один прекрасный день к нему домой нагрянули солдаты, но повезло, что именно в этот момент Мартин находился у больного. Пришлось вечером собрать вещи и отправиться в дальнюю поездку на деньги матери, которые та копила на черный день.

Действительность оказалась не такой радужной как представлялось в мечтах, Московия оказалась совсем не страной обетованной, связываться с иностранным лекарем здесь никто не спешил, более того отношение было откровенно враждебным. Да еще плюсом незнание языка и местных реалий. Соотечественники в слободе тоже отказали в помощи, хотя справедливости ради стоит сказать, что таковых оказалось очень мало. Это для русских все немцы были одним миром мазаны, а что в просвещенной Европе существовало много стран, их совсем не интересовало. Что датчанин, что француз, что житель британских островов, да хоть ты мавр с далекой Африки, немец и все тут. Помыкавшись в стольном городе, Мартин решил попытать счастья где-нибудь в другом месте, например в Новгороде, слышал он по случаю, что медики там востребованы, не в пример Москве. Однако добраться до далекого города для него стало проблемой, поэтому он решил хоть немного подработать своими знаниями, а именно помочь купцам в выделке душистого мыла, благо, что в учебе этому уделялось особое внимание.

Однако проза жизни вновь показала молодому ученому, что он заблуждается в оценке своих знаний — месяц упорного труда в вонючих сараях купца обернулся лишь тремя рублями дохода, что вполне хватало доехать до вожделенного города, но совершенно не позволяло жить соответственно статусу. Идя под вечер с деньгами от купца, Мартин не заметил, как за ним увязался долговязый парень, а когда он переходил по узкому мостику ручей земля резко ушла из под ног. Дальше он плохо помнил, от чего-то он оказался в какой-то яме, из которой никак не мог выбраться в темноте, потом кто-то вытащил его наверх и долго вел до жилья, было жутко холодно, сильно болела голова, периодически накатывала тошнота. Только под утро ему удалось отогреться у печи и выйти из полудремы, в которой он все время находился. И теперь молодой человек понял, что попал в совершенно безвыходную ситуацию, ни денег, ни одежды, ни друзей, хоть прямо сейчас расставайся с жизнью, хоть потом, все едино.

В комнату, где находился пострадавший зашел бородатый мужик и что-то начал спрашивать, но спрашивал он так, что Мартин никак не мог понять, чего от него требуется. Мужик, в расстройстве махнул рукой и отправился туда, откуда пришел. Через некоторое

время он вернулся и вместе с ним пришел молодой человек, который постоянно тер глаза и зевал, видимо не выспался, о чем они там спорили Мартин снова не понял, но пожилой постоянно напирал на подростка, а тот ничуть не смущаясь спокойно отвечал.

— Отвечай, — вдруг обратился подросток к Мартину, на понятном для него языке, — как тебя зовут, где живешь, и что с тобой случилось?

Расспрашивали долго, хоть и говорил подросток на знакомом языке, но с сильным акцентом и многие слова были совсем незнакомы, впрочем, остальных слов вполне хватило, чтобы объясниться. Мужик покачал головой, и что-то бормоча в бороду, ушел.

— Не дали поспать, — подросток снова потер глаза и заразительно зевнул, — Есть будешь?

Ответа не потребовалось, на эти слова желудок предательски заурчал.

Еда оказалась сытной и вкусной, да и не пробовал раньше Мартин такой, наваристая похлебка изумительного вкуса, печеный осетр, нежный паштет из гусиной печени и все это со свежим запашистым хлебом. На вопрос, откуда такая вкуснотища, подросток рассмеялся:

— Запоминай гер Мартин, будешь детям, и даст Бог, внукам рассказывать, как с царского стола пищу вкушал.

— Бог мой, — воскликнул немец, — так это на самом деле с царского стола?

— Ну, да, — кивнул русский, намазывая паштет толстым слоем на кусок хлеба, — ныне царь у своего друга, Патрика Гордона, в гостях, потому и еда царская, в обычные дни все много скромнее.

— Говорят, царь московский весьма молод.

— Молод, — кивнул подросток, — но все же постарше тебя будет, двадцать шестой год идет ему. Вот только росту он немалого, поэтому и выглядит старше, и нрав у него совсем не кроткий, это к тому, если вдруг в голову тебе пришло с царем свидеться.

— Нет, нет, — замахал руками Мартин, — я совсем не умею вести себя в приличном обществе.

— В приличном? — Собеседник даже замер от неожиданной сентенции немца. А потом расхохотался. — Увидишь еще это 'приличное общество' во всей своей красе. Сейчас-то они отсыпаются после вечерней попойки, а вот к обеду проснутся.

— О, я понимаю, — закивал немец, — у них будет плохое здоровье.

— Да какое там здоровье, — усмехнулся подросток, — их придется заново к жизни возвращать, чтобы к вечеру опять были способны напиться до безумия.

Мартин покачал головой, он прекрасно знал последствия безудержного пьянства, борьбе с этим недугом всех будущих медиков учили в первую очередь. Когда сытость не позволила и дальше наслаждаться вкусом царской еды, подросток ополоснул руки в большой чаше и обратился к собеседнику:

— Да, и еще, на будущее, не говори 'Царь московский' так могут меж себя в Европах царя звать, а для нас он Царь всея Руси, Государь, и хоть он того не требует, а кланяться ему пониже не забывай.

Одежду принес все тот же мужик с густой бородой, которого подросток звал 'Никитич' и вообще странные имена в этой далекой стране, как к примеру: Федор сын Ивана Дашкова. Вроде как уже и не имя вовсе, а обозначение родовой связи. Непривычно. Одеться сразу не дали, отвели сначала в баню, оно и понятно, Мартин и сам чувствовал, что валяние в канаве для него даром не прошло. Через час, посвежевшего, но по-прежнему с больной головой, его отвели в одну из комнат в доме на заднем дворе, где дали возможность прикорнуть на

свободной лавке. Как ему пояснил все тот же подросток, хозяин пока не в состоянии озаботиться его судьбой, и когда сможет неизвестно, а пока живи, покуда не гонят.

Раньше всех проспался Меньшиков, оно и понятно, быть постоянно при царе не честь, а большая забота. Думаю, Александр Данилович по своему обыкновению жульничал в употреблении спиртного, это другим нельзя было 'откосить', а тот, кто контролем занимается выше условностей, даже придуманных царем для исполнения всеми без исключения. Естественно, вообще отказаться от употребления хмельного у него вряд ли получалось, но судя по тому, что для правки здоровья ему хватило пол кружки легкого вина, пил он совсем немного. Это я уже потом слышал от прислуги в доме. Чего его вдруг потащило на задний двор? В общем, едва успел вовремя слинять с его пути, отпрыгнул к поленице, и стал придирчиво выбирать поленья. Ага, а Меньшиков не просто так сюда появился, ищет чего-то и, кажется знаю, чего он здесь потерял. Спросит или не спросит? Не спросил, просто потоптался и, посопев, отправился назад. Ну а мне тоже пора — знание сила. Незнание тоже сила, но грубая. В отличии от своих соседок, Катерина тоже проснулась с раннего утра, поэтому царапаться под дверью не пришлось, выскочила при первом тихом стуке.

— А, это ты, — улыбнулась она, — Патрику нужно чего?

— Не, Гордон не скоро еще проспится, — хмыкнул в ответ, — и подозреваю, с вами он еще дня три не сможет расплатиться. Я спросить хочу, чем вчера все закончилось, тебя же не сразу отпустили.

— Ага, — кивнула Катерина, — все спрашивали кто я, да откуда, будто генерал им не все рассказал. Про тебя тоже разговор вели, мол, из далекой Сибири ты. А правда, что ты немог был и даже говорить не мог.

— Правда, — пожимаю плечами, — а что в этом интересного?

— Да так, — снова улыбается девушка, — не бывает такого, чтобы человек без ума вновь ум обрел.

— А! Так ты про это? — настает моя очередь лыбиться, — так оно и в самом деле не бывает, я ведь как был дураком, так и остался, только опыт приобрел.

Катерина заразительно смеется, но вдруг на лице появляется озабоченность:

— Слушай, а я тоже тебя спросить хочу, а кто такой этот Петр Михайлов?

Оба-на! Это что же, Петр решил таким образом позабавиться?

— Э... Даже не знаю, как тебе сказать. — Стушевался я. — А к чему ты спрашиваешь?

Ба! Вот это да, покраснела! Неужто на царя запала, глупенькая. Хотя... Ну-ка, ну-ка.

— погоди, а чем вчера разговор закончился? Не говорили о том, что стоит заняться твоей судьбой?

— Говорили, — кивает Катерина, — генерал сказал, что может подумать о моем будущем.

— И?

— Не знаю, отпустили меня. Так ты знаешь кто такой этот Петр?

— Петр Михайлов? — Вздохнул я. — Тут одним словом не скажешь. Ответь мне сначала на один вопрос, а ты царя когда-нибудь видела?

— Царя? — Катерина картинно подняла в небо глаза, показывая непонятливость собеседника. — Да где ж я его могла видеть?

— А вчера?

— Так не приехал он.

— М-да... Ладно, не буду тебя мучить, но если спросят о том, кто тебе глаза открыл, говори — сама догадалась.

— Ну?

— Вот тебе и ну. Когда великое посольство отправилось по заморским странам, царь Петр Алексеевич поехал вперед, а чтобы никто его не узнал, велел называть себя Петром Михайловым. Конечно, никого он не обманул, все правители об этом знали, но делали вид что верят.

— Так это и был царь? — По-моему, я впервые за все время увидел вселенское горе на красивом личике Катерины.

— Он и есть. Надоедает ему иногда чинопочитание, вот он и развлекается таким образом. На ассамблеях всех заставляет себя гером Питером звать, чтобы не привечали особо.

— Ну, да. — Встрепенулась девушка. — Все его так и звали, 'гер Питер'.

— Эх, не думал я, что это так рано произойдет. Но произошло, а раз так, то мне надо будет тебе много чего рассказать, так что пошли в беседку, стоя такое тебе слышать противопоказано.

Следующие часа три я старательно, по пунктам, впихивал в эту ветреную красивую голову весь расклад внутриполитической жизни Руси. Глаза девушки с каждым часом становились все круглее и круглее, как бы не настала пора озаботиться ее душевным здоровьем.

— И ты продолжаешь всех уверять, что остался дураком?

— Тссс. — Зашипел я. — Если хочешь жить долго и счастливо, никогда и никому, даже во сне, не рассказывай о том, что сейчас услышала. Помни, правит тот, кто знает, а кто не знает вечно бредет в потемках туда, куда его ведут.

— А она красивая?

— Кто? — Не понял я.

— Эта Анна Монс?

И чего я здесь столько времени распинался?

— Причем здесь Анна? Это первое настоящее увлечение Петра, и он будет помнить об этом долго, но разлад в их отношениях неизбежен. Ты только помни, что все мужи по природе своей козлы. Э... Нет, последнее зря сказал, это не слушай..., но помни.

Ну, вот. Вроде улыбка снова тронула ее лицо.

Поговорить дальше нам не дали — сказали, девушку хозяин зовет, а мне еще так много хотелось ей сказать, но и так хорошо. Если все пойдет, как мне думается, то можно надеяться на взаимные чувства Катерины и Петра, сироты друг к другу тянутся, а тогда не будет на Руси Марты Скавронской, и Меньшиков по большей части обломится, то дорогого стоит.

Не прошло и часа, как меня тоже выдернули в хозяйский дом.

Петр сидел за столом, пил вино из золоченой кружки и слушал болтовню Франца

Лефорта. Стоило мне зайти, как Франц кивком обратил внимание царя на меня.

— Это тебя Васькой-дураком кличут? — Спросил Петр, внимательно рассматривая, представшее перед ним седьмое чудо света.

— Васькой кличут, Государь, — отвечаю я, кланяясь, — а дураком уж год как не зовут.

— Что так? Поумнел?

— Нет, Государь, опыта набрался.

— Видел я умом небогатых, — улыбнулся Петр, — но чтобы дурак умным стал..., не слышал еще о таком. А вот сейчас и проверим.

Молчу, а то скажешь чего, а он с похмелья...

— Говорят, твой отчим железный завод под иркутским острогом поставил. Что рассказать об этом можешь?

Ну, раз спрашивают, подробно отвечаю что и как.

— Так выходит, что всю медь, какую добыли, в монастырь сдаете, а отчима тогда интерес какой?

Опять рассказываю, в чем именно состоит наш интерес.

— Этот? — Петр кивает на самовар, который стоит на приставном столике у стены.

— Он самый, Государь.

— А ежели не самовары, а пушки твой отчим делать сможет?

— Нет, — мотаю головой, — всей той меди, что выделали, едва на пять пушек может хватить, негде руду добывать. Вот если бы из чугуна лить.

— Из чугуна, пушки плохие выходят, — тут же возразил Петр, — рвет их часто порохом, да и недолго служат они.

— Смею думать, что недолго служат, от того, что их порохом при выстреле разъедает, а если сплав подобрать, то каверн меньше станет.

— Хм... — Петр отставил кружку и повернулся к Гордону, — отрок-то зело разумен, не верю я, что он дураком был.

— Так и я не верю, но Ромодановский его не просто так с края земли приказал сюда доставить. — Отпасовал претензию Патрик. — А что разумен, так ты сам имел возможность до того убедиться, он с комедиантами пьесу разучивал.

— Хорошая пьеса, — хохотнул царь, и посмотрел на Лефорта, — ты вели, чтобы привезли записи аглицкие, будет чем людей иногда потешить.

— Так чего же мне с тобой делать? — Вновь ко мне повернулся Петр.

— Зачем со мной, что-то делать, — вскидываю голову, — домой поеду, там меня родные ждут, мать, сестры, да и отчиму я нужен.

— В Сибири-то? — Не выдержав, воскликнул Меньшиков и быстро перекрестился.

— Что ж ты так обратно стремишься? — Удивился царь. — Или там тебе лучше живется? Подумай, раз такой разумный то и учиться тебя послать можно, зело хорошо дела за морями поставлены.

Нет, нет, и еще раз нет. С этой неудобной темы надо соскальзывать, учиться за морями на корабельщика? Да не у его к лешему, будешь потом всю жизнь на службе государевой впихивать, в этом веке и в следующем флот будет лихорадить, то будут деньги на строительство, то не будут. Ну на кой мне это. Мелко.

— Хорошо поставлены, — согласился я, — но мал я еще, дозвожь государь сначала в Иркутске дело с отчимом поставить, придумки есть, а потом и об учебе можно будет думать.

— Ишь ты, — ухмыльнулся Петр, — смотри, как отбояривается, шельмец. Может его в

дипломаты определить?

— А если он такой умный, мин херц, — встрял Меньшиков, — то пускай со своим отчимом на пробу пушки из чугуна отольет, десятка два стволов.

Все за столом заулыбались, они думают, что для далекой сибирской глуши двадцать пушек неподъемная величина.

— Два десятка? — В задумчивости тереблю чуб. — Не, два десятка не получится, работников на такое не хватит. Где мы столько людей на завод наберем, и так почти все у нас работают. Да и защита нужна, пока еле теплимся никому до нас дела нет, а как развернемся, отберут завод, за здорово живешь. Да еще в яму посадят, чтобы не жаловался.

За столом рассмеялись:

— Смотри, как далеко смотрит, — высказал мнение всех Лефорт, — а зачем тогда дело ставишь, если отобрать могут?

— Так дело по разному можно ставить, — рассуждаю нарочито серьезно, — если пушкам заниматься, то все заводу принадлежать должно, а если другими делами, утварью, к примеру, то мастерам помогаем работы на откуп взять. Там завод отбирать бесполезно, всех в яму не спихнешь. А спихнешь, то и нет завода.

Петр после моих слов помрачнел:

— Кабы не малые года отведал бы плетей тот час, у завода один хозяин быть должен, все остальное блажь, делу вредная. А потому, отпишу я воеводе иркутскому грамоту, где права отчима твоего на завод креплены будут, но за это к концу следующего года пусть везет шесть пушек из чугуна на пробу. И людишек скоро подкинем, — царь зло усмехнулся, — ныне многие в Сибири жить пожелают.

Фух. Хорошо, что хорошо кончается. За малым плетей не отведал, это же надо самодержцу о защите производства от рейдерского захвата хвастаться. Вот сколько я уже времени здесь нахожусь, а все впросак попадаю. Но в целом получил от встречи с Петром плюшек немеряно: можно спокойно ехать домой, подорожная будет; индульгенцию на завод по приказу царя отпишут, теперь мне сам черт не брат; ну и госзаказ, считай начало становления ВПК в далекой сибирской глуши. УррААА! А еще Гордон денег обещал подкинуть, ну это еще надо посмотреть не настолько адмирал богат, чтобы сирот деньгами снабжать, наверняка целую кучу условий выставит. Насчет Катерины я оказался прав, Петр на нее глаз положил, да и она на него похоже тоже, и самое обнадеживающее в том, что форсировать отношения по каким-то причинам царь не стал. Вполне вероятно, что пока он еще не хочет окончательно рвать с Монс, потому просил Гордона присмотреть за понравившейся ему девушкой.

И так, теперь у нас на политическом небосклоне появился новый расклад. Кто будет против? Против будет вся иностранщина, и соответственно наоборот русские увидят в этом промысел божий и начнут всячески способствовать развитию отношений и защищать Катерину от происков. Это хорошо, что девушка находится под защитой Патрика, а то, как только бояре прознают, кто кандидат на место возлюбленной царя, так устроят свару, только Гордон сможет ее уберечь от использования во внутренних раскладах. Кстати, я опять в своей несдержанности дал совет царю. Только не пугайтесь, просто, когда царь ради смеха предложил для меня сосватать невесту, чтобы я ненароком никуда не сбежал, я в ужасе замахал руками и выдал ставшую в будущем бессмертной фразу 'Жениться надо на сироте'. Потом от хохота за столом все чуть животы не надорвали. Давайте, давайте, веселитесь, а установочка-тов голове останется, и мозг потом сверлить будет, это вам к вопросу рекламы

будущего — неважно как, неважно почему, главное чтобы на слуху.

Дорога, дорога и дорога. Разная дорога, иногда прямая как стрела, пролегающая через степь, иногда виляющая змейкой между невысокими холмами, а иногда и не поймешь что это такое, так завернет на кручах, что дух захватывает, только одно придает сил, перед тобой многие караваны прошли по этому пути, а значит, и ты пройти можешь. Рядом со мной частенько на своей гнедой трясется Мартин Хайдеггер, молодой недоучившийся врач из германских земель, я даже не даю себе труда разобраться, откуда он конкретно, так там сейчас даже не лоскутное одеяло из мелких государств, а нечто типа крестьянских полей разделенных межами. На лошадь Мартин никогда раньше не садился и только сейчас осваивает сей универсальный транспорт передвижения, даже спустя две недели ему приходится несладко, может быть ему лошадь поменять? А то бывают такие особи, которые как специально в движении встряхивают седока, вынести путешествие на них может только очень подготовленный человек. Вообще-то я не хотел его с собой брать, но Патрик Гордон не оставил ему выхода, да и мне тоже, уж сильно старому наемнику хотелось чтобы я не остался без присмотра. Наивный. Хочешь повеселить Бога, расскажи ему о своих планах, насколько мне известно, Патрик Гордон скончается в следующем году, так же как и Франц Лефорт. Так что отрабатывать свои тридцать серебряников Мартину долго не придется, а мне он пригодится, ведь кто такие медики в конце 17-го века? Это, прежде всего подготовленные химики, и пусть их знания еще далеки от требуемых, лиха беда начало, натаскаем.

Чуть впереди место занял бывший сотник, Любим Коровков, жертва интриг князя-кесаря. Какая кошка пробежала между ними сотник не говорит, но я догадываюсь, скорее всего Любим стал нежелательным свидетелем темных делишек Ромодановского. Случайно встретил его в Москве перед самым отбытием, и когда он стал окольными путями выпытывать у меня контакты с сибирскими купцами, я просто предложил ему отправиться со мной в далекий иркутский острог, где его сам черт не достанет. Сообщать, что умудрился в последний момент вписать его в подорожную не стал, так он хоть немного сторожится, а если не будет бояться, станет свои командирские замашки проявлять, а нам того не надо. Еще позади трусят четверо стрельцов, вина которых состоит в том, что они не смогли вовремя сбежать из Москвы. Ну, то уж не моя заслуга, это уже какие-то хитрые ходы Шеина, спас служивых от дыбы, и понятно, что не за красивые глаза. Интересно, какое задание им дал молодой генерал? Вряд ли в него входит слежка за мальцом, скорее всего Шеин хочет составить конкуренцию Ромодановскому и создает свою сеть осведомителей. Ну и пусть его, какое мое дело?

Да, забыл сказать, Гордон от щедрот своих ссудил бедному, несчастному, убогому аж двадцать рублей. Жаль, я надеялся на гораздо большую сумму, возможно благодаря мне история пойдет по несколько иному пути, не знаю в чем тут дело, но Петр не стал строить дополнительные пыточные в Преображенском. Подозреваю, что где-то я задавил не одну бабочку, и Ромодановский не смог акцентировать внимание молодого царя на роли Софьи в

последнем стрелецком бунте.

Что касается обещания царя прислать в Иркутск 'людишек', то тут все далеко не однозначно, недолго думая, выполняя распоряжение царя, Шеин сходу перенаправил в иркутские земли примерно шесть сотен молодых стрельцов, которые были непосредственными участниками июньского бунта. Шесть сотен! Ладно, разместить такую ораву мы сможем, и даже должны прокормить, но как потом решать житейские вопросы, где нам потом набрать столько женского пола, для создания полноценных семей? С женщинами при покорении Сибири была просто беда, когда казаки заселили эти пространства, то многие были вынуждены выбирать себе жен из местного населения. А кровь у местных гораздо сильнее, чем у европейцев, вот и смотришь теперь на казаков с узкими глазами, причем некоторые из них по прихоти природы гораздо больше походят на китайцев, чем на коренное население. Теперь вот опять прибудет армия молодых, неужто опять по бурятским родам невест искать? А и ладно, какая в конце концов разница? Главное чтобы люди осознавали себя русскими, а остальное от лукавого.

Не труд сделал из обезьяны человека, а лень и любознательность

Пронизывающий ледяной ветерок пробирался под кафтан и холодил тело до дрожи, Иван Шибенин снова попытался согреться размахивая руками. Не помогло, да и как могло помочь, если сегодня кормили плохо, и не только сегодня, весь путь от самого Новгорода до Тобольска с кормлением были серьезные проблемы. И сильно чесалась спина, только недавно последние раны окончательно зарубцевались потому как палачи знали свое дело и за бунт стрельцов пороли не жалея, иногда рассекая мышцы спины до костей. Самому Ивану тогда повезло, с первых ударов он просто потерял сознание от боли и все остальную процедуру провел в беспамятстве. Да и палач не стал потом сильно стараться, зачем ему было напрягаться и сечь беспамятное тело, да еще безусого юнца. Скорей бы город, может быть там дадут отдохнуть от сибирских морозов.

— Ты сильно-то руками не маши, — дал ему совет, Гришка Леншин, месивший снег рядом, — все равно с голодухи не согреешься, а до Тобольска сил не хватит.

— Угу, — кивнул Иван, и снова согнулся, пытаясь сохранить остатки тепла. Только куда там.

До длинного бревенчатого дома на краю города добрались на остатках сил, люди уже просто отупели и не понимали, зачем и куда идут.

— Быстрей, быстрей заходи, — разорялся казак у большой двери при входе в дом, — тепло уйдет, сами себе хуже делаете.

За порог Иван ввалился одним из последних, и сразу сзади бухнула дверь, отделяя свет от темноты, пришлось остановиться и ждать когда глаза смогут хоть что-либо разглядеть внутри помещения. Ага, наконец-то прорезался свет от масляных светильников, развешенных на длинных цепях посередине прохода, образованного полатами в несколько этажей.

— Иван, давай сюда, — позвал его Гришка откуда-то из темноты.

Недолго думая, Шибенин двинулся на голос. Вот, где-то здесь.

— Хоть здесь тепло, — снова отозвался друг из темноты, — ты погоди не шебаршись пока, я тоже сначала ничего разглядеть не мог, а сейчас глаза уже привыкли.

Спустя некоторое время глаза Ивана действительно пообвыкли, и он смог более или менее оглядеть помещение. Ну что сказать? По сравнению с тем, где им доводилось бывать раньше, это можно было назвать царскими палатами, и даже тюфяки, набитые соломой, лежали у стены. В избе действительно оказалось тепло, потому, как прямо посередине помещения была сложена небольшая печь, прошло немного времени и люди стали возвращаться к жизни, начиная потихоньку перебрасываться фразами. Вдруг снова открылась дверь и два мужика затащили в избу большой котел с исходящей паром едой:

— Значит так, страдальцы, — громко обратился ко всем в избе казак зашедший следом за мужиками, со стопкой деревянных чаш, — сейчас сдаете, чем бог послал, а потом дьяк придет и всех в грамотку впишет.

Ключевым словом в объявлении 'службы' было 'сдаете', остальное все дружно пропустили мимо ушей. Один мужик стал споро накладывать большой деревянной ложкой кашу в чаши, а второй тут же разносил эти чаши по полатам из расчета одна порция на

пятерых. В животе у Ивана сладко заныло, на пятерых еды показалось вдоволь. Казалось бы, с такой голодухи люди сразу накинутся на еду, но нет, все неспешно расселись вокруг чашей, перекрестились, и степенно по очереди потянулись к каше своими ложками, причем не жадничали, хотя и не тушевались.

— Хорошо.

С чувством крикнул кто-то, и все сдержанно хихикнули — действительно хорошо. А вот дальше произошло что-то совсем невероятное, в избу принесли взвар и раздали кружки из темно-красной глины.

— С чего это? — Подозрительно покосился Гришка на едва парящую взваром кружку, протянутую ему.

— Ты бери, не сомневайся, — усмехнулся в бороду мужик, — это не от казны, от иркутского общества вас здесь кормят и поят. И не только это, дальше с обозами пойдете, тут до Тобольска можно как-то налегке добраться, а дальше все, без обоза только смерть принять.

— Ну, если так, — пробурчал бывший стрелец, принимая душистый напиток.

— А какой интерес иркутским нас кормить? — Поинтересовался Иван. — Вроде знакомства не водили.

Мужик пожал плечами и, наполняя кружки черпаком, ответил:

— А кто же его знает, недавно тут отряд проезжал, из иркутских, нас наняли, да троих казаков для охраны. Задаток оставили, наказали всех ссыльных кормить, и с купеческими обозами до Красноярска отправлять. До вас уже ватагу отправили, вы с последним караваном пойдете, остальные будут зиму здесь пережидать, до конца февраля обозов не будет.

Дьяк записывал ссыльных в грамоту не просто так, он дотошно осматривал стоящего перед ним человека и тут же подсчитывал стоимость теплых вещей, которые были нужны для дальнейшего пути. Шибенин попал к нему первым:

— Свои сапоги на унты сменишь, — записывал дьяк, осматривая Ивана, — телогрей и штаны камусовые тебе надо, шапка своя пойдет. Рукавицы кажи. Ага рукавицы тож дадим. Итого, одежды у тебя получается на гривенник и две копейки. Это будет твой долг, чего не согласен, сразу говори.

— А чего в долг-то? — насторожился ссыльный. — А ежели потом отдавать нечем будет?

— Можешь сразу деньгу заплатить, — пожал плечами дьяк, — но без теплой одежды, ты до Красноярска не дойдешь. А отдавать... Вас на завод железный в Иркутск ведут, там работать будете, так что долг найдется где отработать.

Мужики зашумели, о том, что им предстоит работать на заводе, узнали только сейчас от дьяка.

— Так чего это? — Тут же встрял Гришка. — А ежели мы не захотим на этих заводах работать?

Дьяк отложил перо, прислонился спиной к стене и терпеливо ждал, когда недовольные немного выдохнутся:

— Все? — Наконец он подвел итог, когда шум начал стихать. — А теперь слушай меня люд колодочный. Вы думаете, если вас в кандалы не заковали, так вы теперь что-то требовать вольны? Кто не желает в Иркутск, давай, к выходу, у нас и здесь для вас работа в каменоломнях найдется.

Возмущение мгновенно заглохло и наиболее активные члены общества постарались занырнуть за спины товарищей.

— Что, нет желающих? — Зло зыкнул дьяк вглубь избы. — Так-то. Уже один раз пострадали через бунт, опять за старое взялись? Ежели еще кто недоволен будет, пусть сразу выходит, а то и сам и товарищей своих под разбойный приказ подведет. Где это видано, чтобы о каторжниках так заботились? А иркутские вас и кормят и одевают, совсем ума лишились?

Больше народ не бузил, поэтому дьяк управился быстро. Когда за ним закрылась дверь, люди снова принялись обсуждать озвученную новость:

— На завод как каторжан гонят, да еще колодочными назвали, — бурчал Гришка, — знаю я эти заводы, год назад гнали откупленных людишек на один такой, так там говорят два года прожить и то тяжело, помногу мрут.

— Погоди, — возражал ему Иван, — правильно дьяк сказал, иркутские вона сколько на нас тратят, нешто им денег жалко не будет, если мы не отработаем. Ты как хочешь, а я хочу до Иркутска добраться, да посмотреть что к чему.

— Посмотреть можно, — согласился Леншин, — только, думаю, хозяева не одну шкуру с нас спустят.

— А делать-то чего? В бега податься? Успеется еще, а если так же как здесь жить будем, то и бузить ни к чему.

Разговоры вели долго и в конечном итоге пришли к выводу, что уходить в бега пока рано — и холода скоро жестокие наступят и нужно еще посмотреть, как оно там, а то может статься, что не так уж и плохо.

Одежду дьяк привез, теплую, для сибирских морозов приспособленную, когда народ приоделся, то сразу повеселел:

— Да в такой одежке никакой мороз не страшен, — радовался Иван, — теперь можно и дальше в дорогу.

Дня через два снова двинулись в дорогу, но теперь путь был не в пример легче, купцы со своим обозом двигались размерено, не ускоряясь и не тормозя без нужды. На ночь устраивались в местах хорошо защищенных от ветра, а иногда удавалось отдохнуть в тепле и даже помыться в бане — купцы хоть и ворчали, но за бани хозяевам платили. До Красноярска добрались когда ударили крепкие морозы, поэтому дальше не пошли, поселились точно в такой же длинной избе, какая была в Тобольске и стали ожидать, когда закончится лютая часть зимы.

До Иркутска наш маленький отряд успел добраться в первых числах декабря, еще немного и мороз мог бы пощипать знатно, но Мартину и этого хватило выше крыши, влез в две шубы, причем в верхнюю спрятался с головой. Честно говоря, всем до чертиков надоели его стенания о невыносимых условиях.

— Господин Хайдеггер, — крикнул я как-то раз, когда его стенания стали слишком громкими, — если вы будете так громко жаловаться на свою судьбу, то вас задерет здешний

хозяин тайги.

Мартин показал кусочек своего лица из-под меха:

— Я не понимать вас, кто есть хозяин?

— Медведь хозяин, — отвечаю ему, — он зимой спит в берлоге, а вы слишком громко кричите, а ну как разбудите, чего тогда делать будем?

— О майн Гот, — уже тише запричитал иностранец, — это правда?

— Да рази ж я буду врать? — Серьезно отвечаю Мартину. — Да хоть у Коровкова спроси, что будет, если зимой разбудить медведя?

Не поверил, пришпорил лошадь и догнал Любима, идущего впереди отряда. Чего ему там рассказал сотник я так и не узнал, но с этого дня ни одной жалобы высказанной громко я больше не слышал. Чтобы закрепить успех вечером на биваке рассказал анекдот, в котором заблудился один немец в тайге и стал кричать, чтобы его нашли. Естественно медведю стало интересно, и он вышел на этот крик:

— Чего орешь? — Спрашивает медведь.

— Может услышит кто. — Опешил немец.

— Ну я услышал, — отвечает ему мишка, — и что, легче стало?

После этого анекдота пришлось долго приводить мужиков в чувство. Вообще юмор в это время, можно сказать никакой, отсутствует напрочь, поэтому все что, я им выдаю в виде анекдотов, действует на людей оглушающе. Это как никогда не употреблять алкоголь, а потом выпить залпом двести грамм водки. Поэтому сильно не старался, а выдавал 'перлы' строго дозировано, чтобы не вывести людей из строя в самый неподходящий момент.

И все-таки, как хорошо дома, за этот год я уже отвык от своей нескромной комнаты на втором этаже и долго не мог поверить своему счастью: никто не храпит; не сопит; не шляется по твоим ногам туда-сюда-обратно; не бубнит; и, извините за прозу жизни, не портит воздух.

Ай, хорошо-о-о, а-ай ХОРОШО!

После дальней дороги отсыпался два дня, лишь на третий отпустило, и появилась потребность заняться делом, хоть время еще есть для исполнения заказа царя, но шевелиться надо уже начинать. И так, чего у нас и как у нас? Нужно сказать, что за время моего вынужденного отсутствия в Иркутске, без всякого преувеличения, произошла промышленная революция, и первым ее признаком был серьезный наезд братских купцов, с жалобами в приказную избу и подметными письмами с описанием всех действительно существовавших и выдуманных прегрешений. Ну это и понятно, основой процветания братских купцов была торговля крицей для большей части кузнечных мастерских по восточной Сибири, а теперь эта крица спроса не находила, потому как готовое железо стоило примерно столько же. И то, только потому, что обрушение цен на железо нам было ни к чему. Правда получали это железо не плавкой, а смешиванием и проковкой той же самой крицы, которой у нас до..., ну очень много, с чугунной крошкой.

Все письма купцов приказ, под руководством Перфильева, тщательно проверил и, не найдя ничего того, что не было известно, положили на сохранение — не пригодилось сегодня, пригодится потом. Как мне это напомнило действие соответствующих органов в будущем. Время идет, потихоньку люди забывают обстоятельства, а в нужный момент 'компромат' выплывает наружу, а там: 'то ли у него украли, то ли он украл'.

Литье тоже пошло в массы, чугунки, сковородки, колосники для печей, спрос, при той цене что предлагалась, огромный. Сейчас пытались отработать отливку зубчатых колес для

мельниц, но тут возникла первая проблема, чугун сильно газил, поэтому при застывании в отливках образовывались каверны, которые приводили к сколам зубьев шестерен. Вообще-то желательно перед моментом заливки чугун успокоить, знаю, что в мое время это достигалось добавлением небольшой порции алюминия, но где его в это время возьмешь? Ладно, найдем мы ему замену, главное, что процесс уже отработан.

— Говоришь царь велел пушки из чугуна отлить? — Терebil бороду отчим. — А получится у нас это дело? Пока большие отливки не получаются.

Ну, да. С чего оно получаться будет, если мастера понятия не имеют о направленной кристаллизации, нужно, чтобы металл начал остывать от центра к краям, а не наоборот.

— Есть идея, — кивнул Асате, — но не простая, там работы много будет. За саму отливку сильно не беспокоюсь, а вот потом долго отжигать пушку придется, чтобы чугун прочным стал.

— Хорошо бы, — снова принялся за свою бороду кузнец, — а ежели не получится?

— Не получится, тогда обычные отольем, но царский заказ исполним. — Успокоил я его.

Да понимаю я все — царский наказ это не хухры-мухры, за его неисполнение не только плетями отходят, но и на каторгу упечь могут. Боятся отчим, хотя и не очень, как всегда на меня надеется, привык, что практически все получается, вот и пусть надеется, хотя у меня самого на душе кошки скребут. С этого дня завод практически стал моим домом, ну да, как его еще назвать, если я забыл, когда последний раз общался с домашними.

— Васильий, это есть неправильно, — это Мартин умничает, не понимает человек, что за каждое свое неосторожно брошенное слово придется ответ держать, — здесь нужно очень больше воздух мехами качать.

Ну а кто ж спорит, подача воздуха в домну это мое самое узкое место на сегодня, и не только в домну, недавно опробовали способ получать сталь прокачкой подогретого воздуха через расплав чугуна. Знатно получилось, выжгли углерод где-то до 0,4 %, сталь вышла что надо, правда сваривалась она плохо, но все равно нарасхват. Поэтому воздух сегодня нужен..., как воздух, его и так в шесть лошадей непрерывно мехами качают. Для того чтобы расширить это узкое место, сейчас на берегу монтируем еще одно погружное колесо, которое будет задействовано на подачу воздуха. И привод от колеса прокинут через кардан на 'компрессорную', где Евсей Бондарь взялся ладить большие бочки с поршнями, с помощью которых и будут этот воздух накачивать в воздуховоды. Читал когда-то, что первый такой агрегат сделали в Англии, но даты стерлись из памяти. Об этом всё немец не знает, поэтому пытается меня поучать, и не понимает, почему все вокруг только хитро ухмыляются. Кстати, про закон $P_1/T_1 = P_2/T_2$ я хорошо помню, но в данном случае давление не превысит пол атмосферы, поэтому за перегрев можно не беспокоиться, а вот если было атмосфер шесть, тогда да. Но чугун у нас уже есть, бронза тоже не проблема, так что скоро можно будет соорудить настоящий компрессор, а не это уё... угрибище. Хм, а может быть турбинный замутить?

Особый интерес у Мартина вызвала постройка большого токарного станка для обработки охлаждающей вставки внутренней части ствола, можно было бы конечно пушку и сверлить, но то очень трудоёмкий и длительный процесс, а нам этого не надо.

— Ты есть хороший механик, — качал головой немец, глядя как под моим началом заводские работники шаберами подгоняют скользящие направляющие станины для суппорта, — за такой машин можно требовать много золота.

— Потребуем еще, — ухмыляюсь в ответ, — только золота нам не надобно, нам бы знающих людей больше.

— Поверь мне Василий, — вздыхает Мартин, — твои мастер, знают много лучше.

— Все это так, — соглашаюсь с немцем и тут же перевожу разговор на другую тему, — но давай не будем об этом, ты лучше скажи, как у тебя дела с лабораторией продвигаются?

— А! — Немец машет рукой, скривив лицо. — Купец вор, я не понимает, как можно везти купрум масло и привезти, как вы говорить, черт знает что. А потом требовайт серебро.

— Привыкай, здесь не Европа, купец и так, можно сказать, подвиг совершил из таких далее тебе необходимое доставил, а ты нос кривишь.

В ответ только возмущенное фырканье. Ну-ну. Пора на него Степана Тропина натравить, а то шляется тут по заводу, как будто своих дел нет. А ведь как делать гремучую ртуть ему уже не раз объяснили, осталось только технологию производства отрабатывать, но нет ему интереснее здесь. Впрочем, интереснее ему было вовсе не здесь, больше его привлекал местный девичник, и первое время он постоянно изобретал способы как туда пробраться. Однако слободские за пришлым немцем следили четко и в один прекрасный день хорошенько намяли Мартину бока, причем сильно не злобствовались, потому как знали, что мне он еще пригодится. Этого урока недоучке хватило, интерес к местным красавицам не то, чтобы пропал совсем, но был отложен на длительное время, пока все само не придет в норму.

К Апрелю выдали пробное литье первой шести фунтовой пушки, внутренний диаметр выверяли по контрольному ядру, полученному с пушкарского приказа в Москве. За неимением асбеста вставку формирования внутренней части ствола облицовывали каолином, так как другой материал вряд ли выдержит такую температуру. Получилось плохо, обмазка не выдержала температурных перепадов и вся потрескалась, от того весь ствол внутри получился в сеточку как мрамор, и чугун охладился слишком быстро, поэтому в некоторых местах остались каверны. Все-таки без асбеста не обойтись, так что экспедицию в Саяны придется организовывать, причем срочно. Интересно то, что после того как мы отливку забраковали на завод заявился Перфильев с дьяком и долго осматривали неудавшееся изделие.

— В приказ забираем, — заявил он Асате в конце осмотра.

— Плоха пушка, — тут же вскинулся кузнец, — а ну как разорвет, кто тогда в ответчиках будет?

— Ты не бойся, кузнец, — принялся успокаивать его дьяк, — мы ее на стену взгромоздим да на половинном заряде спытаем, чугун все ж. А за пушку по весу заплатим.

— Ну, смотрите тогда, — сдался Асата, — а то, как бы лиха не приключилось.

Теперь на стене посада со стороны главных ворот грозно возвышается наше орудие, испытание, как это ни странно, она выдержала. А почему удивляюсь, так это потому, что обманул нас воевода и испытание пушки в нарушении своего слова провел на полном заряде. И как после этого верить людям?

Первая партия высланных молодых стрельцов добралась до Иркутска в первых числах мая, добрались бы и раньше, но не успели до ледохода, поэтому на Белой вынуждены были стоять почти неделю, дожидаясь, когда полностью очистится река. Большие избы для будущих работников завода подготовить успели, благо не в пожарном порядке строили, поэтому проблем не возникло. Единственно кто был недоволен, так это молодые казаки, получив сразу много проблем с потенциальными соперниками. Как я уже говорил, женский

пол у нас скоро будет в дефиците и это перевернет устоявшиеся традиции, девушки получают возможность выбора, а парни наоборот будут вынуждены соперничать в борьбе за сердце избранниц. Так, надо будет переговорить с Брагой, чтобы он пресекал всякие возможные эксцессы между молодежью из-за этой проблемы.

Отдохнуть ссыльным не дал, нечего, они и так во время пути хорошо отдохнули, сходу развел их по цехам и приставил к наставникам, пусть ума-разума набираются. Ну и наставникам дал наказ, чтобы спуску не давали и всю вольницу стрелецкую из них выбивали, а ежели через год они сдадут на разряд, ввели мы такую квалификационную сетку, то его наставнику дополнительная денежка — целый рубль. Для этого времени щедрость неслыханная. Иногда, правда, возникали небольшие эксцессы, народ же к нам прислал темный, необразованный, привыкший чтобы перед ним шапку ломали, а тут ходит некий мелкий тип, от горшка два вершка и командует. Да где ж это видано? Но тут в качестве просветителей выступили казаки из отряда Степана, и быстро разъяснили суть политики партии, я даже один раз успел услышать, как именно это происходило:

— Ты... выродок... и вола, на кого..... тут лай поднимаешь, если кто еще хоть раз скажет, что ты..... Дежнева не Василием Алексеевичем назвал, то тебя..... сына..... в... на.... пожалеешь что на свет божий появился.

Надо сказать, что, несмотря на остроту момента, Василием Алексеевичем меня все-таки не звали, и я с тем согласен, некрасиво это, когда здоровенные мужики перед соплей шапку ломают. Поэтому в случае затруднения сразу предупреждал, что если зазорно звать Васькой пусть зовут Василием, и надо сказать что многих это вполне устроило.

Второе пробное литье провели уже в начале июня, время поджимало, но здесь уже подготовились будь здоров, форму перед заливкой хорошо прогрели, до малинового свечения, асбестовое покрытие внутренней вставки, выглаженное до идеального состояния, укрепили на форме и воду для охлаждения подвели.

— Ну, с Богом, — все дружно перекрестились.

Мужики стали наклонять ковш с успокоенным металлом, чтобы он заливался в форму именно с той скоростью, которая была задумана. М-да, никогда бы не подумал, что буду так волноваться, переживая за процесс литься. Полностью чугун кристаллизовался за четыре часа, несмотря на дополнительный подогрев снаружи, это было вдвое быстрее, чем мы планировали, но вроде на качестве отливки не сказалось. Надо дополнительный прогрев увеличить. Пока металл не успел сильно остыть, выдернули из жерла вставку, потом это будет сделать сложно, если вообще возможно. Что ж, на первый взгляд все получилось как надо, а дальше будем посмотреть.

Отливку вынули из формы 'на горячую' и, с помощью подъемного устройства на полиспадах, сразу перегрузили ее в печь, теперь надо держать длительный процесс отжига, дабы придать чугуну пластические свойства. Этот процесс уже отработан на других изделиях, конечно, ковкий чугун это слишком условное название, но, по крайней мере, он не рассыпается на осколки при первом ударе. Испытание готового изделия проводил сам Перфильев, интересно ему, видите ли, что у нас получилось. Первый выстрел провели на одиночном заряде пороха, жахнуло знатно, ядро улетело на полторы версты, скакало бы и дальше, но уперлось в склон горы. Померили камору, никаких изменений не нашли, значит не раздуло. Второй бухнули на двойном заряде, и снова камора осталась в прежних размерах. Вот и замечательно, значит получилось. Нужно срочно отливать остальное, но лить будем не шесть пушек, а два десятка, это уже воевода встрял, потому как ему организовывать обоз из-

за шести штук накладно.

Этот человек пришел к нам из братского острога, Кузьма сын Данилы и сразу запросился к Асате.

— Я тебя чего звал? — Встретил меня отчим, когда я прибежал домой по его зову. — Тут человек от братских приехал, дюже занятные сказки говорит. Послушать тебе надо, может, и правда то.

Как оказалось Кузьма прослышал, что иркутские наладили литье пушек из чугуна и сразу засобиравшись в дорогу. Секрет у него от отца имелся по укреплению свойств чугуна при производстве пищалей, а если пищали можно было укреплять, то пушки тем более, вот и приехал на работу проситься да использовать свои таланты.

— Состав зелья для обмазки в секрете держать будешь? — Задал я главный вопрос.

Кузьма задумался, он уже узнал, что чугун на иркутских пушках крепкий, и его знания здесь могут и не потребоваться, а потому не стоит держаться за семейный секрет, но и отдавать его за просто так тоже не дело. Разумный мужик оказался, не стал жадничать, поэтому сговорились с ним легко, дал ему свое дело на заводе, будет у меня пищали выделывать. Пока пусть льет из чугуна, а потом и к стальным плавно перейдем. Последний десяток пушек укрепляли с помощью 'секретного состава Кузьмы', смесь какого-то молотого минерала, известь, опилки кедра и еще целый десяток ингредиентов, сомнительной пользы. С опилками непонятно, почему именно кедра, а опилки другого дерева не пойдут? Ради смеха спросил почему не использует крысиные хвосты и кожу лягушек? Блин, лучше бы не спрашивал, по-моему, он на полном серьезе решил и эти ингредиенты испытать. Все это засыпали в жерло раскаленной отливки, дожидались прекращения процесса возгонки опилок, закупорили отверстие глиняной пробкой и дальше как обычно процесс отжига. Ну что я могу сказать, не знаю, что за минерал использовал сын Данилы, да он и сам не знал, но чугун пропитался какой-то хренью на полсантиметра и стал прочен как каленая сталь. Не хрупкий, а именно прочный. Вот такие чудеса, век живи, век учись. Подозреваю, что Кузьма нашел монацит, в котором присутствует лантан, а он, как известно, придает чугуну удивительную прочность. Хотя как-то слышал я, что этот монацит иногда жутко радиоактивен, так что надо ограничить общение с этой адской смесью людей до минимума.

— Так это что ж получается? — Асата с удовлетворением смотрел на двадцать чугунных чушек, лежащих на деревянных постельках посередине цеха. — За полтора месяца два десятка пушек сумели отлить?

— И совсем не за полтора, — возражаю ему, — до этого сколько времени на выплавку чугуна потратили? А формы для литья с подогревом? А ковш для чугуна чтобы на раз хватило? А сколько на пробы времени истратили? Почитай весь завод с осени лихорадило, все поделки для людей забросили.

— Это да, — легко согласился отчим, — а все ж, если будет еще заказ, так мы и еще быстрее сможем.

Та-а-ак. Это уже интересно, наш старый пенек решил под занавес след в истории оставить? Или это просто профессиональная гордость? В любом случае надобно за кузнецом присмотреть, а то ведь он начинает думать, что все в жизни теперь просто, а то, что я от этого завода и дня не отдыхал, не заметил.

К началу августа загрузили на три дощаника изготовленные пушки, так как вес каждого орудия превысил двадцать пять пудов, то сами понимаете, грузить на дощаники больше семи штук было нельзя, и отправили по Ангаре до Красноярска. Там все это перегрузят на

двадцать возов и вперед в Москву, в пушкарский приказ. По времени должны успеть добраться до стольного града до того как станут реки. А и станут, все одно ко времени привезут. Естественно лафеты изготавливать не стали, их будут делать, скорее всего, из дуба, а в Сибири деревьев с подобными свойствами не растет. В качестве сопровождающего стратегический груз Перфильев назначил своего сына, уж слишком удачным ему показался момент, когда можно было отпрыска пристроить в столицу. Это он зря, грядет северная война и там его кровиночке придется несладко, очень не сладко, но тут уж ничего не сделаешь — судьба.

— Иван! — Крикнул Демид Горян. — Заканчивай работу. Все на сегодня.

— Подожди чуток, — откликнулся Шибенин, — немного осталось, не хочу завтра снова краску наводить.

С того момента как приехали в Иркутск Ивана определили учеником к Демиду в инструментальном цехе, многие думают, что в этом цехе только инструмент выделывают и ошибутся. Не только инструмент, но и станки большие, вот сегодня как раз Иван доводил скользящую поверхность салазок суппорта токарного станка до идеального состояния. Вообще, сначала работа ему сильно не понравилась, скорее всего от того, что незнакома была, а потом понемногу втянулся, почувствовал вкус созидания. Совершенно неожиданно выяснилось, что глаз у Ивана устроен особым образом и то, что одни не видят, даже прищурившись, он может легко разглядеть, поэтому все чаще ему поручали работу, требующую особой тщательности и остроты зрения. Вот и сейчас он доводил скользящую поверхность, устраняя шабером малейшие выпуклости металла.

— Ну, это ты зря, — покачал головой Горян, — Дежнев Василь такого не приветствует, говорит: кто не умеет хорошо отдыхать, тот не умеет хорошо работать.

— Вот ведь пристал, — в сердцах ругнулся Иван, когда шабер скользнул по поверхности и снял стружку чуть дальше требуемого, — ладно, действительно надо отдохнуть, а то рука подводить стала.

— Вот это дело. Если захочешь, ко мне можем пойти, жена мясных щей наварила.

Почему Демид зазывал к себе Иван догадывался, и подозревал, что когда он зайдет к нему в дом, там совершенно 'случайно' окажется его свояченица. Девке этой было лет под двадцать пять, на шесть лет старше Шибенина, и по местным меркам считалась уже старой, однако сам Шибенин так не считал, походная жизнь с малолетства приучила его оценивать не молодость и ледяную красоту недоступных красавиц, а хозяйственность и мягкость в общении женского пола. А именно этими достоинствами и обладала Антонина, однако торопиться развивать отношения Иван не стал, к выбору спутницы жизни он решил отнестись серьезно, родители теперь далеко, в случае чего помочь будет некому, поэтому пусть все решит время.

— Ну, пойдем, коли щи предлагаешь.

— Можем и пивка с устатка, — вдруг повеселел Демид.

— Нет, — мотнул головой Иван, — на этот счет сразу предупредили, кого с похмела

увидят, штрафом большим обложат, а я только недавно за одежду расплатился, да и новый заем на дом обещали. Так что без пива обойдемся.

— Ну и ладно, — не стал настаивать учитель, — обойдемся.

— Слушай, а чего это все казаки так над Васькой трясутся, словно телка постоянно вдвоем пасут?

— Вот ты его Васькой называешь, — ухмыльнулся Демид, вешая свою рабочую куртку на вешалку, — а многим не зазорно его и Василием Алексеевичем величать. Тут говорят, что раньше он вроде как дурачком в Лисьем был, да только мало кто этому верит, уж больно разумен в разговорах и знает обо всем столько, что дай Бог нам всем хотя бы десятую часть того знать. Ты же видишь, как что не получается, так за ним бегут, а он только глянет и уже говорит как надо делать. Вот посмотри, чего мы сейчас работаем? — Мастер широко махнул рукой, обводя все помещение. — Тут ведь ни одной задумки чужой нет, все от Василия. А еще немца здесь видел?

— Ага, толкается по заводу постоянно. Смешной.

— Ну, да смешной, — кивнул Горян, — только этот немец сказывал, что с Василием сам царь слово держал и, убедившись в его разумности, грамоту воеводе отписал. Теперь не только сам он под защитой приказа, но и отчим его, Асата, тоже благословение получил.

— Так может и врет этот немец, — хмыкнул Иван, — с него станется.

Демид покачал головой, смотря на своего ученика:

— Ладно, спорить с тобой не буду, пойдем лучше, Фома не верящий.

— Чего? Может неверующий?

— Нет, я все правильно сказал, это присказка у нас такая, все тот же Васька нам ее рассказал, пойдем, поведаю по пути, а то так и не будешь знать, о чем люди говорят.

На свой дом Ивану заем не дали, но объяснили, что не от жадности отказывают, а потому, что тянуть хозяйство в одиночку тяжело.

— Ты вот что, — сказал ему хозяин завода, — если надумаешь семьей обзавестись, то мы тебе в семейном доме угол выделим, вроде как свой дом, но на три семьи. А как обживетесь, подкопите для жизни чего, так и за домом дело не станет. А так, с голыми стенами, да только с жениным приданым не дело жизнь начинать.

Первое время Ивану было обидно, как же, попросил помощи и на тебе, отказали, но потом рассудил, правильно сказали, надо бы сначала пожить немного в общем доме, где есть кому помочь, а уж потом и о своем доме задуматься.

Свадьбу отыграли как только наступили морозы. Отыграли весело, с огоньком, потому как не одна была свадьба, были и поздравления, и подарками одаривали молодых и даже драку учинили горячие молодцы, все как у людей. За это Иван был всем гостям благодарен, и теперь изредка ухмылялся, вспоминая свои страхи, когда им объявили, что холодные каменные подвалы царь в доброте своей заменяет высылкой в далекую Сибирь. Тогда казалось, что жизнь кончилась, а вот поди ж ты, только началась, да как началась!

План зимней войны всецело завладел Петром, но до начала войны со Швецией надо

было решить целый ряд проблем и заключить секретные договоры. При наличии официальных шведских переговорщиков в Москве приходилось изворачиваться. Постоянные метания в Преображенское, и переговоры с представителем саксонского курфюрста, ставшего польским королем, генералом Карловичем, не остались незамеченными шведской стороной. Но политика дело сложное, свои догадки к делу не пришьешь, вот и приходилось шведским дипломатам делать вид, что они абсолютно не в курсе готовящихся закулисных сделок.

— Знают шведы о наших тайных переговорах, — объяснял Головин Петру, — поэтому требуют ответа по пунктам предлагаемого договора. Долго отмалчиваться не получится, нужно искать, каким образом можно затянуть переговоры. Включить в их договор предложения по союзу против Турции и сделать вид, что ждем их ответа?

— А что, неплохая идея, — подхватил Петр, — а чтобы им еще интереснее стало, скажи, что мы готовы не заметить момент раздела земель германских.

— А что, мин херц, — встрял Меньшиков, — мы на самом деле можем того не заметить?

— А..., — махнул рукой царь, — мы же не обещаем, а только готовы. Мы сейчас такую похлебку из переговоров варим, что сам черт не разберет, сказал бы кто год назад, что такое возможно, прогнал бы наглеца. Устал уже из Москвы в Преображенское метаться.

— Так если устал, давай отдохнем, — оживился Меньшиков, — ассамблею с фейерверком....

— Думай, чего говоришь, Алексашка, — нахмурился Петр, — придется тогда приглашение послам отсылать, а ну как примут?

— Это да, — согласился приближенный, — не стоит сейчас приемы организовывать. Тогда можем в пушкарский приказ съездить, мне тут известно стало, что пушки из Сибири чугунные доставили. Еще вчера должны были на лафеты поставить. Посмотрим, чего там заводчики иркутские сделали, да заодно испытаем?

— А давай съездим, — дал согласие Петр, — как отобедаем, так в путь.

К моменту прибытия царя в пушкарский приказ все было готово, установленные чугунные изделия на лафеты стояли рядком, чуть позади выставлена кучка ядер и бочонок пороха. Тут же суетился Лешка Перфильев, которого срочно выдернули в приказ.

Возок царя лихо влетел на двор приказа, не дожидаясь кучера, дворца стремительно отлетела в сторону, и Петр выпрыгнул на недавний снег.

— Так, чего здесь у нас? — Спросил он и, не дожидаясь доклада, быстро прошагал к пушкам. Осмотрел пушки сверху, глянул в целик и заглянул в жерло. Зная привычку царя самому осматривать орудия, ему сразу поднесли горящий факел, с помощью света которого можно было рассмотреть внутреннюю часть пушки.

— А что, неплохо получилось, — хмыкнул Петр, — хоть одну на полном заряде испытывали?

— Все испытывали, государь. — Подскочил Перфильев.

— Кто таков? — Спросил Петр, продолжая скрупулёзно выискивать изъяны.

— Алексей Перфильев, Ивана Перфильева, воеводы сын. При мне все пушки на полном заряде спытали.

— А двойной заряд выдержит? — На этот раз царь самолично залез рукой в жерло, чтобы прощупать невидимые глазу каверны.

— За все не скажу, государь, — не стушевался Алексей, — а вот этот десяток точно

выдержать должен.

— Это чугун-то, — хмыкнул Меньшиков, — ты случаем Леша не слишком легко обещаниями раскидываешься?

Петр разговоры слышал, но не вмешивался, ему было гораздо интереснее пощупать чугунные пушки необычной бутылочной формы. А стволы-то не дорабатывали, сразу определил он, лили за раз, неужели так точно отлили? Однако примеренное ядро легко скользнуло внутрь и даже шикнуло выходящим в запальное отверстие воздухом, что говорило о точности изготовления.

— А ну, заряжай вот эту, — дал он приказ пушкарям, кивая на орудие, которое только что осматривал, — а ты фитиль бери, — на этот раз кивок в сторону Алексея, — Раз при тебе испытывали, значит, уверен быть должен.

После выстрела пушку прочистили и померили камору, но никакой разницы не заметили.

— Заряжай двойным, — снова велел царь.

На этот раз пушка бахнула особенно громко и слетела с лафета, сломав хомуты.

— Так ведь на чугунную пушку рассчитывали, — принялся оправдываться стольник приказа, — из них только половинным зарядом стреляют. А чтобы двойным... Впервые на моей памяти.

Однако Петр вовсе не сердился даже наоборот, он приказал водрузить орудие на бревна и снова промерить камору. И снова никаких видимых изменений.

— Зело добрые пушки у сибирских заводчиков получились, — радовался царь, — сколько по цене вышли?

— Дык просят по сорок копеек за пуд, — сразу ответил дьяк.

— По сорок? — Петр замер, прикидывая, во что обойдется ему каждая пушка, — С Урала обещали по тридцать отливать.

— То так, государь, — взялся ответить Алексей, — но тут чугун особой выделки, немного бронзе в крепости уступает.

— Это да, — был вынужден согласиться Петр, — по сравнению с бронзовыми пушками раза в три дешевле получается. Ладно, раз чугун такой особенный, пусть будет по сорок, но чтобы такие же крепкие были. Сколько заводчики еще таких до следующего лета отлить могут?

— Обещались, если заказ к весне будет, к лету стволов сорок выделывать, а к концу лета еще сорок. — Отбарабанил Перфильев.

— Вот, пусть все и выделяются, — поставил окончательную точку Петр.

— Смотри-ка, не обманул нас Васька-дурак, — улыбнулся Меньшиков, — видимо впору заводчику поселенцы пришлись.

— Побольше бы таких дураков на Руси нашлось, — хохотнул довольный Петр, — смотришь и забот бы меньше стало.

К концу июля подтянулась последняя группа ссыльных. Скажу сразу, дошли не все, и вовсе не дальний путь тому виной, а дурость человеческая. Или я чего недосмотрел, сейчас трудно доискаться правды, но факт остается фактом, часть ссыльных, при переходе из Тобольска в Красноярск, решила удариться в бег. Бывает, вот только на сибирских просторах это кончается плохо, плохо не в том плане, что беглые могут загнуться от холода и голода, хотя и это тоже, а в том, что Сибирь, несмотря на расхожее мнение, заселена довольно плотно. А так как большая часть коренного населения вовсе не пылает братскими чувствами к тем, кто их грабит, то двадцать два молодых парня недолго радовались своей свободе. Отряд казаков, кинувшийся в погоню настиг их на четвертый день, но было поздно. Всех их местные жестоко пытали, а потом, вспоров животы и выпустив внутренности, привязали к деревьям. На что надеялся местный князек непонятно, но на этом весь его род, а заодно и еще один, несколько человек из которого, невесть как затесались в отряд убийц, прекратили свое существование. Казаки вырезали всех, не разбирая, кто млад, кто стар.

Вот так то, в эти времена в Сибири такое не редкость, и не просто так поставлены остроги на этой земле, есть чего опасаться.

Зато остальные благодаря тому, что мы заранее озаботились их поддержкой во время пути, оказались, слава Богу, в живых. Некоторые были не совсем здоровы, тут уж спасибо заплечных дел мастерам, но шансы на выздоровление высоки. Отдыхать, как я уже говорил, им не давал, всех сразу раскидал по производствам, причем так, чтобы они не образовывали отдельных групп, незачем мне здесь тлеющие очаги недовольства, а что они будут, тут уж к гадалке не ходи, потому как люди считали, что наказание не соответствует проступку. Знали бы они, от чего их уберег Бог, заговорили бы иначе.

Кстати, помните, я все переживал за отсутствие женского пола на такое количество парней? Ошибался, не учел менталитета жителей и наличия родственных связей. Как только стало известно о большом выборе молодых да неженатых, отцы семейств сразу смекнули, куда можно пристроить своих дочек, не сильно заботясь о приданом. Поэтому в этот год вся округа, вплоть до Братска, по осени потянулась на иркутский торг, прихватывая с собой своих чад женского полу. Но больше всех в этой ситуации, как это ни странно, пострадал я. Так получилось, что благодаря моим стараниям улица в нашем околотке была приведена в нормальное состояние, дорога отсыпана мелким гравием с песком и утрамбована, уложены деревянные тротуары. И даже выделено место с лавками, где иногда, в порыве вдохновения, ваш покорный слуга читал населению поучительные сказки. Вот как раз на этом месте молодежь и стала устраивать свои посиделки, поэтому мне пришлось долго привыкать засыпать под шум и веселье молодых людей, хорошо хоть в эти времена проигрывателей еще не изобрели. Я-то поначалу грешным делом подумал, что закончат отцы семейств торговать и вопрос разрешится сам собой, но не тут-то было. Во-первых: если раньше приезжим хватало пары дней, чтобы закупиться, то теперь они занимались этим процессом пару недель, а во-вторых: отъезд глав семей не означал отъезда их чад, потому как почти всегда находились родственники, у которых можно было оставить кровиночку погостить неопределенное время. Грешен, после нескольких таких веселых ночей даже стал подумывать о введении ночных смен, куда можно было определить все молодое мужское

население, но совесть, будь она неладна, не дала этого сделать. Пришлось смириться, но пускать это дело на самотек было неправильно, так что обязал Тропина выделить пару морально устойчивых казаков, для надзора за посиделками, дабы не случилось каких эксцессов из-за горячности молодых да буйных. Смех смехом, а считай в этот год, население слободы почти удвоилось, а потом еще молодые да ранние с просьбами о выделении ссуд на строительство подвалили, мол, семью заводить пора. А какие из них будут работники, если они будут озабочены собственным хозяйством. Нет уж, такого нам не надобно. Поэтому в ближайшей перспективе разрешили семейный вопрос строительством трех десятков домов на три-четыре семьи сразу, заложили рабочий поселок на будущее. Вообще в эти времена ни один дом не строился просто так, без подворья, поэтому наше строительство на первых порах вызвало неприятие местного населения, однако посмотрев, кто в нем будет жить успокоились — голытьба, свое хозяйство им ни к чему. Но дурной пример оказался заразительным, поэтому и другие мастера тоже решив таким образом привлечь молодежь на свои работы заложили несколько домов такого-же принципа постройки. Вообще я не зря говорил об экономической революции в Иркутске, применение наших талонов резко оживило хозяйственную жизнь и те производства, которые раньше не выходили за пределы семьи вдруг стали стремительно расширяться. К примеру, если года два назад выделка кирпича носила, как правило, сезонный характер, да еще только при наличии заказа, то теперь кирпич изготавливали девять месяцев в году, прерываясь только на период сильных морозов. Берега ангары тоже обросли огромными сараями из досок (благо их теперь было достаточно), где до лютых холодов строили дощаники. И все это благодаря нашему производству, а именно введению долговых талонов в расчете с работниками и появлению во внутреннем обращении серебряной монеты, достаток которой обеспечивался сбытом фарфора. Да и сам Иркутск буквально вытягивал монету из кубышек жителей всей восточной Сибири и Забайкалья. Хотя не только вытягивал, но и щедро делился, так как для производства требовалось много чего, что можно было добыть только в отдаленных местах. Однако, такое положение дел меня не слишком радовало, превращение Иркутска в пуп земли не входило в мои планы, поэтому еще весной озабочился строительством поселка на реке Белой. Да, да, тот самый медвежий угол, где мы добывали белую глину для наших нужд, производство фарфора в конечном итоге будет перенесено туда. Удержать долго его тайну не получится, и первый звоночек уже был, появился один очень набожный товарищ, который в порыве покаяния поделился с отцом Игнатием производственными секретами. Надо сказать, что, несмотря на крайне неполную информацию, настоятель церкви сразу догадался что к чему, а может у него и до этого были подозрения, но поднимать хай не стал. Вместо этого он вызвал к себе Асату и намекнув на толстые обстоятельства, посоветовал тому проявлять больше участия в церковных делах. В будущем такое назвалось шантажом, но отчим тоже оказался не лыком шит, и объяснил Игнатию, что будет, если такой 'поклеп' выйдет наружу. Разошлись при своих, но после этого Асата резко свернул выделку фарфора и потихоньку переориентировал народ на другое направление. И все же терять такой источник дохода было неправильно, поэтому мы и решили поставить фарфоровое производство рядом с источником сырья и полностью отделить его от Иркутска. Операцию прикрытия разработали на уровне двадцатого века, мол, нашлись люди, нам совсем не товарищи, которые сумели на голом месте все организовать и построить втайне от всех, а работники, которые собирались на новое место, были уверены, что делают это скрытно от руководства завода. Наивные.

— Что? Он на самом деле прошел морем или только слышал об этом?

Ну и новость принес мне Тропин, оказывается у нас здесь в Иркутске затесался помор, который умудрился пройти из Белого моря в Карское, а потом подняться по устью Енисея, вот только до Ангары он не поднимался, оно и понятно, на его судне это сделать было трудно, против течения реки приспособленные для моря суда не выгребали. Вообще-то путь через устье Енисея был известен давно, но при освоении Сибири ходили через Ямальский волок в Обский залив, и где то там дальше волоком можно было в Енисей попасть, а вот чтобы вот так, сразу через Карское море в Енисей, об этом слышу впервые. Но ведь был в мое время северный морской путь, и ходили морские суда по Енисею, почему бы и нам не попробовать?

— Говорит, что сам, — пожал плечами Степан, — обратно морем не смогли пройти, льды пошли, а ветер все время встречный был.

Ага, есть такое, в тех местах попутный ветер можно месяцами ждать, а встречный может прибить к берегу лед, который как терка разрушает деревянные суда, слышал, что немало путешественников попали там в переplet. И все же что-то не так, если он помор, то не может не знать про Мангазею, до которой можно добраться через обский залив, зачем нужно было так рисковать? Через час вместе со Степаном трясли Михаила на предмет, какого лешего он забыл так далеко от родных мест. Мужик упирался долго, пытался врать и при этом пыхтел и краснел, 'уходил в несознанку' — я не я, и лошадь не моя, пытался симулировать выпадение памяти — шел, упал, очнулся, ничего не помню. Но терпенье и труд все перетрут, перед нами, во всей красе, раскрылся моральный преступник. Нет, он не мучил человека и не ограбил сироту или инвалида на паперти, но совершил страшный грех, о котором не то, что говорить, думать страшно. Короче, дело житейское, переспал с чьей-то женой, а потом мучимый терзанием совести сошел с судна на дальней остановке, а сказочку о том, что не смог вернуться домой придумал, чтобы хоть как-то обосновать свое появление в Сибири. М-да, покажите мне место, куда ему печать поставить для подтверждения святости. Степан, после выяснения обстоятельств, был поражен до глубины души, он просто не мог понять, как можно все бросить и отправиться в далекое опасное путешествие в одиночку из-за пустяка. Ага, это для него пустяк, а у человека в один момент рухнула вся система ценностей. Естественно душевные терзания мужика мне были безразличны, вполне может статься, что измена жены вовсе не была тайной для многих, даже мне известны случаи, когда с молчаливого согласия бесплодного мужа жена шла на сторону, чтобы прижить дитя. А вот что меня волновало больше всего, так это возможность выхода через море Карское в море Белое. Это только кажется, что можно на месте самому найти проход, как бы не так, исследователи месяцами искали, поэтому наличие человека в этих делах сведущего обязательное условия попытки прохода северным путем. Но это на будущее, а что в настоящем так это необходимость срочно заказать у наших 'корабелов' морской корабль с усиленным килем, лед-то он совсем не мягкий.

— Даш, а чего Вася от всех прячется? — Спросила Глаша свою мелкую подружку, которая старательно вырисовывала лаком на шелке части изображения цветка. Вернее не самого цветка, а старательно затушевывала лаком все пространство, где изображения не было, потом мастера брали этот шелк, накладывали его на фарфор и продавливали сверху ракелем краску. Там где лака не было, краска проходила сквозь шелк и отпечатывалась на фарфоре, после сушки, действие повторялось с другим шелком и другой краской, так, слой за слоем на поверхности фарфорового изделия появлялось изображение цветка, причем оно было настолько точно, что от живого не отличишь.

— Да ничего брат не прячется, — Дашка аккуратно окунула кисточку в лак, провела кончиком по краю посуды, чтобы избавиться от капельки лака на кисти и снова наклонилась над шелком, — его же в Москву возили, а там царь ему наказ дал, вот и пропадает на заводе целыми днями, чтобы исполнить.

— Царь? — Глаза у Глаши округлились. В понятии ее родителей царь равен богу, а значит с простым смертными разговоры вести не будет, а тут вдруг какому-то пареньку из далекой Сибири наказ дает. Так-то понятно, Василия здесь все уважают, и иногда даже не стесняются это уважение показать, но ЦАРЬ? — Ну, если сам царь, тогда понятно.

Дашка оторвалась от своего занятия и хитро посмотрела на подругу:

— Не уж-то сохнешь?

— Скажешь тоже, — сразу вспыхнула та, — просто интересно, он же меня со дна реки вытащил, а теперь вроде и не замечает.

— Замечает, как приехал, спрашивал как поживаешь. — Девчонка снова макнула кисть в посудину, но приглядевшись к шелку, мотнула головой и решительно стерла остатки лака с кисточки тряпицей. — Все эту закончила, передохнуть надо, да и поесть бы не мешало. Пойдем в дом, мамке сегодня пироги принесли.

— Да я к своим пойду, — смутилась Глаша.

— Вот еще, — хмыкнула Дашка, — больше время потеряешь. Пошли, нечего стесняться, заодно расскажешь как живете.

Самовар еще был горячий, так что ждать не пришлось:

— Быстренько мойте руки и за стол, — скомандовала мать.

Дашка и без напоминаний уже метнулась к рукомойнику, а вот Глафира опять забыла, поэтому напоминание было не лишним:

— Даш, все тебя спросить хотела, — шепотом обратилась к подруге Глаша, — а зачем руки-то мыть, они же у нас не грязные.

— Не грязные, — согласилась та, но Васька говорит, что болезни к рукам пристают, и просто так их глазами не видно, поэтому перед тем как есть нужно по возможности руки со щелоком мыть.

— Как это не видно?

— А так, вот чуму же не видно, как дотронулся до больного, то болезнь к рукам и пристала, а со щелоком их помыл, и болезнь с рук смыл. А мы же с тобой сегодня много чего руками брали, а вдруг и человек какой с болезнью их тоже брал. Васька говорит, что всегда не убережешься, но если руки перед едой моешь, то болеть много меньше станешь.

— Ну-ка, хватит там шептаться, — прикрикнула хозяйка, — пироги совсем остынут.

Да, пироги оказались очень вкусные, а если их еще запивать ароматным китайским чайком, умм.

Скрипнула дверь и в комнату ввалился Василий собственной персоной, за тот год он

подрос, чуть раздался в плечах и уже не выглядел тем тощим мальцом, что без раздумий нырнул за девчонкой на дно реки.

— О, у нас гостя, — улыбнулся он, снимая сапоги у порога, в этом доме в отличие от многих других в слободе слому на пол не стелили, — здравствуй Глафира Даниловна, как здоровье твоей матушки? Про отца не спрашиваю, так как сегодня с ним на заводе виделись.

— Спасибо, — потупила глаза Глаша, — с матушкой все, слава Богу, хорошо.

— Ну и хорошо, что хорошо, — откликнулся молодец, повернувшись к рукомойнику, — а то обоз из Нерчинска неделю назад проходил, у Пахома останавливались, так вот сын у него слег, немец подозревает что чума. Воевода уже вдогон отряд послал, чтобы людей посмотрели, да обоз остановили, теперь месяц будут в лесу стоять, пока всех больных не выявят. Поди, когда степями шли тарбаганов отлавливали, вот и результат, эти степные звери почти всегда чумой заражены.

Новость оказалась шокирующей, ведь если в слободу пришла чума, то воевода просто обязан взять всех в карантин, а тогда не то, что в лес не выберешься, до Ангары не дойдешь.

— Нет, всю слободу стреножить не станут, — тут же разрушил опасения Василий, — но монахи по всем домам ходить станут и на людей смотреть. Так что в домах, где есть больные, заставят всех домашних из дворов не выходить.

Парень вытер руки льняным полотенцем и уселся за стол, а Дашка сразу вскочила, чтобы помочь матери управиться у печи, так и получилось, что за столом Глафира осталась один на один с Василием. Но парень в отличие от нее не стушевался:

— Как там дела с обучением мастериц продвигаются?

Девушка улыбнулась, когда она вместе с Дашкой связала первые платки, то домашние решили крепко взять в руки это дело, но все их планы разрушил Асата. Кузнец сразу втолковал, что сделать сама Глафира много платков не сможет, даже если будет работать денно и ночью, да и через год — другой и другие мастерицы научатся вязать такую красоту. А потому не стоит держать в тайне умение плести воздушные кружева, наоборот стоит взяться за обучение девушек, чтобы они тоже стали настоящими мастерицами. Зачем? А затем чтобы потом их можно было объединить в женскую артель и полностью подмять под себя столь нужное для женщин дело. На сегодняшний день Глафира уже могла точно сказать, что три ученицы были готовы к самостоятельной работе, а еще через месяц подспеют и еще две девушки.

— Это хорошо, — кивнул Василий, откусывая кусок подогретого в печи пирога, — Ух, не иначе Лукерья пекла, — прошамкал он, закатывая глаза от удовольствия.

— Она, — рассмеялась мать, — говорит, чем на торгу целый день покупателя ждать, проще сразу по домам разнести.

— Это она правильно делает, — согласился сын, — только лукавит Лукерья, она и по домам разнесла и верно уже на торгу стоит на своем месте. Не упустит она лишней копейки.

— Так то, само собой, — согласилась хозяйка.

— А с женской артелью затягивать не стоит, — вновь обратился парень к девушке, — надо шерсть начать выделывать, и в наших лавках под это дело уголок отведем, пусть народ оценивает ваши труды. Да за дешево продавать не стоит, а то купцы вмиг все в Тобольск свезут.

— На днях видела, как на торге зеркальце стеклянное заморское продавали, — в свою очередь поделилась новостями Глафира, — шесть рублей за него просили. Маленькое оно, а смотришь и стекла не замечаешь, как насквозь видно.

— Это да, — кивнул Василий, — умеют в Венеции мастера стеклянные зеркала делать. И продают задорого. Но ничего, печи стеклянные мы уже опробовали, скоро выделявать стекла для окон станем, а потом и зеркала сподобимся делать, и будут они много больше, чем ты на торге видела.

— Как бы нашему теляти, да волка забодати, — не поверила девушка фантазиям парня.

— А что такого? — Василий даже про пирог забыл. — Ты думаешь не смогу?

— Не-а, — мотнула головой Глафира, — заморские мастера большие зеркала делать не могут, а ты превзойти их собрался.

— А что будет, если смогу?

— А за что ты станешь биться?

— Ну, — парень в задумчивости провел ладонью по затылку, — даже и не знаю за что. Хотя..., давай так, если я не смогу к концу зимы зеркало больше чем в две ладони сделать, то будут тебе сапожки как у боярыни, а если смогу, то ты кроме платков возьмешься за ткацкое дело, будешь девушек на новых станках учить работать.

— Да как же я смогу их научить, коли сама не умею? — Удивилась Глафира.

— Не можешь — научим, не хочешь — заставим, — выдал Василий и добавил, — если бы все просто было, разве ж я с тобой спорил бы?

— Так надо же думать, чего требовать?

— А чего я здесь невозможного требую? — Пожал плечами парень. — Вот если бы потребовал от тебя грамоте обучиться, тогда да, это для тебя недоступно.

— Как это недоступно? — Возмущению девушки не было предела. — Да чтобы ты знал, я некоторые слова могу без помощи прочитать.

— Некоторые это не все, — тут же парировал Василий, — и уметь читать это не вся грамота, а только небольшая ее часть. А если можешь, то докажи.

Разум Глафиры помутился от возмущения и она, вскочив, в запальчивости выкрикнула:

— Да я до весны всю грамоту освою не хуже тебя.

— Вот и ладушки, — тут же успокоился парень и взялся за очередной кусок пирога, — даже могу за тебя перед игуменьей похлопотать, она давно хочет женскую школу набрать.

Раздался сначала смех Васькиной матери, а потом к ней присоединилось фырканье Дашки. Только тут до девушки дошло, что она попала в умело расставленную ловушку, но самое интересное, что этонисколько ее не возмутило и даже наоборот, она уже давно подумывала о возможности не только научиться читать книги, но и освоить перо. Через минуту Глафира тоже рассмеялась:

— Надо же, как ты хитро силки расставил.

— А как же, — кивнул Васька, — я ж как-то говорил тебе, что на охоту хожу, а там уметь ставить силки первое дело.

Уже позже Глафира поняла, что ничего она не умела, запомнить начертание некоторых слов можно, а вот сложить буквы в слоги, а потом в слова уже нужен труд. Ну а самой мысли на бересте изложить, да не как думается, а как надо — труд большой. И много раз она возвращалась к тому разговору с Василием и удивлялась, как он ловко сыграл на ее неуместной гордости, а еще стала понимать всю пропасть в образовании между ними. Но Глафиру учили, и учили не абы как, послушницы девушек до истерик доводили, а Ваську-то кто учил? Поговаривали, что Зосима, царство ему небесное, свои знания передал, да не сходится то, для этого годы нужны, а за пару месяцев чему там научишь? Но девушка тянулась, ведь она обещала освоить грамоту не хуже и игуменье о том донесли:

— Почто жилы рвешь, себя лишний раз изводишь? — Спросила она Глафиру. — Много вопросов от тебя ненужных, дочь не боярская, в послушницы идти не собираешься, так зачем тебе это все?

Как бы то ни было, но скрывать свои мысли девушка не умела, да и приучили ее, что скрывать ничего в святых местах нельзя, поэтому и поведала как на духу о том, что ее тревожило последнее время.

— Ну что же, знаю я Василия, лучше тебя знаю, — поведала она девушке, — его ведь и вправду в Лисьем за дурачка считали, да вот как повернулось все к несчастью он за ум и взялся. Много знает сей отрок, да только не от дьявола сие, а от Бога, все видит, все примечает, да на свой лад понимает, а понимает он лучше многих, от того и видится всем, что знания у него не свои. Скажу тебе так, не тянись в знаниях за ним, все одно не дотянешься, да и другое у тебя в жизни предназначение, а если случится так и соединятся ваши судьбы, стань опорой ему, как бы не был умен человек, а все же всей мудрости земной не осмыслит.

С этого дня и успокоилась Глафира, не изводила себя больше мыслями ненужными, а зимой принес Василий ей подарок доселе невиданный, зеркало в локоть размером, тут и ахнула вся слобода.

— Так говоришь, Васька дочери Данилы Рябого царский подарок сделал? — Поднял в удивлении бровь воевода. — А не рановато ему жениться-то?

— Рановато, конечно, — согласился приказчик, — да только дело-то молодое.

— Ну, да, — кивнул Перфильев, — молодое. И как он так быстро секрет выделки зеркал раскрыл? Тут уж не от монастырских перешло, они бы такое ни за что другому не отдали. Может немец всему виной?

— То видимо так и есть, Иван Максимович, — подтвердил подчиненный, — немцу тому немало каких-то зелий купцы привезли, особливо ртуть и масло купоросное, вроде, как говорят, такое только схизматики заказывают.

— А..., — махнул рукой воевода, — то не нашего ума дело, с этим пусть Игнатий разбирается, а нам царь отписал сироту не притеснять. И немца того не просто так с ним из Москвы прислали, значит знали, что не только стекло выделывать станут. Ты лучше скажи, почем эти зеркала продавать станут?

— Так неизвестно пока почем, — пожал плечами приказчик, — Асата этот цены на откуп купцам отдал, только условие выставил, что две трети в его доход. Но нам беспокоиться не о чем, Васька тут шепнул мне на ушко, что первые пять штук в приказ отдаст, и это без учета тягла.

— Ишь ты, — хохотнул Перфильев, — действительно молодой, да ранний, знает с какой стороны подкатить. Только помнится мне, месяц назад он нам еще стекла оконного обещал.

— Так поставил уже все, вон в сенцах ящик с соломой стоит, столяр только разрешения ждет, чтобы в рамы вставить.

— А чего ждать, чай не лето, пушай в два слоя и вставляет.

— А еще мне донесли, что на заводе машину огненную сделали, — понизил голос приказчик, — чтобы воздух качала, и привод теперь не от колеса водяного, а с машины той, и дюже сильно та в работе паром исходит. И сил у нее много больше, чем у коня и работать не устает.

— Постой, дай угадаю, — улыбнулся воевода, — опять Васькина придумка.

— А то ж чья, — подтвердил служивый, — как чего хитро устроено, так кажи на Ваську, не промахнешься. Тут слышал, что еще одну делают, да не такую же, а сильнее, на большой корабль ставить будут, чтобы без гребцов по реке ходил, а огонь не на дровах разводить будут, а на угле тмутараканском.

— Интересно, как же он весла к той машине приделает? — Крякнул Перфильев. — Вот же выдумщик. Так это что получается, Асата надумал через ангарские пороги кораблем пройти.

— Получается так, но корабль большой будет, шибко сомнительно, что он эти пороги пройдет, особенно самый первый, Падунский, там и лодкам трудно пройти, а тут такая махина,

Махина? — Воевода выгнул бровь. — Это ж, кто у нас сподобился такой корабль ладить, никак Тимофей подрядился.

— Нет, Григорий Кашин взялся, — возразил приказчик, — на своей верфи выделявает, чужих в барак смотреть не пускает. Но говорят, корабль получится от восьми сажень в длину при двух парусах.

— И правда махина, — кивнул Перфильев, — разобьют на порогах этот корабль, как есть разобьют. А может и не разобьют, если Ангара на прибыли будет, от Бога все зависит. А потом еще и Казачинский порог на Енисее потребуется пройти, но там он не такой опасный.

Воевода наклонился к лампе, и подкрутил фитиль, чего-то он быстро прогорел, никак скипидар заканчивается. Тоже вот выделка железного завода, и вообще меньше трех лет прошло, а все закрутилось вокруг детища кузнеца, откуда только деньга берется? Хотя понятно откуда, завод почти всю выделку железа в округе захватил, пушки выделяет, но там дохода вряд ли много будет, а тут еще пошли инструменты всякие, шутка ли сказать полтыщи одних топоров выделали. А уж ножи, серпы, косы вообще без счета идут. Плуги опять же, но тут с приказом договорились тягло с них не делить, завод на них цену сильно сбросил, чтобы мужик мог с будущего урожая расплатиться, такие затраты сегодня обернутся большим прибытком в будущем.

Мирно плещется вода за кормой, чуть слышно бухает паровик внизу корпуса, а я стою за правилом, привыкая к управлению судном. Рядом по мостику прохаживается Михайло Ломакин и периодически выдает бодрые команды, нашей немногочисленной команде, хоть он и делает хмурое лицо, подражая повидавшему жизнь соленому морскому волку, но видно, что большой коч ему нравится. Он и мне нравится, хорошее судно получилось, тут правда должен сказать, что под парусами он не сильно ходкий, все же площадь парусов не ахти получилась, так как из-за малой осадки пришлось уменьшить высоту мачт, а с паровиком хорошо, прет против течения Ангары за милую душу. Сначала думал обойтись вообще без паруса, но вовремя спохватился, это на реках можно без паруса, а в море без них риск большой, отожмут льды подальше от берега, закончится топливо, и чего делать потом будешь? Нет, нам такого счастья не надобно.

Сейчас, когда судно на ходу, все волнения и переживания вспоминаются с улыбкой, а тогда все казалось сложно. Еще давно мне доводилось слышать от 'авторитетных' специалистов, что, де большой коч имел столько секретов, что его ни за что не построить просто так, мол, там и шпангоуты хитро крепились, что бы судно не было жестким и могло играть на большой волне. И доски по-особому шились, что бы выдержать затираание льдами и мачты крепились по-особому, прямо не коч, а космический корабль для высадки на Марс. И вообще не бывает судов одновременно речного и морского класса, а если кто утверждает обратное то брееееед! А как же тогда Дежнев с товарищами, в построенных на Колыме!!! кочах ходил и по рекам, и штурмовал Берингов пролив на полвека раньше? Причем попадали в жестокий шторм, где о скалы разбилось два корабля. Бред? А немного собрать воедино свой размягченный цивилизацией мозг?

И паровой двигатель, который потихоньку был сделан в нашей мастерской, тоже вздохи и ахи, ах это невозможно, очень сложно, а потому бреееед!. И плевать, что нам не нужно время, чтобы методом проб и ошибок искать наилучшие технические решения. Конечно, о всяких двойных и тройных расширениях пришлось пока забыть, и так проблем столько, что голова кругом. Одно только отсутствие болтов сколько нервов испортило, вы когда-нибудь пробовали изготавливать метчики и плашки без станков? Попробуйте, получите массу 'положительных' впечатлений. А еще шлифовка шеек колен вала, подача смазки, регулируемые сальники, котел — не тот, который большой с водой, а тот где вода будет превращаться в пар. Каждая технологическая операция тянула за собой целый шлейф дополнительных работ, от изготовления специального инструмента до прообраза токарного станка, без которого вообще не стоило начинать эту работу. Но как бы то ни было, а зимой я запустил свой первый паровой двигатель, не первый в мире, кто-то там его уже сделал, а именно свой. Все ли я сделал правильно? Не факт, знать примерную схему это одно, а воплотить в металле это уже совсем другое. Даже с баббитовым вкладышами возникла проблема, хотя тут уж казалось вообще никакого затыка быть не должно. Но вон он, работает на заводике и гонит воздух в домны, ускоряя выделку чугуна. А тогда, осенью, чтобы не терять время, нашего найденного по случаю помора определил на верфь, дабы он вместе с нашими кораблями сначала сделал макет судна, хотя бы один к двадцати, а уж по нему и определимся каким образом размещать паровой движитель. В это время никаких чертежей в принципе не знали, все делалось из головы, потому далеко не все могли хорошие суда строить. И, кстати говоря, пришлось пережить несколько неприятных моментов, узнав какой именно корабль мне нужен, наши знатные 'дощанико-строители' подняли меня на смех. Тут-то и припомнили мне, кто я есть на самом деле, и 'неуч' было самым мягким определением моего нынешнего состояния.

М-да, неприятно, конечно, но не смертельно, хотя 'Полкана' пустили знатного. А раз так, то сильно надуваться своей значимостью не стал, а подрядил на постройку судна река-море начинающего корабеля Григория Кашина. Ударили с ним по рукам с условием, если ничего хорошего не получится, то судно доделывается под весло и плата будет чуть больше, чем за обычный большой дощаник, а если получится, то доделываем под парус и сумма увеличивается вдвое. Каркасную модель коча мне предоставили к октябрю, после совместного мозгового штурма определили куда и как будем ставить паровую машину, вроде бы корабль получился большой, а кочегарка разместилась с большим трудом. Особенно трудно было объяснить нашим кораблям принцип работы винта, хотя назначение дейдвуда они поняли сразу. Назначение-то они поняли, но вот мне пришлось несладко, этот самый

пресловутый дейдвуд мне пришлось покорять практически всю зиму, меняя набивку и изменяя систему подачи смазки. Хорошие сальники сделать мне не удалось, вода все равно проникала внутрь дейдвудной трубы, поэтому решил проблему так, как и должен был решать с самого начала, сделал отвод просочившейся за первый сальник воды через дополнительный канал прямо внутрь судна. Уж пару ведер за день как-нибудь и руками наружу выльют.

Естественно пустить на самотек постройку такого корабля я не мог, и взял себе за правило периодически навещать верфь и справляться о том какие трудности возникли во время строительства. Проблем как всегда хватало, то там накосячили, то тут загнули не туда, и с каждым таким случаем у меня уходило сердце в пятки. Но дело двигалось, причем двигалось гораздо быстрее, чем я себе представлял. Единственно, что было плохо, это отсутствие на корабле большого трюма, все в каких-то клетушках, вот где будем грузы размещать? Однако Михайло на подобные вопросы лишь ухмылялся в бороду:

— Не бойсь, — отвечал он мне, — хороший коч будет, две тыщи пудов по-всякому разместим.

Две тысячи пудов, это же больше тридцати тонн, да он утопнет сразу. Не поверил, взял свою фирменную линейку и пошел обмерять корпус, чтобы высчитать водоизмещение. Все обмерил и подсчитал, получилось, что грузоподъемность должна быть..., на четверть больше даже при самых скромных расчетах. Мучился недели две, все ошибку искал, но так и не нашел. Пошел на поклон к Григорию, он меня внимательно выслушал, попытался вникнуть в мои расчеты и, ничего не поняв, просто послал меня... э..., отдыхать и не мешать работать и только потом в спину бросил, что еще нужно учесть вес балласта. Твою ж, тудыть, налево! Самым умным себя считал, а тут раз, и посадили в лужу мимоходом. Это речные суда с плоским дном без балласта ходят, а морские под парусом, без балласта никуда.

До выхода в путь еще целый месяц. А сейчас мы на реке учимся да выявляем недостатки, и, кстати, как неприятно мне это сознавать выявилось их много больше, чем я мог предполагать, первое время почти каждый день были вынуждены возвращаться на стоянку из-за течей. Михайло говорит, что всякий новый корабль проходит такой путь становления, но я с этим не согласен, каждая течь, это чье-то упущение, хотя чего я хотел, у Григория это первый большой корабль, сделанный самостоятельно, естественно опыта у его работников никакого.

Кстати, насчет опыта, когда корабль только заложили, а размеры его киля уже говорили сами за себя, то местные корабелы не выдержали и стали периодически навещать своего молодого коллегу. Ну, а раз коллега молодой, то по определению его надо поучить, как на самом деле строятся корабли. Жалко мне было Кашина в тот момент, но помочь я ему ничем не мог, хорошо хоть за меня не брались. А вот Михайло от подобных нравоучений отбоярился сразу, первый день ему тоже пришлось терпеть наезды всезнаек, а вот на второй, как только услышал поучение так сразу и заехал в зубы учителю, и на годы не посмотрел. А когда обиженный корабел попытался права качать, то получил и второй раз, с этого дня никто к Ломакину не приставал, шибко накладно.

Еще когда выложили киль, увидел на всю дину днища два толстых ригеля на расстоянии примерно двух метров друг от друга, сначала думал, что это для каких-то строительных приспособлений, но когда их стали намертво крепить к шпангоутам поинтересовался какого хрена.

— Так ить чтобы на волоке судно тащить, — сообщил мне помор, совершенно

очевидную для него вещь.

— На волоке? — Не поверил я. — Тут же весу будет столько, что оно в землю навсегда зароется.

— Да как же оно зароется, когда щиты положим, да через покаты потащим?

— Так а тащить-то кто будет, где народа столько наберем?

— Не нужно много людей, ты ворот на носу видел?

— Ну.

— Когда тащить понадобится, впереди лючки выбьем и канаты в них протянем. На ворот и четверых достаточно будет.

Только после мне разъяснили, что никто воротом напрямую корабль на волоке не тянет, для этого есть два блока, которые работают как полиспаст, а мне посоветовали, чем от работы отвлекать, лучше озаботиться полосами железа, которые на эти ригели приделают, дабы бревна при волоке их не помяли.

В первый день, когда сделали пробный выход, на берег реки вываливалось все население Иркутска, слишком удивительным показалось людям, что такой большой корабль, по местным меркам естественно, легко скользит по реке без большой команды гребцов. А движение с помощью винта, вообще осталось за гранью восприятия, даже Перфильев, уж на что подкованный в техническом плане и тот долго не мог уяснить, что корабль может двигаться за счет погруженных в воду винтов. Получалось как в анекдоте с крестьянином, когда тот впервые увидел автомобиль: шофер долго объяснял ему, что в автомобиле есть мощный двигатель, а привод от него идет на колеса, ну и за счет этого автомобиль может двигаться.

— Это можешь не объяснять, — махнул крестьянин на разъяснения, — ты лучше скажи, куда лошадь впрягать?

Один раз ходили до Белой, чтобы потом притащить на барже белую глину для завода, причем одна ходка заменила пять ходок дощаников. И это несмотря на то, что даже вполонину ее не грузили, потому как боялись, что ветер сменится, а выгребать на одном паровике с баржой против течения та еще задача. Даже серьезно ремонтировались в пути, один баббитовый вкладыш забыли вовремя смазывать, поэтому он перегрелся и вытек. Но без проблем отлили новый и поставили обратно в 'постель'. И вообще, я набрал всего, что может хоть как-то понадобится для ремонта в пути, даже дополнительный котел взял, а то слышал я, как бывали проблемы с котлами на пароходах.

— Хорошо корабль идет, — порадовался помор, — кабы у нас такие были, так печали не знали.

— Он хорошо идет пока дров да угля полный трюм, — возразил я ему, — а без этого хуже плота управляется.

— Ничего не хуже, — покачал головой Михайло, — под парусом даже шибче малого коча будет.

Шибче? Что-то путает морской волк. Или нет? Возможно из-за того что малый коч значительно короче, он плохо управляется парусом при боковом ветре. А и ладно, чего голову забивать, у нас другая задача.

По мере испытаний определился с расходом дров и угля и..., прослезился. С таким расходом добраться даже по течению до устья Енисея нам не светит. И что делать? А делать придется вот что, цеплять на буксир баржу груженную полностью углем и вперед вниз по реке, только как пороги проходить, когда мы их и без баржи пройти не сможем. Придется

рисковать, сильно рисковать. А если не повезет, придется идти в Красноярск и оттуда уже сухопутным путем пилить до Москвы два месяца.

Середина июля, пора. Мы прицепили груженую баржу на жесткую сцепку, жесткая это когда корма тягача и нос баржи соединяется треугольником посредством двух огромных бревен с двумя шарнирным соединениями на концах, чтобы в случае чего баржа не 'догнала' свой буксир. Еще должен отметить, что нам неслыханно повезло, конец июня и начало июля в Сибирь пришел огромный циклон, дождь не переставая лил две недели, реки сильно вспухли, а Иркут разлился до того, что его вода перехлестнула русло в районе впадения в Ангара и прямо в этот момент пробивала себе новый путь, промывая протоку.

— По такой воде, даст Бог, пройдем пороги с баржой, — выдал мне Михайло.

Да я и сам вижу, даже в районе Иркутска Ангара вспухла, а что будет ниже по течению?

Эх жаль, что у нас ревуна нет, а то сейчас выдали бы на всю округу, а то спят сурки, не ведают, что история творится, почитай на два века раньше пароход по Ангаре запустили. Но ничего, зато рында есть, отвел душу. Так и отправились поутру без толп народа на берегу и бросания шапок, буднично как-то, серенько.

Шли по течению на самом экономичном ходе, экономя дрова, уголь у нас пойдет уже ближе к северным морям. И все равно братский острог открылся нам к концу второго дня, для этого времени рекорд скорости, даже Савелов когда удирал от казаков, дошел до него лишь на третий день. А получилось у нас так быстро от того, что мы не тратили времени на ночные остановки, как только смеркалось, я становился у руля, на носу зажигали карбидный прожектор и вперед. Мне прожектор был не нужен, он больше мешал, чем помогал, но для сохранения нервов всего экипажа приходилось терпеть. На порги сходу, естественно, не сунулись, а пошли искать опытных порожников, здесь так называли тех людей, которые за небольшую плату проводили лодки через порог. То, что Ангара была сильно на прибыли, для нас ничего не меняло, наоборот, те два камня, которые были видны при обычном уровне реки, скрылись под водой и если лодки с малой осадкой могли легко проскользнуть над ними, то нам такое было недоступно. Ну его, лучше пройти порог с опытным порожником. Нужно сказать, что сделали правильно, Данила, которого мы наняли, легко без видимых затруднений вписал нас между камнями, потом повернул к берегу вправо, и мы даже не заметили опасности.

— Дальше можете смело через пороги идти, вода большая, нигде о камни не ударитесь, — заявил он нам, сходя на берег в тихом месте.

Прав оказался. Так и двигались по воде дальше, днем я отсыпался, а ночью вставал на вахту. Прошли и место впадения Ангара в Енисей, хотя здесь надо было сказать иначе, уж слишком мал оказался Енисей по сравнению с Ангарой и почему так несправедливо обошлись с рекой. Где-то с этого момента перешли на уголек, дрова кончились, а приставать к берегу и делать заготовки — большая потеря времени. Снова провел подсчет расхода угля, и был немного обескуражен, где-то раньше умудрился просчитаться, расход оказался значительно меньше. Но чуть позже дошло, что при непрерывной работе двигательной установки тепло не тратится на разогрев при запуске, поэтому расход угля ниже. Приятная неожиданность.

В Карское море вырвались в аккурат на первое августа, причем именно вырвались, видимо в устье Енисея северный ветер задул достаточно давно и нам пришлось пробиваться через многокилометровую кашу прибитого мелкого льда. Мы бы и не сунулись в эту

авантюру, если бы Михайло не разглядел открытую воду за белым безумием. Ну что можно сказать, дальше все прошло относительно спокойно, проход в Белое море наш кормчий отыскал сходу, вода была свободна ото льда, а встречный ветер был не так силен, чтобы беспокоиться. В самом начале мы планировали бросить баржу еще в устье Енисея, так как по расчетам она к этому времени должна была быть пустой, но из-за того, что получилась значительная экономия угля, решили тащить ее дальше. Однако радовалась наша жаба недолго, стоило только дунуть посвежевшему ветерку и до нас дошло, что в море с баржами на такой сцепке ходить противопоказано, пришлось срочно искать укромное место, и перегружать остатки угля, забивая им все укромные уголки на корабле про запас. Но это оказалось ненадолго, через неделю этот 'про запас' с успехом ухнул в топку, как и не было. Шли постоянно вдоль берега и Михайло, по каким-то там ориентирам, выставленными соотечественниками, определял места, где можно пристать к берегу для пополнения запаса пресной воды. К Архангельску подходили на парусах, и не потому, что закончилось топливо, а потому, что не пришло еще время светить новый принцип движителя корабля.

Должен сказать, что таможенное дело в Архангельске поставлено очень хорошо, еще на подходе к порту нас взяли в оборот, таможенники подплыли на большой лодке и радостные полезли на борт, но рассмотрев в трюме стволы пушек сильно погрустнели. Оно и понятно, если бы это был купец, с него много бы чего можно было взять, а с поставщика в пушечный приказ ничего не обломится. Но на всякий случай решили покачать права, однако окончательно их добила Петровская грамота, которая не только не оставила им шанса поживиться, но и недвусмысленно требовала оказывать всякую помощь. Место нам отвели у казенного причала, где мы принялись ждать распоряжения пушечного приказа о дальнейшей судьбе нашего груза. Ну а пока появилось свободное время я, как и планировал, провернул авантюру по насыщению своего кошелька серебром — продал зеркальные полотна. Дабы обезопасить себя от вполне вероятных неприятностей, мы сгрузили ящики с зеркалами на берег и уже потом, через посредников, вышли на голландского купца коему и продали все это богатство по весу. Причем голландец был уверен, что знатно надул нас, так как вес зеркал учитывался без обрамлений, но на самом деле мы уже знали о таком способе определения цены, поэтому заранее применили более толстое стекло и вес их получился немалый. Только эта продажа отбила все наши затраты. Приказ из приказа поступил через четыре дня, очень сомневаюсь, что столько времени потребовалось гонцам, что бы метнуться из Архангельска в Москву и обратно. Скорее всего, это приказал, кто-то из доверенных лиц Петра. Шести фунтовые пушки требовалось погрузить на крепкие телеги, и отправить прямым ходом в Новгород. А та мелочь, шестнадцать четырехфунтовых укороченных орудий на лафетах, которые я привез для показа, предписывалось доставить уже мне по тому же адресу, местные же должны были обеспечить меня тягловой силой. Получается, рассчитываться за поставку нужных государству изделий со мной пока некому, видимо расчет предполагается в Новгороде. Вот ведь, хотел как лучше, а получилось как всегда. Не хватало еще под Нарву угодить.

Однако делать нечего, приказы не обсуждают, хорошо еще, что всей организацией перевозок занимался сержант Андрей Лермонт, вроде бы и фамилия иностранного наемника, а на русском шпарит, будь здоров, акцента ни капельки не слышно. Дабы не мерять версты по дорогам, которые за небольшое правление Петра пришли в полную негодность, уговорил сержанта отправиться на нашем корабле вверх по северной Двине хотя бы до великого Устюга, а если повезет, то и до Тотьмы, и уже там перегружаться. Это

получится много быстрее, чем тащиться с такой тяжестью по бездорожью. Тут надо сказать, я имел своей интерес, напрямую из Архангельска в Новгород дорог не было, были какие-то тропы по болотам, и мне так и так пришлось бы отправляться на корабле до Устюга, так зачем задаром, казна платит. Да, вот такой я меркантильный. На возражение Андрея, что в это время северная Двина напоминает движение толпы в базарный день и по ней путь окажется дольше, показал свое ноу-хау, карбидный фонарь, мол, ночью всяко народ будет по берегам отсыпаться. Уговорил. Вечером развели пары, и как только стемнело, отправились в путь. О том, что люди заметят, что с кораблем что-то не так не беспокоились, оказывается на многих судах печи стояли и дымили они ничуть не меньше чем наша кочегарка, особенно если ее топить не углем, а дровами. Проблема возникла только из-за лоцмана, надо сказать, что Двина спокойная равнинная речка, поэтому почти на всем пути она образует бесчисленное множество протоков, и часто, не зная основного пути, можно было попасть туда, куда нам было не надо. Тут ведь дело такое, надо подобрать человека, которого можно было уговорить идти ночью по реке, а на это согласится далеко не каждый. Потратив почти целый день, мы так и не смогли подобрать подходящего знатока, а Лермонт, увидев наши потуги, только усмехнулся, сошел на берег и уже через полчаса поднялся на борт, таща за собой нужного лоцмана. На вопрос как удалось уговорить, сержант ответил:

— А чего здесь уговаривать? Пусть попробует отказаться, дело государево.

Никита, наш новый лоцман, конечно, не был в восторге от предстоящей ночной работы, но что ему оставалось, только пыхтеть от досады, что попался на глаза государеву человеку, и успокоился он только тогда, когда за беспроблемную проводку я ему пообещал отщипнуть рубль.

— Что-то не пойму я, — спустя пару часов взмолился наш лоцман, — вроде и парусов не ставили, а все одно против течения идем.

— Да ты не тревожься, мил человек, — усмехнулся Лермонт, — то Васька с русалками в море сговорился, как до Тотьмы нас дотянут, так и уговору конец.

Никита сразу перекрестился и осторожно заглянул через борт в темноту речной воды.

— Так ить не видно ничего.

— А много ты в жизни русалок видел? — Тщательно скрывая смех, спросил Андрей.

— Нет, не видел никогда, — Никита снова перекрестился, — да и ни к чему мне это, говорят кто их увидит того сразу на дно утащат.

— Так сразу и утащат? — Я сделал удивленное лицо. — А зачем им кого-то на дно тащить?

— Да кто же их знает? — Отозвался лоцман. — Говорят, там царь морской душу из тела изымает, и служить себе заставляет.

— А царь, это такой, большой, с трезубцем? — Спрашиваю вроде как с ленцой. — Забавный старикан, все над своими сокровищами трясется, даже охране своей и то не доверяет, все сам сторожит.

После этих слов, Никита сделал пару шагов, и сержант оказался между нами. Это не осталось незамеченным.

— Да, только я не понял, — тут же взял слово Андрей, — а чего он за своих русалок не заступился? Мог же отказать, послал змея, о версте длинной, нешто мы бы против сказали?

— Так может и послал уже, — пожимаю плечами, — чего волноваться-то, впервой что ли?

— Ты чего, Никита? — Участливо спросил сержант, нашего проводника. — Что-то лица на тебе нет. Не уж-то морского змея испугался? Да не бойсь, мы с Васькой уже не раз с ним встречались, не такой уж он и злой. Только бояться его нельзя, он за раз страх чует, как кто испугался того и бьет зубом своим.

Оказывается, наш прикол над Никитой слышала вся команда, поэтому доиграть не удалось, первым не выдержал Михайло, он долго давился от смеха, но, в конце концов, выдержка изменила ему и он громко расхохотался.

На шутку Никита обиделся, тут я должен признать, переборщили. Ну а делать-то теперь чего, не платить же ему еще один рубль за обиду, этак он фишку сразу просекет и постоянно обижаться начнет. А и ладно, нельзя же верить всем сказкам, которые слышишь. Но через некоторое время любознательность перевесила все обиды и Никита, уже без всяких намеков, потребовал объяснений от Михайла. Узнав, что в далекой Сибири сработали паровую машину, которая может двигать корабль, цокнул языком:

— Вот бы и нам на лОдьи такие же справить.

— Можно и справить, но то нужно с его отчимом сговариваться, — кивнул помор в мою сторону, — но денег за эти паровики придется отдать немало.

До Тотьмы мы добрались за две недели, можно было бы и быстрее, да два раза вставляли на ремонт, один раз снова отливали баббитовые вкладыши, а другой пришлось менять уплотнительные кольца на поршне, а то мощность сильно упала. Заодно посмотрел состояние цилиндра, скоро придется выравнивать хонами уже видную на глаз выработку, но в целом двигатель получился удачный, глядишь, и действительно начнем на продажу делать.

Вот кто говорил, что в эти времена все делалось без спешки? Как бы ни так, в Тотьме все закрутилось с бешеной скоростью, на все разгрузочно-погрузочные работы Лермонт отвел нам только день, вскоре мы уже бодро меряли версты по разбитой дороге в направлении Новгорода, гнали как на пожар. Точно под Нарву попаду.

Корабль оставил на Ломакина, за время нашей недолгой стоянки он уже успел скорешиться кое с кем из местных и пытался договориться на доставку груза аж до Печоры. Помните? У Печоры, у реки, где живут оленеводы и рыбачат рыбаки. И пусть его, лишь бы в переплет в Архангельске не попал.

Как только стало известно о начале войны со шведами, Крагге, не мешкая, позвал Андрея Раевского:

— Ныне вся артиллерия под Нарву отправляется, — заявил он своему подчиненному, — а полковых пушек мало, поэтому со своими отправляешься в Новгород, туда со всех мест пушки свезут. Если пушек будет довольно, то сам команды наберешь да за обучение возьмешься, да чтобы к середине сентября под Нарву успеть. Понял ли?

— Понял, господин полковник, — кивнул Андрей, — а коли кто поперек встанет?

— А станет кто препятствовать, видака возьми, да так разговор поверни, чтобы он точно слышал, — ухмыльнулся Крагге, — против приказа царя идти — измена.

До Новгорода добрались быстро, но это стало единственным достижением Раевского, никаких пушек в городе не оказалось.

— Да где ж я тебе их возьму? — Пожал плечами, дьяк в приказе. — Пушки сюда свезти должны были, да вот нету их. А коли очень нужны, то тебе самому за ними идти в Архангельск придется. Да только зря проедешь, там только с кораблей старье переклепанное снимать, да и от приказа туда уже Лермонт поехал, все что найдет сюда свезет.

— А давно съехал? — Насторожился Андрей.

— Давненько, седмицы три уже прошло.

Делать было нечего и Раевскому оставалось только уповать на счастливое провидение. На третий день в его каморку ворвался Ванька Дробышев из еще одной пушкарской команды, с которым он от скуки иногда коротал вечера:

— Лермонт Пушки в приказ привез!

Через пару мгновений Раевский уже быстрым шагом шел к приказу, он бы и побежал, но не пристало преображенцу бегать по улице точно стрелцу какому. И действительно у приказа несколько групп служивых уже споро освобождали телеги от ожидаемого груза, только особой радости у них Андрей не обнаружил.

— Чугунные пушки то, — сплюнул Ванька, — из них долго не постреляешь.

— А что не так? — Не понял унылого настроения друга Андрей.

— Все не так, — зло ухмыльнулся Дробышев, — из чугунной пушки полным зарядом не выстрелишь, да и хорониться постоянно придется, а ну как разорвет. Мне сказывали, в походе на Азов три чугунки рвануло, их сначала изнутри ржа поела, а потом и казенник разорвало.

— Так может эти лучше будут?

— Да где уж лучше-то, чугун не бронза, и ржа изнутри ест, и охлаждать его нельзя сам по себе лопнуть может.

— А там чего? — Кивнул Андрей в сторону лошадей впряженных в странные кургузые тележки на больших колесах.

— Там тоже чугунные, только четырех фунтовые.

Настроение сразу упало, время ожидание закончилось, они уже сильно опаздывали к назначенному полковнику срокам.

— Чего нос повесили? — Гаркнул довольный сержант, командовавший разгрузкой. —

Али пушки не по нраву пришлись?

— Да какие же это пушки? — Махнул рукой Ванька. — Чугун, баловство.

— Баловство говоришь, — прищурился сержант, — а вот это мы скоро проверим.

Васька, куда ты там провалился?

Из-за телег выпрыгнул молодой приказчик и направился в их сторону.

— Ух, ты. Васька? — Тут же подскочил Раевский. — Никак Дежнева сын снова решил нас навестить?

— Здрав будь Андрей Титович, — кивнул Васька, — вот пушки по царскому заказу привез, думал в Москву потянем, а тут у вас со шведом веселье затевается.

— А чего ж тогда чугун привез, бронза всяко лучше? — Встрял Иван.

— Бронза лучше, но и эти не плохи, только каждый раз после того как отстреляются вычищать со щелоком хорошо надо.

На это Дробышев снова сплюнул и отвернулся, выражая свое несогласие.

— Ладно, давай в овраг, — решил, наконец, Лермонт дабы избавиться от сомнений, — там испытаем, чем твои пушки хороши.

Овраг оказался недалеко, всего полверсты отъехали от приказа. Пушку отцепили от двойки лошадей и скатили вниз по полого срытому спуску.

— Вроде короче у сибирских пушка получилась. — Выразил сомнение Раевский, осматривая необычной бутылочной формы орудие, — и лафет чудной, на два колеса. Что прямо так с колес и будем стрелять?

— Ага, — подтвердил сибиряк, подхватывая станину вдвоем с помощником, чтобы развернуть орудие, — а короче за тем, чтобы вес поменьше был, да заряжать сподручней.

Андрей хмыкнул, такая конструкция станины ему сразу понравилась. Большим колесам были не шибко опасны всякие неровности поля, а четверо пушкарей в случае чего и руками смогут легко перекатить пушку на другую позицию.

— Ты чего делаешь-то? — Выпучил глаза Дробышев, когда Васька всыпал полный мерник пороха. — Разорвет!

— С чего разорвет? — Возразил тот, запихивая следом пыж. — Тут чугун не простой, он как бронза прочный, иркутский воевода на двойном заряде палил и ничего.

Когда в пушку следом за пыжом засыпали два мерника каменного дроба, то Иван перекрестился и попятился от пушки подальше и вместе с ним отошли другие, от греха. Выстрел сильно хлестанул по ушам, это на открытом пространстве звук может уйти в пространство, а в овраге отразился от стен и вернулся назад. Пушка невысоко подпрыгнула вместе с лафетом и чуть откатилась назад, пробуравив землю под упором как сохой.

— А что, не плоха пушка, — сразу сделал вывод сержант, — ядрами из нее, конечно, никто стрелять не будет, мелкие шибко, а картечью неприятеля сечь в самый раз. На сколь картечь бьет?

— Если десятый размер брать, то шагов на четыреста, а если из фунта два десятка пуль лить, то шагов на двести, но там и в три десятка убойно будет.

— Ага, — тут же прикинул Андрей, — а ежели вместо четырех фунтов шесть стрельнуть.

На это Васька покачал головой:

— Стрельнуть-то можно, но картечь силу быстрее потеряет, а если пороху больше положить, то это же не бронза, ту разорвать с такого веса может, а здесь хоть и крепкий, но все же чугун. Да и отдачей может перевернуть.

— Это да, — согласился пушкарь, — а так пушки и в самом деле хорошие. А шестифунтовые так же выделаны?

— Да из одного чугуна деланы, он даже охлаждать водой позволяет, только сильно перегревать нельзя. А касаясь картечи зараз больше вложить, то ни к чему это, сильно много не положишь, лучше второй раз стрельнуть.

— Так пока зарядишь? — Ухмыльнулся Андрей.

— Можно и много быстрее заряжать, — возразил парень, — только надо холщовых мешочков нашить, да заранее в них все заряды вложить, а потом одним движением в жерло.

— Хм..., - Раевский представил себе такую 'конструкцию', и кивнул, — можно попробовать, только потом чистить пушку долго придется, от остатков холста. Ладно, завтра попробуем и так сделать.

Две лошадиные силы легко, без видимых усилий выдернули пушки из оврага, тут бы и одна справилась, но так заведено, двойка лошадей на одну полковую пушку.

На завтра предложение испытали и пришли к выводу, что при должном обучении орудийной прислуги скорострельность можно увеличить как бы не втрое, а предположение о том, что можно стрелять из пушки и на тридцать ударов сердца пожали плечами и сказали, что такое совсем не в мочь. Правда, мешочка пришлось делать два: в один засыпали порох, а потом его вкладывали в другой, где на него сверху укладывали пыж, и уж потом насыпалась картечь. Мешочек с зарядом вставлялся в жерло пушки, пропихивался банником до конца и там же уплотнялся. В запальное отверстие пропихивали штопор, который прорывал ткань мешочков с порохом, что позволяло обеспечить контакт зарядного пороха с запальным.

— Надо бы сверху заряды еще воском пропитать, — хмыкнул Андрей, — тогда и непогода не страшна.

Кстати, внутри пушки никаких останков от ткани после выстрела не оказалось, все вылетало наружу, и хотя каких-то тлеющие остатки было достаточно, их быстро гасили мокрым банником.

Команды пушкарей Андрей собрал быстро, и так же скоро приступил к их учебе. Не все шло гладко, уж сильно бестолковый народ попал к нему в обучение, то команды не расслышат, то расслышат да не так поймут, а то и вообще косорукость проявляют, когда требуется обустроить позицию. А тут еще одна беда, за три дня крика сорвал голос, напрочь, и чего теперь делать?

— То не беда, то так себе кручина, — хохотнул Васька, когда узнал, в чем затруднения Раевского, — придется тебе горн осваивать, дабы сигнал своим пушкарям вовремя подавать. А если сам не хочешь учиться на трубе играть, найди себе кого из молодых, пусть при тебе будет, ты ему приказ, а он трубой до всех донесет.

— Что за горн такой? — Удивился Андрей, — можешь показать?

— Показать не могу, надо к кузнецу идти, чтобы тот его из меди сделал. Думаю сработать его не так уж и долго, если у кузнец хороший.

Кузнец действительно оказался хороший, так что горн сделал быстро, вот только как Андрей не старался, нормальные звуки из этого горна извлечь так и не смог, даже у Васьки много лучше получалось. Пришлось искать человека, который сможет внятно извлечь звук из этого сигнального инструмента. Однако отпущенное командиром время уже давно закончилось и требовалось поспешать на войну, судя по слухам, которые вызывали доверие, войска уже осадили Нарву.

— Да на что тебе две лошади, — возмутился Раевский, года Василий вновь подкатил к

нему за тягловой силой, — у тебя и так телег в обозе больше чем у меня пушек.

— Так оно и должно быть больше, — невозмутимо ответил Васька, — тут ведь какое дело, вот ты налегке готов отправиться, а спроси у тех, кто не раз на войну ходил, и все они тебе скажут, что никто ни припасами, ни зарядами делиться с тобой не будет. Что взял сам обозом, то и твое, а с остальным снабжением как получится, но хорошо получается редко. Вот где ты будешь овес да сено для лошадей брать? Там по дорогам армия прошла, все фуражиры по пути вычистили, ничего не оставили. Или порох? Слышал, по всем городам порох собирают, даже самый плохой гребут, а ты придешь без порохового и свинцового припаса, кто с тобой делиться будет? Так что те три десятка подвод, которые с тобой в сопровождение пойдут, капля в море.

— Какие три десятка? — Взвился Андрей. — На два десятка уговаривались!

— На два десятка за счет казны уговаривались, а за мой счет еще десяток, — продолжал спокойно отвечать молодой человек, — на них дополнительный съестной припас повезем, я у гонцов спрашивал, говорят голодно там.

Раевскому оставалось только сплунуть, но так как дополнительные телеги не обеспечивались из казны, сильно возражать он не мог.

— Ну, а эти две лошади на казенный кошт берешь?

— Этих двух прошу за счет казны, они полковую кухню потянут.

Полевые кухни Андрей уже видел и по достоинству оценил удобство, особенно когда еда могла готовиться прямо во время пути. И артельщики тоже оценили, теперь никто не стремился закупиться самостоятельно, деньги отдавалось кухонным, и они не подводили. Правоту Василия Раевский смог оценить, когда они вышли на разбитую в хлам дорогу, по которой недавно прошла тридцатитысячная армия, да к тому же зарядивший противный осенний дождь, окончательно сделал ее трудно проходимой. Однако, благодаря тому, что пушки были относительно легкими, а телеги в обозе не перегружены, тяготы пути особо не сказывались, а вот тем, кто следом тянул шестифунтовые орудия придется несладко, ох несладко.

В Новгороде о моей договоренности на поставку чугунных пушек ничего не знали, а ехать в Москву было бесполезно, так как по неизвестным причинам пушкарский приказ Петр на время войны разогнал. Пришлось сопровождать пушки в Нарву, ибо нарвская конфузия не оставит мне возможности требовать оплату за труды нашего завода. Ну а раз так, попробуем немного скорректировать ход истории в свою пользу, вдруг получится. Да уж, много в свое время слышал о том, что в начале восемнадцатого века с дорогами на Руси были проблемы. Хотя если подумать, то как раз с дорогами проблем не было, были проблемы с полным бездорожьем, так как двигаться по тому, что называлось дорогой было много трудней чем без дороги. Люди ухрюкались в грязи по самое 'не хочу', вот верите, даже на волосах грязь была. Мне-то хорошо, сел на коня, да посматривай за всеми сверху, а им приходилось штурмовать огромные лужи без надежды на успех. Но как бы то ни-было, где-то ближе к Нарве, глинистые почвы уступили место суглинкам и стало сразу заметно легче.

До Наровы мы добрались к двадцатым числам октября, до реки я имел в виду, чтобы воссоединиться с армией надо было еще перейти наплавной мост. На ту сторону не пошел, знаю, чем там дело может кончиться, да и не дадут мне там просто так по позициям шляться, сразу как шведского шпиона захомут, а мне это ни к чему, а вот осажденную крепость рассмотрел хорошо. Первые несколько дней занимались приведением всего и вся в порядок, все-таки путь от Новгорода до Нарвы не близкий, да и дорога далеко не шоссе, не одну ось со ступицами требовалось заменить. Ну а чуть позже приступил к планированию работ, которые позволят нашей непутевой армии несколько сократить потери.

Первое что мне известно, так это то, что во время панического бегства развалился мост, из-за этого пришлось принять капитуляцию, если бы мост был цел, то условия капитуляции были бы куда лучше. Значит, этот мост требуется укрепить, то есть подвести дополнительные лодки и лучше связать крепи, ну и заодно добавить по краю бордюры из бревен, который поможет более равномерно распределить нагрузку и обеспечит устойчивость моста.

Второе, это когда конница так же поддавшись панике, кинулась вплавь через реку, многих снесло на водопад и там они утопи. Кстати, а где этот ниагарский водопад, из-за которого погибли тысячи человек? Нашел. Нашел и не понял, как на таком водопаде могли погибнуть люди? Или мне только кажется, что он не так уж и опасен, хотя побегут в ноябре, когда уже ляжет хороший снег, а по морозу в воде можно и без всякого водопада копыта отбросить. Поднялся посмотреть выше по течению, скорее всего конники бросились в реку именно в том месте, где берег полого спускался к воде. А если поставить здесь штук десять больших лодок, да настелить на них доски, то по такому наплавному мосту вполне можно будет пропустить конницу, не всю скопом, но часа за два вполне и паника успеет схлынуть.

С основным мостом справились легко, служивые, стоящие на охране даже внимания на нас не обратили, ну мало ли куда и зачем прется мужик. М-да, непаханое поле разгильдяйства. Теперь мост без труда выдержит полную нагрузку. Следом приступили к заготовке настила для дополнительного наплавного моста, выше по течению, на стремнине между островками. Ну вот, вроде бы сделал все от меня зависящее. Остался последний момент, который я не знал как разрешить. Из истории известно, что перед самым нападением Карла, царь решил отъехать из войска по своим царским делам, поэтому на самой конфузии он не присутствовал. Внимание вопрос: стоит ли задерживать царя или пускай едет, ведь далеко не факт, что его присутствие во главе войска может чем-то помочь. И как бы не случилось хуже, ведь он требовал от конницы Шереметьева невозможного, разбить Карла на подходе к Нарве. Прикинув все за и против, решил, что присутствие царя на поле брани может привести к более серьезным печальным последствиям, а потому пускай едет спокойно.

И опять сказались 'раздавленные бабочки' — в Новгород Петр отъехал не перед самой битвой, а на четыре дня раньше, так что у Карла теперь не будет возможности выпускать монеты с бегущим плачущим царем. Кстати дата нарвской битвы, а теперь ее можно будет назвать именно так, в этой истории тоже не совпала, свою знаменитую утреннюю атаку шведские генералы начали на день позже. А вот развивалась она по тому же сценарию.

Как только началась перестрелка, мы стали выводить лодки на стремнину Наровы между островками и крепить их при помощи канатов, а потом приступили к накладке настила, конечно, к атаке шведских полков закончить работу мы не успели, но на первый островок дорогу проложили, и даже веревочные перила умудрились протянуть. Вторую часть

пути прокладывали уже под панические крики о предательстве, полностью работу закончить не сумели, через сделанную на скорую руку переправу ринулась конная толпа. Опять же из истории мне было известно, что паника настолько овладела войсками, что люди бросались в воду, не задумываясь. С чего бы? Никакой особой паники я у конных не заметил, конечно, настроение у них было не слишком радостным, все-таки предательство действительно было, но с безумными лицами никто не метался. На переправу они выходили быстро, в два потока, больше просто ширина настила не позволяла. А вот пешим воинам пришлось ждать на берегу, и среди них находились и те, кто пытался влезть на мост не смотря на опасность быть затоптанным. Некоторых таких всадники быстро сбрасывали с настила в воду, не специально, просто не было возможности на проход третьему потоку, но тут уже наши мужики были на стороже и оперативно вылавливали пострадавших на лодки, прежде чем они шли ко дну или их затягивало в водопад. На переправу шведы так и не вышли, видимо им и в голову не могло прийти, что за столь короткие сроки кто-то сможет сделать нечто похожее на мост. Поэтому, как только последние солдаты, позорно покинувшие поле боя, оказались на другом берегу, мы оперативно разобрали первые настилы, примыкающие к берегу. Оставшимся на дежурстве мужикам наказал, чтобы в случае опасности захвата переправы шведами, сразу рубили канаты, в этом случае переправа должна была полностью рассыпаться. Теперь надо тащиться на другую сторону крепости и посмотреть, чем там закончилось паническое бегство наших бравых вояк.

А закончилось то бегство вполне благополучно, может быть кого и скинули с моста в момент когда толпа гамадрилов, не разбирая дороги, искала путь к спасению, но того я не видел. Зато увидел Лермонта орущего как самец марала во врем гона, и раздающего удары саблей, плашмя конечно, всем до кого дотягивался. Вот чего он злобствует, разве это делу поможет? Пробираюсь к нему поближе, благо конь это не то животное, которое можно затоптать мимоходом.

— Господин Сержант, — кричу я мечущемуся между паникерами воздаятелю заслуженных плюх, — не хочу отвлекать вас от столь полезного и нужного занятия, но мне кажется, было бы неплохо снова собрать этих 'храбрых' воинов в строй и отправить назад, чтобы их товарищи не остались один на один с Карлом.

Если бы я просто попытался достучаться до затуманенного яростью мозга служаки, то возможно и мне бы перепала парочка горячих благодарностей, однако столь витиеватое обращение на некоторое время вызвало ступор служаки, а потом уже, наконец, подключился разум.

Надо сказать, что многие вояки вовсе не были белы от страха, как их товарищи, просто оставаться в меньшинстве на поле боя при накатывающей волне шведов они не захотели, поэтому вскоре стало вырисовываться нечто вроде строя. Ту и бравое офицерье, пришло в себя, так что уже часа через полтора направление движения через мост поменяло знак с минуса на плюс. Пусть пока и не в таком объеме, но все же. То, что у шведов дела пошли не столь успешно как в той истории я понял, распознав грохот пушек Раевского, их грохот порой сливался с залпами других орудий и слышался как протяжный вой, вот только по сравнению с другими батареями, четырех фунтовые орудия рывкали раза в четыре чаще, чем остальные. Причем эти орудия постоянно перемещались, грохот от их стрельбы слышался то с одного направления, то с другого. Расслышал я чуть позже и работу шести фунтовых орудий, но плохо это или хорошо определить не смог. Баталия шла до самого вечера и только когда настали сумерки, пальба резко прекратилась, и я сразу дал команду нашим полевым

кухням переходить на другую сторону, а то скоро через мост потянется вереница раненых. То, что раненых будет много, я это уже знал, но у меня в данный момент была другая задача, накормить своих и заодно, по остаточному принципу остальных. Батарею Раевского нашел относительно легко, благо с моим зрением это не представляло особого труда, гораздо труднее было посылать в дальние дали желающих подгрести под себя 'бесхозных' обозников, даже отсылка особо наглых к полковнику Крагге не всегда помогала, тогда приходилось просто нагло пробиваться дальше.

На батарее нас встретили радостными возгласами, несмотря на то, что некоторые пушкари за трудовой день уработались в хлам, все-таки приятные вести придают силы, хватило четверти часа, чтобы батарейцы споро уплетали горячую кашу.

— По два заряда не орудие осталось, — сообщил мне Андрей, не забывая работать ложкой, — шведы наши батареи по правую руку от Головина с первой атаки захватили, а там и до пороховых припасов добрались, так что на завтра у нас ни пороха, ни свинца. Говорят, у семеновцев тоже порох закончился, последнюю атаку шведов штыками отбивали.

— А что, шведы порох вынесли? — Насторожился я.

— Да куда там вынесли? — Усмехнулся Раевский. — Ямы захватили, а ни дальше, ни назад двинутся не могут, так и сидят там. Сначала-то их свои выручить хотели, да мы не дали, четыре атаки отбили, народа посекали страсть, десятками с одного выстрела валили, ступить негде, вон раненые до сих пор кричат.

— Так погоди, а мы чего ртом мух ловим, надо тоже по полю пройти да оружие собрать.

Андрей непонимающе уставился на меня:

— А мы здесь причем? Там наших нет.

— Оружие нам нужно, заодно и огневые припасы соберем, порох-то для орудий не шибко хорош, а вот свинец в самый раз.

— Только если так, — задумался пушкарь, — только я своих в поле не погоню, за день устали сильно, тягать пушки с одной позиции на другую по несколько раз сил не прибавляет.

— А это мы сейчас организуем, надо только до Лермонта добраться.

— Да здесь он, рядом, — хмыкнул Андрей, — шведы почему дальше не смогли пройти, там три сарая стоит, так он в них засел.

Сержант за предложение избавить мертвецов от оружия не зацепился, хотя с порохом у него тоже были серьезные проблемы.

— То неуместно, — сказал он мне, — тебе по малолетству прощу, а другому бы сразу зубы вправил.

Вот блин, прямо так и прёт благородство, а чем будет завтра поутру от шведов отбиваться? Те со злости от больших потерь могут в плен и не взять.

— Ладно, не хочешь так, тогда давай с боем возьмем.

Ага, уже появился интерес.

— Шведы же здесь на порохе сидят, — продолжаю я излагать свои мысли, — подождем пару сараев ближе к ним, сами подальше сбегут.

— А если на самом деле до пороха пламя доберется? — Хмыкнул Лермонт

— Ну и что, раз нам его добыть не получится, то и шведам ничего не достанется.

— Ночью не воюют.

— Угу, это шведам сказать надо, а то они вчера в темноте полки развернули, — оскалился я.

Сравнение немного не корректное, потому как атаку шведы начали, когда уже рассвело, но в целом у людей осталось ощущение, что Карл воюет не совсем по правилам.

— И как ты это сделаешь? — Сдался сержант.

— Подтащим пушку шагов на пятьдесят ближе к сараю, да выстрелим смоленными пыжами.

Пушки удалось подтащить шагов на семьдесят, ближе не получалось, как ни шикал на пушкарей, а все же тихо они ничего делать не умели, да и в отличие от меня не видели ничего в темноте. Когда противник забеспокоился, мы были вынуждены остановить движение, ладно и с такого расстояния должны достать. В качестве горючей смеси использовалась смола разбавленная скипидаром, пропитали ей пыжи, запихали их в лошадиные кишки, дабы сия смесь не промочила порох, и зарядили в пушки. А чтобы пыжи не сильно развеяло в пространстве, навеску пороха уменьшили втрое.

Хорошо стрельнули, выстрел из пушки ночью и так завораживающее зрелище, а когда пламя бьет как из огнемета вообще светопредставление, пара минут и по крыше сарая, в котором укрылись шведы, весело побежали языки пламени. Второй выстрел оказался менее удачным, пламя не достало до сарая, расстояние было примерно вдвое больше, однако какой-то горящий пыж все же нашел нужный путь. Так что, минут через двадцать все поле боя хорошо освещалось с помощью двух горящих сараев и шведы не выдержали, они бросили свои позиции и бодро рванули к своим, благо при таком освещении темнота не помеха.

— Бегом! — Заорал сержант на своих.

Основная задача состояла теперь в том, чтобы как можно быстрее потушить горящие сараи. Причем проделано это было гениально, солдаты быстро забежали за сараи с канатом, который нашли на своих позициях сараях, а потом толпой потянули за концы, канат перехлестнул горящую стену сарая и быстро завалил ее в противоположную сторону от ям с порохом. Ямы тоже не обошли вниманием, туда тут же нырнули служивые, чтобы проверить на предмет оставленных шведами сюрпризов, но таковых не нашлось, уж слишком стремительно все произошло. Не дожидаясь пока полностью потушат пылающие остатки сараев артиллеристы покатали бочонки с порохом к пушкам. Ну вот, теперь пороха достаточно для продолжения банкета, думаю, завтра шведы снова начнут атаку на эти позиции, главное для них это захватить мост и таким образом перерезать снабжение армии. К утру я перебрался через мост обратно, отдавать кому-то своих обозников не собирался. Когда съезжали с моста, сзади снова забухали пушки, надеюсь, на дневной бой пороха и свинца хватит.

Бой подходил к концу, снова заканчивался порох, да и свинца оставалось не так уж и много, но видимо это было проблемой не только со стороны русской армии, такую же нужду испытывал и Карл. В самом начале боя шведы решили повторить свой вчерашний успех и захватить батарею, которая застряла как кость в горле, но не удалось, дозорные вовремя рассмотрели опасность. За ночь люди Раевского успели немного отдохнуть, поэтому выдали такой темп стрельбы, что шведы были вынуждены отступить с большими потерями. Потом отбили и еще одну атаку, но тут уже пришли на помощь семеновцы, поняли, что без этой батареи им придется худо. Когда вторая атака тоже не удалась, шведы притащили свои орудия и принялись ядрами обстреливать позиции Раевского, палили половину дня, и в результате разбили большую часть щитов, которыми прикрывали оружейную прислугу во время заряжания и лафеты трех орудий. Не самый хороший результат, так как сами орудия

не пострадали, то Андрей не сильно огорчился, гораздо больше он переживал за людей, что не смогли уберечься во время этого обстрела.

Потом его позиции посетило высокое командование, сам Головин, осмотрев поле боя, многозначительно хмыкнул и покачал головой. Следом пришел Крагге:

— Ты хорошо воевал Андрей, — заявил он, — благодаря этим пушкам нам удалось удержать здесь позиции, но шведы оказались сильнее, и разгромили левый фланг, поэтому эту битву мы проиграли. Вечером войско отходит за реку, ты с семеновским полком остаешься прикрывать отход.

Краге еще раз осмотрел поле перед позициями батареи, заваленное трупами неприятеля, покачав головой как до этого Головин, сказал:

— За мостом станут пушки Дробышева, тебе отходить дальше, после такого и отдохнуть не зазорно.

Видимо шведы почувствовали, что победа ускользает от них, поэтому ближе к сумеркам атаковали еще раз, но снова неудачно. Когда окончательно стемнело, к пушкам подпрягли лошадей и двинулись ближе к мосту занимать новые позиции и только с рассветом последний солдат покинул вражеский берег. Как позднее узнал Андрей, на правом фланге хоть и намечался полный разгром русских войск, но большая часть сумела ночью по наплавному мосту вырваться из окружения. Пусть битва под Нарвой и закончилась победой шведского оружия, но русская армия покидала поле боя, сохранив боеспособность. Тут-то и вспомнилось ему Васькино утверждение, что можно выиграть битву, но проиграть войну, и почему-то он был уверен, что русские эту войну не проиграют.

Противостояние армий, разделенных рекой Наровой, продолжалось уже пять дней. На шестой в войско приехал Петр, его поездка в Новгород, наконец, сдвинула с мертвой точки военную бюрократию, так как вслед за ним прибыли подкрепления с обозом продовольствия, что было весьма кстати, так как большая часть съестных припасов была потеряна во время первого дня наступления шведов, и в полках начинался голод. И кстати, наши запасы продовольствия тоже закончились день назад, но выручала сеть, которую удалось приватизировать по счастливому случаю в тех сараях, где Лермонт держал оборону. Много ловить не получалось, река оказалась не слишком богата рыбой, но на пушкарей улова хватало.

Вопреки опасениям генералов, корить за проигранную битву царь их не стал, наоборот, его настроение сильно улучшилось, когда был детально рассмотрен ход двух дневных боев.

— Шведы многих с одного удара разбивали, а нас за два дня не смогли.

Правда чуть позже его радость немного уменьшилась, когда удалось установить истинную численность войск неприятеля, вместо активно поддерживаемых генералами слухов в пятьдесят тысяч человек, оказалось всего шестнадцать, однако в целом Петр все равно считал эту битву удачной.

— Карл теперь попал в западню, — радовался Петр, — наступать дальше он не может, и идти на Ригу, оставив нас сзади тоже, а к нам скоро еще полки подтянутся.

Таким образом у многих начало складываться впечатление, что под Нарвой победили вовсе не шведы. На третий день 'празднования победы' вспомнили и об основных участниках войны, тут ему и доложили о батарее, благодаря действию которой смогли отбить особо яростные атаки шведов. Двух Андреев отыскивали быстро и без разговоров потащили на царский суд.

— Что же мне с вами делать, служивые? — Нахмурился Петр, смотря на Лермонта и Раевского, стоящих перед ним. — Сказывали мне, что вы без разрешения шведов несчетное число побили. Так ли это?

— Побили государь, — вскинул голову сержант, — а случится свидеться, и еще столько же побьём.

— Так чего случай искать? — Хмыкнул Петр. — Вон швед за Наровой стоит, иди и бей сколько хочешь. Да только нам это сейчас без надобности. А приятель твой чего молчит?

— А чего мне говорить, государь, — пожал плечами Раевский, — за меня пушки все сказали.

— Да уж хороший сказ они шведам поведали, — кивнул царь, — но мнится мне, что мало кто после того сказа живым остался. Только мне тут говорили, что пушки твои дюже скоро тот сказ вели, как бы не в четыре раза чаще, чем другие могли, хоть и чугунные.

— Пушки и впрямь чугунные, — подтвердил Андрей, — но выделаны в Сибири из особого чугуна, от того и бьют полным зарядом и от уксуса при охлаждении не трескаются. Скорую пальбу вели, от того, что заряжали не как все, а готовыми зарядами.

— Знаю эти пушки, — оживился Петр, — никак исполнили наказ сибирские заводчики.

— Исполнили, — подтвердил Лермонт, — сорок стволов шестифунтовых орудий в Архангельск привезли, и еще шестнадцать по четыре фунта на лафеты установленных.

— Ай молодцы, я думал до зимы ждать придется..., — но тут лицо Петра приняло озадаченный вид, — постой, ты говоришь в Архангельск привезли? А чего же такой крюк делали, через Москву быстрее бы получилось?

— Так они на коче, через студеные моря шли.

— Вот как? — Поднял брови царь. — Получается, есть путь в сибирские земли морями?

— То, государь, тебе лучше Ваську Дежнева спросить, — выдохнул сержант, — это он с помором тем путем шел.

— Дежнев? — Наморщил лоб Петр.

— Так это он, мин херц, про Ваську-дурака сказ ведет, — пришел на помощь своему патрону Меньшиков.

— А, помню, как же, и где сей отрок?

— Так здесь он с обозом.

За шкуру меня взяли сходу и ничего не объясняя потащили куда-то в сторону батареи.

— Эй, служба, — взмолился я, когда меня неаккуратно приложили к дереву, — я сам могу идти, и вам сподручней будет и мне меньше на пути деревьев встретится.

— Ты смотри Архип, — хохотнул один, — а малой-то дело говорит.

— А ну как в бега подастся? — Тут же возразил второй.

— С чего мне в бега? — Встрял в их разговор. — Вины за мной никакой нет, а кабы была, сразу бы в пути велели брать.

— Ладно, шагай сам, — разрешил мне первый, и хотя второй что-то недовольно пробурчал, за шкуру больше никто не хватал.

Идти пришлось недолго, до места, где разместились Раевский, всего две сотни шагов. А там меня поставили позади толпы генералов и их свиты, естественно, что из-за этих расфуфыренных индюков мне ничего видно не было. Однако мой чуткий слух уловил голос Петра, значит, царь здесь и его заинтересовали наши чугунные болванки.

— Ваську привели? — Уловил я его вопрос.

Пускать выяснение этого вопроса на самотек я не стал и громко крикнул:

— Здесь я, государь.

'Стадо' индюков мгновенно расступилась.

— А ну давай сюда, — махнул рукой Петр и когда я подошел он продолжил, — то, что ржа чугун сильно не проела, вижу, а вот запальный канал все же почти прогорел.

— Прогорел, — согласился я, — а за сколько выстрелов прогорает канал у бронзовой пушки?

Петр повернулся к Крагге.

— После трех сотен выстрелов, — выдал справку полковник.

— А сколько было сделано выстрелов из этого орудия? — Тут же повернулся царь к Раевскому.

— Больше трех сотен, государь.

— Три сотни выстрелов за два дня боя с одной пушки? — Хмыкнул царь. — Где же мне на такую войну пороха набрать? Да и не только порох нужен, может ты чего, Васька, посоветуешь? Чего там для войны еще потребно?

— Ты извини государь, но слышал я, что кто-то из великих сказал: для войны нужны всего три вещи, — тут я сделал небольшую паузу, чтобы люди могли акцентировать внимание, — деньги, деньги и еще раз деньги.

Петр некоторое время смотрел на меня, осознавая сказанное, потом неуверенно хохотнул, а через пару секунд стал безудержно хохотать:

— Вот же сказал стервец, — вытирал он выступившие слезы, — и ведь не поспоришь.

— То не я сказал, — попробовал отбояриться от сомнительной славы остролова, — то великие люди рекли.

— Ладно, ладно, — махнул рукой царь, — верю, но вовремя сказанное слово, тоже немало стоит. Пойдем в шатер, кое о чем расспросить тебя хочу.

Домой я отправился вместе с тобольским отрядом казаков, нужно было спешить, уже декабрь месяц, а мне надо успеть пробраться туда до январской стужи. Что-то у меня все время выходит дальняя дорога с зимними приключениями, пора менять такой режим, а то ведь, хоть к холодам Васькино тело и привычно, но слишком часто испытывать экстремальные нагрузки ни к чему.

В пеналах у меня лежали письма к воеводе тобольскому, красноярскому, братскому и, естественно, иркутскому — на войну срочно требовались пушки, и казна готова была платить за них большую цену, но царь не был бы царем, если бы не пытался поделить тяготы войны с окраинами. Поэтому вез я вовсе не радостные известия местным управителям, а приказ организовать доставку еще восьми десятка орудий за счет местной казны. Под это дело уже можно было строить планы на постройку волока из Енисея в Обь и восстановление волока через Ямал, тогда летнюю навигацию можно было бы продлить уже до трех месяцев, что для Сибири было немало. По-прежнему камнем преткновения, в прямом смысле этого слова, оставались Братские пороги, но если дела так пойдут и дальше, то года через три

можно будет взяться и за спусковые шлюзы на братских порогах, а тогда стоимость доставки груза в восточную Сибирь резко снизится, и наша продукция получит выход на европейский рынок. Надеюсь, как раз к этому сроку Петр сумеет решить вопрос со шведами. Цена за чугун пока осталась прежней, что для нас было чуть ниже уровня рентабельности, а потом, после денежной реформы Петра станет совсем убыточной, но зато были у меня и другие бумаги, которые снимали все барьеры на производство практически любых товаров, если они не входили в список казенных поставок. А еще давалось право на откуп двух сотен семей по весне, для переселения в земли иркутские. Теперь развернемся.

Да. Забыл еще кое о чем сказать. Так как ехал я домой через Москву, то не удержался и навестил Катерину, после того как Патрик Гордон не стал нарушать ход истории и почил в точно отведенный ему небесами срок, наследницей построенного адмиралом нового дома-дворца оказалась она. А это говорит о многом, и в частности о том, что история окончательно свернула со своего прежнего пути.

Объем работы, сваливаемый на меня, возрастал в арифметической прогрессии, и это как-то не радовало, а все началось с того, что изготовление станков стало становиться на поток, и каждое новое изделие было намного сложнее предыдущего. Пока хватало мела, черненной доски и макета для того, чтобы мастера хоть немного представляли конструкцию, все было нормально, но пришло время, когда объяснить 'на пальцах' стало невозможно. Во весь свой немалый рост стала задача по повышению технической грамотности работников, а для этого сначала требовалось научить людей грамоте обычной.

Игнатий встретил идею в штыки:

— Делать больше братии нечего, как в учение твоих мастеров брать. — Оскалился он на мое обращение. — Лучше бы закон божий учили, да про Бога не забывали.

— Так кто же его забывает? — Возразил я. — Все с молитвой делается.

— Как же помните вы, совсем деньги глаза застили, — проворчал настоятель, — давеча отчиму твоему намекал, чтобы на богоугодные дела средств ссудил, так он ни копейки не дал.

— Да как же не дал? — Даже подпрыгнул от возмущения. — Сиротский дом построили, школу для мальцов, дом для больных заложили. Теперь вот просим братию в обучении помочь, не бесплатно же, за то с монастырскими тоже заводской продукцией рассчитаемся.

Вообще-то, и сиротский дом, и школа вовсе не были благотворительностью, это люди считали, что мы с отчимом умом тронулись, три раза ха-ха, здесь как раз преследовался чисто меркантильный интерес, учеба и забота о сиротах вовсе не были бесплатными. Вся эта масса молодежи садилась на плотный крючок, и чтобы соскочить с него требовалось вернуть все до копейки, а долг со временем становился неподъемным. Естественно если молодой человек связывал дальнейшую судьбу с нашим производством, этот долг потихоньку должен был списываться и полностью он должен был списаться лет через десять — пятнадцать. Ну и куда после этого человек денется? Многие сразу закричат о моей меркантильности, мол, стяжатель, народ закабалаешь, но на это я могу ответить только одно, время такое и до таких условий, которые нами предлагаются человечеству еще идти и идти тернистыми тропами дикого капитализма. Больница тоже суровая необходимость, не приведи Господи, какая зараза на завод проникнет, это же все, конец света, Армагеддон. Мастера в округе так и не поняли что за этим последует, они пока еще потешаются, но время идет и им все труднее и труднее вести свое дело, так как свободного люда в округе нет, совсем нет.

— То с монастырскими, — снова завел свою шарманку Игнатий, — а в слободе людей уже много живет, но молельный дом один на всех.

— Так это, что, на новую церковь деньги требуются? Тогда заводу тяжело в одиночку еще и эту стройку поднимать, нужно денежный сбор объявлять.

— Так где ж тяжело-то? — Хмыкнул настоятель. — Сами то вона какие цеха подняли, по пять сажений в высоту, да все стеклом застеклили, а про храм божий забыли.

Такс, понятно, оказывается, нашего святого жаба давит, ясно, что не из-за личных меркантильных интересов, но нам-то от того не легче. Но так дело не пойдет, такие дела должны всем миром устраивать, и дело здесь вовсе не в том, что нам жалко денег, построить

деревянную церковь не так уж и дорого, важен сам принцип причастности людей к великому делу. А то раз возьмешь на себя, второй, а потом все будут считать, что ты уже и обязан. Однако Игнатия уговорил, не злой он, понятно, что за свое больше болеет, чем за наше, но, в конце концов, убедил, так что школу для мастеров открыли и теперь четыре часа из одиннадцати, все работники проводят в цеху, изучая грамоту. Естественно никаких столов и тем более парт для такой учебы предусмотрено не было. Люди сидели на лавках в нескольких цехах и старательно заучивали слоги, из которых составляли слова. Причем время учебы шло в зачет работы, за которую завод оплачивал, потому нерадение приравнивалось к невыполнению урока, а за это могли и серьезно оштрафовать. Вот так-то, а ежели кто возмущался, а такие были, то с ними разговор вели короткий — тмутараканьский уголек требовался все в большем и большем количестве.

Но то, что сейчас делалось это только малая часть дела, нам срочно требовалась бумага, берестянки, которые для нужд завода заготавливались тысячами, уже не удовлетворяли условиям, требовалось срочно организовать выделку бумаги, а производство то хлопотное и довольно таки для природы вредное. Однако другой альтернативы не было, но все же решил пока обойтись без сульфатного процесса, пусть бумага первое время будет и похуже качеством, зато нагрузку на природу сделаем меньше. Производство сразу ставили на вырост, чтобы года через три не пришлось все кардинально переделывать, станы для получения щепы, и выделки бумажной массы с виду не впечатляли, но производительность их для этого времени была огромной, за месяц они могли обеспечить сырьем выработку сорока тонн бумаги. И клей, процесс изготовления костяного клея хоть и не сложный, но муторный и не особо приятный, в смысле запаха. Трудности трудностями, но к середине лета мы начали отлаживать процесс изготовления бумаги, сразу естественно ничего не получилось, лишь спустя два месяца мучений выдали первую партию бумаги приемлемого качества, а еще через два бумага перестала быть дефицитом не только в иркутских землях. А технологию выделки карандашей приемлемого качества, пришлось отдать в семейные дела нескольких красноярских семей, потому как производство это пока еще требовало много ручного труда и нам совсем не подходило. Почему семей для того подрядили несколько? А для того чтобы между ними возникла конкуренция, это не даст им почивать на лаврах, извечный бич монополистов.

Пришли и известия о ходе северной войны, причем благодаря переписке с Екатериной у меня они были гораздо полнее, чем у воеводы. Петр к весне Нарву все-таки взял, не смог Карл выдержать противостояния, даже когда шведы получили подкрепление, их положение не улучшилось. Попытка навязать новую битву русским не увенчалась успехом, Петр сначала заблокировал малую крепость, а когда лед сковал реку, направил конницу Шереметьева на другой берег и дал ей порезвиться в тылах неприятеля. В конечном итоге, оказавшись без поддержки флота Карл был вынужден отправиться к Риге, чтобы снять осаду, но имея на 'хвосте' русские войска разгромить противника не смог, он был вынужден засесть за крепкими стенами и ждать наступления весны. Скорее всего, сейчас полным ходом идет летняя военная компания, но нам об этом будет известно не скоро.

Еще в этот год пришлось заложить дополнительно зернохранилища, это таким образом с нами стали рассчитываться за лизинг плугов, мы ведь их раздавали в хозяйства на очень льготных условиях, вот и получилось, что когда подошел срок 'расплаты' к нам потянулись обозы. О том, что год будет урожайным, мы уже знали, поэтому амбар построили не один и размеры их были неприлично большие и все-равно заполнили их полностью. Хитрые хозяева

сметнули, что раз год урожайный, то нечего заморачиваться самостоятельной реализацией зерна, проще будет свезти излишки на завод в счет уплаты за новый сельскохозяйственный инвентарь. Тут уже возник другой перекося, хлеба в Иркутске стало много, но продать его в Забайкалье мы не могли, так как денег на содержание всех казаков у Нерчинского воеводы не было. Благотворительностью заниматься в таких условиях было категорически нельзя, я уже говорил, стоит пару раз сделать что-то на бесплатной основе и все уже считали такое дело обязательным. Выход нашли быстро — цинк. Технология получения цинка не так уж и сложна, главное внимательно следить за температурой во время конденсации паров цинка. Тут надо сказать, что вначале я здорово промахнулся, не учел бедственного положения забайкальцев, как мне потом рассказали, на месторождение рвануло все дееспособное население. Дым от печей, вырабатывающих цинк, стал виден за многие километры, и только с наступлением холодов это безумие прекратилось. В итоге я стал обладателем двадцати пудов цинка, теперь мне доступна не только оцинковка железа, но и изготовление латуни, хотя о последнем сильно распространяться не стоит, уж слишком сильно своим блеском латунь золото напоминает.

Зимой получил сообщение от Михайло, прошлым летом пробиться через Карское море ему не удалось, рано забило льдом проход между островами, еле успел выскочить назад, пройти через волок Ямала тоже не получилось, судно не смогло пройти до озера по той маленькой речке, требовалось существенно расширить русло, поэтому пришлось вернуться в Печору. Этим летом, если не получит от меня сообщения то опять попытается прорваться в Енисей, но если не получится то вернется в Архангельск и будет искать там заказы. Двигатель уже два раза серьезно ремонтировали, причем выработку в цилиндре выравнивали хонами, так же уже наблюдается серьезная выработка на ползунах двигателя, но пока еще разрез на бронзовых втулках не сомкнулся. Что же неплохой двигатель получился, по крайней мере, один сезон он отходил без особых проблем, следующая изготовленная нами партия двигателей должна прослужить вдвое больше. Отписал ему, что если есть возможность пусть продает корабль и возвращается, для него здесь найдется кое что получше.

А ямальский волок нужно осваивать, без него нам придется туго, проход в Карском море это лотерея, то ли будет, то ли нет. Кстати, этим летом на Падунском пороге одна из артелей подрядилась поставить канатный спуск, дабы можно было с его помощью потихоньку спускать дощаники задом вперед. Для этого вдоль опасного места на реке натягивался канат, дощаник разворачивался против течения, цеплялся с помощью специального тормозного устройства за канат и потихоньку спускался до относительно безопасного места, а дальше уже своим ходом. Пока они попробуют свою задумку на самом опасном пороге, а если получится, обустроят еще три и Ангара станет судоходной, правда только в одном направлении.

Я откинул карандаш и посмотрел на свои художества — вот оно наше будущее, именно благодаря ему мы сумеем связать Сибирь с европейской частью России, двигатель внутреннего сгорания, предполагаемая мощность пятьдесят лошажьих сил, принцип работы болиндера. В отличии от парового двигателя сделать его будет гораздо труднее, тут много проблем, которые предстоит решать по мере изготовления, процесс длительный, но начинать нужно его сейчас, и вполне возможно года за три сумеем выйти на финишную прямую. Потянулся и посмотрел на часы, да сподобились, сделать их оказалось вовсе не

сложно, детали изготовлены с такими допусками, что непонятно как они вообще могут работать, но работают, отсчитывают время и точно отсчитывают, главное точно подобрать длину плеча маятника. Надо будет потом еще бой на три голоса поставить, тоже ничего сложного, а людей завораживает.

Пойду-ка я в ткацкий цех, ныне там отрабатывают работу первой пары станков, пока нормальной работы не получается. Зря в прошлом году подрядил на это дело Глафиру, вьедливая девушка оказалась, мастера уже голову в плечи втягивают, когда она в цехе появляется. А может быть и не зря, у меня бы терпения не хватило столько времени выискивать недостатки и шпынять мастеров до полного их искоренения, не мастеров, конечно. Цех встретил меня шумом и толпой, которая любовалась работой станков.

— Второй день без остановки работает, — подскочил ко мне Лукашин, тот мастер, который отвечал за наладку, — только успеваем челнок заправлять, уже за сорок аршин соткали.

— А второй как? — Смотрю на возню Глафиры.

— Второй тоже скоро в работу пойдет, — отозвался мастер, — зажимы нити основы рвут, никак отрегулировать не получается.

Да с нитями беда, поздно сообразил, что процессу кручения нитей нужно уделить больше внимания и вот результат. Но процесс отладки технологии идет и, судя по сегодняшнему триумфу, мы близки к прорыву в ткацком деле, скоро, ой скоро парусина начнет движение на запад и всяким англиям и голландиям придется здорово утереться, или вводить для своих протекцию. А вон в углу стоит и большая крутильная машина, пытаемся наладить выделку канатов, тоже очень нужное дело и тоже в будущем экспортный товар. Ага, Глаша вновь запустила станок, понаблюдала за его работой пару минут и махнула рукой другой девчонке, которая быстро стала не ее место, млея от важности — такое большое дело доверили.

Смотрю на Глафиру, мда..., однако надо девушку отсюда вытаскивать, за эти безумные дни у нее даже круги под глазами образовались. Всё, отправлю ее отсыпаться, а завтра на природу, устроим пикник с рыбалкой, мужикам удочки, дамам мороженное. Думаете заскок у меня? А вот ничего подобного, мороженное у нас действительно есть, этой зимой заложили еще один большой ледник, а дальше все просто, смесь сливок добавление сладкого сиропа немного тертого ореха, все охлаждаем с помощью льда, потом добавляем в лед соль и спустя час нежный розовый ореховый пломбир готов. Есть при этом и небольшой секрет, просто так сливки заморозить трудно, так что добавление небольшого количества желатина резко ускоряет этот процесс.

Быстрое течение Ангары пронесит мимо нас какие-то щепки и куски коры, это мужики где-то выше по течению ладят плоты, самое время для заготовки леса, летнего тепла еще будет много, так что сплавленный лес загонят в Иду и там вытащат на берег для долгой сушки под навесами, как раз к холодам он успеет хорошо просохнуть.

— Вась, у тебя же клюет, — слышу удивленный голос Дашки.

Да, действительно клюет, резко подсекаю, и на крючке трепещется достойный хариус. Сестра в восторге, она с визгом кидается к добыче, а Минька в это время с завистью смотрит на мой улов. Не получается у него рыбная ловля, вроде бы делает все так же, а вот обходит его хитрый хариус стороной. Ладно, хватит мне рыбалкой баловаться, пойду, посижу с умным и многозначительным видом в компании, дабы все прониклись моей загадочной мудростью. Тфу ты, лезет же такое в голову. А вообще, хорошо! Давно надо было вот так

съездить всей семьей к реке. У расстеленной на траве широченной рогожи сутились мать с отчимом и семья Данилы Рябого. В отличие от Глафиры и Лисаветы, которые с удовольствием возилась, накрывая поляну, Дашка с Минькой больше тяготели к несемейным делам, оно и понятно, это я насмотрелся на дальние дали, и мне хочется иногда уюта, а им наоборот надоели стены до отрыжки, хочется больше свободы и простора.

— Эх, с погодой-то как угадали, — высказал я свое довольство и рухнул на край рогожи, — и солнышка вдоволь и ветерок все комарье сдувает.

— Ага, — соглашается мать, — в иной день лишний раз к реке из-за кровопийц не сходишь, а тут благодать.

— Вась, ты говорил, что колбасу брал, не нашла я ее. — Это уже Глафира, никакого восхищения природой, все серьезно, только по делу. Я знаю, что на самом деле она натура увлекающаяся, в какой-то мере возвышенная, но панически боится это показать, а потому все строго по делу. Со временем это пройдет, а пока пусть будет так, как есть, все мы должны пройти определенный жизненный этап во взрослении.

— Лень подниматься, — млею, глядя на облака, которые плывут по небу все также, как и будут плыть три века спустя, — и не смотри на меня так, все равно моя лень сильнее, и пока все не соберутся, я никакой колбасы искать не буду.

— А кого еще ждем? — Усмехнулась девушка. — Вон Дашка с Минькой сюда идут, так что давай, пошевеливайся.

— Глаш, — позвал я, глядя на облака, — а ты можешь представить себе, что спустя многие годы, человек поднимется выше этих облаков. И даже еще выше, туда, где нет воздуха, чернота бесконечного пространства и только звезды будут мерцать в бесконечной бездне вселенной.

— Да как же он туда поднимется? — Рассмеялась Глафира. — Крыльев Бог человеку не дал. И как это воздуха нет. Воздух везде есть.

Вот так, ты ей о бесконечности вселенной, а она тебе про прозу жизни, оно и правильно, нечего в эмпиреях витать, пора и приземлиться.

Лакомство которое достал вместе с колбасой как всегда вызвало радостный визг малышни, ну и взрослых не обидели, Асата с Данилой сразу присосались к пиву. Потом веселились, разучивали песни моего времени, переделанные в соответствии с требованием времени этого. Неплохо отдохнули.

Мартин осторожно вложил свернутую золотинку в малюсенькую чашечку из меди и сверху накрыл ее капелькой канифольного клея. Так, с капсулями закончил, теперь надо оставить их на просушка а завтра испытать на доработанных под капсуль ружьях. Если все получится так, как и было задумано, то стрельба станет намного надежней и точней, ведь теперь не придется, перед тем как спустить курок, закрывать глаза и отворачивать лицо в сторону, боясь обжечься порохом с запальной полки.

Когда Васька совершенно серьезно потребовал от него сделать гремучую ртуть, Мартин решил что его наниматель просто тронулся умом, но со временем ему пришлось убедиться,

что этот молодой человек никогда не строил несбыточных планов. Все чего он задумывал, делалось, причем делалось быстро, вроде бы, когда он планировать сделать токарный станок, а прошел всего год, и в цехе их работало уже пять, прошло лето и прибавилось еще три. А паровой двигатель? Это же чудо, нельзя сказать, что Мартин никогда не слышал о движении пара, но то воспринималось как курьез, безделушка, не имеющая никакого практического применения, а тут прошло времени всего ничего, а паровиков в данный момент выделялось целый десяток. И такой же десяток судов строился на иркутских верфях, кораблестроители сразу смекнули какие возможности получают корабли, способные двигаться против течения с помощью пара.

Сделанные капсюли на следующий день были испытаны и к удивлению всех, только один из десяти выдал осечку.

— Замечательно, — радовался Васька, — теперь можно начать строительство капсюльного цеха. Так как там будет изрядное количество гремучей ртути, то такой цех требуется закрыть земляным валом.

— Зачем, дорого, — тут же возразил Мартин, — люди будут несчастны, работать в яме плохо.

— Ага, — хохотнул парень, — а будут они счастливы, если, не дай Бог такому случиться, цех загорится?

— Найд, это нельзя.

— Вот и я про то, — кивнул Василий, — от огня беречься будем обязательно, но и предусмотреть такое тоже обязаны. Ну ладно, гремучую ртуть мы сделали и технологию выделки капсюлей отработали, но это только начало.

— О, майн год! У тебя есть что-то еще? — Тут же, как охотничий пес, встал в стойку Мартин.

— Есть, — кивнул парень и прищурился, — только дело это очень опасное, вещество которое мы будем выделять сильнее пороха во много раз и при малейшей неосторожности беды не миновать.

— Так это тоже гремучий ртуть, — сдулся химик-недоучка, — я предполагал, что это будет что-то другой.

— А оно и будет другое, и делаться будет из мыльного масла, которое мы будем называть глицерин, — принялся Васька разъяснять суть нового дела, — но делать его надо с помощью масла селитряного, которое получим из селитры с помощью масла купоросного.

Мартин в сомнении покачал головой:

— Откуда ты знаешь? Никто еще так не делать.

— 'Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам' — расхохотался парень.

На что немец совершенно серьезно ответил:

— Я не Горацио, я Мартин.

— Тьфу, — Васька махнул рукой, — так к месту фраза подошла, а ты все испортил.

Ответом ему было многозначительное молчание надувшегося немца.

То, что получаемое в результате смешивания трех маслянистых жидкостей вещество чрезвычайно опасно Мартин имел возможность убедиться уже через неделю, когда что-то в реакции пошло не так, смесь начала быстро разогреваться и они вместе с Васькой быстро выскочили за дверь. Успели, в результате резкого хлопка, смесь кислот разлетелась по всему боксу и Мартин смог представить себе, что бы было, не успей они покинуть это помещение

вовремя. Дальше работы шли еще осторожнее, в конечном итоге технология производства гремучего глицерина была отработана, но делать завод для его выделки Васька не стал, назвав это тупиком. Но вот дальше он принес резко пахнущую жидкость, полученную при возгонке угля, и назвал ее 'толуол', а сам процесс смешивания ее с кислотами нитрирование.

Экспериментов пришлось провести много, прежде чем удалось выделить немного некой желтой жирной на ощупь субстанции, и Васька был на седьмом небе от счастья. В отличие от своего работодателя Мартин этой радости не разделял, он никак не мог понять назначение полученного вещества, отношения его ко всему этому изменилось только тогда, когда небольшое количество этого вещества с грохотом раскололо каменную плиту, на которой проводили испытание.

— Это есть величайшее изобретение, — воскликнул он тогда.

— Это изобрели давно, — усмехнулся парень, — мы только повторили то, что до нас уже делали много раз. Но мы получили мало тротила, а его требуется много, вот этим делом ты и займешься. Нам нужно получить много купоросного масла, организовать выделку олеума, купить достаточное количество селитры, и построить завод по выработке тротила. А потребуется его много, десятки тысяч пудов.

— Мы не купим столько купрум масла.

— А кто сказал, что мы его должны покупать? — Усмехнулся Васька. — Сами должны научиться выделять, нам это должно обходиться много дешевле, чем везти его из далека.

С этого дня Мартин и занялся этим делом, и надо сказать работы двигались довольно споро.

Митяй, проклиная свою непутевую жизнь, шел домой, сегодня его и еще троих таких же неудачников общество отдало на поселение в Сибирь. Как сказали, по царскому указу набирают крепкие семьи для отправки в земли Иркутские. А какая у него крепкая семья? Он сам да молодая жена, даже прикопить для жизни ничего еще не успели, проще говоря, избавляются от таких неудобных, как Митяй. И кто его тогда дернул за язык? Другие-то промолчали и вот он результат.

— Да как же в такую даль-то, пропадем! — Сходу заголосила жена. — Пожалели бы детей малых!

Да, детей было жалко, старшему всего пятый год пошел, а младшая только-только ходить научилась. И как же с ними теперь в дорогу? Хорошо еще, что общество обязано было крестьянина в путь снарядить, дать не старую лошадь, выделить крепкую телегу и снабдить доброй одежкой, а так совсем худо бы получилось, хоть ложись за околицей и помирай сразу, все ж без мучений будет. Однако, полностью отдаваться унынию Митяй не стал, наоборот у него появилась даже злость на сельчан — раз вы так со мной, так и я с вами также:

— Ты какую лошадь мне предлагаешь, она уже половину зубов съела, — рычал переселенец на старосту, — она и половину пути не пройдет, околеет где-нибудь на первой неделе. Сказано, лошадь должна быть не старой.

— Да чего же она старая-то, — возмущался староста, — еще года три ей работать.

— Путь сибирский тяжел и труден, поэтому и лошадь нужна хорошая.

— Тьфу, — староста волком смотрел на Митяя, но прав переселенец, и дьяк с приказа на его сторону в случае чего встанет, так что придется давать лошадь получше. И это только лошадь, а еще телега, одежда...

В результате долгого спора переселенец выбил у общества все, что было положено по указу и даже сверх того, что могло еще пригодиться в пути. Отправлялись в дорогу поутру в четыре семьи, под угрюмое молчание соседей, чуть отъехав со двора, Митяй остановился, повернулся в сторону дома, широко перекрестился с поклоном и двинулся дальше. На этом его прежняя жизнь закончилась, а как она повернется дальше неизвестно.

За неделю дошли до Тулы, здесь переселенцу выписали новую подорожную и влили в большой караван, телег на пятьдесят, таких же, как и он сам бедолаг. Скрип колес, крики детей, ночные костры, да окрики охраны из казаков становились неотъемлемой частью жизни на долгие месяцы пути.

До иркутских земель добрались только к концу августа, однако сам город посмотреть не дали, перед рекой Иркут караван разделили, часть отправилась выше по течению реки, чтобы где-то там основать деревню, а других переправили на другую сторону, провели вдоль реки Каи, и дальше дорогой по левой стороне Ангары.

— Вот здесь и будете жить, — сообщил казак переселенцам, остановив всех при въезде на улицу с недавно построенными домами, — место здесь земель богатое, на всех хватит.

Дабы не было никому обидно, дома распределяли по жребию и Митяю достался дом третий от края, в самый раз, как он бы и хотел. Сняв с ворот заклад, крестьянин распахнул створки и загнал лошадь во двор теперь уже своего нового дома. Животина, почуяв, что на сегодня трудовой день закончился, фыркнула и нетерпеливо покосилась на хозяина, ожидая, когда ее начнут распрягать. Однако сейчас Митяю было не до нее, ему срочно приспичило осмотреть дом, все остальное может и подождать. Сенцы встретили любопытных светлыми стенами ошкуренных бревен, циклёванным!!! полом, короткой лавкой чуть дальше от входа, со стоящей на ней небольшой бадьей для свежей воды и небольшим окошком со вставленным стеклом. Стеклом?! Крестьянин вздрогнул от неожиданности, заводя лошадь во двор, он видел окно, но ему и в голову не могло прийти, что там может быть вставлено стекло, не мешкая он и тут же рванул дверь в дом, спеша глянуть на окна, внутри его встретил яркий свет солнца, который изливался в два широких окна, с двойными стеклянными рамами. Митяй вытаращил глаза и быстро перекрестился, этого не должно быть, слышал он, что стекло жутко дорогое, и не всякий боярин может позволить себе стеклить окна в доме, а тут на тебе. А еще он слышал в Тобольске, что в иркутских землях живут неплохо, но чтобы так 'неплохо', даже представить себе не мог.

— Смотри, здесь и печь большая сложена, — ахнула жена, войдя следом в дом, — только дров я нигде не видела.

Успокоился Митяй довольно быстро, он сразу догадался, что никто ничего ему бесплатно не предложит, а значит, придется отрабатывать, ну и пусть, какая ему разница, разве он когда ленился, вся жизнь в работе. То, что теперь придется еще и дом отрабатывать, ничего не меняло, все одно больше чем он сможет, с него не возьмешь. В тот же вечер к нему пришел местный староста, отметил у себя в бумаге, кто кроме хозяина будет еще проживать в доме, и объяснил что полагается переселенцу и насколько возрастет его долг. Потом посоветовал не стелить на пол солому, так как плахи на пол пошли вощенные, а

потому следует поддерживать в доме чистоту и посоветовал для освещения в доме взять у него 'на складе скипидарную лампу, чтобы не коптить лучиной'. Однако наслаждаться новым домом крестьянину было некогда, уже на следующий день были отмерены участки земли и люди стали их быстро готовить к пахоте, конечно, все в этом году вспахать не получится, но и того что будет достаточно, нужно торопиться, рожь до морозов должна успеть укорениться. С большими пнями, которые остались на участке Митяй воевать не стал, будет еще время, он только обрубил большие корни да вспахал землю вокруг железным плугом, который ему записали в аренду от иркутских заводчиков. Хороший плуг, даже особо направлять не требовалось, сам шел куда надо, кто привык к сохе, поймет, дерн резал легко, а мелкие корни только хрустели прорезаемые острым лезвием, несколько проходов вдоль и поперек и земля уже готова к принятию зерна. Когда сев закончился, работы не убавилось: надо успеть накосить сена, хоть оно будет и плохоньким под осень, но все же подмога; заготовить дров на зиму, опять же спасибо заводчикам есть пила и топор; набрать мха, чтобы дополнительно законопатить щели между бревнами, а то сделано было все на скорую руку. А еще требовалось прикупить в кредит сена и овса, закупить рожь на зиму для пропитания, и овощей, на первое время, да много чего, чтобы без бед прожить суровую сибирскую зиму. Когда зимними вечерами Митяю удавалось урвать для отдыха чуть больше времени, чем нужно было для сна, он вспоминал свою прежнюю жизнь и сравнивал ее со своей сегодняшней, и хоть с обществом жить было проще, но сравнение было все равно не в пользу жизни прежней. Крестьянин уже прикидывал, насколько ему увеличить размер пашни, сколько отвести под рожь, сколько под овес и где выделить место под лен, да разве он мог об этом думать тогда, там все планировалось без него. Немного отвлекало то, что его долг заводчикам уже достиг четырех рублей, но то не страшно, потому как если не лениться рассчитаться можно за года три, ну, в крайнем случае, четыре. Теперь до Митяя дошло, что хоть с него никто долг плетями выбивать не будет, закабалили почище чем в крепость, ведь когда не на свое работаешь сильно стараешься жилы не тянуть, а тут себя жалеть не станешь. Ох и хитры эти иркутские, ох хитры, как дело повернули, работать придется много больше против прежнего, а недовольных не будет. А еще требовалось по весне сделать огород, где будет расти лук, репа, горох... Так и уходил он в сон полный приятных планов на будущее, а ведь тогда думал, что жизнь его на этом сразу и кончится.

Война для Петра развивалась в общем-то не плохо, его пятидесятитысячная армия постоянно нависала над шведами и те были вынуждены сесть в оборону. Карл скрипел зубами от ярости, но ничего поделать не мог, выдержать еще одну такую же битву как под Нарвой он бы может быть и смог, да вот потом чего делать? Ни пороха, ни людей, а король польский — курфюрст саксонский только и ждет того момента, когда можно будет растерзать шведскую корону. Постоянные попытки уговорить Петра на переговоры ничего не давали, тот просто игнорировал дипломатов, а из Дании постоянно приходили тревожные сведения. Карлу требовалось что-то срочно предпринять, но предпринять это что-то он мог только после получения подкреплений, и они были получены — переброшены флотом в

Ригу весной. Теперь у Карла появился шанс нанести русским поражение, однако Петр боя не принял, а быстро снял осаду и отступил под Нарву, как бы приглашая шведского короля повторить прошлогодний 'успех'. Вот только король решил поступить иначе, русский медведь силен на своей земле, поэтому его в прямой схватке взять трудно. А вот если напасть на его союзников, то можно выманить русскую армию подальше от своих баз, и там разбить в одной решительной битве. Небольшая часть шведской армии осталась под Ригой, создавая эффект присутствия короля, а другая большая часть в спешном порядке выступила на Варшаву, настала пора вывести поляков из войны. Впрочем, генералы у царя, несмотря на бестолковость оказались вовсе не глупы и сходу разгадали планы шведов, поэтому конница Шереметьева быстро настигла основное войско короля и повисла у него на хвосте, постоянно угрожая обозам. Так и шел Карл во главе своего войска, сопровождаемый русской конницей, естественно ни о какой скрытности в этом случае не могло быть и речи. Однако поляки повели себя странно, зная, что шведское войско превосходит их как по числу, так и по выучке решили, не дожидаясь русские войска, атаковать неприятеля и естественно были разбиты наголову под Варшавой. Петр сразу понял, что своего очередного союзника он потерял, однако допустить, чтобы бывшие союзные войска вдруг оказались на стороне врага не мог, поэтому был вынужден выделить средства Августу II на наем нового войска и отозвал старые стрелецкие войска с турецкой границы. Летняя компания 1701 года закончилась и войска сели на зимние квартиры. Но противостояние русских и шведов только начиналось, как Петр так и Карл накачивали мускулы. Английские деньги делали свое дело и к весне следующего года шведы намеривались выставить против Москвы пятидесятитысячное войско. В свою очередь Петр тоже планировал довести численность своих войск до семидесяти тысяч, однако зная, что выучка неприятеля много лучше решил дополнительно укрепить рубежи, а для этого опять требовалось много артиллерии. И снова в Сибирь полетело предписание поставить к лету следующего года не менее двух сотен пушек, помимо зимней поставки под обещание отписать дополнительно людей для их производства. Не был обойден вниманием и новый перспективный заводчик Демидов, он уже предоставил Петру новые ружья, которые оказались лучше и главное, много дешевле заморских, ему тоже отписали два железных завода и обязали поставить полсотни пушек и три тысячи ружей в текущем году. Как оказалось пушки у Демидова хороши были только медные, а вот чугунные были плохи, сильно плохи по сравнению с сибирскими, не держали полного заряда и не могли долго стрелять из-за быстрого перегрева.

— Все же пушки сибирских заводчиков сильно лучше получаются, — сделал вывод Петр, после проведения испытаний, которые проводил Яков Брюс, — вот и пусть тогда пушки выделяют, хоть они и вдвое дороже для казны обходятся.

— Сибирский чугун хорош, — кивнул Брюс, — да и лафеты для полковых пушек тоже толково сделаны, пушкари в случае надобности их могут сами на позициях передвигать.

— А это к чему? — Кивнул царь на странные конструкции на колесах.

Это? — Яков повернулся в сторону, куда смотрел Петр. — Это печи солдатские. Там два котла, которые сверху плотно крышкой закрываются. Сие полезное для войска дело, особенно в походе, пока полки по дороге идут, ее вперед гонят, и когда полк на отдых встает, на ней уже все сготовить успевают, и не тратит солдатская артель много времени. А ежели неприятель поблизости, то и в дороге можно чего попроще придумать, чтобы солдат голодным не остался.

— Солдатам деньги на артельное питание полагается, — возразил царь, — вот пусть и

думают.

— Пусть, — согласился Брюс, — так я их себе заберу, на таких дорогах пушкари выматываются за день, некогда им о своем пропитании думать.

— Бери, — махнул рукой Петр, — скажешь потом, пошли ли впрок.

— Мин херц, — встрепенулся Алексашка Меньшиков, — так позволь и мне пяток себе забрать, по зимним дорогам кавалерии походы предстоят, а разгоряченных коней студеной водой сам знаешь как поить.

— Ты смотри, оказывается на эти печи сразу охочие нашлись, — усмехнулся царь, — так может нам еще у заводчиков таких заказать?

— Можно и заказать, — пожал плечами Брюс, — цена у них небольшая, а пользы в походе много. Вон у Крагге две таких, было, так одну Шереметьев себе отбил, хотел и вторую, да семеновцы штыками защитили.

Петр уже внимательней взглянул на печи, раз генералы стали друг у дружки их отбирать, то значит, есть польза от них.

— Ладно, — проворчал он, и повернулся к Меньшикову, — отпиши заводчикам, чтобы еще прислали. Да не сильно-то старайся, чай не даром отдают.

С утра ко мне заявился Тропин:

— Помнишь Кузьму, сына Данилы кузнеца от братских?

— Конечно помню, — мне даже напрягать память не пришлось, уж того кто передал нам состав укрепления чугуна забыть было сложно, — он ружьями новыми занимается, дней десять назад как хвастался новым ружьем, что под капсюль делал.

— Не придется ему больше хвастаться. — Вдруг заявил мне Степан. — Утоп он на прошлой седмице. На остров ниже Иркутска по течению прибило, там его рыбаки и нашли.

— Погоди, — подскочил я, — Кузьма же никогда к воде не совался, да и лодки у него не было.

— Вроде не было, — согласился Тропин, — однако же утоп.

— Так может не сам утоп, — начал я размышлять, — человек он осторожный, сам бы в воду не полез, да и секретов много знает. Надо бы посмотреть, нет ли следов на теле каких.

— Да какие там следы на утопленнике, — махнул рукой Степан, — раздуло всего, да о камни шибко побило, разве ж разглядишь чего теперь? Итак-то не узнали его, только по одежде, что жена помнила, смогли определить.

— Куда свезли?

— На берег свезли, напротив кладбища, — пожал плечами казак, — как домину привезут, так и захороним. В дом такого заносить не след.

— Ну, пойдем смотреть, — потянулся я за сапогами.

— А чего на утопленника смотреть? — Скривился Степан. — Он того, долго в воде пробыл, запах шибко от него злой.

— Надо посмотреть, — уперся я, — вдруг не сам утоп, а убили и воду сбросили.

— Ну, ну. — Проворчал Степан.

Узнать в том, что лежало на берегу Кузьму, было действительно сложно, вода и солнце сделали свое дело, синюшная подушка вместо лица, клочки волос и сильно раздутый живот. И смрад, трудно при таком чего-то с трупом делать. Но надо.

Сначала внимательно осмотрел одежду, потом ноги, одна нога босая, другая в сапоге. Осторожно окончательно разул утопленника и хмыкнул, хоть это и трудно было сделать из-за раздувшейся ноги. Но сапоги этого времени характерны тем, что взъём у них очень большой, поэтому одеваются они и снимаются легко.

— Чего? — Заинтересовался Степан, кривясь от запаха.

— А посмотри на ногу, ничего не кажется странным?

— Нога и нога, чего здесь такого?

А может и прав Степан, и я уже от мнительности сам себе придумываю, но не понимаю я, должны же ноги утопленника отличаться, если одна была в сапоге, а другая нет? А они почти не различаются, и где портянка? Хотя сейчас некоторые сапоги без портянок носят, но Кузьма слыл человеком небедным, и ходить в сапоге на босу ногу вряд ли бы стал. К чему это не знаю, но в памяти отложить надо. Следом внимательно осмотрел одежду как спереди, так и сзади, а потом перечислил все приметы на теле, которые сумел рассмотреть. Тоже не знаю зачем, но так было положено при осмотре трупа в двадцатом веке, и я не стал отступать от этих правил.

— А вот это уже интересно, — снова хмыкнул я, двигая руку трупа.

— Чего не так? — Снова скривился казак.

— Ключица сломана.

Степан тоже подергал утопленника за вздувшуюся руку:

— Сломана, — подтвердил он, — и что?

— Не знаю, — пожал я плечами, — но согласись, что если бы он утонул сам, то ключицу бы не сломал.

— Так может и утоп потому, что ключица была сломана? — Выдал предположение Степан.

— Может. — Пришлось мне согласиться. — Действительно трудно плыть со сломанной ключицей, особенно когда еще и три ребра сломаны.

— Где? — Казак уже внимательно присмотрелся к телу трупа, задирая рубашку повыше. — Это ж надо, хорошо же его отметили. Тогда получается, что убили его и воду сбросили?

— Так и получается, а синяков на нем нет потому, что его уже мертвого метелили.

— Зачем, — Степан уставился на меня.

— Откуда мне знать, — пожимаю плечами, — ладно с этим разобрались, надо теперь определить с какого места он в реку попал.

На это казак присвистнул, выражая свое удивление:

— Как это определишь, мало ли где его в воду сбросили?

— Не скажи, вот сейчас подберем нужный топляк, и сам все увидишь.

Топляк подходящего размера нашли быстро, благо их здесь вдоль берега много, привязали к нему дополнительно корягу, чтобы он и по дну не волочился и не полностью на поверхности торчал, а дальше стали запускать по течению с различного расстояния от берега.

— Ну, и что у нас получилось? — Спрашиваю у Тропина, которого следственный эксперимент увлек не на шутку.

— А получается у нас, что скинуть Кузьму в воду могли только с дощаника на левой стороне Ангары выше Иркута. — Сделал заключение Степан, и объяснил причину такого вывода. — Если сбросить с правой стороны, то течение Иркута отжимает его на устье Иды, а дальше обязательно пронесет мимо острова. А если сбросить с левой стороны ниже устья Иркута, то вообще обратно на берег вынесет.

— Правильно, — улыбаюсь Тропину, — только не могли его там бросить.

— Почему?

— А пойдем в затон, сам увидишь.

Походив на лодке вокруг стоянки дощаников, Степан погрузился:

— Чтобы кого скинуть в воду с баржи сильно постараться придется, да и сети ниже стоят. Получается и не утопленник он вовсе?

— Знаешь почему Байкал утопленников никогда не отдает? — Спрашиваю Тропина и тут же разъясняю. — Вода в нем холодная, и глубоко, когда человек утопнет, его на глубину тащит, а вода холодная и пучит его ой как не скоро.

— Понятно, — догадка появляется на лице казака, — Ангара утопленника тоже должна была не скоро отдать, а он на отмели оказался и даже рыбой не изъеден. Значит на берегу был убит, а когда запах от него пошел в воду скинули, да и не скинули, а на остров завезли..., но зачем?

— А затем, чтобы мы его нашли. Вот когда мы поймем для чего это надо, то и душегубов найдем. Надо бы пройтись по людям и поспросить их, где и когда видели Кузьму, с кем говорил и о чем. Я тоже по цехам пойду, да всех опрошу, ну а к вечеру у меня встречаемся.

Пришлось мне все свои задачи забросить, вооружиться бумагой с карандашом и айда по цехам. Кстати, дело оказалось полезное, не в смысле проводимого расследования, а в смысле, что за два года накопилось столько всего в цехах, что я и не подозревал. Но заниматься всем пока не стал, просто отметил, потом ко многим вопросам вернусь. С каждым разводить беседы не стал, просто собирал группу работников, и просил помочь, потом начинался самый настоящий мозговой штурм, один кое-что вспомнит, другой уточнит, третий возразит, и в итоге на бумаге стал вырисовываться весь путь Кузьмы за день. Так шаг за шагом мне удалось добраться до момента, когда к нашему мастеру пришел некто, и вроде в нем признали приказчика Гандыбы. Ну, что же, ничего страшного, от Кузьмы я уже знал, что купец заказал ему пистолет на два ствола, и я дал согласие на заказ, однако после разговора с приказчиком, кузнец срочно закончил дела и куда-то ушел. Разговор с приказчиком ничего не дал, тот действительно приходил напомнить Кузьме о заказе, что и купец подтвердил. Так, по-моему, у нас наметился первый тупик.

Вечером продолжили со Степаном сопоставлять нарытые нами факты, вроде все сходится, кроме небольшой неточности, путь мастера пролегал мимо кабака, и одни утверждали, что Кузьма в кабак зашел, а другие утверждали, что нет. И на этом все, больше Кузьму никто не видел и домой он не пришел. То, что пропал отец семейства, всполошились сразу и по утру искали всем околотком, но не нашли, а потом пошел слух, что вроде как видели Кузьму в кабаке и был он сильно пьян. Определить источник слуха не удалось, как и подтвердить факт, в кабаке помнили, что кто-то напился и даже пытался устроить пьяный дебош, но родственник хозяина, здоровенный бугай быстро объяснил посетителю, что здесь ему не там.

Пока Степан 'разговаривал' с хозяином кабака по душам, я успел походить вокруг и все осмотреть. НИЧЕГО! И все же грыз меня червячок сомнения, что дело здесь не чисто почему не понятно, но полная уверенность, что хозяева этого вертепа причастны к убийству Кузьмы. И убийству ли?

— Тут вот какое дело, — высказал я свое сомнение Тропину, — в кабаке знают гораздо больше, чем нам говорят. Когда ты разговаривал с хозяином, у него и глаза на тебя не смотрели и постоянно усы приглаживал, хотя это не в его привычке, а значит, правду он тебе не говорил. Тоже и с бугаем, говорит так, словно заучил, обычно человек, когда об одном и том же говорит, по-разному сказ ведет, а этот все слово в слово повторяет.

— Да, я тоже об этом сказать хотел, — подтвердил мои догадки Степан, — и хозяин темный какой-то, к такому спиной лишний раз поворачиваться не стоит.

Утром мы снова заявили к кабаку и стали опрашивать соседей на предмет, не видел ли кто посетителя кабака напившегося до потери разума.

— А, так это Афанасий был, — вспомнила хозяйка дома напротив, — да он постоянно, как с ним купец чем расплатится, так он сразу сюда в кабак тащит. А когда напьется, дурь верх берет, начинает на всех с кулаками кидаться.

— А что, кабатчик только его за товар поит?

— Да где ж только его, Иван здесь у всех товар берет, а потом на тогу его оборачивает. У кого за чарку берет, а у кого и за деньгу не постесняется выкупить.

Дальше наш путь лежал к купцу Ушакову, чьим работником и был Афанасий.

— Нет его, — огорошил нас приказчик, — на прошлой седмице как товаром с ним расплатились, так и исчез.

— А чего ж не искали? — Удивился Степан.

— Еще чего, искать такую пьянь? — Сразу набычился приказчик. — Работник с него плохой, но других найти не смогли, потому и наняли, даже думали выгнать его, а тут сам со слободы не вернулся.

— Понятно, — почесал Тропин затылок, — получается, сгинул человек, и никому до этого дела нет.

Отвечать приказчик нам не стал, только сверкнул злым взглядом.

Однако, оказалось, что приказчик с нами был не совсем искренним, другие работники, кого опросили на всякий случай, на слова приказчика пожимали плечами:

— Афанасий работал как все, никакой лени не проявлял, а что иногда напивался до безумия, так кому какое дело?

— Так получается, у нас два человека пропало? — Сделал вывод Степан.

— Получается что двое, и причастен к этому хозяин кабака. А если учесть, что все хмельное зелье Ушаков держит, то и приказчик здесь не сторонний человек.

И тут у меня в голове вдруг складывается картинка, надо только проверить кое какие факты.

— Надо срочно узнать, кто из купцов на прошлой неделе вышел из Иркутска, и особое внимание обратить на тех, кто через Иркутск идет впервые. А потом надо в разбойный приказ идти, и дьяку о наших дознаниях доложить, может и у него есть чего нам поведать. И к вдове заглянуть не помешает, утопленника мы посмотрели, а с домашними его не поговорили, вдруг чего еще припомним.

Дальше мы разделились, казак пошел наводить справки по поводу купцов, а я отправился в дом Кузьмы, и дело было не только с разговорами, надо было решить как быть дальше с вдовой, хоть много завод ей на содержание выделить не мог, но работой обеспечить вполне в состоянии.

— Из Иркутска в течение двух недель ушло только два купца, — сообщил мне Степан, — и один из братских, железо с завода вывозит, и один с Тобольска, из Нерчинска проездом, чай китайский и специи везет. Первый раз на этом пути, от того и в Иркутске на месяц задержался, наших поделок из железа прикупил, но мало, все больше на пробу.

— Стоп, — тут же подскочил я, — говоришь, чай вез, а сам из Тобольска?

— Ну. А чего здесь такого?

— Как это чего? — Довольно расплываюсь в улыбке. — Сейчас пойдем к Гандыбе, а потом в приказ и там все выяснится, может я зря обрадовался.

— Обрадовался? — Тропин смотрит на меня как на идиота. Хм, ну да, правильно смотрит, он же не понимает в чем дело.

Купец после того как Степан ему сказал про купца сразу хмыкнул:

— Не из Тобольска купец, везти чай из Нерчинска до Тобольска, только больной умом станет. Там товар из Китая чуть ли не дешевле чем в Нерчинске торгуют. Нам даже в Красноярск сложно Нерчинский товар пристроить.

— Так это что же получается, — принялся Тропин чесать свой затылок, — обманул нас купец. Только какой смысл?

— А вот когда мы его спросим, тогда и пойдем.

На следующий день отряд казаков во главе с дьяком разбойного приказа скакал в Братск, требовалось срочно перехватить 'тобольского купца'. Естественно в Братске они его перехватить не успели, там и выяснилось, что весь свой товар 'купец' продал и в Красноярск отправился налегке. Интересный поворот. Догнали их на третий день пути от Братска, попутчики купца сначала решили попытаться оборониться, но с казаками такой фокус не прошел, те под выстрелы соваться не стали, а грамотно взяли всех в колечко. Хватило полчаса, чтобы до обороняющихся дошло, что сопротивляться бесполезно и после небольших переговоров сложили оружие.

Вся эта погоня вместе с возвращением беглецов продолжалась без малого двадцать дней. Хорошо так пробежались, особенно если учесть, что эти дни непрерывно моросил дождь — прохудилось небо. Я уже все знал от казака прибывшего двумя днями раньше и пришел встречать отряд на паром.

— Ну, здрав будь Кузьма, — поздоровался я с кузнецом, — долго жить теперь будешь.

— И тебе здравствовать, Василий Алексеевич, — вдруг поклонился мне Кузьма.

— Э..., - обалдел я от такого обращения, думая, что зря пришел к пристани.

Но мастер будто и не заметил:

— В храме свечку за тебя поставлю, — продолжил он, — а родится сын, в честь тебя Василием назову.

— Э..., - снова потянул я, — с чего бы? Да и рано еще мне свечку ставить.

Казаки вокруг согнулись от хохота:

— Слышь, Кузьма, а тебе знаешь, не одну свечу в церкви за упокой поставили. Ты смерть обманул и жить тебе теперь до ста лет.

Суд воеводы был скорый, хозяина кабака и его родственника привязали к столбу и после обработки плетями с неоднократным приведением в чувство, получили нужное признание. 'Тобольский купец' оказался вовсе не из Тобольска и даже купцом он не был, а приехал он в Иркутск не просто так, а по поручению тульских заводчиков. Мол, прослышали там, что на земле иркутской железные заводы стоят, и мастера в них чудеса с чугуном выделывают, вот и решили они сманить тех мастеров на свои заводы, чтобы секрет выделки крепкого чугуна прознать. Ну и для этого наняли неких людей, которые должны были с этими мастерами сговориться, да за каждого сманенного мастера обещали огромную сумму, по пять десятков рублей. Только не смейтесь, сумма по этим временам была действительно большой, и мне сразу стало понятно, что прижимистые туляки свои обещания выполнять не собирались. Видимо 'купец' тоже что-то такое заподозрил, а потому сильно не старался, да и не получалось никого сманить, не желал народ менять синицу в руке на журавля в небе. А тут случай свел его с кабатчиком, вот и сговорились втихаря мастера умыкнуть, а дабы тот не сильно препятствовал их гениальным планам, опоили опиумом. Кстати, после этого случая Кузьма от пива нос воротит, говорит все зло через него. А вот смерть Афанасия уже на совести бугая, когда пьяный в хлам работник полез на него с кулаками, тот ухватил дебошира за шею и потащил за ворота, однако во время транспортировки шея не выдержала. Дабы скрыть смерть Афанасия кабатчик с родственничком завернули труп в рогожу и припрятали в сарае, но время было летнее, а сарай хорошо прогревался и труп стал пованивать, нужно было его срочно или закапывать или сбрасывать в реку с привязанным грузом. Тут-то и родилась гениальная мысль труп переодеть в одежду Кузьмы и сбросить где-нибудь в реку так, чтобы его нашли. Дабы люди не могли в трупе не признать Кузьму, бугай напоследок хорошо его попинал, да не учел, что труп пинать бесполезно, от этого он

не сильно изменится. Ну, а дальше все пошло как по писанному, мастера, в невменяемом состоянии, затащили на дощаник, а труп лодкой на отмель к острову и там сбросили.

И все бы получилось, как задумано, да тут вмешалась моя паранойя и читанные в моем будущем детективные истории.

В итоге кабатчика и его родственничка повесили без проволочек, видимо давно на него разбойный приказ зуб точил, 'купца' отпустили, стребовав виру в казну и в пользу пострадавшего по семь рублей (смешная сумма по таким делам), остальным из его команды было обещано по пять плетей. Однако последнего наказания не случилось, откупились виновные, и как оказалось дело совсем не в том, что они боялись плетей, а в том, что пятью плетями наказывали за несерьезный проступок, вроде как подростков так потчевали, а это позор. Вот если бы воевода назначил им хотя бы десяток плетей, они, может быть, и согласились, сэкономили свои денежки, а позор для таких иногда хуже смерти — правильные мужики.

Перед тем как неудавшийся вербовщик отбыл с чистой совестью обратно, наши казаки успели с ним хорошо поговорить, только не подумайте чего, сам все рассказал без утайки, так вот, Демидовы на которых я подумал в первую очередь, к этому делу никакого отношения не имели, получается не вышел еще Демидов на высокий уровень, вроде как... Но промелькнула фамилия Акема, кто такой и какими заводами в Туле он владеет, не знаю.

Однако, пора было уже задуматься и после долгих разговоров с Тропиным и Гандыбой, с зимним купеческим караваном на запад отправилось четверо наших людей, родственников мастеров, работающих на заводе. Именно с них должно было начаться создание новой службы с принципиально иными функциями, и в частности сбор данных о существующих производствах на Руси, чтобы видеть чем живут железные заводы не только в Туле. Естественно обеспечили их надежной легендой и главное деньгами, даже упростили нашего дьяка выправить им хорошие документы в дорогу, не бесплатно, конечно.

После случая с похищением Кузьма долго приходил в себя. Когда он, в конце концов 'протрезвел' на дощанике и ему сказали, что везут в Тулу, бузить не стал, но дождавшись ночи, на это время все высадились на берег, попытался сбежать. Не получилось, следили за ним серьезно, схватили сразу, повалили на землю, хорошо прощлись по ребрам кулаками и крепко связали, а потом и в дальнейшем пленника старались все время держать связанным. После этого и упал мастер духом, понял, что ничего ему не поможет, привезут на какой завод, да заставят работать денно и нощно за малый кусок хлеба, был опыт, пришлось поработать некоторое время у братских в кабале. И вдруг, о чудо, нагнали их казаки в пути, сопротивлялись тати недолго и после переговоров сдались на милость преследователей.

— Ну, в рубашке ты Кузьма родился, — говорил ему Тропин, снимая путы, — кабы не Васька со своим звериным чутьем, быть тебе в крепости при чужом заводе.

А когда уже спокойно возвращались, поведал всем казак, как они с Василием Дежневым вели расследование гибели Кузьмы, и как проводили 'следственный эксперимент'. Сказ был интересным, да и Степан оказался рассказчиком не из последних, потому и слушалось все

это с большим интересом, а в некоторых местах слушатели чесали затылки и удивлялись проницательности Василия.

— И что, он и в самом деле определил, что не утопленник то был? — Посмотрел дьяк с удивлением на Тропина.

— Ага, — отвечал тот, — и про Байкал рассказал, почему тот утопленников не отдает.

— Ишь ты, — хмыкнул на это дьяк, — а ведь действительно, ни одного утопленника с Байкала не помню. Да и Ангара не сразу свое отдает, редко когда найти кого удастся.

— Вот, о том речь и веду, — продолжил казак, — а то, как он на раз определил, что кабатчик с бугаем брешут, вот откуда такое знать может? А уж как про ряженного купца прознал, то вообще не понять, хорошо Гандыба подтвердил, а то бы не поверили.

— Допустим поверили бы, — возразили Степану, — Васька зря языком трепать не станет, а что знает много того, чего никто не знает, так то всем известно, видимо Зосима многому тогда его научил.

— Да уж, старец кладезь ума был, упокой Господи его душу, — перекрестился дьяк, — видимо чувствовал, что недолго ему осталось, потому и торопился знания свои передать. Повезло Ваське.

— Те знания не каждому впрок пойдут, — высказал свое мнение один из казаков, — смотрите, как вертится парень. Нам-то что, свое отбыли и по домам, а он весь день и даже ночь вертится как заводной, согласится кто за те знания так жизнь поменять?

— Ну, их к лешему, — тут же перекрестился Степан, — мне наше служивое дело больше по сердцу.

Задумался мастер, услышав такие разговоры, и дал себе зарок, что всю премудрость, какая Ваське от старца досталась по делу железному перенять. Все перенять не получится, уж слишком много он всего знает, а вот что касается железных дел, то надо постараться.

Уже когда окончательно пришел в себя, пошел к Василию и попросил научить работать с железом.

— Погоди, Кузьма, — вскинулся парень, — ты же мастер, делаешь много того, что другим недоступно, а ко мне за знаниями пришел, как подмастерье какой.

— Те умения мне отец передал, и по своему недомыслию я подумал, что того много, а сейчас вижу мало. Если я не знаю как делать, то и сделать не могу, а ты даже если не знаешь, все равно придумаешь как сделать.

— Ну, скажешь тоже, — задумался Василий, — хотя, стоит, конечно, кое о чем вам рассказать. Давно хотел организовать курсы повышения квалификации среди мастеров.

С того дня и стал Дежнев учить мастеров железному делу, сначала-то некоторые усмехались, мол, чему может их Васька научить, а потом притихли, потому как оказались его слова несли не давно известное всем, а откровение, все почувствовали как будто им глаза открыли. Что такое руда, как ее надо предварительно обрабатывать, зачем проводить обжиг руды, зачем для домны смешивают руду с углем и известью, как получается крица, как чугуны, как выковывается сталь, в каких случаях она становится прочной, а в каких хрупкой... Так постепенно наполнялись головы мастеров знаниями, которые они тут же спешили опробовать на своем деле и многое получалось с первого раза. Попробовал и Кузьма применить свои знания, когда попытался ствол пистолета не высверливать, а проковать на оправке. Получилось, но после сверла ствол был куда как лучше.

— Нет, так не пойдет, — объяснил ему Васька и тут же на черной доске с помощью мелка пояснил почему, — кода ты проковываешь, усилия прилагаются с двух сторон, и

металл не осаживается, а просто немного меняет форму. Попробуй сделать прокатную оправку для выдавливания переменного наружного диаметра и с ее помощью на холодную откатать ствол на оправке.

Изготовление сложного приспособления заняло около месяца, уж больно мудрено оказалось подобрать углы схождения оправок при прокатывания ствола, но конечный результат превзошел все ожидания. На этот раз ствол как внутри, так и снаружи получился идеальным. А дальше пришло время задуматься об использовании капсюля. Мастер и так и эдак прикидывал конструкцию ударного механизма и, в конце концов, снова пошел к учителю со своими задумками.

— Вот значит как, — почесал лоб Василий, выслушав Кузьму, — тогда вот о чем подумай: мы привыкли, что заряжать надо только с дула, а потому все оружие делаем исходя из этого, но теперь мы применяем каленую сталь, а значит, нам никто не мешает заряжать с казны. Вот примерно так.

В итоге после, опять-таки, долгих и мучительных раздумий Кузьма пришел к выводу, что пороховую камору с пулей и ствол надо делать отдельно, чтобы быстро менять их во время боя. А потом как бы само собой получилось, что каморы надо делать не поодиночке, а высверливать их в круглой железной болванке по кругу, что позволяло их быстро менять, одним движением руки.

— Поздравляю, мастер, — улыбнулся парень, когда понял задумку Кузьмы, — ты придумал автоматическое оружие, которое может изменить мир.

— Мир? — Не понял работник.

— Ну да, вот только...

И тут Васька шаг за шагом стал объяснять, какие проблемы предстоит решить, прежде чем придумка Кузьмы сможет быть реализована. Под конец разъяснения Кузьма стоял перед парнем с красными от стыда ушами, как малец какой.

— Ты знал! — Наконец, выдал из себя мастер.

— Знал, — согласился Васька, — и много еще чего знаю, но что толку от моих знаний, если сделать не могу. А ты сделать сможешь, потому что сам до этого дошел, и мои знания только помогут тебе. И надо делать сразу так, чтобы в будущем можно было выделывать эти пистолеты тысячами.

Немного остыв, мастер с новыми силами принялся за работу и в итоге через полгода проб и ошибок получил приемлемый результат. То, что получилось в конце, мало напоминало классический пистолет, но, несмотря на отличия, даже на первый взгляд становилось понятно, что это мощное и опасное оружие.

При первых испытаниях, выявился и недостаток, пороховые газы прорывались через сопряжение ствола с каморами, но и эту проблему позже решили, установив дополнительно медные конусные вкладки на каморы, что позволило до приемлемой степени уменьшить поток прорывающихся пороховых газов. А потом еще придумали новые пули, удлиненные свинцовые бочонки полые в задней части и со странными косыми канавками, которые должны были раскручивать пулю в стволе потоком врывающегося через них потока пороховых газов, хотя часть пороха при этом тратилась впустую. А самое главное, чем Кузьма гордился безмерно, заключалось в том, что все детали от одного пистолета без всяких дополнительных работ подходили к другому и за это он получил отдельное 'Спасибо' от хозяина завода и огромную премию в десять рублей, которая была потом потрачена на строительство своего дома.

— Пистолеты получились очень хороши, — говорил Асата мастеру, — как отстроим цех, будем их много выделять, а тебе теперь новое задание, надо такие пистолеты сделать, чтобы не стыдно было царю подарить.

— Царю? — Обомлел Кузьма. — Да как же царю-то? Нешто сможем такие сделать?

— А чего здесь такого? — Тут же встрял Василий. — Тот же самый пистолет, только чеканку на него красивую наложить, да тщательней выделать, а мы столярам футляры отделанные бархатом закажем. Ну и о запасе капсюлей и пуль тоже забывать не стоит.

О том, что мастер будет выделять подарок царю, на заводе вскоре узнали все, и при встрече с ним теперь здоровались уважительно, а не как раньше за равного считали, и Кузьма старался из изо всех сил старался соответствовать. Царский подарок сделали к началу летней навигации, и не только царский, но и еще несколько пистолетов, на которых и чеканки было поменьше, и футляры попроще, как сказал Василий, генералов тоже не стоит обходить вниманием.

Военная компания 1702 года не выявила преимущества ни одной из сторон, Карлу так и не удалось поднять численность своей армии, да и Петр успел укрепить свои рубежи. Несколько стычек не имели особого значения, однако пользуясь тем, что активность шведской армии не сильно проявлялась, Петр продолжал очищать берег Балтийского моря от крепостей и опять Карл ничего не мог поделать. О том, что творилось в тылу у русских, шведам было хорошо известно, и так же было известно о трех сотнях новых скорострельных орудий, которые пошли на укрепление крепостей.

— Откуда у русских взялось так много пушек? — Спрашивал Карл своего зятя начальника кавалерии Фридриха.

— По сообщениям из Московии, царь передал часть тульских железных заводов в управление мужику и тот поставляет ему много дешевых пушек.

— Так почему, черт возьми, какой-то мужик может лить много пушек, а наши прославленные мастера не в состоянии обеспечить армию? — Злился шведский король.

— Смею заметить большая часть пушек у Петра из чугуна, а он для орудий не очень подходит.

— Не походит? — В сильном раздражении подпрыгнул Карл. — Это вы объясните моим солдатам, они уже испытали на себе 'слабость' пушек из русского чугуна. Да еще эти четырех дюймовки, на лафетах с большими колесами, они легки и быстро перемещаются по позициям.

— Так стоит ли нам в таком случае идти на Смоленск, может сначала надо заключить мир с поляками? — Сделал попытку успокоить короля Фридрих.

На это Карл только сильнее засопел:

— Я не стану вести переговоры с этим предателем Августом. И до тех пор пока у поляков не появится другой король я не оставлю их в покое.

— Но пока мы умирняем Польшу, русский медведь разоряет наши рубежи на Балтике.

— Ничего, придет время и Петр сильно пожалеет о том, что сделал, — снова запыхтел

король.

А русские, пользуясь предоставленной им передышкой, вытеснили шведов из Ладogi, а потом осадили крепости. Однако Петр не забывал о Варшаве, где в настоящее время квартировал Карл и спешно укреплял Смоленск, так как это был кратчайший путь к Москве, а потому все пушки, получаемые из Сибири, направлялись на стены западных крепостей. Надо сказать, что 'удачное' начало военной компании против шведов в 1700 году, не позволило царю почивать на лаврах, наоборот он носился по городам, создавая армию нового строя, и инспектировал обучение новобранцев. Пока Карл завяз в Польше, нужно было готовиться. А еще особое внимание было уделено кавалерии, опыт прошлого года однозначно показывал, что быстрое перемещение войск позволяет обходить неприятеля и громить его тылы, что при современном способе ведения войны имело большое значение. В Москву Петр вернулся к августу, он уже присмотрел место на балтийском берегу, где планировал построить новый город, который в будущем станет окном в Европу. Но для строительства были нужны деньги и люди, но если простой люд не проблема — достаточно указа, чтобы туда направили нужный для строительства народ, то со знатью придется действовать куда жестче. В каком-то смысле это будет разновидность натурального налога, не хочешь платить деньги на строительство нового города на Неве, будь добр строиться сам. А если учесть, что шведская армия по-прежнему сильна, то риск потерять все, что вложено в строительство, очень высок, поэтому будут тянуть до последнего. Но царь был настроен решительно, он понимал что бояр не удастся сдвинуть с места, а вот те кто по мельче никуда не денутся, поедут, плакать будут, но все равно поедут, так как просто так деньги отдавать пожалеют.

— Что там с пушками, — осведомился Петр у Ромодановского, — когда тот заявился с докладом.

— Пушки есть, государь, — ответил ему Фёдор Юрьевич, — из Тулы три десятка из меди заводчики прислали, да из Сибири чугунных аж восемь десятков в последний привоз. Вот только денег в казне нет, нечем за них платить.

— А, — махнул рукой царь, — отпиши в Тобольск, пусть с пушного налога с заводчиками расплатятся.

— Пушной налог не деньгами, а пушниной оплачивается, государь, — тут же возразил Ромодановский, — если мы так отпишем, тогда он в Архангельск купцам немецким уйдет. Нужно ли нам это?

— Да, неправильно получается, — был вынужден согласиться Петр, — а что посоветуешь?

— Есть кое-что, чем можно с Сибирью расплатиться, — усмехнулся Фёдор Юрьевич, — людишек им отослать, в прошлом году как-то не получилось, а в этом кто ж мешает?

— То дело долгое, — не согласился царь, — а у меня к ним еще заказы есть. Так что пусть на этот раз, Тобольский воевода деньгу изыщет, да с иркутскими заводчиками расплатится. А людишек отошли, раз обещался негоже царское слово нарушать.

— Я тут вот чего хотел еще сказать государь, — снова взял слово Ромодановский, — пушек у нас уже довольно, а вот с порохом просто беда. Отказываются купцы немецкие нам и дальше порох продавать, говорят в Европе тоже война идет, за испанское наследство, потому и порох в большой цене. Думаю не война здесь причина.

— Да уж ясно, что не война, — усмехнулся монарх, — мы еще в прошлом году велели ямы ямчужные по многу закладывать, к следующему году пороха будет довольно.

— Так, то на следующий год, а в этом на пушки пороха не хватит.

— Ничего, Карл сейчас в Польше увяз, — принялся рассуждать Петр, — на Смоленск в этом году не двинется, а если двинется, то не возьмет он его сходу теми силами, что у него есть, в осаду встанет. А в зиму осаду вести сам знаешь. Ты лучше про сестриц моих расскажи, как они живут, с кем знаются?

Ромодановский поморщился, несмотря на все усилия никакой информации о внешних контактах сестер добыть не удалось, что было в общем-то ожидаемо, Петр за несколько лет доказал всем, что стал царем не только по праву, поэтому сестры пока оставили свои великие планы, хотя и не смирились.

— Вот и хорошо, — удовлетворенно произнес монарх, когда правитель Москвы доложил об отсутствии результата.

— Тут есть еще одно, государь, — сделал Ромодановский вид, что ему неудобно обсуждать некоторые дела.

— Ну? — Насторожился царь.

— Катерина с Васькой-дураком из Сибири переписку ведет.

— Ах это, — успокоился Петр, — ну и о чем там пишут?

— Так..., государь...

— Только не говори мне, что не читал, — усмехнулся царь, — не уж-то крамола какая?

— Крамолы нет, а вот странность есть, — вздохнул Фёдор Юрьевич, ведь только, что ему можно сказать санкционировали слежку за возлюбленной монарха, — Васька этот о политике как зрелый муж рассуждает, от того и подозрение у меня, что не он эту переписку ведет.

— Переписал? — Спросил царь. В ответ Ромодановский протянул свиток. — Почитаю, как ныне дураки на Руси рассуждают. А пока кликни там Алексашку, поедem пушки смотреть.

Как и ожидалось изъянов ни в чугунных, ни в медных пушках не нашли, и Петр с удовольствием наблюдал за испытаниями на двойной навеске пороха.

— Позволь, государь, подарок тебе от иркутских заводчиков преподнести, — обратился к нему сотник из сибирского приказа.

— Никак пистоль новый сработали? — Хмыкнул царь, глядя на красивый футляр в руках служивого.

— Пистоль, государь, — подтвердил сотник и, поняв реплику Петра как разрешение, открыл футляр, явив на свет хищный силуэт необычного пистолета.

— Ты смотри, чего сделали? — Петр в удивлении взял в руки оружие. — Видел я такой выделки один, только там на три заряда сделано было. А порох куда подсыпается? Или горячей иглой протыкать заряд надо?

— Для этого пистоля ни кремня, ни пороха для запала не нужно, — стал разъяснять суть идеи сотник, — тут капсюль вместо кремня в донце заряда вставлен. Как боек ему верхушечку сомнет, так заряд и воспламенится.

Игрался царь с пистолетом долго, три зарядных барабана расстрелял, да еще под руководством сотника сам один барабан зарядил, подивившись необычной форме пули. И в конце выдал вердикт:

— Зело хороший пистоль иркутские заводчики сделали, и бой точный и доску в два дюйма насквозь с двух шагов бьет.

— Да, мин херц, такое бы оружие для нашей кавалерии весьма бы в пору подошло. —

Отозвался Меньшиков крутя в руках подаренный и ему тоже пистоль необычной выделки. — И кто такую красоту сработал?

— То работа оружейного мастера Кузьмы, — тут же выдали ему необходимую информацию, — под рукой Васьки Дежнева выделкой занимается.

— Вот, слышь, Алексашка, — хохотнул монарх, — опять наш дурачок отличился. Говорил же тебе, что будь у нас таких Дежневых побольше, то и проблем бы не стало. А что до кавалерии, то дело говоришь, отпиши Ваське, пусть этот Кузьма выделкой этих пистолей займется, посмотрим, как оно для боя сгодится.

Под вечер Петр вспомнил о копиях писем, что принес ему Ромодановский и взялся за чтение:

— Однако, — отложил он в изумлении бумагу, — вот тебе и Васька-дурак, и чего он там, в дальних землях, видеть может? Вроде только гадать остается, но как гадают стервец, что не предположение, то точно в цель, а может действительно богом помечен? И Катька хороша, все-таки умная баба, вроде как потихоньку, а все у него выведывает.

Мы наш, мы новый мир построим (или небольшой приступ заклепкометрии)

Наконец настал тот момент, которого я боялся с самого начала строительства наших цехов и затягивал его наступление как только мог, но сколько не тяни, а помирать все равно придется. А все из-за того, что дальше невозможно было чего-либо делать без чертежа, а если есть чертеж, то в нем должны быть указаны и размеры. А теперь внимание: в чем конкретно эти размеры нужно указывать, если одних аршинов по всей территории Руси ходило десятки, так же как и сажений, кстати говоря? От того и поговорка родилась: 'Всяк на свой аршин меряет'. Из истории мне было известно, что вроде как окончательно узаконил аршин Петр, но когда он приравнял его к двадцати восьми дюймам, убей не помню, а будучи проездом в Москве интересовался у Купцов про новый аршин, и никто ничего о нем не слышал. И теперь у меня проблема, что взять за эталон. Брать существующую систему мер я не собирался, уж слишком она неудобна для использования в технике, переводить одно в другое сущее наказание. Конечно, можно было бы взять за основу дюйм. И брать от него десятичные производные в ту или иную сторону, к примеру дюйм делился на десять линий, ну а их можно в свою очередь разделить на десять точек. Вроде бы в меньшую сторону проблем возникает не много, а вот в большую начинается, к десяти дюймам наиболее близко подходит пядь, а вот к ста уже косая сажень. И что теперь делать? Мне нужна десятичная система мер, а все эти футы и ярды пусть остаются у англичан и мозги им выворачивают. В общем думал я долго и долго не мог прийти к нужным выводам, но в один прекрасный день, когда в цеху произошла авария и труд двух месяцев одним махом улетел коту под хвост, пойдя на поводу собственной злости принял решение, которое на долгие годы определило систему мер. А именно плюнул на все условности и сорок дюймов назвал метром, а от него пошло и все остальное, какая, в конце концов, мне разница, главное чтобы для меня привычно было, а на весь остальной мир наплевать. Они еще даже с дюймовой системой не определились в каждой стране дюйм свой собственный, да и сами англичане еще долго будут иметь сразу два дюйма.

Эталон английского ярда у меня был, правда веры ему не очень-то много, сделан он был из какого-то там дерева, но все уверяли меня, что именно это дерево не изменяет свой размер, несмотря на сырость или сушь. А чхать я на это хотел. Так что, особых проблем у меня не случилось, разделил я длину этого эталона на 36, именно столько дюймов было в ярде, а потом, получив дюйм, добавил четыре к ярду и получил свой метр. И так, в моем метре получилось сорок дюймов, то есть он должен был оказаться на шестнадцать миллиметров длиннее, чем тот метр, который был принят во Франции в 19-ом веке за эталон. Сказкам о том, что метр потому и был метром, что точно соотносился с чем-то там, я еще в двадцать первом веке не верил, а уж в это время тем более плевать. Дальше сделал свой эталон, и не из дерева, а из серого чугуна, в надежде, что со временем он не сильно окислится, можно было бы конечно еще и золотом покрыть, но ни к чему смущать народ. Естественно поверхность эталона заполировали, насколько это было возможно, а риски границ метра нанесли остро отточенным конусным резцом, этого было достаточно, чтобы на долгое время обеспечить необходимую точность изготовления копий. А дальше рутина, изготовление разметочных гребенок и станка для разметки шкал инструмента. Но не это

стало моей головной болью, штангенциркули и штангенмаузеры хоть и были сложны в изготовлении, но это все же штучный и дорогой товар, а вот товар массовый, железные линейки, крови мне попортили изрядно. Начнем с того, что подходящего материала для изготовления полотен линеек у меня элементарно нет, ведь нужно чтобы они не ржавели, а никель я еще не сподобился добывать. И как наносить разметку? Делать ее резцами дорого, гравировка тоже из области фантастики, и выдавливать не получится, замучишься пуансоны выделывать. В наше время шкалу линеек на металле вытравливали, но процесс этот у меня совершенно не отработан, долго экспериментировал с литографией, не получилось, нет у меня еще такой краски, пришлось вспомнить старый дедовский, для двадцатого века, способ. Полоска металла покрывалась тонким слоем разбавленного скипидаром воска, потом после сушки в нужном месте этот воск продавливался пуансоном и металл в месте соприкосновения оголялся. Дальше быстрое купание в скипидаре, чтобы окончательно смыть остатки покрытия воска с нужных мест и уже само травление в кислоте. Получалось не очень красиво, да и технологический процесс оказался довольно вонючим и капризным, поэтому брака было достаточно, но пока другого способа у меня не нашлось. Возможно, в будущем чего-нибудь еще придумается, а пока и так сойдет, надо будет еще с лаками поэкспериментировать. Шкалу линеек делал сразу двойную, с одной стороны сантиметры и миллиметры, а с другой дюймы и линии, чтобы было видно соотношение. На длинных, метровых линейках, в обязательном порядке отмечался аршин и ярд, метрическая система еще не скоро пробьет себе дорогу.

С другими эталонами веса и объема поступил так же, проявив волюнтаризм во всей красе, литр был легко измерен, а за килограмм принят вес литра байкальской воды, даже дистиллировать не стал, вот захотелось мне так и точка, и пусть оно с фунтом не сходится, оно и раньше никак не сходилось.

Последствия появления железных линеек оказались довольно интересными. Для цехов было изготовлено около пятисот линеек, а чтобы они не 'терялись' как происходило первое время, пришлось гравировать на них порядковый номер, который потом закреплялся за работником. А вот на том, что предназначалось на продажу, вместо номера вытравливали логотип похожий на знак качества из моего советского времени. Совершенно неожиданно к Асате заявили купцы и в ультимативной форме потребовали изменить на линейке значение аршина, так как, это сбивает всех с толку. Отчим, с которым мы уже сломали лес копий, когда обсуждали каким именно должен быть аршин, сходу заявил, что он не имеет по этому поводу ничего против. Однако согласен изменить метку длинны только при условии, что ему предоставят эталон аршина согласованный всем торговым людом. Лучше бы он предложил им вычерпать Байкал, ей-ей больше бы толка было. Естественно, к общему знаменателю купцы так и не пришли, так как все их аршины никак не могли совместиться между собой. Так что инициатива инициаторов заглохла на корню, а спустя всего полгода, все население перешло на тот аршин, который был точно обозначен в железе, а не на сомнительных палочках купеческого сословия. А потом вообще возник ажиотажный спрос, наши линейки вдруг понадобились всем, потому как внушали уважение качеством своего изготовления. В конечном итоге пришлось расширять производство, и честно говоря, я бы не стал этого делать, так как других задач выше крыши, но в один прекрасный момент, один из купцов привез мне линейку из братского острога выполненную местным кузнецом. К чести этого кузнеца можно сказать, что дюймовую шкалу он перенес относительно точно, видимо сверялся линейкой эталонной, а вот с миллиметрами накосячил знатно. Так что во

избежание распространения подобных подделок пришлось взять ситуацию со средствами измерения под свое крыло. Как бы то ни было, но вопрос мерительного инструмента остро стоял не только на наших заводах, много проблем из-за этого было и на западе, поэтому и в почете были мастера, которые делали все от и до. А линейки это то, с чего начнется мой стандарт. Кстати, чуть позже освоили выпуск линеек из бронзы, не то, что бы это было продиктовано необходимостью, просто бронза была практичней железа. Железную-то чуть проглядел, и на линейке появилась ржа, а бронза тем и хороша, что ржа ее не ест. Дальше — больше, раз у нас появились станки, понадобились и шестерни, пришлось вспоминать, то чего я, честно говоря, и не знал никогда, так иногда мимо проходил, а работа серьезная, расчеты вести надо, но мне в лом, пока будем подбирать на деревяшках, так много проще. То есть прогресс идет на отдельно взятой территории полным ходом, поэтому голова не только у меня перегревается но и у мастеровых, которые все эти премудрости вынуждены осваивать в полной мере.

А еще в одном из моих секретных цехов в настоящее время выделялся генератор постоянного тока. Почему постоянного? А потому, что мне нужна была электротехническая медь, а ее без рафинирования с помощью электролизной установки не получишь, вот нет у меня другого способа. Когда появится достаточное количество электротехнической меди, можно будет замутить и генераторы с двигателями переменного тока, и даже на три фазы. Но до того далеко, кроме чистой меди нужно получить еще кремнистую сталь, которая пойдет на изготовления магнитопровода статоров, роторов и трансформаторов. Денег на этот изготавливаемый генератор уже потрачено черт его знает сколько, на одни провода ушло десять пудов меди, и еще на шины уйдет примерно столько же. Так как для электролизного процесса нужен большой ток и при относительно низком напряжении, то сечение проводов имеет решающую роль. Есть у меня и еще одна задумка, для этого уже заказан графит, попробую добыть алюминий, даже понятия не имею известен ли он сейчас, но это задумка на будущее, при таком жутко неэффективном генераторе, где будет греться все: обмотка, железо на роторе, токосъемные щетки, скользящие подшипники из бронзы..., сделать что-то стоящее не получится. Еще неизвестно какие слухи пойдут после того как будет запущен процесс, как бы церковь не навалилась всей массой, вобьют себе в голову, что все это алхимия и попробуй потом убеди в обратном.

На этот раз купец отправился в Москву без фарфора, не получилось ему без денег сговориться с монголами, а проще говоря, посоветовавшись в узком кругу, решили взять небольшой перерыв, слишком уж зарвался сменивший Любима представитель Ромодановского, решил с 'монгольских контрабандистов' дополнительные дивиденды поиметь. Для себя он старался или для своего патрона не имело значения, нет теперь этой тропинки, и отношения в случае заинтересованности придется налаживать заново. Но дощаники купца вовсе не были пусты, в Москву он вез много чего другого, что конечно же не приносило такой бешеной прибыли как фарфор, но все же позволяло поиметь хороший доход. В ящиках лежали ставшие уже традиционными самовары, скипидарные лампы,

полотна для лучковых пил, в общем, все то, что обещало хороший сбыт в престольной. Вез он так же 'на пробу' и немного ткани льна и шерсти, причем шерстяная ткань была выделки не простой, а тканой из тонкой шерстяной нити с основой из шелка, что делало ее не только много прочнее, но и не давало мяться без меры. Цену за эту ткань решили требовать высокую, такую же, как и за немецкие лучшие образцы, а если не получится сбыть, то и не беда, пусть себе лежит в лавке, да создает видимость богатства купца. Но самая большая ценность лежала в одном ящике и если все пойдет как надо, то один этот ящик принесет дохода ничуть не меньше чем весь остальной товар. Стеклярус! Тонкие трубочки из разноцветного стекла были пересыпаны опилками, обернуты в бумагу и плотно упакованы в ящик. Если этого не сделать, то дорожная тряска долгого пути может попортить внешний вид идеально отполированного стекла и понизит его цену, а этого Гандыба никак допустить не мог. Еще у него в достатке были и пуховые платки, красоты необычайной, но это он вез не для продажи, на подарки, редкая красавица откажется от такого чуда, следовательно, ее мужу придется расстараться, и о деньгах здесь речь не идет.

Путь по Ангаре с этого лета стал гораздо безопасней, теперь не приходилось рисковать, на самых опасных порогах были натянуты канаты, с помощью которых дощаники спускали. Местные, лишившись работы, не оказались в стороне и быстро переориентировались, по аналогии с канатами они поставили по несколько воротов на порогах и с их помощью тянули небольшие суда вверх по течению на самых быстрых участках, где и бурлаки не всегда могли справиться. Работы у них в сезон стало вдоволь, ожила Ангара, засновали по ней вверх и вниз торговые суда. Те паровики, что были сделаны на иркутских верфях, через пороги не ходили, осадка слишком велика, а вот грузы из Красноярска против течения Ангара до них возили, дальше все перегружалось на телеги и пешим ходом вдоль реки около недели двигалось до 'большой' воды выше падунского порога. Там опять груз перегружался на корабль и дальше до Иркутска. Часто кормчему везло, северный ветер преобладал на Ангаре, поэтому паруса позволяли прилично экономить уголь, ну а когда с ветром не получалось, то приходилось подниматься на одном паре — разор, да и только.

В сам Красноярск купец подниматься не стал, ни к чему это, теперь появился новый путь в обход обжитых мест, не сказать, чтобы он был много легче, но что короче точно. После того как Ангара вошла в Енисей дощаники чуть поднялись выше по течению и вошли в небольшую речку, по которой прошли еще верст около сорока на запад, а там их уже ожидали телеги другого купца. Один груз сгрузили, другой загрузили, да и разбежались в разные стороны. Раньше-то о таком и речи не могло быть, а теперь пожалуйста, только бумагами обменялись, что де один сдал в таком состоянии, а другой принял. Если до этого караван из Иркутска до Москвы находился в пути от четырех до пяти месяцев, то теперь легко успевал преодолеть это расстояние месяца в три.

Первопрестольная встретила купца неласково, мол, чего приперся? И без тебя здесь товара хватает, но Гандыба уже давно не обращал внимания на служивых, грамотка от князя у него была, а потому непреодолимых препятствий никто чинить не станет, кому охота после этого на дыбе сказки рассказывать.

Клим, тот сотник, что заменил Любима, прибежал сразу, как только до него дошла весточка, о том что караван прибыл в Москву. Вот только узнав, что с фарфором обломилось, пришел в ярость:

— Ты что купец, решил со мной шутки шутить? — Заорал он, надвигаясь на Гандыбу. — Где фарфор?

— Отказались монголы задарма сервисы отдавать, — принялся оправдываться торговец, — деньгами за товар требуют сразу рассчитываться. Как узнали, что деньги позже будут, так и повернули сразу назад, да сказали, что не придут боле, потому как им убыток большой. Не было бы со мной казаков, так и побили бы осерчав, а так без душегубства обошлось.

— А что, не мог денег занять? — Продолжал беситься стольник.

— Дык кто ж мне такие деньжищи за просто так на слово отдаст? — Пожал плечами купец. — Пришлось бы в долю брать, а дело такое, что ведать о нем никому нельзя.

Видимо стольник имел с этого какой-то свой интерес, поэтому Гандыбу на дыбу не потащил, а побранившись, махнул рукой и отправился восвояси в сильно расстроенных чувствах, даже грамотку забыл у купца забрать, чем тот оказался весьма доволен. На этот раз купец не торопился, ему еще месяца два в Москве торчать, пока дороги на зиму не установятся, потому цены ниже установленных не сбрасывал, да и без того торговля шла бойко. Особенно хорошо торговался стеклярус, брали хоть и по малу, зато часто, уж слишком красиво он переливался на солнце всеми цветами радуги, вот и заинтересовал 'заморский' товар домашних. И многие потом снова возвращались в лавку, чтобы добрать недостающих стекляшек для вышивки. А еще, хорошо пошли линейки, мастеровой люд постоянно вился вокруг и приценился к качественному товару, так что к сроку Гандыба расторговался полностью, и теперь пришла пора задуматься, чем именно добирать возы для Иркутска. А вот тут возникла трудность, раньше-то ткани брал, да украшения всякие, а теперь этого добра в иркутских землях становится довольно, остаются краски да благовония разные, но много ли их возьмешь? Придется, как и в прошлый раз везти в Сибирь универсальный товар, серебро, а оно много прибыли не приносит. Тут и вспомнишь Васькин сказ, что закончатся скоро хорошие времена и купцам туго придется, потому как сибирский товар покупателя на Руси найдет, а вот найдет ли ее товар покупателя в Сибири, большой вопрос. Но вспомнил купец и другой сказ, про то, что самый ходовой товар для заводов иркутских это мастера, и за каждого мастера было обещано по десятку рублей без учета дорожных затрат, а за такую цену можно было и расстараться. Именно по этой причине еще месяц назад Гандыба отослал двух своих помощников в разведку по мастерским столицы и, как оказалось не впустую. Естественно, никто добровольно ехать на край света не хотел, однако, указом царя многие мастерские в Москве были закрыты, а мастерам вышло предписание отправляться в Тулу, только там для них была работа. Но бросать в один миг все нажитое за долгие годы люди не решались, а сменить профессию было сложно, попробуй найти себе дело, если всю жизнь имел дело с металлом. Сильно давить на оставшихся без дела мастеров купец не стал, просто поставил их в известность, что есть для них работа в далеких землях иркутских по профилю, и что условия предлагаются не в пример лучше, нежели предлагают на тульских заводах. При чем семьи можно было в дальний путь сразу не брать, а отправиться самому, посмотреть, обжиться, а потом и домашних выписать, но то уже за свой счет.

— Так это что же получается? — Чесал затылок мастер Гаврила. — Ежели я сразу с семьей еду, то дорогу заводчики оплачивают, а ежели один, то семью потом за свою деньги?

— Так и есть, — улыбнулся купец, — едешь с семьей за оглядку платим, а когда беспокойства нет платить не за что.

Самое интересное, что после этих разговоров караван Гандыбы прирос на восемнадцать возов, семь семей решились отправиться в дальний путь сразу, и еще пять мастеров решили сначала посмотреть стоит ли их семьям переезжать на новое место жительства, но им возы

не понадобились. Купец прекрасно понимал, некоторые едут с ним вовсе не потому, что поверили на слово, это своего рода разведчики, от их мнения будет складываться мнение мастеровых в Москве, и не только. Несмотря на то, что война сильно подтолкнула развитие железного дела на Руси, труд многих мастеров оказался почти не востребован, а переселяться в Тулу, им не очень хотелось, там их умение никто не ценил. Может, в иркутских землях оценят? А еще Гандыба понимал, что зазнайки с места никогда не сорвутся и будут до последнего сидеть в стольном граде, надеясь на лучшие времена и такое положение дел его очень даже устраивало, уж слишком они гордились своим умением, передававшимся из поколения в поколение. Хотя чаще это было не совсем правдой.

Читая очередное послание из Москвы от Катерины, мне сразу стало понятно, что интерес к моим рассуждением проявил и кто-то другой, уж сильно отличались вопросы от прежних, особенно в плане проявленного интереса по тому, как в будущем может измениться поведение Швеции. Кичиться, тем, что разгадал уловку не стал, пусть и дальше думают, что поступили хитро, тешат себя мыслью о том, что умнее дурачка. Однако градус своих рассуждений немного снизил, стал давать анализ возможных вариантов развития ситуации, особо отметил, что вести войну шведскому королю придется в долг, так как его экономика уже давно не выдерживает аппетитов монарха. И в то же время предостерег от шапкозакидательских настроений, отмечая, что Британия не оставит Карла один на один со всей Европой, ей выгодно, чтобы Швеция вела активные боевые действия. А самое главное победа Петра в войне совсем невыгодна Англии, в данном случае, русские получают удобный торговый путь и интересы многих купцов, сильно пострадают. Так же отметил и возможные изменения в макроэкономике (ввел такое понятие), пока Русь является поставщиком сырья, так же как и основная часть колоний западных стран, а основные деньги крутятся в Европе, всех это очень даже устраивает. Но когда хотя бы часть серебра и золота пойдет к русским, а на внутренних рынках появится конкуренция товаров, возникнет недовольство, и все торговое сословие сразу объединится в борьбе против выскочки. Если учесть, что основная часть власть имущих тесно связана с интересами торговых домов, то формы борьбы с новым злом могут быть разными, от введения высоких пошлин на русские товары, до выдачи льготных кредитов враждебной стороне и в частности Швеции и Турции. Потом может измениться позиция Польши, хотя сама она уже давно является финансовой дырой, вроде как 'не у коня корм'.

Можно ли как-то изменить существующую ситуацию? Предположил, что можно, но это должно делаться не на официальном уровне, то есть нужно открыть в различных странах торговые дома, в которые привлекать к сотрудничеству местные кадры. Причем не ограничиваться одним представительство, а создавать хоть и не большую, но конкуренцию, это не позволит нашим противникам объединиться и выступить единым фронтом. А еще не забывать, о том, что один осел груженный золотом, может сделать много больше чем вся армия. Ой, чего-то я уже в поучение полез, пора сдавать назад.

Написал и о своих трудностях, сетовал на отсутствие хотя бы малейшей культуры

производства, хвастался своим измерительным инструментом и введением единого стандарта на пресловутый аршин. В общем, старался писать так, чтобы письма содержали необходимую информацию и хоть в какой-то мере не превратились в сухой отчет, потому как Катерина хоть и умна, но все же ей эти все технические заморочки без надобности. Заодно отправил Петру подарок, действующую модель речного судна с паровым двигателем и большим гребными колесом сзади, помните старый советский фильм Волга-Волга, там по реке ходил именно такой корабль. Причем цилиндр и поршень парового двигателя были сделаны из стекла, что позволяло рассмотреть, как именно сработает сам движок. Дело в том, что для реки мы не стали делать суда с винтом, потому как эффективность гребного колеса на спокойной воде оказалась много выше, чем винта, а учитывая проблемы с дейдвудной трубой, это было наилучшим решением.

Думаю..., надеюсь, Петру понравится такое решение, и уже через пару лет по Волге, и другим рекам будут бегать десятки таких пароходов, про винт не заикался специально, чтобы у царя даже мысли не возникло использовать неотработанную технологию на море.

А вообще надвигался новый 1703 год, чего он нам принесет? В истории Иркутска этот год ничем примечательным отмечен не был, по крайней мере, я ничего такого не помню, вот год 1705 и 1709 вроде как были отмечены большими пожарами. Кстати говоря, к этому времени мы готовились, причем готовились основательно. Несмотря на то, что для нас это было не дешево, крыши цехов и многих домов закрывались черепицей, все щели заделываемые паклей промазывались глиной с добавлением олифы, а иначе торчащая пакля, которую дергали птицы на гнезда, вспыхивала от малейшей искры. Соответственно в центре слободы поставили пожарную башню, на которой круглосуточно несли дежурство пожарники и не только дежурство. Перфильев, не смотря на то, что с каждым годом ему становилось все хуже, в смысле здоровья, оказался довольно-таки прогрессивным правителем и сходу вник в проблемы противопожарной безопасности. Его указом каждый хозяин был обязан содержать в обязательном порядке пару постоянно полных бочек воды и багры на длинных ручках для растаскивания горящих строений. Соответственно и завод тоже не остался в стороне от столь полезного дела, нами было снаряжено три больших бочки с ручным насосом для того, чтобы можно было струей заливать огонь с расстояния. Эффективность этих передвижных пожарных насосов, в общем-то, оказалась не столь эффективна, как предполагалось в начале, представился случай испытать, но полезность от них несомненно большая, по крайней мере когда пожар заливается водой, горящих искр по округе разлетается на порядок меньше.

Да, в уходящем году приключилось и еще одно важное событие, которое в одночасье изменило всю мою жизнь, и оно было важнее всего того, что со мной произошло, Глаша стала моей женой. Вот такие пироги.

Честно говоря все это произошло несколько неожиданно для меня. Нет, конечно, Васькина мать до этого вела разговоры, что ее сыну уже давно пора подумать о жене, а так как Глафира у нее все время была на глазах, то выбор был очевиден. Когда по осени я дал себя уговорить, мне почему-то казалось, что после этого будет еще довольно длительный период, который должны давать молодым, чтобы присмотреться друг к другу, но не учел, что в это время на вопросы женитьбы смотрели гораздо проще. Родственникам хватило одного дня, чтобы сговориться, а дальше, как и положено, сваты, сборы и хлопоты, все от начала до свадьбы уложилось в две недели. И куда гнали? Совершенно неожиданно наше скромное событие оказалось совсем нескромным, что гудела слобода, то неудивительно, большинство

жителей так или иначе были связаны с заводами отчима, а вот то, что интерес проявили в посаде, стало новостью. И тем не менее, после того как Перфильев почтил наше скромное жилище своим присутствием, с посада потянулись и остальные официальные, и не очень, лица, от здравий и подарков которых у меня даже начала болеть голова. А если учесть, что теперь все эти мелькающие перед глазами бородатые физиономии требуется хорошо запомнить и ненароком не нанести оскорбление, не вспомнив кого при встрече, так вообще настроение испортилось. А еще что мне вспомнилось на свадьбе, так это произведение Толстого, где молодой царь после свадьбы угощал свою благоверную, так как на самой свадьбе молодых не кормили. Подтверждаю, молодых не кормили, наше дело было сидеть во главе стола и смотреть как другие, не ограничивая себя ничем, уплетали все, до чего дотягивались их руки. Не я так не играю. Хорошо хоть те покои, куда нас проводили почивать, были ну очень большими, для себя старался, так что там нашлось место для стола с заранее приготовленной снедью. И вместо того, чтобы сразу начать заниматься 'делом' мы с Глафирой немного расслабились за едой, причем вся эта суета до того показалась нам смешной, что мы с трудом сдерживали смех, вспоминая 'интересные' моменты застолья.

Больше книг на сайте - Knigolub.net